1851 г.

О
ЯВЛЕНІЯХЪ ДУХОВЪ.

45189 V

ПРОВЕРЕНО

О ЯВЛЕНІЯХЪ ДУХОВЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Проверено в 1953 г.

Августина Калмета,

АББАТА БЕНЕДИКТИНСКАГО ОРДЕНА

1993

Переводъ съ втораго нѣмецкаго изданія, дополненный и исправленный переводчикомъ.

Ст. Панченко
184, Молча 25
Петрова

ЧАСТЬ I.

МОСКВА
Въ типографіи Бахметева, на Малой Дмитровкѣ, № 14.
1866.

Печатать позволяется,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлено было въ цензурный Комитетъ узаконенное количество экземпляровъ. Генваря 28-го дня 1866 года.

Московская Духовная Академія.

Цензоръ Профессоръ Петръ Казанскій.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКОВЪ.

Аббатъ Венедиктинскаго ордена, Д. М. Августинъ Калметъ, сочиненіе котораго мы предлагаемъ читателямъ, родился во Франціи, въ Менильла-Горнъ у Коммерси, въ 1672 году. Въ 1728 году, т. е. на 56 году отъ рожденія, онъ назначенъ аббатомъ въ Сенорсъ, что въ Лотарингіи. Скончался въ Парижѣ въ 1757 году,—на 85 году отъ рожденія. Онъ извѣстенъ, какъ писатель историческій и какъ экзегетъ. Предлагаемое сочиненіе: «О явленіяхъ духовъ» написано Калметомъ на Французскомъ языкѣ. Мы перевели его со втораго нѣмецкаго изданія 1856 года.

При переводѣ на русскій языкъ этого сочиненія мы сочли нужнымъ сдѣлать въ немъ нѣкоторыя измѣненія. Прежде всего мы отдѣлили все относящееся къ несомнѣнно истиннымъ фактамъ. Такими фактами мы считаемъ тѣ, которые признаны несомнѣнно истинными Св. Писаніемъ и преданіемъ Церкви. По самому содержанію своему, эта часть—характера вполнѣ богословскаго и потому серьезнаго. Истины, здѣсь изложенныя, заимствованы или изъ Св. Писанія или изъ Исторіи Православной Восточной Церкви. Сюда вошли свѣдѣнія о явленіяхъ добрыхъ и злыхъ ду-

ховъ, о томъ видѣ, въ какомъ они являлись людямъ, объ ихъ отношеніи къ людямъ и дѣятельности ихъ на землѣ по соизволенію и допущенію Промысла Божія; далѣе изложены факты, заимствованные изъ Священнаго Писанія и изъ Исторіи Церкви, объ одержимыхъ злыми духами; наконецъ переданы факты, заимствованные изъ Св. Писанія и изъ Исторіи Церкви, о явленіяхъ душъ отшедшихъ людей. Въ общихъ замѣчаніяхъ критически разсмотрѣны возраженія, дѣлаемыя относительно изложенныхъ въ изслѣдованіи предметовъ. Утверждаясь Св. Писаніемъ и преданіемъ Церкви, изложенныя истины основываются на началахъ нашей вѣры и на началахъ нашего разума въ подчиненіи его вѣрѣ.

Такимъ образомъ въ этой части изложены факты вполнѣ достовѣрные, совершенно истинные, нисколько не подлежащіе сомнѣнію.

Здѣсь не лишнимъ считаемъ замѣтить, что кромѣ фактовъ, заимствованныхъ изъ сочиненія Домъ Калмета и изложенныхъ не въ томъ порядвѣ, въ какомъ они изложены были въ оригиналѣ, мы съ своей стороны сдѣлали много дополненій и замѣненій, необходимыхъ при переводѣ на русскій языкъ.

Другая часть есть собраніе языческихъ мнѣній, анекдотовъ, средневѣковыхъ повѣрій, суевѣрныхъ разсказовъ, предрасудковъ и заблужденій о геніяхъ, духахъ, объ отшедшихъ душахъ, о магіи и волшебствѣ. Здѣсь изложены мнѣнія язычниковъ о природѣ, происхожденіи и назначеніи геніевъ добрыхъ и злыхъ, объ отношеніи ихъ къ смертнымъ, и о

томъ видѣ, въ какомъ они являлись людямъ, по представленію язычниковъ. Свѣдѣнія о геніяхъ заимствованы нами изъ тѣхъ сочиненій, которыи цитированы въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. У Калмета мы заимствовали только свѣдѣнія о мнѣніи Грековъ и Римлянъ, относительно геніевъ остальное все прибавлено нами. Далѣе переданы нами два, три факта, заимствованные у Калмета изъ народныхъ повѣрій и суевѣрій относительно явленія злыхъ духовъ, всѣми силами стремящихся завладѣть человѣкомъ. Съ нашей стороны сдѣлана критическая оцѣнка этихъ фактовъ, которые разсмотрѣны нами съ исторической стороны. Сюда же мы отнесли и нелѣпое повѣріе народа о возможности тѣлеснаго сообщенія съ злыми духами, заимствовавъ нѣкоторые разсказы у Калмета, а нѣкоторые изъ исторіи язычества объ обманахъ жрецовъ, о которыхъ у Калмета не упомянуто; въ концѣ главы мы привели два факта, подобные выше приведеннымъ и объяснили ихъ. Этимъ окончивается первый отдѣлъ части. Во второмъ отдѣлѣ изложены нами народныя языческія и средневѣковыя повѣрія о домовыхъ, о привидѣніяхъ и объ отшедшихъ душахъ. Въ главѣ о домовыхъ мы прибавили нѣсколько строкъ въ началѣ, а въ концѣ сдѣлали нѣсколько самыхъ краткихъ замѣчаній о переданныхъ Калметомъ разсказахъ; въ главѣ о привидѣніяхъ мы не дѣлали никакихъ измѣненій, ни замѣчаній, какъ потому, что и самъ Калметъ критически разсматриваетъ всѣ приведенные имъ разсказы, такъ и потому, что замѣчанія въ слѣ-

дующей главѣ и особенно общія заключительныя замѣчанія относятся къ привидѣніямъ, происхожденіе которыхъ тамъ раскрыто. Въ главахъ объ отшедшихъ душахъ мы изложили мнѣнія язычниковъ и средневѣковыя повѣрія о явленіяхъ отшедшихъ душъ и объ отношеніи ихъ къ живымъ людямъ, прибавивъ, съ своей стороны, къ фактамъ, переданнымъ Калметомъ, нѣкоторыя мнѣнія язычниковъ. Критическія замѣчанія о явленіяхъ отшедшихъ душъ написаны нами потому, что у Калмета не представлено относительно повѣрій, приведенныхъ имъ, никакихъ замѣчаній. Приведенные факты или анекдоты мы старались объяснить самымъ простымъ и естественнымъ образомъ. Эти объясненія могутъ относиться къ разсказамъ о домовыхъ и привидѣніяхъ потому, что всѣ приведенные нами разсказы о явленіяхъ домовыхъ, привидѣній и отшедшихъ душъ по характеру явленій, дѣйствій и отношеній къ людямъ весьма похожи другъ на друга. Это послѣднее обстоятельство было причиною того, что всѣ разсказы о домовыхъ, привидѣніяхъ и душахъ отшедшихъ людей мы отнесли къ одной категоріи. Сюда же отнесли мы и гаданія язычниковъ и народныя повѣрія о состояніи загробной жизни потому, что эти сказки и повѣрія по своему характеру имѣютъ связь съ разсказами объ отшедшихъ душахъ. Свѣдѣнія объ этихъ гаданіяхъ и повѣріяхъ заимствованы нами изъ трактата Калмета: «О вампиризмѣ». Критическая ихъ оцѣнка сдѣлана съ нашей стороны. Третій отдѣлъ посвященъ изслѣдованію о магіи, о волшебствѣ, о колдунахъ и вѣдь-

махъ. Въ общихъ замѣчаніяхъ о магіи и волшебствѣ многое заимствовано нами у Калмета, многое мы прибавили съ своей стороны. Здѣсь мы опредѣлили, что можно считать истиннымъ и что считать ложнымъ въ разсказахъ о магіи, раздѣливъ магію на *бѣлую*, или основанную на началахъ и законахъ физики и механики, химіи и медицины, и *черную*, то есть выродившуюся изъ стремленія человѣка подчинить себѣ стихіи міра видимаго и существъ міра духовнаго, и возникшую изъ народныхъ повѣрій о дѣйствіяхъ таинственныхъ магиковъ или жрецовъ, которые умѣли для своихъ цѣлей такъ поставить себя въ отношеніи къ простому народу, что послѣдній, не будучи въ состояніи понять хитрости и ловкости магиковъ, всѣ ихъ дѣйствія и фокусы объяснялъ какъ слѣдствіе сношеній ихъ съ существами подземнаго міра. Въ слѣдующихъ главахъ мы указали, какъ положено начало магіи и какихъ результатовъ она достигла въ своемъ развитіи. Въ главахъ о колдовствѣ мы представили только то, что разсказывается у Калмета—изъ нелѣпыхъ повѣрій и суевѣрій о силѣ и могуществѣ колдуновъ и вѣдьмъ, которые будто имѣли вліяніе на стихіи міра, на людей и животныхъ, летали по воздуху, являлись на шабаши и проч. и проч. Въ общихъ заключительныхъ замѣчаніяхъ мы въ немногихъ словахъ коснулись по возможности всѣхъ фактовъ, изложенныхъ нами въ предыдущихъ главахъ.

Въ изслѣдованіи о вампирахъ мы представили народныя повѣрія и суевѣрія, предразсудки и анекдо-

ты о вампирахъ и бруколакахъ такъ, какъ они представлены у Калмета, безъ всякихъ почти прибавленій, напротивъ, съ необходимыми сокращеніями, т. е. мы опустили все то, что не относилось по содержанію своему къ разсказамъ о вампирахъ. Мы представили разсказы о вампирахъ въ особой части потому, что они имѣютъ связь съ разсказами о духахъ, ихъ явленіяхъ, домовыхъ, привидѣніяхъ и т. подобн., только какъ суевѣрія и повѣрія народныя. Въ другихъ отношеніяхъ между разсказами о явленіяхъ духовъ, домовыхъ, привидѣній и т. п. и между разсказами о вампирахъ нѣтъ связи. Чтобы не развлекать вниманія читателя при чтеніи книги, мы сдѣлали указанныя прибавленія и дополненія не подъ строкой, а въ текстѣ.

Сочиненіе Д. М. Калмета имѣетъ цѣлію—указать истинный путь для обсужденія различныхъ разсказовъ о мірѣ духовномъ, сохранившихся въ историческихъ памятникахъ, въ различныхъ записяхъ изъ древней и средневѣковой жизни народовъ. Цѣль его—указать настоящій путь для опредѣленія и рѣшенія, какіе изъ разсказовъ: о явленіяхъ духовъ и душъ отшедшихъ людей нужно признать истинными, несомнѣнными, и какіе изъ нихъ должно отвергнуть. Для этой цѣли приведены нѣкоторые разсказы, о которыхъ необходимо было упомянуть здѣсь, и критически разсмотрѣны.

Сочиненіе Калмета издано было около половины XVIII вѣка въ то время, какъ во Франціи началъ пробуждаться духъ свободномыслящей философіи,

которая на основаніи успѣховъ въ изученіи естественныхъ наукъ думала отвергнуть все духовное, выше-чувственное. Суевѣріе большинства, примѣшивавшаго къ вѣчнымъ истинамъ откровенія бредни своего воображенія, или принимавшаго на вѣру умышленныя выдумки, подавало удобство новымъ мыслителямъ, нападая на эти заблужденія, нападать и на истину. Потому-то важно было въ то время собрать всѣ сказанія о явленіяхъ духовнаго міра, отдѣливъ истинное отъ ложнаго. Но связанный еще сѣтію Римско-католическихъ преданій, Калметъ не рѣшается чисто высказать свое мнѣніе о многихъ преданіяхъ, очевидно не имѣющихъ характера истины. Перемѣшивая истинное съ невѣрнымъ или сомнительнымъ, онъ ослабляетъ этимъ и силу истинныхъ свидѣтельствъ.

Русскіе переводчики могли прямѣе отнестись ко многимъ изъ сказаній, приведенныхъ Калметомъ. Вполнѣ вѣря согласно съ ученіемъ Православной Церкви и въ бытіе духовъ и въ возможность явленія ихъ во всякое время, когда то угодно Владыкѣ живыхъ и мертвыхъ, Промыслителю человѣка, мы можемъ тѣмъ не менѣе критически разсматривать средневѣковыя легенды запада. Изученіе природы, ея силъ и законовъ, далеко подвинувшееся въ теченіе ста тридцати лѣтъ, даетъ возможность объяснять естественнымъ образомъ многое, что для Калмета казалось еще необъяснимымъ естественнымъ путемъ.

Изданіе въ Русскомъ переводѣ сочиненія Калмета въ настоящее время имѣетъ свои побудительныя причины и свое значеніе. Въ обществѣ мы видимъ

съ одной стороны распространеніе невѣрія во все духовное, во все сверхъчувственное. Подтвержденіе вѣры въ бытіе духовъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ Священнаго Писанія и преданій Церкви, всеобщею вѣрою народовъ, которая высказывается и въ самыхъ суевѣріяхъ, для безпристрастнаго мыслителя есть самое лучшее руководство къ истинному знанію,— съ другой стороны, какъ это часто бываетъ въ вѣка невѣрія, рядомъ съ нимъ идетъ и грубое суевѣріе. Теперь явилось много приверженцевъ такъ называемаго спиритизма или ученія о сношеніяхъ съ душами умершихъ и объ откровеніяхъ, какія они сообщаютъ. Сочиненіе Калмета представитъ не мало разсказовъ, сходныхъ съ разсказами спиритовъ. Мыслящій человѣкъ увидитъ, что шарлатанство умѣло и прежде пользоваться довѣріемъ неопытныхъ людей для своихъ цѣлей. Спириты нерѣдко приводятъ въ подтвержденіе своего ученія средневѣковые разсказы о явленіяхъ духовъ; не смотря на то, что выдаютъ свое ученіе, какъ новость, какъ наставшее только въ послѣдніе годы откровеніе тайнъ загробнаго міра. Читатель увидитъ, что если истина бытія духовъ древня, то и заблужденія, которыя примѣшиваются къ этой истинѣ, не новость спиритовъ, но повтореніе старыхъ заблужденій. Невѣріе и суевѣріе —это Сцилла и Харибда, которыми часто поглощается утлый членъ человѣческой мысли, пустившейся въ море изслѣдованій. Только тотъ, кто путеводной звѣздой для себя имѣетъ маякъ вѣры, безопасно можетъ достигнуть пристани.

Епис. Паисія.

Свѣдѣнія о явленіяхъ Ангеловъ, злыхъ духовъ и отшедшихъ душъ, заимствованныя изъ Св. Писанія и изъ преданій Церкви.

При безчисленномъ множествѣ разсказовъ о явленіяхъ духовъ, ложныхъ, порожденныхъ невѣжествомъ, суевѣріемъ и предразсудками и такимъ образомъ своею собственною ложью подрывающихъ вѣру въ самыя дѣйствительныя явленія духовныхъ существъ, а этимъ и самую вѣру въ существованіе міра духовнаго съ одной стороны, и при такъ распространенномъ въ настоящее время невѣріи въ дѣйствительность этихъ явленій и этого міра съ другой, знакомство съ такими фактами этихъ явленій, дѣйствительность которыхъ стояла бы выше всякаго сомнѣнія и которые слѣдовательно неопровержимо доказывали бы бытіе міра духовнаго,—есть очевидно дѣло настоятельной нужды и весьма важно для истины этого бытія. Съ цѣлію этого знакомства мы представляемъ собраніе утверждающихъ эту истину свѣдѣній о явленіяхъ Ангеловъ, злыхъ духовъ и отшедшихъ душъ, заимствованныхъ изъ Св. Писанія и изъ преданій Церкви, съ замѣчаніями въ пользу несомнѣнной истинности этихъ свѣдѣній.

—

ГЛАВА I.

Явленія добрыхъ Ангеловъ, представляемыя Св. Писаніемъ Ветхаго Завѣта.

Книги Ветхаго Завѣта передаютъ намъ много фактовъ явленія добрыхъ Ангеловъ. Предъ входомъ въ земной рай поставлены были херувимы (1); Ангелы являлись Аврааму и предвозвѣстили ему рожденіе сына (2); являлись Лоту и предсказали ему погибель Содома и другихъ нечестивыхъ городовъ (3); Ангелъ говорилъ съ Агарью въ пустынѣ (4); Іаковъ на пути въ Месопотамію видѣлъ во снѣ Ангеловъ, восходившихъ и нисходившихъ по таинственной лѣствицѣ (5); Ангелъ же открылъ Іакову тайну, какъ достигнуть того, чтобы овцы рождались пестрыя (6),—и боролся съ нимъ на обратномъ пути его изъ Месопотаміи (7).— Всѣ эти были добрые, благотворные Ангелы свѣта. Равнымъ образомъ и тотъ Ангелъ, который говорилъ съ Моисеемъ на Хоривѣ изъ горящаго терно-

(1) Быт. III, 24. (2) Быт. XVIII. 1—10. (3) Быт. XIX. (4) Быт. XXI, 17. (5) Быт. XXVIII. 12. (6) Быт. XXXI. 10, 12.—(7) Быт. XXXII.

ваго куста (1) и вручилъ ему на горѣ Синаѣ скрижали закона и которому обыкновенно усвоется имя Божіе, потому что онъ дѣйствовалъ по порученію и уполномочію Божію (2); Ангелъ, который днемъ въ видѣ темнаго, а ночью въ видѣ свѣтлаго облака велъ Евреевъ по пустынѣ; Ангелъ, говорившій съ Валаамомъ и грозившій умертвить у него ослицу (3),— всѣ эти, безъ сомнѣнія, были также добрые Ангелы.

Тоже нужно сказать и о томъ Ангелѣ, который съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ являлся Іисусу Навину въ равнинѣ Іерихонской (4), назвавъ себя при этомъ архистратигомъ небесныхъ силъ (5). Справедливо полагаютъ, что это былъ тотъ самый Архангелъ Михаилъ, который, по свидѣтельству Апостола Іуды (6), спорилъ съ сатаной о тѣлѣ Моисеевомъ. Ангелъ являлся женѣ Манон и потомъ самому Маною и возвѣстилъ ему рожденіе Сампсона (7). Ангелъ возвѣстилъ Гедеону, что онъ освободитъ Израильтянъ отъ рабства Моавитянъ (8). Архангелъ Гавріилъ являлся Даніилу въ Вавилонѣ (9). Рафаилъ сопровождалъ молодаго Товію въ Мидію (10). Пророкъ Захарія въ своей книгѣ упоминаетъ о явленіи ему Ангела (11). Въ книгахъ Ветхаго Завѣта самый пре-

(1) Исх. III, 6—7. (2) Исх. III, 2. (3) Числ. XXII, 23 (4) Іис. Нав. V. 13 — 15. (5) Іис. Нав. V. 13 — 15. (6) Іуд. 1 — 9. (7) Суд. XIII. 5 (8) Суд. VI. 12. (9) Дан. VIII. 15—17. IX, 21. (10) Тов. V, 4—5. XII, 15 (11) Захар. I, 9, 10, 11.

столъ Сваоѳа изображается въ такихъ чертахъ: Господь возсѣдаетъ на Херувимѣхъ (1), предъ Его престоломъ предстоятъ седмь высшихъ духовъ (2), всегда готовыхъ исполнять его волю (3); четыре херувима вѣчно воспѣваютъ ему хвалу и съ молитвой повергаются ницъ предъ Его Высочайшей Святостью.

—

(1) Пс LXXIX 2. (2) Апок. 1. 4. (3) 3. Цар. XXII, 19. 20. Дан. VII, 10. Евр. 1, 14.

ГЛАВА II.

Явленія добрыхъ Ангеловъ, представляемыя книгами Новаго Завѣта

Въ Св. Писаніи Новаго Завѣта передается также множество случаевъ явленія добрыхъ Ангеловъ. Архангелъ Гавріилъ является Захаріи, отцу Святаго Іоанна Крестителя, и возвѣщаетъ ему рожденіе сына, имѣвшаго быть предтечей Мессіи (1). Когда Іудеи увидѣли, что Захарія, пробывъ въ храмѣ долѣе обыкновеннаго, вышелъ изъ него нѣмымъ, то признали за несомнѣнное, что ему было во храмѣ видѣніе (2). Тотъ же самый Архангелъ Гавріилъ предвозвѣстилъ Пресвятой Дѣвѣ Маріи рожденіе отъ Нея Сына Божія (3). Когда Господь Іисусъ родился въ Виѳлеемѣ, Ангелъ Господень ночью явился пастырямъ (4) и благовѣствовалъ имъ о рожденіи въ Виѳлеемѣ Спасителя міра. Далѣе можно признать за несомнѣнное, что звѣзда, которая являлась приходившимъ для поклоненія младенцу Іисусу волхвамъ и привела ихъ прямымъ путемъ къ Іерусалиму и

(1) Лук. 1, 11—20. (2) Тамъ же ст. 21. 22. (3) Лук. 1. 26—38. (4) Лук. 11. 9—12.

оттуда въ Виѳлеемъ, была управляема добрымъ Ангеломъ (1). Праведный Іосифъ, по требованію небеснаго вѣстника, вмѣстѣ съ младенцемъ Іисусомъ и его матерью бѣжалъ въ Египетъ для того, чтобы такимъ образомъ избавить Святаго младенца отъ рукъ жестокаго Ирода. Этотъ же Ангелъ сообщилъ Іосифу о смерти Ирода и повелѣлъ ему теперь возвратиться въ свою отечественную землю (2).

Послѣ искушенія Іисуса Христа въ пустынѣ, приступили къ нему Ангелы и служили ему (3). Искуситель говоритъ Іисусу: «Богъ заповѣдаетъ Ангеламъ своимъ хранить Тебя, и на рукахъ понесутъ Тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею (4). Слова эти заимствованы изъ девятидесятаго псалма Давидова (11. 12 ст.) и доказываютъ вѣру Іудеевъ въ бытіе Ангеловъ хранителей. Спаситель подтверждаетъ истину существованія такихъ Ангеловъ, когда говоритъ, что Ангелы дѣтей постоянно созерцаютъ лице Его небеснаго отца (5). На послѣднемъ судѣ добрые Ангелы отдѣлятъ праведныхъ отъ грѣшниковъ (6) и свергнутъ грѣшниковъ въ вѣчный огонь (7).

Во время душевной борьбы Іисуса Христа въ Геѳсиманскомъ саду предъ Его страданіями укрѣплялъ Его Ангелъ, сошедшій съ неба (8). Послѣ Его воскресенія, Ангелы являлись святымъ женамъ, кото-

(1) Мѳ. II. 2, 7, 9. 10. (2) Мѳ. II, 13—23. (3) Мѳ. IV, 11. (4) Мѳ. IV, 6. (5) Мѳ. XVIII. 10. (6) Мѳ. XIII, 49. (7) ст. 50. (8) Лук. XXII. 43.

рыя пришли ко гробу Спасителя за тѣмъ, чтобы помазать Его тѣло. По свидѣтельству книги дѣяній Апостольскихъ, Ангелы явились Апостоламъ непосредственно по вознесеніи Христа на небо (1). Ангелъ Господень отворилъ двери темницы, въ которой заключены были Апостолы, и вывелъ ихъ оттуда (2). Въ той же книгѣ Святый Стефанъ учитъ насъ, что законъ данъ Іудеямъ при служеніи Ангеловъ (3).

Святый Апостолъ Петръ, будучи заключенъ въ темницу, освобождается изъ нея Ангеломъ (4), который потомъ проходитъ съ нимъ одну улицу и скрывается. Когда Святый Петръ постучался въ двери дома, въ которомъ тогда находились вѣрные, то никто изъ нихъ и вѣрить не хотѣлъ, чтобы это былъ самъ Петръ: всѣ подумали, что стучится и говоритъ его Ангелъ.

Апостолъ Павелъ такъ же признавалъ существованіе Ангеловъ и дѣйствительность ихъ явленій (5). Когда этотъ Апостолъ разсказывалъ собравшемуся около него народу, какъ онъ на пути въ Дамаскъ повергнутъ былъ на землю, фарисеи, присутствовавшіе при этомъ, замѣтили тѣмъ, которые вопили противъ Павла: «если духъ, или Ангелъ говорилъ ему, намъ не должно противиться Богу» (6). Святый Евангелистъ Лука говоритъ, что въ Троадѣ Павлу

(1) Дѣян. 1. III—II. (2) Дѣян. V, 19. (3) Дѣян. VII, 53. (4) Дѣян. XII, 7—9. (5) 1 Кор. VI: 3. Гал. III, 19. (6) Дѣян. XXIII, 9.

было ночью видѣніе, что ему именно явился Македонянинъ (вѣроятно ангелъ-хранитель Македоніи) и просилъ его придти въ Македонію для проповѣданія Евангелія (1).

Святый Іоаннъ Богословъ въ Апокалипсисѣ говоритъ о седьми Ангелахъ, *которымъ ввѣренъ надзоръ* надъ семью малоазійскими церквами. Извѣстно, что именемъ Ангеловъ называются здѣсь у Іоанна епископы этихъ церквей. Но, по церковному преданію, каждая церковь имѣетъ и своего Ангела хранителя. Въ Апокалипсисѣ вообще представляется много различныхъ видѣній и явленій Ангеловъ. Святый Іоаннъ Богословъ напр. говоритъ: «и видѣлъ я четырехъ Ангеловъ, стоящихъ на четырехъ углахъ земли, чтобы не дулъ вѣтеръ ни на землю, ни на море, ни на какое дерево. И видѣлъ я иного Ангела, восходящаго отъ востока солнца и имѣющаго печать Бога живаго. И воскликнулъ онъ громкимъ голосомъ къ четыремъ Ангеламъ, которымъ дано вредить землѣ и морю, говоря: не дѣлайте вреда ни землѣ, ни морю, ни деревамъ, доколѣ не положимъ печати на челахъ рабовъ Бога Нашего».

Если предсказанія Греческихъ и другихъ оракуловъ справедливо признаются дѣломъ злаго духа, то съ равнымъ правомъ можно сказать, что истиннымъ пророкамъ и Богопросвѣщеннымъ мужамъ Богъ давалъ знать будущее посредствомъ добрыхъ Ангеловъ. Такъ Архангелъ Гавріилъ посланъ былъ Богомъ къ

(1) Дѣян. XVI, 9.

Даніилу (1) сообщить ему о судьбахъ четырехъ великихъ монархій, о седьмидесяти седьминахъ и объ окончаніи плѣна Вавилонскаго. Пророкъ Захарія ясно говоритъ, что Ангелъ сообщилъ ему все то, что онъ говоритъ, и повторяетъ это замѣчаніе въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги (2). Тоже говоритъ и Св. Іоаннъ Богословъ въ своемъ Апокалипсисѣ, именно онъ говоритъ, что къ нему посланъ былъ Богомъ Ангелъ и открылъ ему все то, что онъ сообщилъ церквамъ (3). Въ другомъ мѣстѣ (4) Апокалипсиса Святый Іоаннъ Богословъ упоминаетъ также объ Ангелѣ, который говорилъ съ нимъ и въ присутствіи его измѣрялъ Небесный Іерусалимъ. Святый Апостолъ Павелъ говоритъ въ своемъ посланіи къ Евреямъ. (5) «если Ангелами возвѣщенное слово было твердо...и пр.

—

(1) Дан. VIII, 16; IX, 21. (2) Зах. I. 9, 13, 14, 19; II, 3, 4; IV. 1, 4, 5; V. 5. 10. (3) Апок. I. 1. (4) X. 8, 9; XI. 1, 2, 3, и д. (5) Евр. II, 2.

ГЛАВА III.

Объ Ангелахъ хранителяхъ.

Слово Божіе какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта и равно какъ отцы Церкви и церковная исторія ясно учатъ насъ, что не только каждый вѣрующій, но и каждое человѣческое общество, каждый народъ, каждое государство, каждая церковь имѣютъ своихъ Ангеловъ хранителей, и представляютъ факты явленій и дѣйствій этихъ Ангеловъ.

Такъ Евангелистъ Матѳей передаетъ намъ, что Іисусъ Христосъ, убѣждая уважать каждаго вѣрующаго, сколько бы ни казался онъ малымъ и слабымъ, сказалъ Апостоламъ: *блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ, яко Ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца Моего Небеснаго* (1). Апостолъ Павелъ говоритъ: *не вси ли суть служебныя дуси; во служеніе посылаемы, за хотящихъ наслѣдовать спасеніе?* (2). Въ обоихъ мѣстахъ очевидно утверждается бытіе Ангеловъ хранителей. Книга Дѣяній Апостоловъ передаетъ намъ такое событіе. Когда Апостолъ Петръ, освобожденный изъ темницы Ангеломъ, пришелъ къ тому дому Маріи, матери Евангелиста Марка, *идѣже мнози быша собрани и молящеся*, и сталъ стучаться въ дверь, то всѣ бывшіе въ домѣ вѣрные подумали, что стучится не самъ Петръ, а его Ангелъ (1). Это событіе очевидно указываетъ на существованіе въ первенствующей церкви вѣры въ Ангеловъ хранителей частныхъ лицъ. Православная церковь въ лицѣ своихъ отцевъ и учителей всегда вѣрила и учила, что къ каждому вѣрующему приставленъ особый Ангелъ хранитель. Уже въ книгѣ Ермы *Пастырь* сказано: «два духа находятся при человѣкѣ: одинъ духъ добрый, другой духъ злой» (2).

Св. Василій Великій говоритъ: «съ каждымъ изъ вѣрныхъ есть Ангелъ, который, какъ дѣтоводитель и пастырь, управляетъ его жизнію, противъ сего никто не будетъ спорить, помня слова Господа, сказавшаго: *не презрите единаго отъ малыхъ сихъ, яко Ангели ихъ выну видятъ лице Отца Моего Небеснаго* (3). Эта истина часто высказывается Василіемъ Великимъ, Ефремомъ Сиріномъ, Григоріемъ Нисскимъ, Григоріемъ Богословомъ, Іоанномъ Златоустомъ и другими отцами и учителями Церкви.

Въ Писаніяхъ Ветхаго Завѣта истина эта пред-

---

(1) Мѳ. XVIII, 10. (2) Евр. 1. 14.

(1) Дѣян. XII. 12-16. (2) Herm. pastor. Mendat. 6. Patr. Apost. pag. 361., Hefele. (3) Въ 3 кн. о Св. Духѣ Св Вас. част. 3. стр. 130–132.

ставляется, правда, не въ такой степени ясности и опредѣленности, какъ въ Новомъ Завѣтѣ, но тѣмъ не менѣе представляется довольно ясно. Такъ въ книгахъ Ветхаго Завѣта передается много такихъ событій, въ которыхъ нельзя не видѣть дѣйствій свойственныхъ Ангеламъ хранителямъ. Таковы напр. слѣдующія событія: Ангелъ былъ видимымъ спутникомъ Товіи въ Раги, избавилъ его отъ опасности при Тигрѣ, давалъ ему благотворные совѣты, располагалъ все ко благу и, что всего болѣе послужило къ счастію благочестиваго семейства, устроилъ исцѣленіе Товита (1). Въ книгахъ Царствъ говорится, что Пророкъ Илія въ своемъ дивномъ служеніи неоднократно получалъ и пособіе и наставленія и руководство отъ Ангела (2). Авраамъ, посылая раба своего, для снисканія жены сыну своему, говорилъ ему между прочимъ: *Господь Богъ... пошлетъ Ангела своего предъ тобою, и поимеши жену сыну моему Исааку оттуду* (3). Есть мѣста въ Ветхомъ Завѣтѣ, которыя по единогласному пониманію занимавшихся толкованіемъ Писаній Ветхаго Завѣта Отцевъ Церкви, заключаютъ ученіе объ Ангелахъ хранителяхъ. Таковы главнымъ образомъ слѣдующія мѣста: *ополчится Ангелъ Господень* (съ подлинника Еврейскаго: *ополчатся Ангелы Господни*) *окрестъ боящихся Его и избавитъ ихъ* (4), и другое слѣдующее мѣсто: *не прійдетъ къ тебѣ зло и*

(1) Тов. V. 4—17. VI. 2—18. IX. 1—6, XI. 2—14. (2) 3 Царст. XIX. 2—19. (3) Быт. 24 гл. ст. 7. (4) Псал. 33. ст. 8.

рана не приближится тѣлеси твоему. Яко Ангеломъ своимъ заповѣстъ о тебѣ, сохранити тя во всѣхъ путехъ твоихъ (1). Достаточно ясныя указанія представляетъ Свящ. Писаніе и въ пользу той мысли, что и каждое человѣческое общество, каждый народъ и каждая церковь имѣютъ своихъ особыхъ Ангеловъ хранителей. Такъ Пророкъ Даніилъ говоритъ о молитвенномъ предстательствѣ предъ Богомъ двухъ Ангеловъ народоблюстителей, Ангела народоблюстителя, или князя Персидскаго Царства и Ангела народоблюстителя народа Израильскаго. Первый Ангелъ молилъ Бога объ удержаніи народа Израильскаго подъ владычествомъ Персидскаго Царства, другой, напротивъ, молился объ освобожденіи этого народа отъ ига Персидскаго. Даніилъ говоритъ такъ же, что вмѣстѣ съ этими двумя Ангелами обращался съ молитвою къ Богу Ангелъ князь Еллинскаго Царства (2). Если же не только народъ Израильскій, но такъ же и народы Персидскій и Еллинскій имѣли своихъ особыхъ Ангеловъ покровителей, то отсюда можно съ правомъ заключить, что и каждый другой народъ имѣетъ своего Ангела хранителя. —Евангелистъ Іоаннъ въ первой главѣ Апокалипсиса передаетъ слова Господа о седьми Ангелахъ седьми церквей Малоазійскихъ (3). Правда, какъ мы сказали уже, подъ именемъ Ангеловъ здѣсь должно разумѣть и епископовъ этихъ церквей, но въ тоже время, по ученію Отцевъ Церкви, здѣсь должно видѣть и вы-

(1) Пс. X. 13—21. (2) Дан. X. 20. (3) Ап. I. 20.

раженіе той истины, что каждая церковь имѣетъ своего Ангела хранителя. «Я увѣренъ, говоритъ напр. Григорій Богословъ, что особенный Ангелъ покровительствуетъ каждую церковь, какъ научаетъ меня Іоаннъ въ откровеніи». (1).

Эта истина всегда ясно признавалась православною церковью. Святый Василій Великій писалъ къ пресвитерамъ Никопольскимъ: «васъ печалитъ, что извергнуты вы изъ ограды стѣнъ: но вы водвораетесь въ кровѣ Бога Небеснаго и съ вами Ангелъ хранитель церкви» (2). Григорій Богословъ, прощаясь съ каѳедрою Константинопольскою, восклицалъ: «простите Ангелы, назиратели сея церкви» (3).

И такъ существованіе и явленія Ангеловъ въ Св. Писаніи и въ церкви представляются несомнѣнными свидѣтельствами.

—

(1) Слов. 42. Твор св. Отц. въ Русск. перев. Том. 4. стр. 33. (2) Письм. 230. Твор. св. Отц. Васил. Ч. 1. стр. 177. (3) Слов. 42. Том. 4. стр. 50.

ГЛАВА IV

Въ какомъ видѣ являлись добрые Ангелы?

Болѣе обыкновенный видъ, въ какомъ, по сказаніямъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, являлись добрые Ангелы,—былъ человѣческій: въ такомъ видѣ являлись они Аврааму, Лоту, Іакову, Моисею, Іисусу Навину, Маною —отцу Самисона, Давиду, Товіи, пророкамъ. Ангелъ, явившійся Іисусу Навину въ равнинѣ Іерихонской, имѣлъ видъ воина, такъ что Іисусъ долженъ былъ спросить его: «нашъ ли еси или отъ супостатъ нашихъ?» (1). Въ человѣческомъ образѣ являлись Ангелы святымъ женамъ, по воскресеніи Спасителя.

Но иногда Ангелы являлись и не въ человѣческомъ, а въ какихъ нибудь другихъ образахъ; такъ напр. Моисею явился Ангелъ въ горящей купинѣ (2) и путеводилъ Израильтянъ по пустынѣ въ видѣ столпа днемъ облачнаго, а ночью огненнаго (3). Псалмопѣвецъ говоритъ, что Богъ, для приведенія въ испол-

(1) Іисус. Нав. V. 13. (2) Исх. III. 3. 4. (3) Исх. XIII. 21, 22.

неніе Своей воли, творитъ Ангелы своя духи и слуги своя пламень огненный (1). У Пророка Іезекеиля Херувимы представляются въ видѣ полулюдей и полуживотныхъ съ человѣческими туловищами, съ орлиными крыльями и воловьими ногами; головы у нихъ различны: или человѣческія, или воловьи, или львиныя или орлиныя: два крыла у нихъ распростерты, а двумя другими прикрываютъ они всё свое тѣло; они сіяютъ, какъ раскаленные уголья, какъ горящія лампады, какъ освѣщенное молніей небо. Это по истинѣ грозное зрѣлище

Ангелъ, являвшійся Даніилу (2), имѣлъ человѣческій образъ, былъ одѣтъ въ льняную одежду и чресла его были опоясаны уфазскимъ поясомъ; тѣло его какъ хрисолитъ, лице какъ молнія, очи его, какъ горящія лампады, руки и ноги его, какъ блестящая мѣдь полированная, и звукъ его словъ, какъ голосъ шума.

Святый Іоаннъ Богословъ видѣлъ вокругъ престола Всесвятѣйшаго четырехъ животныхъ (которыя безъ сомнѣнія были четыре Ангела), у которыхъ было множество очей спереди и сзади. «И первое животное подобно льву, второе животное подобно тельцу, третье животное имѣло лице, какъ человѣкъ, и четвертое животное подобно орлу летящему. И каждое изъ четырехъ животныхъ имѣло по шести вокругъ крылъ; ни днемъ, ни ночью они не имѣютъ

(1) Псал. 103. 4. (2) Дан. X. 5. 6 Текстъ приведенъ по переводу Архим. Макарія.

покоя, говоря Святъ, Святъ, Святъ Господь Богъ Вседержитель, Который былъ, есть и будетъ» (1).

Ангелъ, поставленный предъ входомъ въ земной рай, былъ вооруженъ пламеннымъ мечемъ (2). Ангелъ, явившійся Валааму и грозившій умертвить у него ослицу (3), Ангелъ, явившійся Іисусу Навину въ равнинѣ Іерихонской (4), и Ангелъ каратель, явившійся Давиду (5), были также вооружены мечами. Ангелъ Рафаилъ, сопровождавшій молодаго Товію въ Мидію, имѣлъ видъ путешественника (6). Лице Ангела, котораго видѣли святыя жены при гробѣ Спасителя, который отвалилъ отъ этого гроба огромный камень и сидѣлъ на немъ, было свѣтло, какъ молнія, и одежда его была бѣла, какъ снѣгъ (7).

Ангелъ, который, по сказанію книги Дѣяній Апостольскихъ (8), освободилъ Апостоловъ изъ темницы и заповѣдалъ имъ безбоязненно свидѣтельствовать о Христѣ во храмѣ, являлся также въ человѣческомъ образѣ. Въ высшей степени замѣчателенъ способъ, какъ этотъ Ангелъ освободилъ Апостоловъ изъ темницы: слуги, посланные первосвященникомъ въ темницу за тѣмъ, чтобы взять оттуда Апостоловъ и привесть ихъ на судилище, нашли темницу запертой и стражей стоявшими у дверей ея, но отворивъ ее, они не нашли въ ней никого (9). Какимъ обра-

(1) Апок. IV. 6 8. (2) Бытія III. 24 (3) Числ. XXII. 22, 23. (4) Іис. Нав. V. 13. (5) I Пар. XXI. 16. (6) Тов. V. 5, 6. (7) Мѳ. XXVIII, 3. (8) гл. V. 18—20. (9) Дѣян. гл. V, ст. 23.

зомъ Ангелъ могъ вывесть Апостоловъ изъ темницы, не повредивъ дверей при этомъ, когда, кромѣ нихъ, конечно, не было никакого другаго выхода, и вывесть такъ, что этого не замѣтили ни стражи, ни другіе заключенные, это превышаетъ наше разумѣніе. Но это также точно было возможно, какъ возможно было то, что Спаситель тѣлеснымъ образомъ возсталъ изъ гроба, не раскрывъ его при этомъ и даже неповредивъ приложенной къ нему печати, что Онъ прошелъ сквозь затворенныя двери въ комнату, въ которой собраны были Апостолы (1), говорилъ съ своими учениками, шедшими въ Еммаусъ, будучи не узнанъ ими, потомъ открылъ имъ глаза и сталъ для нихъ невидимъ (2); какъ возможно было то, что Онъ въ продолженіи сорока дней по своемъ воскресеніи являлся своимъ ученикамъ, ѣлъ, пилъ и бесѣдовалъ съ ними; но при всемъ этомъ былъ видимъ только для тѣхъ, кому, по предопредѣленію Небеснаго Отца, суждено было свидѣтельствовать о его воскресеніи.

Иногда Ангелы, равно какъ и самъ Богъ являлись безъ всякаго видимаго для глазъ образа, а давали знать о своемъ присутствіи громкимъ голосомъ, посредствомъ нравственныхъ внушеній, посредствомъ поразительныхъ явленій природы, посредствомъ сновъ, откровеній неизвѣстнаго будущаго или прошедшаго; иногда они наводили на людей помраченіе, ослѣпленіе, оцѣпененіе, давая такимъ образомъ имъ чув-

(1) Іоан. XX, 19—26. (2) Лук. XXIV. 15—31.

ствовать гнѣвъ Божій къ нимъ. Такъ когда Богъ говорилъ съ Моисеемъ на Хоривѣ и сообщалъ ему законъ (1), Израильтяне не видѣли при этомъ никакого подобія Божія; когда Архангелъ Гавріилъ сообщалъ Даніилу о судьбахъ великихъ царствъ, имѣвшихъ существовать одно послѣ другаго, то онъ былъ видимъ только для одного Даніила, а другіе мужи, которые при этомъ были, не видѣли явленія, но ужасъ великій напалъ на нихъ, и они убѣжали въ страхѣ (2).

Когда Господь въ первый разъ бесѣдовалъ съ Самуиломъ и извѣстилъ его о несчастіи, которымъ Онъ опредѣлилъ наказать домъ первосвященника Илія, то отрокъ Самуилъ не видалъ при этомъ никакого образа, а слышалъ только голосъ одинъ, который сначала принялъ онъ за голосъ первосвященника Илія. Содомляне сначала видѣли пришедшихъ въ домъ Лота Ангеловъ, но потомъ, когда они вознамѣрились силою ворваться въ домъ Лотовъ, то тѣми же самыми Ангелами были ослѣплены и не могли найти дверей дома.

Святый Кипріанъ разсказываетъ, что во время гоненія христіанъ въ Африкѣ, заболѣлъ одинъ епископъ и въ продолженіе своей болѣзни постоянно и неотступно просилъ, чтобы его напутствовали Святыми Тайнами,—и вотъ однажды онъ увидѣлъ предъ

(1) Втор. IV, 15 (2) Дан. X. 46.

собой юношу величественнаго вида и съ свѣтлыми, проницательными глазами. Грозно и съ гнѣвомъ обратился къ нему Ангелъ съ такими словами: «ты боишься страданій, ты умираешь неохотно; чего же ты хочешь отъ меня?» Когда епископъ узналъ, что этотъ упрекъ относился и ко всѣмъ вѣрнымъ, онъ собрался съ послѣдними силами и сдѣлалъ увѣщаніе всѣмъ къ мужеству въ наступающихъ страданіяхъ; послѣ этого онъ пріобщился Святыхъ Таинъ и скончался въ мірѣ. Церковная исторія представляетъ множество подобныхъ явленій Ангеловъ въ человѣческомъ образѣ.

Многіе изъ древнихъ усвояли Ангеламъ тѣлесность, потому что, основываясь на авторитетѣ апокрифической книги Еноха, въ извѣстномъ мѣстѣ книги Бытія (1), гдѣ говорится, что сыны Божіи, увлекшись красотой дщерей человѣческихъ, вступили съ ними въ супружескія связи и родили отъ нихъ исполиновъ, подъ именемъ сыновъ Божіихъ разумѣли Ангеловъ. Это мнѣніе, всѣми отвергнутое въ настоящее время, было раздѣляемо нѣкоторыми изъ древнихъ писателей и Отцевъ Церкви (2) и даже нѣкоторыми изъ новѣйшихъ мыслителей, которые, подобно древнимъ, признавали, что Ангелы, демоны и человѣческія души не лишены нѣкоторой тѣлесности. Но это мнѣніе не согласно съ ученіемъ православной церкви, которая вѣритъ, что Ангелы совершенно чужды всякой матеріальности.

(1) Быт. VI. 2. (2) Ioseph. Antiquit. lib. I c. 4, Philo. de Pigantib. Justin. Apol. Tertul, de anima. Vide commentatores in Penes. IV.

Конечно, при томъ взглядѣ, что природа Ангеловъ не чужда нѣкоторой матеріальности, чувственное, видимое явленіе ихъ гораздо легче объяснить, чѣмъ совершенную безтѣлесность (1). Но у насъ дѣло идетъ не о какомъ нибудь философскомъ вопросѣ, относительно котораго можно было бы дѣлать такія или другія гипотезы и выбирать изъ нихъ тѣ, которыми лучше объяснялось бы дѣло и съ помощію которыхъ лучше разрѣшались бы сомнѣнія и опровергались бы возраженія возможныя относительно дѣйствительности и способа совершенія явленій, о которыхъ идетъ рѣчь. Нашъ вопросъ рѣшенъ и всѣ сомнѣнія, относительно его, устранены. Христіанская церковь и христіанскія школы признаютъ, что Ангелы, демоны и человѣческія души совершенно свободны отъ грубой матеріальности и что въ тоже время добрые и злые духи и отшедшія души иногда являются по Божіей волѣ. Этого мнѣнія и должно держаться.

—

(1) По сравненію съ Богомъ Единымъ, Несравнимымъ, какъ замѣчаетъ Св. Іоаннъ Дамаскинъ, все оказывается грубымъ и вещественнымъ. (*Изложеніе вѣр. кн. 2. глав. 3*).

ГЛАВА V.

О явленіи злыхъ духовъ и образѣ ихъ явленій.

Книги Ветхаго и Новаго Завѣтовъ и Церковная исторія передаютъ также много опытовъ явленія злыхъ духовъ. Первое извѣстнѣйшее и самое зловредное для человѣка явленіе діавола, — это то, когда онъ подъ видомъ змія явился къ Евѣ и искусилъ ее (1). Съ тѣхъ поръ образъ змія самый употребительный, чувственный образъ діавола. Въ Свящ. Писаніи діаволъ часто называется древнимъ зміемъ (2),—говорится, что адскій драконъ будетъ сражаться съ женою, подъ видомъ которой представляется церковь, и что онъ будетъ пораженъ Архангеломъ Михаиломъ и свержется имъ съ высоты небесной (3). Изъ книгъ Ветхаго завѣта извѣстно, что въ этомъ образѣ онъ былъ почитаемъ язычниками. Въ Вавилонѣ напр. воздавали божеское поклоненіе живому дракону, котораго Даніилъ умертвилъ, давъ ему проглотить составъ изъ разныхъ

(1) Быт. III. 1—23 (2) Апок. XII. 9. (3) Апок. XII. 7—9.

ядовитыхъ веществъ (1). У язычниковъ былъ родъ гаданій посредствомъ змѣй, который назывался у нихъ офіомантіею.

Египтяне, Греки и Римляне почитали змѣй и смотрѣли на нихъ, какъ на что-то божественное. Воздавали гадамъ божеское почитаніе (2). Блаженный Августинъ (3) передаетъ, что Манихеи признавали змія за Христа и говорили, что это животное, подавъ извѣстный совѣтъ Адаму и Евѣ, чрезъ это самое открыло имъ глаза. По общепринятому мнѣнію, выраженія Абраксасъ или Абрахадабра (4), которыя считались священными у древнихъ еретиковъ Василидіанъ, которые, подобно Манихеямъ, признавали два начала всѣхъ вещей, доброе и злое,—по своему начертанію представляли образъ змѣя. Арбаксасъ съ Еврейскаго значитъ злое начало, или отецъ зла, —Аб-ра-хад-аб-ра—означаетъ также единый отецъ зла, или единое злое начало.

Блаженный Августинъ (5) замѣчаетъ, что ни одно

(1) Дан. XIV. 23 26. (2) Aelian. Hist. animal. (3) Aug. Tom VIII, p. 28, 264. (4) Ab-racha—отецъ зла, или злой отецъ. (5) August. de Penes. ad lit. l. 2. c. 18.

Весь языческій міръ въ своихъ миѳахъ о борьбѣ божественныхъ героевъ съ зміемъ, или сатаною, единогласно указываетъ на неоспоримую истинность Моисеева повѣствованія о явленіи демона Евѣ въ образѣ змія. Въ сочиненіи доктора Зеппа: das Heidenthum und dessen Bedeutung für das Christenthum, III Thl 8. Juff—говорится относительно

животное не употреблялось такъ часто при волхвованіяхъ, какъ змія, какъ бы въ наказаніе за то, что

этого предмета такъ: что змій обольститель въ началѣ внесъ въ міръ зло, отъ чего извращено въ немъ (мірѣ) первобытное совершенное состояніе и возникла борьба между добромъ и зломъ съ перевѣсомъ этого послѣдняго, и что этого древняго змія, по обѣтованію, имѣлъ побѣдить и сокрушить ему главу небесный герой, рожденный отъ дѣвы,—эта религіозная идея была присуща всѣмъ народамъ древности и у всѣхъ ихъ выразилась въ миѳѣ о борьбѣ съ дракономъ. Такъ Зевсъ побѣждаетъ змѣевидныхъ Титановъ; Аполлонъ—Пиѳона; Геркулесъ побѣждаетъ Гесперидовъ дракона,—хранившаго прекраснѣйшій садъ съ золотыми яблоками, принадлежавшій тремъ, а по другимъ, четыремъ сестрамъ, называвшимся Гесперидами,—побѣждаетъ также девятиголовую Лернейскую гидру, у которой всякій разъ, какъ только отсѣкалась у ней голова, тотчасъ на мѣсто ея выростала новая, между тѣмъ какъ враждебный герою ракъ щипалъ его за пятки. Геркулесъ же убиваетъ буйнаго Цербера, у котораго было 3, а по Гезіоду (theog. V, 312) даже 50 головъ. Озирисъ борется съ Гифономъ и Горусъ умерщвляетъ этого бога—дракона, или Баалъ-Зефона, самое имя котораго означаетъ змія. Ормуздъ побѣждаетъ Аримана, который подъ видомъ змѣя соблазнилъ прародителей,—и Феридунъ низвергаетъ съ неба князя драконовъ Ацдегака, или Дегака. Въ Индіи Вишну отрубаетъ голову дракону Рагу, а Кришна воюетъ противъ чернаго дракона Цешы съ пятью головами и умерщвляетъ его, раздавивъ ему наконецъ головы. У Іова (въ III. 8; XXVI. 12, 13) и у Псалмопѣвца (LXXIII. 14. LI. 9) образно представляется Іегова поражающимъ змія Левіофана. Тибетяне представляютъ свою Дургу борющеюся съ Магаасурой, великимъ злымъ духомъ. Дурга это

она соблазнила перваго человѣка. Впрочемъ болѣе обыкновенный видъ, въ какомъ демонъ являлся лю-

---

восточная Минерва, потому что и Минерва изображается также побѣдительницей змѣи съ копьемъ и чудовищемъ подлѣ нея (Pausanias 1. 24). Въ образѣ молодой дѣвушки Дурга наступаетъ ногой на голову змія и отсѣкаетъ ее съ туловища; но когда на обезглавленномъ туловищѣ выростаетъ верхняя часть человѣческаго тѣла, она вонзаетъ мечъ въ сердце туловища. У Камчадаловъ этотъ миѳъ имѣетъ то отличіе, что богиня раздавливаетъ голову змія. Въ честь этой богини побѣдительницы змѣй у язычниковъ было два годовыхъ праздника, съ которыми по времени совпадаютъ христіанскія празднества св. Георгія и Михаила: одинъ изъ нихъ праздновался весной, другой осенью. Побѣду надъ змѣемъ приписывали Финиціяне Кадму, который будто бы побѣдилъ Пиѳона при Исменскомъ источникѣ у Киферона,—Греки и другіе восточные народы Персею, Армейцы—Араму. Въ сѣверной Германіи Торъ побѣждаетъ народнаго змѣя Иорнумгандра, Фрейръ исполина Бели; Зигфитъ, Отнитъ и Вольфдитрихъ по примѣру боговъ сражаются съ крылатымъ змѣемъ. У Богемскихъ и Польскихъ Славянъ есть разсказъ о чудовищѣ Турисе, которое было побѣждено Крокомъ; Русскіе называютъ св. Владиміра побѣдителемъ змѣй. Еще національнѣе въ этомъ отношеніи ихъ побѣдитель змѣй Журило. Никто не могъ побѣдить ужаснаго Линта, но Журило, обладая необыкновенной силой, сламываетъ дерево и убиваетъ имъ страшилище. Это борьба воля со змѣемъ. Подобно Тезею, Журило получаетъ отъ Яги-Бабы клубокъ нитокъ, который, постепенно разматываясь, указываетъ ему путь къ волшебному замку князя Змы Кощея, похитившаго удивительно прекрасную Милолику, которую Журило теперь и освобождаетъ и увозитъ на сво-

дямъ и искушалъ ихъ, —это образъ человѣческій: вѣроятно въ такомъ видѣ явился онъ Іисусу въ пустынѣ (Матѳ. IV) и искушалъ его. Почти во всѣхъ тѣхъ явленіяхъ діавола, которыя въ такомъ безчисленномъ множествѣ передаются намъ житіями Святыхъ, онъ имѣлъ человѣческій образъ. Для того, чтобы представить фактическія доказательства дѣйствительности явленій діавола и нѣсколько примѣровъ на

емъ чудномъ конѣ. У Ацтековъ змѣй въ свитѣ бога войны представляетъ многознаменательный символъ; изображеніе борьбы съ зміемъ высшаго божества и умерщвленіе его этимъ послѣднимъ какъ воплощенной разрушительной силы, встрѣчается также на Мексиканскихъ картинахъ: Тетцкатлипока представляется убивающимъ большаго змія (Cortes, 1. с. 21). По понятію Китайцевъ, солнечныя и лунныя затмѣнія происходятъ отъ того, что змій тьмы заслоняетъ собой свѣтъ солнца и луны, но при этомъ Иліосъ (богъ свѣта) всегда остается побѣдителемъ.

Всѣ эти миѳы получаютъ конечно полный свой смыслъ и истинное значеніе только при свѣтѣ христіанства, -при свѣтѣ той истины, что Сынъ Благословенной въ женахъ Дѣвы Маріи, Христосъ побѣждаетъ древняго змія—діавола и охраняетъ свою непорочную невѣсту--церковь отъ его козней. Въ средневѣковой храмовой символикѣ Спаситель изображается въ видѣ побѣдителя львовъ и змѣй съ побѣдной хоругвью, смыслъ такой: въ видѣ побѣдителя львовъ Онъ изображается, какъ побѣдитель грубой силы древняго язычества, а въ видѣ побѣдителя змѣй какъ побѣдитель тонкой хитрой силы современнаго язычества и современныхъ враговъ церкви Христовой. Примѣч Нѣмецкаго переводчика.

то, въ какомъ именно видѣ и зачѣмъ являлся онъ, представляемъ нѣсколько фактовъ его явленія, заимствованныхъ изъ жизнеописаній Святыхъ.

Не задолго до нашествія Персовъ на Греческую имперію, во второй Киликійской епархіи въ городѣ Аданнѣ, съ экономомъ соборной церкви этого города, Ѳеофиломъ случилось такое происшествіе.

Ѳеофилъ отличался и всѣмъ извѣстенъ былъ безукоризненно-честнымъ и въ высшей степени дѣятельнымъ выполненіемъ своихъ обязанностей по должности и своими христіанскими добродѣтелями. Онъ былъ глазомъ и десницею своего епископа. Онъ былъ отцемъ для сиротъ, питателемъ для вдовъ, щедрымъ подателемъ для нищихъ, заступникомъ для обижаемыхъ, помощникомъ для безпомощныхъ, и потому пользовался всеобщею любовію и уваженіемъ. И когда епископъ Аданы умеръ, то всѣ единодушно желали, чтобы епископомъ былъ сдѣланъ Ѳеофилъ, и обратились объ этомъ съ просьбою къ киликійскому первопрестольному архіерею. Архіерей раздѣлилъ общее желаніе. Но Ѳеофилъ, по чувству христіанскаго смиренія и по слишкомъ высокому уваженію къ епископскому сану, рѣшительно отказался отъ принятія на себя этого сана. Напрасны были всѣ просьбы къ нему объ этомъ со стороны всего народа, клира и первопрестольнаго архіерея. Ѳеофилъ остался при своемъ рѣшеніи. Принуждены были сдѣлать епископомъ другаго, а Ѳеофилъ остался при прежней

экономской должности. Не смотря на безукоризненно-честную жизнь Θеофила, нашлись люди, которые по внушенію духа злобы и зависти начали клеветать на Θеофила предъ епископомъ и обвинять его въ самыхъ непотребныхъ вещахъ. Епископъ, самъ хорошо зная Θеофила, какъ человѣка въ высшей степени благочестиваго и добродѣтельнаго, сначала долго не давалъ никакой вѣры этимъ клеветамъ и обвиненіямъ. Но такъ какъ они не прекращались, а все болѣе и болѣе усиливались, то епископъ мало по малу сталъ вѣрить имъ и рѣшился наконецъ удалить Θеофила отъ экономской должности подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы дать ему покой отъ продолжительныхъ тяжелыхъ трудовъ. Θеофилъ безпрекословно повиновался. Теперь зависть и злоба демона приняли другое направленіе. Прежде онъ дѣйствовалъ чрезъ другихъ людей, теперь онъ началъ всѣми силами дѣйствовать на душу самого Θеофила. Демонъ сталъ возбуждать и развивать въ немъ такую мысль, что онъ подверженъ отъ епископа совершенно несправедливому униженію, что за его труды и добродѣтели ему заплатили оскорбленіемъ и пренебреженіемъ. Мало по малу эта мысль развилась въ Θеофилѣ до такой степени, что онъ наконецъ вообразилъ, что онъ всѣми въ высшей степени униженъ, оскорбленъ, поруганъ, и въ связи съ этимъ скоро его душею овладѣло непреодолимое желаніе какъ можно болѣе возвыситься между людьми. Онъ сильно возжелалъ теперь на первыхъ порахъ, по крайней мѣрѣ, получить свою прежнюю должность. Властолюбіе до того ов-

ладѣло Θеофиломъ, что онъ рѣшился наконецъ, для выполненія своихъ честолюбивыхъ желаній, искать помощи у волшебства и бѣсовской силы. И вотъ онъ отправляется къ извѣстнѣйшему въ то время волхву и чародѣю, открываетъ ему свои желанія и со слезами проситъ у него помощи, обѣщая должное вознагражденіе. Волхъ съ радостію соглашается помочь несчастному и, обнадеживъ его, велитъ ему прійти къ себѣ въ слѣдующую ночь. Θеофилъ ушелъ обрадованный, и въ слѣдующую полночь опять является къ чародѣю. Волхвъ ведетъ его на ипподромъ, т. е. на мѣсто конскихъ ристалищъ и говоритъ ему: если ты увидишь какое нибудь видѣніе, или услышишь какой нибудь голосъ, не пугайся и не совершай крестнаго знаменія. Θеофилъ соглашался на все и тотчасъ предъ ихъ глазами возникло такое привидѣніе: они увидѣли множество странныхъ лицъ, разодѣтыхъ въ разныя свѣтлыя платья и со свѣчами въ рукахъ. Это былъ сонмъ демоновъ; они славословили своего князя сатану, который съ гордостію и надмѣнностію возсѣдалъ среди ихъ. Волхвъ взялъ Θеофила за руку, ввелъ его въ сборище и предсталъ съ нимъ предъ княземъ демоновъ. Сатана спросилъ волхва: «зачѣмъ ты привелъ къ намъ этого человѣка?» Волхвъ отвѣчалъ: «я привелъ къ тебѣ его, господинъ мой, потому, что онъ очень много обиженъ своимъ епископомъ и проситъ твоей помощи». Сатана сказалъ на это: «какъ я помогу человѣку, который есть рабъ Своего Бога? Если же онъ согласенъ сдѣлаться моимъ рабомъ и поступить въ число

моихъ слугъ. въ такомъ случаѣ я ему такъ помогу, что онъ получитъ власть большую той, какую онъ имѣлъ прежде и даже той, какую имѣетъ епископъ». «Слышишь, что говоритъ князь», сказалъ волхвъ Ѳеофилу. «Слышу», отвѣчалъ Ѳеофилъ, и сдѣлаю все, что только прикажетъ онъ мнѣ», и съ этими словами онъ повергся къ ногамъ бѣсовскаго князя и началъ лобызать его ноги. Тогда діаволъ сказалъ, обращаясь къ Ѳеофилу: «пусть этотъ человѣкъ отречется отъ Сына Маріи и отъ нея самой, потому что я ихъ глубоко ненавижу. И пусть это отреченіе онъ напишетъ своею собственною рукою и отдастъ эту рукопись мнѣ; и тогда пусть требуетъ отъ меня всего, чего ему угодно; я все исполню». Я согласенъ сдѣлать все, что бы ты ни повелѣлъ», сказалъ Ѳеофилъ, «лишь бы я получилъ то, чего желаю». Услышавши это, сатана простеръ свои бѣсовскія руки и началъ обнимать и лобызать Ѳеофила, говоря при этомъ: «радуйся мой искренній, вѣрный другъ!» —Потомъ Ѳеофилъ произнесъ отреченіе отъ Христа и его Пречистой Матери, написалъ это отреченіе на заранѣе приготовленной для этого волхвомъ бумагѣ, запечаталъ ее и отдалъ князю тьмы. И дружески обнявшись и облобызавшись, новые друзья разстались. Сатана съ своею свитой сдѣлался невидимъ. А Ѳеофилъ и волхвъ съ радостію отправились домой.

На другой день послѣ этого происшествія, епископъ, нужно полагать, по внушенію отъ Бога, а не отъ діавола, раскаялся въ томъ, что онъ отставилъ

отъ экономской должности Ѳеофила, призвалъ его къ себѣ и снова возвелъ его на эту должность и при этомъ вручилъ ему власть во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ вдвое большую той, какою онъ владѣлъ прежде. Епископъ потомъ даже публично предъ цѣлымъ клиромъ и народомъ просилъ у Ѳеофила прощенія за сдѣланное ему имъ оскорбленіе. И весь почетъ и уваженіе отъ всѣхъ, какими пользовался Ѳеофилъ прежде, не только опять возвратились къ нему, но сдѣлались еще несравненно больше прежняго. Чистолюбіе Ѳеофила было удовлетворено: онъ былъ успокоенъ. Но недолго продолжалось это гибельное спокойствіе. Милосердый Господь не далъ погибнуть грѣшнику до конца. Скоро онъ возбудилъ въ его сердцѣ раскаяніе. Скоро Ѳеофилъ ясно созналъ и глубоко почувствовалъ все несчастіе своего положенія. Раскаяніе его было слишкомъ глубоко и искренне; день и ночь проводилъ онъ въ слезахъ о своемъ безпредѣльномъ оскорбленіи Господа и Пречистой Его Матери, о своемъ глубочайшемъ паденіи. И какъ ни велика была его виновность предъ Богомъ, мысль о безпредѣльномъ милосердіи Божіемъ, не хотящемъ, да кто погибнетъ, но да всѣ въ покаяніе пріидутъ,— внушала ему надежду на помилованіе и дерзновеніе обратиться къ Премилосердому съ молитвою о прощеніи и спасеніи. И вотъ Ѳеофилъ оставляетъ всѣ свои занятія по службѣ и рѣшается всѣ свои силы и все время употребить на исходатайствованіе себѣ прощенія у Господа; —для этой цѣли онъ заключается въ одной Церкви Божіей Матери и здѣсь, предъ

иконою Пресвятой Дѣвы, цѣлыхъ сорокъ дней и сорокъ нощей проводитъ въ постоянномъ, глубокомъ сокрушеніи о своей грѣховности, въ строжайшемъ постѣ и постоянной слезной молитвѣ о своемъ помилованіи. Наконецъ, по прошествіи сорока дней, въ полночь, когда Ѳеофилъ по обыкновенію молился, является къ нему Божія Матерь и говоритъ ему: «Зачѣмъ же ты такъ безстыдно обращаешся, взываешь и молишся ко Мнѣ, чтобы я помогла тебѣ? вѣдь ты же отрекся отъ Сына Моего и отъ Меня! Какъ же я стану молиться за тебя къ Сыну и Богу Моему, когда ты отдался діаволу и далъ ему въ этомъ рукописаніе, когда ты рабъ діавола? И я Сама не могу терпѣть оскорбленій Сыну Моему и Богу. Я могу простить тебя въ томъ, въ чемъ ты согрѣшилъ противъ Меня, —но озлобленій и оскорбленій, которыя вы дѣлаете Сыну Моему, вторично распиная Его такимъ образомъ, я не могу видѣть и слышать. Отъ совершившихъ такія озлобленія и оскорбленія потребны многіе подвиги и глубокое сердечное сокрушеніе для того, чтобы они были помилованы Господомъ, поелику Онъ хотя премилосердъ, но вмѣстѣ есть и Судія праведный, воздающій каждому по дѣламъ его». Ѳеофилъ, ободренный явленіемъ Богоматери, выразилъ предъ ней все свое глубочайшее сокрушеніе, все свое искреннѣйшее раскаяніе,- и принесъ къ ней пламенную, слезную молитву о заступленіи за него предъ Господомъ и исходатайствованіи ему помилованія.—Увидѣвъ искреннее и глубокое раскаяніе Ѳеофила, Матерь Божія

повелѣла ему произнесть православное исповѣданіе вѣры. Ѳеофилъ съ искреннимъ чувствомъ исполнилъ это повелѣніе. Послѣ этого Богородица обѣщала ему помолиться за него предъ Господомъ и скрылась. — Ѳеофилъ по прежнему продолжалъ непрестанно сокрушаться и молиться. Чрезъ три дня опять является къ нему Матерь Божія съ радостнымъ лицемъ и свѣтлыми очами -и возвѣщаетъ ему, что его раскаяніе благоугодно Господу, что молитва его услышана, и что ему даруется Богомъ помилованіе, подъ тѣмъ только условіемъ, чтобы онъ впредь до конца своей жизни оставался вѣрнымъ Богу. Ѳеофилъ высказалъ искреннѣйшее благодареніе къ Премилосердому Господу и къ Его Пречистой Матери и искреннѣйшее желаніе и готовность во всѣ дни живота своего быть преданнымъ Господу, и молилъ Матерь Божію о томъ, чтобы ему было возвращено данное имъ демону рукописаніе. -Богородица сдѣлалась невидима. Чрезъ три дня, въ продолженіе которыхъ Ѳеофилъ по прежнему пребывалъ въ постѣ и непрестанной молитвѣ, когда онъ наконецъ, уже слишкомъ удрученный подвигомъ покаянія, уснулъ, онъ въ сонномъ видѣніи увидѣлъ, что Матерь Божія несетъ къ нему это рукописаніе. Отъ радости онъ проснулся и дѣйствительно увидѣлъ, что рукописаніе это лежало на его груди. Послѣ этого Ѳеофилъ частію отъ перенесенныхъ имъ духовныхъ трудовъ, частію отъ необыкновенной радости впалъ въ какое-то полумертвое состояніе. Пришедши въ сознаніе, онъ принесъ достодолжное

благодареніе Богу и премилосердой Заступницѣ рода христіанскаго, и потомъ для большаго очищенія себя пожелалъ совершить публичную исповѣдь. Для этой цѣли онъ во время Богослуженія явился къ Архіерею, разсказалъ ему всю исторію своего паденія и спасенія и просилъ его огласить эту исторію во всеуслышаніе, для общаго назиданія. Просьба его была исполнена. Вся исторія была оглашена предъ всѣмъ народомъ и епископъ потомъ произнесъ приличную случаю рѣчь. Въ продолженіе всего этого Ѳеофилъ лежалъ у ногъ епископа и плакалъ. Потомъ Ѳеофилъ былъ пріобщенъ Святыхъ Тайнъ и весь народъ принесъ хвалу и благодареніе Господу Богу. —Остальное краткое время своей жизни Ѳеофилъ провелъ въ подвигахъ молитвы и воздержанія (1).

Святый Священномученикъ Кипріанъ (2), который до своего обращенія въ христіанство былъ волшебникомъ и имѣлъ непосредственныя сношенія съ демонами, самъ разсказываетъ о себѣ слѣдующее: «Повѣрьте мнѣ, говоритъ онъ, я видѣлъ самого діавола, свиданіе съ нимъ я вымолилъ у него многими жертвоприношеніями; встрѣтившись съ нимъ, я обнималъ и лобызалъ его и наслаждался бесѣдами его и почетнѣйшихъ его служителей.

—

(1) Чет. Мин. Мѣсяца іюня 23 день. —(2) Тамъ же Октябрь мѣсяцъ, 2-й день.

ГЛАВА VI.

Объ одержимыхъ злыми духами.

Къ явленіямъ злаго духа между людьми справедливо причисляется такъ называемая бѣсноватость. Бѣсноватые, или одержимые злымъ духомъ, бываютъ двухъ родовъ: на однихъ изъ нихъ злой духъ вліяетъ только отвнѣ, другими же онъ владѣетъ внутреннимъ образомъ, владѣетъ всѣмъ ихъ существомъ, заставляетъ ихъ изрыгать Богохульства, говорить на языкахъ, которымъ они совершенно не учились, открываетъ имъ разныя сокровенныя вещи, знакомитъ ихъ съ разными темными предметами философіи и теологіи.

Возможность и дѣйствительность бѣсноватости не подлежитъ никакому сомнѣнію. Они ясно утверждаются какъ Св. Писаніемъ, такъ и ученіемъ Церкви. Св. Писаніе съ одной стороны сообщаетъ намъ много фактовъ бѣсноватости, съ другой передаетъ, что Самъ Іисусъ Христосъ и его Апостолы признавали бѣсноватыхъ дѣйствительно одержимыми злыми духами.

Саулъ былъ одержимъ злымъ духомъ (1); злой духъ отъ времени до времени возбуждалъ въ немъ тоску, гнѣвъ и зависть въ отношеніи къ Давиду; или даже, если Саулъ приходилъ въ гнѣвъ по какимъ нибудь естественнымъ причинамъ, демонъ овладѣвалъ имъ и приводилъ его въ ярость. Бѣсноватые, о которыхъ говорится въ Евангеліи (2), что они громко кричали, что Іисусъ есть Христосъ, что Онъ прежде времени пришелъ ихъ мучить, что Онъ Сынъ Божій, представляютъ очевидно несомнѣнный примѣръ одержимыхъ злымъ духомъ.

Сара, дочь Рагуила, которая была одержима демономъ Асмодеемъ, который умертвилъ семь первыхъ ея мужей (3), тѣ люди, о которыхъ повѣствуетъ Евангеліе, что они были заражены неисцѣлимыми недугами и болѣзнями, которые испускали изъ рта пѣну, неистовствовали, избѣгали человѣческаго общества, которые были такъ сильны и страшны, что ихъ нужно было связывать цѣпями для того, чтобы предохранить другихъ отъ ихъ нападеній,—все это очевидно были одержимые злымъ духомъ

Спаситель, въ доказательство своего небеснаго посланничества, указываетъ на исцѣленіе Имъ бѣсноватыхъ. Онъ опровергаетъ Фарисеевъ, которые говорили, будто Онъ изгоняетъ бѣсовъ силою веельзевуловою; Онъ доказываетъ, что изгоняетъ ихъ силой

(1) 1 Царствъ XVI. 14. 15. (2) Мѳ. VIII. 29. Мар 1, 24. (3) Тов. III, 8.

Божіей (1) Онъ говорилъ съ демонами, жившими въ бѣсноватыхъ, угрожалъ имъ, повелѣвалъ имъ молчать. Все это очевидно доказываетъ, что Іисусъ Христосъ смотрѣлъ на бѣсноватыхъ, какъ на дѣйствительно одержимыхъ злыми духами. Подобно своему Божественному Учителю, Апостолы и первенствующіе христіане такъ же смотрѣли на нихъ, какъ на одержимыхъ злыми духами.

Когда семдесятъ учениковъ Христовыхъ, возвратившись съ своей Апостольской дѣятельности, отдавали Іисусу Христу отчетъ въ своихъ трудахъ, они, между прочимъ, сказали Ему, что и самые бѣсы имъ повинуются (2). По воскресеніи Своемъ, Іисусъ Христосъ обѣщалъ своимъ ученикамъ, что они во имя Его будутъ творить чудеса, изгонять бѣсовъ и получатъ даръ пророчества (3). Все это и исполнилось буквально. Сами враги христіанъ, Іудеи и язычники, такъ какъ они сами были очевидцами чудесныхъ изгнаній демоновъ изъ бѣсноватыхъ, совершаемыхъ Іисусомъ Христомъ, Его Апостолами и вообще христіанами, не отвергали дѣйствительности этихъ изгнаній, а только объясняли ихъ по своему; одни приписывали ихъ силѣ князя бѣсовскаго, другіе силѣ магіи, силѣ извѣстныхъ травъ и пр.

Св. Отцы Церкви первыхъ вѣковъ, Св. Іустинъ,

(1) Мѳ. 12 гл. ст. 24—29. (2) Луки X. 17. (3) Мар XVI. 17.

Тертулліанъ, Лактацій, Св. Кипріанъ и другіе говорятъ объ изгнаніи христіанами демоновъ изъ бѣсноватыхъ съ такою увѣренностію и положительностію, что не остается никакого мѣста для сомнѣнія въ дѣйствительности того, о чемъ они говорятъ (1). Они ссылаются на своихъ собственныхъ враговъ, какъ на свидѣтелей защищаемаго ими дѣла, и съ твердой увѣренностію вызываютъ ихъ на то, чтобы въ ихъ собственномъ присутствіи совершать опыты того, какъ сила вѣры Христовой изгоняетъ злыхъ духовъ изъ бѣсноватыхъ, принуждаетъ ихъ къ открытію ихъ настоящаго имени, къ сознанію, что язычники въ своихъ храмахъ поклоняются только однимъ демонамъ.

Послушаемъ, относительно этого предмета, собственныхъ словъ просвѣщеннѣйшихъ писателей тѣхъ временъ, когда еще совершалась борьба христіанства съ язычествомъ и когда между христіанами часто бродили одержимые злымъ духомъ.

Арновій говоритъ: «былъ ли когда нибудь смертный подобный Іисусу? Нужно только произнесть Его имя, и злые духи бѣгутъ, прорицатель замолкаютъ, пророки-жрецы нѣмѣютъ и все искусство хитрыхъ маговъ посрамляется». Advers. gentes 1. 1. 27 Ausgabe von jahre 16—51.

Лактацій говоритъ: «ученики Іисуса именемъ Его

(1) Sust Dialog. cum supplem. Tertul. de corona militis, c. II. et. Apolog. c. 23. cyp ad Demetrian., etc Minutius, in Octavio, etec.

и св. знаменемъ Его страданій изгоняютъ нечистыхъ духовъ. Это доказывается тѣмъ, что въ присутствіи христіанъ магическія жертвоприношенія остаются безъ всякаго дѣйствія и даже самые знаменитые оракулы не даютъ никакихъ отвѣтовъ» (institutiones divinae 1. 41 c. 27).

Св. Кипріанъ писалъ къ римскому градоначальнику Димитрію: «Пріидите, посмотрите и послушайте, что такое дѣлается въ нашемъ присутствіи съ богами, которыхъ вы чтете. Заклинаемые и изгоняемые силой Божественнаго слова, они принуждены бываютъ оставлять одержимыхъ ими людей. Поражаемые Божественной силой, съ жалобными воплями, человѣческимъ голосомъ возвѣщаютъ они истину будущаго суда, о которомъ учитъ наша вѣра. Пріидите и убѣдитесь сами въ справедливости нашихъ словъ; вы увидите, что духи, которымъ вы такъ рабски удивляетесь, которыхъ вы такъ рабски чтете,— дрожащіе, плѣненные, скованные лежатъ у ногъ нашихъ. Особенно ясно вы увидите ваше заблужденіе, когда увидите, какъ ваши боги, изгоняемые силою нашего повелѣнія, въ вашемъ собственномъ присутствіи, противъ своей собственной воли, будутъ сознаваться въ своемъ собственномъ обманѣ и лжи». (Ad Demetrianum p. 221. ausgab von jahr 1262).

«Кто хочетъ убѣдиться въ истинѣ сказаннаго, говоритъ Св. Аѳанасій, тотъ пусть только при обольщеніяхъ демонскихъ, при ложныхъ прорицаніяхъ и

чудесахъ магіи совершитъ крестное знаменіе, съ котораго такъ смѣются язычники, или произнесетъ имя Іисуса, и онъ тотчасъ увидитъ, что демоны разбѣгутся, оракулы умолкнутъ; чудеса магіи и волшебства прекратятся». (De incarn. verbi Dei p. 48).

«Приведите, говоритъ Тертулліанъ въ одномъ сочиненіи противъ язычниковъ: приведите на судилище какого-нибудь дѣйствительно одержимаго злымъ духомъ, и демонъ, по требованію всякаго христіанина, такъ же публично сознается, что онъ злой духъ, какъ прежде публично онъ выдавалъ себя за Бога; или приведите на судилище кого нибудь изъ тѣхъ вашихъ людей, которые говорятъ, будто они дѣйствуютъ только одной Божественной силой, которые подъ вліяніемъ смрадныхъ жертвоприношеній приходятъ въ экстазъ и отъ времени до времени слышатъ слова, которыя они во все горло провозглашаютъ, какъ оракульскія изреченія..., и если демонъ, который дѣйствуетъ въ этихъ людяхъ, въ присутствіи христіанъ не сознается, что онъ есть дѣйствительно злой духъ, и не будетъ такимъ образомъ посрамленъ, тогда пролейте кровь этихъ христіанъ. Возможны ли еще болѣе ясныя доказательства, болѣе твердые доводы?» (Apologeticum. c. 23).

Сколько увѣренности, сколько убѣжденія въ этой торжественной рѣчи! Какъ многочисленны и общеизвѣстны должны были быть случаи, когда христіане, являясь публично предъ чтителями той силы,

которая производила языческія чудеса, вынуждали ее къ сознанію (въ своемъ ничтожествѣ)? какую, такимъ образомъ, побѣду надъ древней магіей одерживали христіане еще прежде, чѣмъ своей собственной смертію доказывали, что имя ихъ Бога побѣждаетъ всѣ волшебныя силы ада!

«Нѣтъ почти ни одного отца Церкви, говоритъ одинъ ученый писатель, который бы не усвоялъ христіанамъ силы во имя Христово изгонять бѣсовъ. Всѣ вѣрующіе первыхъ вѣковъ были убѣждены въ дѣйствительности этой силы; ни одна истина не была у нихъ яснѣе и несомнѣннѣй и не пользовалась большей извѣстностію. И нельзя указать ни одного язычника, даже изъ тѣхъ, которые по преимуществу враждовали противъ религіи христіанской, который, не говорю не былъ бы вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что христіане дѣйствительно изгоняли бѣсовъ, какъ они объ этомъ говорили въ своихъ сочиненіяхъ, но который бы заподозрѣвалъ христіанъ въ обманѣ и совершенно отвергалъ бы дѣйствительность фактовъ этого изгнанія. (Baltus, suite de la reponse a l'histoir des oracles, ch. 16). Die religion mit hilfe der neuern Gelehrsamkeit und Wissenschaft in ihrer Algemenheit nachgenieseu. Nach dem rangosischen bearbeitet und heraus—gegeben von einem katholischen Geistlichen. Zweiter Band, § 372-375. Würzburg 18. 37. Verlag. der stahelschen Buchhanalung. Примѣчаніе нѣмецкаго переводчика.

Всегдашнее существованіе въ церкви заклинательныхъ молитвъ противъ бѣсноватыхъ составляетъ новое доказательство дѣйствительнаго существованія бѣсноватыхъ; оно доказываетъ, что церковь и ея служители всегда признавали дѣйствительность бѣсноватости, такъ какъ они всегда употребляли противъ нея эти молитвы. Даже Іудейскіе заклинатели злыхъ духовъ именемъ Христовымъ исцѣляли бѣсноватыхъ (1); они вѣрили также, что Іисусъ Христосъ можетъ давать это исцѣленіе. Они также произносили иногда имя Соломона и употребляли заклинанія, установленныя будто бы этимъ царемъ, равно какъ разные коренья и травы; но все это производило только нѣчто подобное тому, что совершаетъ искусный врачъ, вылѣчивая ипохондриковъ, помѣшанныхъ и людей воображающихъ будто они одержимы злымъ духомъ, или что совершаетъ мудрый духовный отецъ, успокоивая и приводя въ нормальное состояніе терзаемыя совѣстію, глубоко потрясенныя сознаніемъ своей грѣховности и мучимыя страхомъ адскихъ мученій души.

Бѣсноватые же, которые были исцѣляемы Іисусомъ Христомъ и христіанами, были дѣйствительно одержимые злымъ духомъ, которые могли быть исцѣляемы только силой Божественной, именемъ Іисуса Христа, силой заклинаній. Сынъ одного іудейскаго

(1) Марк. IX. 38.

священника, по имени Скевы (1), захотѣлъ изгнать демона изъ одного бѣсноватаго именемъ Іисуса Христа, проповѣданнаго Павломъ; бѣсноватый бросился на него, говоря, что онъ знаетъ Христа и Павла, а его не боится, и іудей едва не былъ задушенъ злымъ духомъ. Нужно строго отличать дѣйствительныхъ бѣсноватыхъ отъ мнимыхъ, равно какъ и дѣйствительныхъ врачей бѣсноватости отъ обманщиковъ. Возможны и бываютъ и такіе бѣсноватые, которые только притворяются бѣсноватыми, для того чтобы такимъ образомъ возбуждать къ себѣ состраданіе и получать подаянія. Возможны и бываютъ и такіе заклинатели, которые только злоупотребляютъ именемъ Христовымъ, съ цѣлію обмана; возможны и бываютъ и такіе обманщики, которые подговариваютъ другихъ притвориться бѣсноватыми съ тою цѣлію, чтобы посредствомъ мнимаго исцѣленія ихъ пріобрѣсть себѣ славу.

—

(1) Дѣян. XIX. 14—16.

ГЛАВА VII.

Возраженія противъ дѣйствительнаго существованія одержимыхъ злымъ духомъ.

Были люди, которые какъ вообще чудеса Іисуса Христа, такъ и въ частности исцѣленіе Имъ бѣсноватыхъ подводили подъ одну категорію съ ложными чудесами языческихъ боговъ, волшебниковъ, языческихъ героевъ, напр. съ чудесами Эскулапа и знаменитаго Аполлонія Тіанскаго. Такъ называемые либералы и теперь еще возстаютъ противъ Христовыхъ чудесъ съ разными философскими доводами: они смотрятъ на вѣру въ чудеса, какъ на произведеніе разстроеннаго воображенія, усвоенныхъ съ воспитаніемъ предразсудковъ и разныхъ сокровенныхъ свойствъ темпераментовъ. Они говорятъ, что сказанія Св. Писанія въ этомъ случаѣ нужно понимать не въ собственномъ, а въ аллегорическомъ смыслѣ; что будто Іисусъ Христосъ, выдавая свои дѣйствія за чудеса, только приноравливался такимъ образомъ къ понятіямъ и предразсудкамъ народа, что демоны, какъ чисто духовныя существа, сами по себѣ не могутъ дѣйствовать непосредственно на тѣла, — и что совершенно невѣроятное дѣло, чтобы Богъ

совершалъ чудеса за тѣмъ только, чтобы дать діаволу возможность дѣйствовать на тѣла человѣческія.

«Если изслѣдовать дѣло повнимательнѣе (говорятъ эти люди), то между такъ называемыми бѣсноватыми не найдется, кажется, ни одного, котораго душа не была бы потрясена какимъ нибудь несчастіемъ, или котораго тѣло не было бы подвержено какой либо скрытой или явной болѣзни. — въ которомъ бы такія или другія несчастія, такія или другія болѣзни не произвели разстройства въ душѣ или въ мозгу; къ этому присоединяются еще предразсудки и чувство страха; изъ всего этого и образовалось повѣріе, будто эти люди одержимы злыми духами. Извѣстное состояніе царя Саула, которое обыкновенно называется бѣсноватостію,—легко объясняется тѣмъ, что онъ былъ человѣкъ желчной натуры и что въ немъ чувство тоски доходило до неистовства; поэтому-то онъ не находилъ никакого другаго средства противъ своего горя, какъ музыку, которая бы разгоняла мракъ въ его душѣ и возбуждала въ ней свѣтлое расположеніе. Бѣсноватые, о которыхъ говорится въ Новомъ Завѣтѣ, суть не болѣе, какъ люди больные, душевно разстроенные, которыхъ народъ по этому самому и считалъ одержимыми злымъ духомъ.

Невѣжественный народъ воспитался въ предразсудкахъ, которые поддерживались и усиливались въ немъ незнаніемъ физики и медицины. На самомъ

дѣлѣ такъ называемая бѣсноватость есть ничто иное, какъ у однихъ мрачное, меланхолическое настроеніе духа, у другихъ горячій темпераментъ,—у иныхъ воспаленіе внутренностей, у другихъ накопленіе худыхъ соковъ, выражающееся въ разныхъ болѣзненныхъ припадкахъ; подобному такъ называемой бѣсноватости состоянію подвержены тѣ эпилептическаго и ипохондрическаго сложенія люди,—которые воображаютъ себя богами царями, кошками, собаками, быками и пр. У нѣкоторыхъ бѣсноватость была не иное что, какъ развившееся вслѣдствіе какихъ нибудь тяжелыхъ преступленій, чувство отчаянія: угрызенія совѣсти производили у нихъ слишкомъ сильное потрясающее вліяніе на духъ, на организмъ, и такимъ образомъ рождало въ нихъ убѣжденіе, будто они одержимы злымъ духомъ. Въ этомъ состояніи вѣроятно находились тѣ женщины, которыя слѣдовали за Іисусомъ Христомъ и изъ которыхъ онъ будто бы изгналъ злыхъ духовъ,—какова напр. Марія Магдалина, изъ которой онъ изгналъ семь бѣсовъ (1).

Въ Св. Писаніи часто говорится о духѣ нечестія, лжи, зависти; нѣтъ же необходимости думать, что всѣ эти страсти возбуждаются въ насъ какими нибудь духами. Св. Ап. Іаковъ учитъ насъ, что мы искушаемся нашими собственными страстями (2), — заповѣдуя намъ такимъ образомъ не искать никакихъ

(1) Лук. VIII. 2. (2) Іаков. гл. 1. 14.

другихъ источниковъ искушеній внѣ насъ. Іудеи большую часть болѣзней приписывали дѣйствію демона; -они вѣрили, что болѣзнями они наказываются за какіе нибудь вѣдомые или невѣдомые грѣхи. Іисусъ Христосъ и Его Апостолы благоразумно снисходили къ этому предразсудку, — не нападали на него открыто; не хотѣли разрушать древнихъ понятій Іудейскихъ; они исцѣляли болѣзни, и народъ вѣрилъ, что они такимъ образомъ изгоняли бѣсовъ, которые, по его мнѣнію, были причиною болѣзней; что было здѣсь существеннаго и дѣйствительнаго,— такъ это единственно исцѣленіе отъ болѣзней; цѣль была тутъ только та, чтобы доказать мессіанство Іисуса Христа, Его божественность и истинность Его ученія; изгонялъ ли Онъ на самомъ дѣлѣ бѣсовъ, или не изгонялъ ихъ, это было для его цѣли дѣломъ совершенно стороннимъ. Несомнѣнно, что Онъ исцѣлялъ больныхъ,—исцѣлялъ ли Онъ ихъ тѣмъ, что изгонялъ изъ нихъ бѣсовъ, или же просто тѣмъ, что приводилъ въ здоровое, нормальное состояніе больные организмы,—во всякомъ случаѣ это исцѣленіе было чудесно и доказывало божественность Спасителя. Извѣстно изъ исторіи, что иногда и язычники исцѣляли бѣсноватыхъ, если врачи умѣли вылечивать ипохондриковъ и людей воображавшихъ себя больными, въ такомъ случаѣ они пользовались славой людей, умѣющихъ исцѣлять бѣсноватыхъ».

Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ даже Римско-католическихъ писателей нашего времени опровергается

также дѣйствительность бѣсноватости (1). Говорятъ «невозможно, чтобы демонъ имѣлъ вліяніе на міръ физическій. Если мы допустимъ въ ряду сотворенныхъ силъ такую духовную силу воли, которая сама по себѣ можетъ вліять на физическія тѣла и приводить ихъ въ движеніе, то мы по необходимости должны будемъ отвергнуть всякіе предѣлы этой силы, такая сила была бы безпредѣльна». Утверждаютъ, что «демонъ можетъ вліять на наши души только путемъ однихъ чисто духовныхъ внушеній, а производить какія нибудь чисто физическія явленія, это для него невозможно. Все, что говорится въ Св. Писаніи о хитрыхъ злоумышленіяхъ сатаны, должно разумѣть только въ смыслѣ искушенія со стороны плоти и страстей; демонъ соблазняетъ людей только посредствомъ чисто нравственныхъ внушеній. Онъ имѣетъ только однѣ нравственныя силы, но никакихъ физическихъ», т. е., значитъ, демонъ не можетъ дѣлать ни добра, ни зла, онъ есть слишкомъ ничтожная сила; какъ будто Богъ никакимъ другимъ духамъ, кромѣ души человѣческой, не далъ способности дѣйствовать на физическіе предметы, какъ будто премудрости Божіей угодно было, чтобы чистые духи не имѣли никакого вліянія на физическій міръ. Утверждаютъ даже, что язычники не имѣли никакого понятія о такъ называемыхъ злыхъ духахъ и демонахъ.

(1) Сравни письмо епископа Семскаго, напечатанное въ Утрехтѣ, и сочиненія, какія представляются и опровергаются въ этомъ письмѣ.

Всѣ эти сужденія очевидно прямо противорѣчатъ Св. Писанію, ученію отцевъ и преданіямъ Православной Церкви. Но это противорѣчіе не безпокоитъ этихъ людей; они говорятъ: «Свящ. писатели выражались приспособительно къ понятіямъ своего времени, потому ли, что старались такимъ образомъ сдѣлать свое ученіе общедоступнымъ, или же потому, что сами раздѣляли эти понятія. Больше чѣмъ вѣроятно, говорятъ, что большая часть тѣхъ пороковъ, которые Св. Писаніе представляетъ порожденіями злаго духа, на самомъ дѣлѣ имѣютъ своимъ единственнымъ источникомъ не иное что, какъ собственную поврежденную природу человѣка; называя эти пороки порожденіями злаго духа, Св. писатели этимъ только принаравливались въ способѣ выраженія къ народному пониманію, но эта невѣрность въ языкѣ не имѣла никакихъ дурныхъ послѣдствій.

«Само собой понятно, что разсказъ объ искушеніи Евы есть не больше, какъ аллегорія. Тоже самое нужно сказать и объ искушеніяхъ, которыя испыталъ отъ демона, по допущенію Божію, Іовъ. Какъ принять исторію этихъ искушеній за дѣйствительное происшествіе, когда она въ самомъ началѣ очевидно имѣетъ чисто иносказательный характеръ? Ничего не можетъ быть невѣроятнѣе, какъ то, будто самъ Іисусъ Христосъ былъ вознесенъ демономъ на крышу храма.

Отцы Церкви были предзаняты съ одной стороны господствовавшими въ ихъ время идеями Пифагора и Платона относительно вліянія посредствующихъ духовъ, съ другой -тѣми выраженіями Св. Писанія, въ которыхъ, приспособительно къ народнымъ понятіямъ, естественныя явленія приписываются демону. Слѣдовательно для того, чтобы видѣть, какъ и чему нужно вѣрить въ Писаніи относительно діавола, должно призвать на помощь законы разума.

Методъ, которымъ руководились Св. Отцы при объясненіи Св. Писанія, основывался на общепринятомъ пониманіи, къ которому должно относиться съ точки зрѣнія здраваго разума (1).

Главное и существенное всѣхъ этихъ возраженій очевидно составляютъ слѣдующія мысли: (1) та мысль, что будто какъ духи вообще, такъ и въ частности злые духи по самой своей природѣ не могутъ дѣйствовать какъ на матерію вообще, такъ слѣдовательно и въ частности на тѣла человѣческія, и что слѣдовательно бѣсноватость, какъ дѣйствительное обладаніе злаго духа тѣломъ человѣческимъ, невозможна, и 2) та мысль, что будто то, что Самъ Іисусъ Христосъ и Его Апостолы какъ вообще говорили и учили о вліяніи злыхъ духовъ на человѣка, какъ о дѣйствительно существующемъ фактѣ, такъ и въ частности говорили и учили о бѣсноватыхъ, какъ о людяхъ дѣйствительно одержимыхъ злыми духами, не доказываетъ ни дѣйствительности этого вліянія вообще, ни въ частности, дѣйствительнаго существованія такихъ людей. Они объясняютъ это ученіе тѣмъ, что будто Христосъ и Апостолы говорили и учили такъ не потому, чтобы они такъ и сами дѣйствительно смотрѣли на дѣло, а только лишь потому, что они въ своемъ ученіи и своей проповѣди старались принаравливаться къ понятіямъ и предразсудкамъ народа. Народъ вѣрилъ, что демоны производятъ какъ на многія другія физическія и нравственныя болѣзни человѣка, такъ и въ частности болѣзнь, извѣстную подъ именемъ бѣсноватости, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ сами ученики Христовы не раздѣляли этихъ понятій и предразсудковъ, и какъ вообще на всѣ тѣ явленія, которыя народъ приписывалъ злому духу, они смотрѣли не болѣе, какъ только на дѣйствія естественныхъ причинъ, такъ и въ частности на такъ называемую бѣсноватость смотрѣли они не болѣе, какъ только на извѣстнаго рода болѣзненное разстройство.

Обѣ мысли очевидно совершенно невѣрны. Невѣрна первая мысль, невѣрна та мысль, будто духъ не можетъ дѣйствовать на матерію. Какъ же не можетъ, когда мы постоянно имѣемъ предъ глазами очевидный фактъ такого дѣйствованія? Вѣдь духъ же человѣческій дѣйствуетъ на тѣло, выражаетъ въ немъ свои движенія, владѣетъ, управляетъ имъ? Значитъ,

(1) Всѣ представленныя возраженія удовлетворительно опровергнуты Архіепископ. Сенскимъ въ его письмѣ, напечатанномъ въ 1736 г. въ Утрехтѣ.

духовная природа вообще можетъ дѣйствовать на матерію; слѣдовательно можетъ дѣйствовать на нее и злой духъ. Намъ непонятенъ образъ этого дѣйствованія; но возможность и дѣйствительность извѣстнаго факта и образъ его совершенія совершенно различныя вещи. И отвергать возможность и дѣйствительность извѣстнаго факта на томъ одномъ основаніи, что мы не понимаемъ образа его совершенія, было бы, конечно, слишкомъ нелѣпо. Мало ли чего мы не понимаемъ изъ того, дѣйствительность чего не подлежитъ никакому сомнѣнію? Развѣ мы понимаемъ напр. образъ внутренняго благодатнаго дѣйствованія духа Божія на душу человѣка? и однакожъ признаемъ это дѣйствованіе несомнѣннымъ фактомъ. Говорятъ: душа человѣческая для дѣйствованія на тѣло имѣетъ особенный органъ, котораго нѣтъ у злыхъ духовъ. Но на это прежде всего нужно сказать то, отчего же, если душа человѣческая дѣйствуетъ на свое тѣло чрезъ извѣстный органъ, отчего же и злые духи не могутъ дѣйствовать на этотъ органъ и чрезъ него на тѣло? Душа человѣческая есть такъ же точно, какъ и злые духи, существо духовное; слѣдовательно если для ней возможно дѣйствовать на этотъ органъ и чрезъ него на все тѣло, то такъ же точно возможно это и для злыхъ духовъ. Но что хотятъ разумѣть подъ органомъ души, чрезъ который она дѣйствуетъ на тѣло? Духъ и тѣло по самой своей природѣ противоположны между собою; поэтому между ними нѣтъ и не можетъ быть ничего средняго. Теперь предполагаемый органъ,

посредствомъ котораго душа будто дѣйствуетъ на тѣло, необходимо можетъ быть только чѣмъ нибудь однимъ изъ двухъ, или чѣмъ нибудь духовнымъ, или чѣмъ нибудь матеріальнымъ. Если предположить, что онъ есть нѣчто духовное, въ такомъ случаѣ очевидно дѣйствованіе души на тѣло чрезъ этотъ органъ есть опять-таки ни болѣе, ни менѣе, какъ дѣйствованіе духа на матерію, и слѣдовательно не только не даетъ основанія отвергать возможность дѣйствованія на человѣческое тѣло со стороны злыхъ духовъ, а напротивъ доказываетъ эту возможность. Если предположить, что этотъ органъ есть нѣчто матеріальное, какая нибудь тончайшая, эѳирная матерія, то и отъ этого дѣло нисколько не измѣняется. Матерія, какъ бы она ни была тонка, все-таки есть матерія и во всякомъ случаѣ противоположна духу. Слѣдовательно, принять, что душа дѣйствуетъ на тѣло чрезъ посредство матеріальнаго органа, значитъ принять не болѣе, какъ то, что она дѣйствуетъ на матерію безъ всякаго посредствующаго органа, и значитъ опять предполагаемое дѣйствованіе ея на тѣло чрезъ матеріальный органъ не только не служитъ опроверженіемъ, а напротивъ служитъ доказательствомъ возможности дѣйствованія на тѣло и со стороны злыхъ духовъ. То обстоятельство, что мы не можемъ съ точностію опредѣлить границъ вліянія злыхъ духовъ на тѣла, конечно не даетъ такъ же никакого права отвергать самую дѣйствительность этого вліянія.

Такъ же точно несправедлива и другая мысль, та

мысль, будто Іисусъ Христосъ и Апостолы сами не признавали ни вліянія злыхъ духовъ вообще, ни существованія людей одержимыхъ злыми духами, что будто они говорили объ этомъ вліяніи и объ этихъ людяхъ, какъ о дѣйствительно существующемъ фактѣ, только приспособительно къ народнымъ представленіямъ. Эта мысль прямо противорѣчитъ цѣли проповѣди Іисуса Христа и Апостоловъ. Цѣль ея была та, чтобы искоренить въ людяхъ заблужденія и научить ихъ истинѣ. Конечно, они имѣли цѣлію главнымъ образомъ научить людей такимъ истинамъ и искоренить въ нихъ такія заблужденія, которыя имѣютъ своимъ предметомъ нравственно-религіозную область человѣческой природы и жизни. Но вопросъ объ отношеніи къ человѣку злыхъ духовъ, о вліяніи ихъ на него прямо и непосредственно относится къ этой области и есть одинъ изъ самыхъ главныхъ и самыхъ важныхъ ея вопросовъ. Слѣдовательно допустить, чтобы Іисусъ Христосъ и Апостолы не только оставили безъ всякаго вниманія въ людяхъ какія нибудь заблужденія относительно этого отношенія и вліянія, но даже утвердили эти заблужденія, въ своей собственной проповѣди и своемъ собственномъ ученіи признали ихъ за истинныя понятія, совершенно невозможно, потому что это значило бы допустить со стороны ихъ дѣйствіе совершенно несогласное съ ихъ цѣлію, положительно враждебное ихъ цѣли. Слѣдовательно, совершенно невозможное дѣло, чтобы они не только оставили безъ опроверженія, но даже съ своей стороны выдавали

за истину народное убѣжденіе какъ вообще во вліяніи злаго духа на человѣка, такъ и въ томъ, что такъ называемые бѣсноватые суть одержимые злыми духами, не возможное дѣло, чтобы они сдѣлали это въ томъ случаѣ, если бы они сами не раздѣляли этого убѣжденія, если бы они признавали его ложнымъ. И значитъ, если Христосъ и Апостолы говорятъ объ этомъ вліяніи и объ этихъ людяхъ, какъ о дѣйствительно существующемъ фактѣ, то слова ихъ необходимо понимать въ этомъ случаѣ буквально, то необходимо признать, что они и дѣйствительно сами признавали дѣйствительность этого вліянія и дѣйствительное существованіе такихъ людей.

Іисусъ Христосъ и Св. Его Апостолы преподавали людямъ небесное ученіе не для того, чтобы пріобрѣсть себѣ славу учителей, а для того, чтобы призвать людей изъ тьмы въ чудный свѣтъ Божій и доставить имъ средства ходить, какъ прилично чадамъ свѣта (1). Но можно ли было бы достигнуть имъ этой цѣли, если бы они стали преподавать свое ученіе приспособительно къ ложнымъ понятіямъ своихъ слушателей? Какъ можно было бы тогда понять истинныя мысли проповѣдника? Поняли либы Іисуса Христа ученики Его, когда Онъ говорилъ: *се сатана проситъ васъ, дабы сѣялъ, яко пшеницу* (2)? Поняли ли бы мы, отъ чего хотѣлъ предостеречь насъ Апостолъ Петръ, когда заповѣдывалъ:

(1) Еф. V. 8. (2) Лук. 22, 31.

трезвитеся, бодрствуйте, зане супостатъ вашъ діаволъ, яко левъ рыкая, ходитъ, искій кого поглотити (1), *противитеся діаволу* (2)? Выразумѣли ли бы мы Апостола Павла, когда онъ, заповѣдуя намъ облекаться во вся оружія Божія, говорилъ: *нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ, и ко властемъ, и къ миродержителемъ тьмы вѣка сего, духовомъ злобы поднебесным* (3)?

Правда, Іисусъ Христосъ выражался иногда языкомъ символическимъ, притчнымъ; но притча совершенно другое дѣло, чѣмъ приспособленіе ко мнѣніямъ и предразсудкамъ другихъ. Притча у Спасителя всегда видна какъ потому, что она даетъ себя знать по самой своей формѣ, такъ и потому, что Спаситель всегда Самъ даетъ знать, гдѣ Онъ говоритъ притчно. Такимъ образомъ, если бы слушающій притчу и лишенъ былъ счастія узнать скрытую въ притчѣ истину, по крайней мѣрѣ онъ не подвергся бы несчастію принять за дѣйствительную мысль проповѣдника буквальный смыслъ притчи.

Притомъ, Іисусъ Христосъ, предлагая ученіе Свое народу въ притчахъ, по неспособности его надлежащимъ образомъ пользоваться симъ ученіемъ (4), объяснилъ сіи притчи для избранныхъ учениковъ Своихъ—будущихъ учителей міра, коль скоро и

(1) 1. Пет. V. 8. (2) Іо. 4. 7. (3) Еф. VI. 12. (4) Мар. IV. 11. 12. Матѳ. XIII. 10—15.

они не понимали притчей Его. Такъ ученики Іисуса Христа не поняли притчи Его о сѣятелѣ и сѣмени, и Іисусъ Христосъ объясняетъ ее для нихъ (1). Ученики невыразумѣли притчи Іисуса Христа о Пастырѣ и овцахъ; Іисусъ Христосъ предлагаетъ ее имъ въ яснѣйшемъ видѣ (2). И вообще, Іисусъ Христосъ обличалъ Апостоловъ, когда они не понимали духа Его ученія (3), или когда думали о лицѣ Іисуса Христа сообразно съ понятіями своихъ современниковъ (4). Но Іисусъ Христосъ никогда не говорилъ ни народу, ни ученикамъ Своимъ, что слова Его о злыхъ духахъ надобно понимать не такъ, какъ они представляются съ перваго взгляда; напротивъ и предъ народомъ (5) и предъ учениками Своими (6) говорилъ о злыхъ духахъ безъ всякаго объясненія словъ Своихъ; слѣдовательно Іисусъ Христосъ хотѣлъ, чтобы Его въ этомъ случаѣ понимали такъ, какъ велитъ буквальный смыслъ словъ Его.

Говорятъ: мысль о вліяніи злыхъ духовъ на человѣка и объ одержимыхъ злымъ духомъ во время Іисуса Христа слишкомъ глубоко была укоренена въ народѣ еврейскомъ, такъ, что если бы Іисусъ Христосъ и Апостолы стали усиливаться искоренять ее, подверглись бы опасности сдѣлаться жертвою на-

(1) Мар. IV. 14-20. Лук. VIII 9. (2) Іоан. X. 1-6. 7-16. (3) Лук. IX 52-55. (4) Мар. X. 35-40. (5) Лук. XI. 15-26. (6) Лук. XXII. 31.

родной ненависти (1).—Но не вооружался ли Іисусъ Христосъ противъ неблагочестиваго обычая Іудеевъ покупать и продавать въ храмѣ разныя вещи (2). Не возставалъ ли Онъ противъ предразсудочнаго мнѣнія ихъ о клятвѣ (3). Онъ обличалъ лицемѣріе Фарисеевъ (4), осуждалъ предпочтеніе, оказываемое Іудеями обрядамъ предъ сущностію закона, правдою и вѣрою (5) и показывалъ несправедливость чувственныхъ, любимыхъ понятій о Мессіи (6). И сихъ обличеній, осужденій, укоризнъ Іисусъ Христосъ не оставлялъ никогда, не смотря на то, что Ему на всякомъ шагу грозила опасность сдѣлаться жертвою народной ненависти.

Апостолы Христовы, не смотря ни на какую опасность, проповѣдывали ученіе Христово, хотя оно и отмѣняло религію іудейскую, и уничтожало религіи языческія. Они разрѣшили Христіанъ отъ обязанности исполнять обрядовый законъ Моисеевъ (7); они обличали суевѣрную надежду на оправданіе, основываемую на происхожденіи отъ Авраама (8); осуждали Іудеевъ за убіеніе Мессіи Іисуса (9), и укоряли за жестокосердіе, удерживавшее ихъ въ невѣріи (10). Словомъ, нѣтъ ни одного заблужденія, ни одного порока, который бы Іисусъ Христосъ и Апостолы оставили въ народѣ іудейскомъ безъ обличенія, хотя бы это стоило имъ жестокихъ гоненій. И оставили ли бы они безъ обличенія мнѣніе о вліяніи на человѣка злыхъ духовъ, если бы оно было несправедливо?

(1) Pölitz въ вышеприведенномъ сочиненіи. (2) Мѳ. XXI. 12 13. (3) Мѳ. XXIII 15-22. (4) Мѳ XXIII. 3-5 (5) XXIII. (6) Лук XVII 20 21. (7). Дѣян. XV. 22—23. (8) Римл. IX. 6. 7. 8. (9). Дѣян. VII. 52. (10) Дѣян. 14. 51.

Нѣкоторые въ самомъ Св. Писаніи находятъ основаніе не принимать въ буквальномъ смыслѣ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ говорится о вліяніи злыхъ духовъ на человѣка.—За такое основаніе признаютъ главнымъ образомъ слѣдующее изреченіе Апостола Іакова. *Кійждо искушается отъ своея похоти влекомъ и прельщаемъ* (1). Но это изреченіе совершенно не можетъ быть такимъ основаніемъ. Здѣсь похоть берется въ обширнѣйшемъ значеніи, и именно не только какъ дѣйствующее начало грѣховныхъ нашихъ расположеній, но и какъ начало, пріемлющее грѣховныя возбужденія отвнѣ: иначе, что бы означало это наставленіе Апостола Іакова: *противитеся діаволу* (2)? Сколько ни повреждена нравственная природа человѣка, въ ней есть нѣчто и доброе. Хотя человѣкъ естественный весьма часто не обрѣтаетъ въ себѣ еже содѣяти доброе; по крайней мѣрѣ ему прилежитъ еже хотѣти (3). И это желаніе добра можетъ быть приводимо въ исполненіе, такъ какъ въ человѣкѣ есть нѣсколько нравственныхъ силъ. Но діаволъ, этотъ исконный человѣкоубійца, не можетъ равнодушно смотрѣть на эти остатки добра въ человѣкѣ; ему хочется и послѣднее сѣмя добра истор-

(1) Іак. 1. 14. (2) Іак. IV. 7. (3) Рим. VII. 18.

гнуть изъ души человѣка, или если не можно ихъ исторгнуть, то старается всѣять въ душу человѣка различныя плевелы. Если бы природа человѣческая не была повреждена, то этимъ плевеламъ труднѣе было бы возрасти. Но грѣховная похоть человѣка слѣдствіе первороднаго грѣха, подобно какъ трудъ принимаетъ искру, воспріемлетъ злыя внушенія діавола. И такъ, поелику принятіе внушеній діавольскихъ въ человѣкѣ, послѣ паденія, имѣетъ основаніемъ своимъ похоть, возбуждающую въ немъ расположеніе къ этимъ внушеніямъ. Апостолъ Іаковъ и самыя внушенія діавола приписываетъ похоти человѣка, такъ какъ отъ нея зависитъ принятіе сихъ внушеній. При пониманіи и объясненіи Св. Писанія должна быть нашею руководительницею Церковь. А Церковь, какъ уже видѣли мы, всегда признавала дѣйствительное существованіе одержимыхъ злымъ духомъ.

Знаменитый въ свое время докторъ Медицины Фернель доказываетъ, что бѣсноватость совершенно неизлечима одними естественными медицинскими средствами, что отъ ней могутъ спасти только духовно-религіозныя мѣры, именно Церковныя заклинанія (1). Мнѣніе, очевидно говорящее въ пользу защищаемой нами истины и какъ взглядъ самой науки, составляетъ очень важное доказательство противъ опровергаемыхъ возраженій.

---

(1) Lenoger. I. hist. des spectres. c. 2. p. 22.

Можно, конечно, дѣлать много возраженій противъ бѣсноватости: ничто столько не представляетъ трудностей для пониманія, какъ этотъ предметъ. Но ужъ это постоянный, неизмѣнный законъ, что и яснѣйшія истины религіи всегда бываютъ покрыты нѣкоторой темнотой, что и самые несомнѣнные факты всегда подвергаются сомнѣнію, что самыя неоспоримыя, самыя несомнѣнныя чудеса людьми не вѣрующими на основаніи какихъ-нибудь сомнительнаго свойства явленій опровергаются. Религія имѣетъ свою ясную и темную сторону. Этого восхотѣлъ Самъ Богъ для того, чтобы такимъ образомъ люди праведные имѣли предметъ для развитія вѣры, а невѣры и безбожники въ своемъ самопроизвольномъ невѣріи и нечестіи нашли погибель: *чтобы видящіе не видѣли и слышащіе не слышали* (1). Великія таинства христіанства для однихъ составляютъ камень претыканія, для другихъ путь ко спасенію: таинство креста для однихъ безуміе, для другихъ дѣло высочайшей премудрости и чудодѣйственной силы Божіей: *Слово бо крестное погибающимъ убо юродство есть, а спасаемымъ намъ сила Божія есть. Понеже бо къ премудрости Божіей неразумѣ міръ премудростію Бога, благоизволилъ Богъ буйствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ; мы же проповѣдуемъ Христа распята, Іудеемъ убо соблазнъ, Эллинамъ безуміе* (Кор. 1, 18. 21. 23).

---

(1) Лук. VIII, 10.

Когда Моисей творилъ чудеса, Фараонъ ожесточился. маги египетскіе должны были наконецъ увидѣть въ нихъ перстъ Божій. Іудеи, видя эти чудеса, довѣряются Моисею и Аарону, отдаются ихъ руководству. не смотря на опасности, какимъ угрожало имъ это рѣшеніе.

Демонъ часто повидимому дѣйствуетъ противъ себя самого и разрушаетъ свою собственную власть; это же онъ повидимому дѣлаетъ и тѣмъ, что посредствомъ своихъ приверженцевъ выдаетъ, будто все, что разсказывается о явленіяхъ злаго духа вообще и въ частности о бѣсноватости, есть не болѣе, какъ басни, которымъ могутъ вѣрить одни дѣти, будто все это можетъ быть признаваемо справедливымъ только слишкомъ неразвитыми и предразсудочными умами. Какая польза для демона внушать такой взглядъ на все это и разрушать въ народѣ убѣжденія относительно всего этого?. Если все это обманъ и ложь, что̀ выигрываетъ онъ, открывая людямъ глаза на этотъ обманъ? Если это дѣйствительность, то зачѣмъ ему подвергать подозрѣнію свое собственное дѣло, зачѣмъ ему лишать себя извѣстности въ своихъ собственныхъ дѣлахъ и въ своихъ собственныхъ послѣдователяхъ?

Если вникнуть въ дѣло повнимательнѣе, то очевидно, что демонъ здѣсь, повидимому дѣйствуя противъ себя самого. на самомъ дѣлѣ дѣйствуетъ въ свою пользу. Стараясь внушить людямъ то убѣжденіе. будто всѣ разсказы о явленіяхъ діавола между людьми ложны. демонъ этимъ самымъ стремится къ

той цѣли, чтобы еще болѣе закрѣпить свою власть, чтобы на него не нападали, а оставляли его спокойно владѣть своими пріобрѣтеніями. чтобы мірскія и духовныя власти, на которыхъ лежитъ обязанность охранять народъ отъ его злобы и жестокости, прекратили борьбу съ нимъ и перестали беречь народъ отъ его хитрыхъ нападеній. Цѣль его здѣсь та. чтобы остановить направленныя противъ него слова церковныхъ пастырей и руку правосудія, чтобы такимъ образомъ простодушный народъ безпрепятственно сдѣлать своей игрушкой и чтобы тѣхъ, которые уже перестанутъ вѣрить въ его сѣти, въ его злобу, тѣмъ удобнѣе ему искушать, преслѣдовать, развращать, приводить къ погибели; цѣль та, чтобы міръ возвратился опять къ тому состоянію, въ которомъ онъ находился во времена язычества, чтобы онъ поработился заблужденіямъ и позорнѣйшимъ страстямъ, чтобы онъ подвергъ сомнѣнію и отвергъ самыя несомнѣнныя и самыя необходимыя для спасенія истины.

Несомнѣнно, въ мірѣ существуетъ безчисленное множество заблужденій, предразсудковъ, ложныхъ понятій, ложныхъ чудесъ, лжи, соблазновъ; несомнѣнно, что демону иногда приписываютъ и такія вещи, которыя происходятъ чисто естественнымъ порядкомъ; правда, что существуютъ тысячи ложныхъ разсказовъ. Слѣдовательно, стеречься отъ обмана — дѣло совершенно законное, но нужно отличать истину отъ лжи, дѣйствительныя происшествія отъ вымыш-

ленныхъ, и стараться о томъ, чтобы вмѣстѣ съ ложью не отвергнуть и истины.

Демонъ съ своей стороны къ малой долѣ правды всегда примѣшиваетъ много лжи, для того, чтобы такимъ образомъ трудность, отличить истину отъ лжи, приводила къ желаннымъ для него результатамъ, для того, чтобы невѣры всегда находили что нибудь такое, на чемъ они могли бы основывать свое невѣріе.

Примѣчаніе. Церковная исторія представляетъ безчисленное множество примѣровъ людей дѣйствительно одержимыхъ злымъ духомъ. Кальметъ представляетъ нѣсколько подробныхъ разсказовъ о бѣсноватыхъ изъ исторіи римско-католической церкви, которыя хотя не авторизованы нашею православною Церковію, но вполнѣ вѣроятны и съ точки зрѣнія нашей Церкви и имѣютъ на своей сторонѣ то значеніе, что представляются вѣрованіемъ всей западной Церкви. А потому мы передаемъ эти разсказы, какъ фактическія доказательства дѣйствительнаго существованія людей одержимыхъ злымъ духомъ.

«И по настоящее время, говоритъ Кальметъ, всѣмъ извѣстны бѣсноватыя лудунскія монахини, о которыхъ существовали и существуютъ такія разногласныя мнѣнія. Дочь Роморантинскаго ткача, Марѳа Бросьеръ (1) въ свое время пользовалась большой извѣстностію, какъ бѣсноватая, но ея бѣсноватость

(1) Iead no serres. sur Fan e'1599. Thuan. Hist. 1. 12.

была мнимая, притворная. Карлъ Миронъ, епископъ Орлеанскій, открылъ обманъ тѣмъ, что далъ ей напиться священной воды, не сказавъ ей, что она священная, прикоснулся до ней завернутымъ въ красную тафту ключемъ, сказавши, что это часть креста Христова, и прочелъ предъ ней стихи изъ Виргилія, которые мнимый духъ счелъ за заклинательную молитву. Бѣсноватая, когда приблизили къ ней ключъ и стали читать Виргиліевы стихи, начала дѣлать усиленныя движенія. Генрихъ фонъ Гонди, кардиналъ, епископъ Парижскій, поручилъ эту женщину для изслѣдованія пяти врачамъ, и трое изъ нихъ дали мнѣніе, что все дѣло въ обманѣ, что она на самомъ дѣлѣ только нѣсколько больна. Парламентъ принялъ также дѣло къ свѣдѣнію и одиннадцать врачей единогласно признали, что бѣсноватости въ ней никакой не было.

Въ царствованіе Карла IX, во Франціи, въ городѣ Вердюнѣ, одной молодой дѣвушкѣ, 15 или 16 лѣтъ, по имени Николѣ Авбри (1), являлось привидѣніе, которое выдавало себя за ея дѣдушку и требовало, чтобы она за упокой его души совершала молитвы и служила обѣдни. Въ виду лицъ, которыя стерегли ее, она часто переносилась въ какія-нибудь другія мѣста. Не оставалось никакого

(1) Этотъ разсказъ заимствованъ изъ сочиненія Examen et Discussion criti que de l'histoire des Diables de zondun par M. de la Menardage. Paris 1747. p. 134 -143.

сомнѣнія, что все это дѣлается злымъ духомъ. Но ее только съ большимъ трудомъ могли убѣдить въ этомъ. Епископъ Ляонскій приказалъ совершить надъ ней заклинанія и по окончаніи ихъ представить отчетъ о ходѣ дѣла; заклинанія продолжались болѣе трехъ мѣсяцевъ и совершенно исцѣлили бѣсноватую. Бѣдная страдалица вырывалась изъ рукъ у 9 или даже 10 человѣкъ, которые при этомъ употребляли всѣ силы, чтобы удержать ее; а въ послѣдній день цѣлыхъ 16 человѣкъ едва могли удержать ее. Когда она подымалась съ земли, то становилась такъ твердо, какъ столпъ, и въ этомъ случаѣ никакія усилія стерегшихъ ее не могли заставить ее не подыматься. Она говорила на многихъ языкахъ, открывала сокровенныя вещи, разсказывала о томъ, что совершалось въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ и въ тотъ самый моментъ, когда это совершалось. Многимъ она открывала состояніе ихъ совѣсти, въ одно и тоже время говорила на три голоса и между тѣмъ какъ на полфута высовывала языкъ, въ тоже самое время безъ труда говорила. Нѣсколько времени заклинанія совершались въ Вердюнѣ, а потомъ епископъ приказалъ перенести ихъ въ Ляонъ; здѣсь епископъ для совершенія заклинаній ставилъ бѣсноватую на возвышенномъ мѣстѣ, которое было устроено въ соборной церкви. Стеченіе народа при этомъ было такъ велико, что иногда бывало отъ 10 до12-ти тысячь человѣкъ. Многіе пріѣзжали изъ другихъ странъ, князья и другія великія лица, которыя не могли при этомъ быть сами, присылали отъ себя

уполномоченныхъ съ тѣмъ, чтобы они потомъ передали имъ весь ходъ дѣла. Были при этомъ папскій нунцій и послы отъ Парламента и отъ высшаго парижскаго учебнаго заведенія. Дѣло шло своимъ порядкомъ, и демонъ въ продолженіе его, побуждаемый заклинаніями, представилъ такъ много доказательствъ истинности католической вѣры, дѣйствительности Евхаристіи, какъ истиннаго таинства, и невѣрности кальвинизма, что кальвинисты, вмѣсто того, чтобы дѣлать возраженія противъ этихъ доказательствъ, въ жару гнѣва совершенно растерялись. Еще когда заклинанія совершались въ Вердюнѣ, въ то время, когда бѣсноватую водили въ храмъ Богоматери въ Liesse, кальвинисты посягали на самую жизнь ея заклинателей. Въ Ляонѣ, гдѣ они составляли преобладающее населеніе, они были еще ожесточеннѣе и нѣсколько разъ угрожали открытымъ возстаніемъ. Они требовали отъ епископа и Магистрата, чтобы амвонъ (устроенный для заклинаній), былъ разрушенъ и процессіи, какія обыкновенно совершались предъ заклинаніями, прекращены. Демонъ былъ теперь гордъ, дразнилъ и поносилъ епископа. Потомъ кальвинисты потребовали отъ Магистрата, чтобы бѣсноватая для лучшаго изслѣдованія дѣла была заключена въ тюрьму, и тутъ одинъ врачъ, по имени Карльеръ, кальвинистъ, былъ обличенъ въ томъ, что онъ однажды, въ то время, когда больная лежала въ конвульсіяхъ, вбросилъ ей въ ротъ какіе-то порошки, которые она во время припадка продержала во рту и по прошествіи его выбросила, и кото-

рые оказались самымъ сильнымъ ядомъ. Это обстоятельство заставило опять возобновить процессіи и заклинанія. Теперь кальвинисты огласили подложное предписаніе отъ г. фонъ Монтморенси, которымъ повелѣвалось прекратить заклинанія и въ которомъ вмѣстѣ съ этимъ дѣлалось приказаніе королевскимъ чиновникамъ привести въ исполненіе это предписаніе. Демонъ торжествовалъ, но тутъ же онъ открылъ епископу подлогъ этого предписанія,—онъ назвалъ всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ обманѣ и говорилъ, что благодаря слабости епископа, который болѣе подчиняется людямъ, чѣмъ волѣ Божіей, онъ выигрываетъ время. При этомъ демонъ публично объявилъ, что онъ вошелъ въ дѣвушку противъ своей воли, по повелѣнію Божію, съ тою цѣлію, чтобы или обратить кальвинистовъ, или же ожесточить ихъ, и что для него очень тяжело такимъ образомъ говорить противъ себя самого. Объ этомъ донесли епископу, и теперь нашли нужнымъ совершать процессіи и заклинанія два раза въ день, для того, чтобы такимъ образомъ возбудить въ народѣ бо́льшее вниманіе къ дѣлу. Прелатъ согласился, и дѣло начало совершаться еще съ бо́льшей торжественностію, чѣмъ прежде. Демонъ еще чаще говорилъ, что срокъ его отдаленъ; какъ на причину этого, онъ указывалъ одинъ разъ на то, что епископъ предъ заклинаніями не исповѣдывался, въ другой разъ на то, что при заклинаніяхъ епископъ былъ не натощакъ, наконецъ на то, что не все общество, не всѣ судьи и другіе королевскіе чиновники были въ сборѣ. Говоря все это,

демонъ изрыгалъ проклятія на Церковь, на епископа, на духовенство, и проклиналъ тотъ часъ, когда вселился онъ въ тѣло дѣвушки. Наконецъ насталъ послѣдній кризисъ. Въ полдень собрался весь городъ и епископъ произнесъ послѣднія заклинанія, при этомъ совершилось много чудеснаго. Епископъ хотѣлъ приблизить Св. дары къ устамъ бѣсноватой, демонъ схватилъ его руку, дѣвушка рванулась изъ рукъ 16-ти человѣкъ, которые ее держали, и подняла ихъ надъ собой. Послѣ сильнаго сопротивленія, демонъ наконецъ вышелъ изъ нея; она была спасена и проникласъ чувствомъ благодарности къ милосердію Божію. Теперь, при звукѣ всѣхъ колоколовъ, пропѣто было Тебѣ Бога хвалимъ; это былъ общій праздникъ для христіанъ: цѣлыхъ девять дней совершались благодарственныя процессіи. Установлено было ежегодно, 6 Февраля, совершать благодарственную литургію и все происшествіе было записано въ Церкви на барельефи вокругъ клироса, гдѣ эта запись существовала еще предъ революціей. Принцъ Конде, который именно въ это время выступилъ на поприще, по внушенію нѣкоторыхъ изъ своей секты, призывалъ къ себѣ дѣвушку Авбри и Каноника д'Эспинуа, который все время не отлучно присутствовалъ при заклинаніяхъ, допрашивалъ того и другую порознь, употреблялъ угрозы, обѣщанія и всевозможныя мѣры, не для того, чтобы открыть дѣйствительный обманъ, а съ тою цѣлію, чтобы во что бы то ни стало взвести на нихъ обвиненіе въ обманѣ. Онъ зашелъ даже такъ далеко, что предлагалъ Канонику большую на-

граду за то, чтобы тотъ согласился перемѣнить свое нѣроисповѣданіе. Но онъ ничего не могъ добиться отъ людей, которые такъ ясно, такъ непосредственно видѣли дѣла Божія милосердія и силу своей Церкви. Твердость Каноника и наивная правдивость дѣвушки доказывали только ему истинность того факта, который для него былъ непріятенъ, и онъ ихъ оставилъ. Но въ минуты новаго припадка злобы, онъ приказалъ арестовать дѣвушку Авбри и заключилъ ее въ одну изъ своихъ темницъ, гдѣ она и находилась, пока наконецъ ея родители обратились съ жалобой на такую несправедливость къ королю Карлу IX, вслѣдствіе чего она, по приказанію короля, и была выпущена на свободу. Многіе изъ кальвинистовъ, подъ вліяніемъ всей описанной исторіи, обратились къ католической церкви, потомки ихъ извѣстны и теперь. Между этими кальвинистами былъ между прочимъ Флёримондъ де Раймондъ, который и описалъ всю исторію въ своемъ сочиненіи о ересяхъ. Когда потомъ король посѣщалъ Лионъ, онъ разспросилъ обо всей этой исторіи у каѳедральнаго декана, который самъ былъ ея свидѣтелемъ, и приказалъ огласить ее (1). Съ одобренія Сорбонны, вся исторія была опубликована сначала на французскомъ языкѣ, потомъ на латинскомъ, на испанскомъ, на италіанскомъ и нѣмецкомъ. Къ этому присоединились рескрипты Пія V и Григорія XIII, кромѣ того епископъ Лионскій издалъ объ этой исторіи короткую статейку подъ заглавіемъ: Le triumph du S. Sacrement sur le Demon.

(1) Tresor et entiere Histoire de la triumphante victoire du corps de Dieu, recuellie des Ocuvres et actes publics, presantèe au Pape, au Roi, au chancelier de France et au premier president. A Paris chez Chesnau 1578. 4.

Разсказанное происшествіе, повидимому, столько заключаетъ въ себѣ признаковъ несомнѣннаго факта, что больше и желать нельзя.

Въ Лотарингіи, въ Нанси (1), около 1620 г. жила одна бѣсноватая, которая пользовалась большой извѣстностію во всей этой странѣ, но внѣ ея еще очень мало извѣстна. Имя ея—Елисавета фонъ-Ранфейнгъ. Пичардъ, Лотарингскій лейбъ-медикъ, записалъ исторію этой бѣсноватой въ 1622 г. Послѣ того какъ надъ ней, 2 Сентября 1619 г., въ Рамиремонтѣ были совершены предварительныя заклинанія, она была приведена въ Нанси, гдѣ этотъ медикъ и былъ очевидцемъ всей дальнѣйшей ея исторіи. Епископъ Тулскій, Порцелетъ, назначилъ для ней заклинателями доктора Богословія Віардина, одного іезуита и одного капуцина. При совершеніи заклинаній присутствовали почти всѣ нанческіе монахи. Присутствовали также вышепоименованный епископъ Тулскій, викарій Страсбургскій, Занси, прежній французскій посолъ въ

(1) Этотъ разсказъ я заимствую буквально изъ сочиненія Іосифа фонъ Герреса: christliche Mystik IV. Bd. 1. Abth. S. 257 и ff.

Константинополѣ, Карлъ Лотарингскій, епископъ Вердюнскій и два уполномоченныхъ молодыхъ доктора изъ Сорбоннскаго университета. Послѣдніе заклинали бѣсноватую на еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ. И она, тогда какъ въ нормальномъ состояніи едва съ трудомъ могла читать по латыни, теперь совершенно свободно и вѣрно отвѣчала на всѣ ихъ вопросы. Стардай, который тогда славился знаніемъ еврейскаго языка,— писалъ, что онъ едва только начиналъ шевелить губами и не успѣвалъ еще произносить еврейскихъ словъ, какъ она уже давала отвѣты; этотъ же господинъ представилъ много и другихъ фактовъ ея бѣсноватости. Гарньеръ, докторъ Сорбоннскій, также предлагалъ ей различные вопросы на еврейскомъ языкѣ, и она отвѣчала ему также совершенно вѣрно, только уже на французскомъ языкѣ, такъ какъ демонъ сказалъ, что онъ согласенъ говорить только на мѣстномъ языкѣ. Когда Гарньеръ сталъ было допытываться далѣе (почему онъ не говоритъ по еврейски), демонъ отвѣчалъ: развѣ для тебя недостаточно того, что я понимаю все, что ты говоришь. Когда потомъ Гарньеръ началъ говорить по гречески и по невнимательности сдѣлалъ ошибку въ склоненіи одного слова, злой духъ замѣтилъ: ты ошибся. Гарньеръ потребовалъ по гречески, чтобы онъ опредѣленнѣе указалъ ошибку; демонъ отвѣчалъ: довольно и того, что я вообще замѣтилъ твою ошибку, и больше ничего отъ меня не требуй. Гарньеръ по гречески приказывалъ ему замолчать; злой духъ отвѣчалъ: ты хочешь, чтобы я молчалъ, но я не

хочу молчать. Когда соборный схоластикъ, Мидотъ Тулскій велѣлъ ему по гречески сѣсть, -демонъ сказалъ: я не хочу сидѣть. Мидотъ опять сказалъ по гречески: садись на полъ, повинуйся; но тутъ онъ замѣтилъ, что злой духъ хочетъ съ силой повергнуть дѣвушку на полъ, и сказалъ ему опять по гречески, чтобы онъ садился тихо, и демонъ повиновался. За тѣмъ Мидотъ сказалъ: протяни правую руку,—приказаніе было исполнено. Послѣ этого Мидотъ велѣлъ демону возбудить въ колѣнѣ бѣсноватой холодъ, и она дѣйствительно тотчасъ объявила, что чувствуетъ въ колѣнѣ сильный холодъ. Когда потомъ другой Сорбоннскій докторъ, Мишель, поднесъ къ бѣсноватой въ рукѣ крестъ, демонъ сказалъ про себя тихо по гречески, однако такъ, что нѣкоторые изъ присутствовавшихъ слышали: дай мнѣ этотъ крестъ. Докторъ потребовалъ, чтобы онъ громче повторилъ свои слова;—я повторю свои слова, сказалъ демонъ, только на половину по гречески, и сказалъ по французски: donez moi (дай мнѣ), а потомъ добавилъ уже на греческомъ языкѣ: этотъ крестъ. Албертъ капуцинъ повелѣлъ ему на греческомъ языкѣ, во имя семи радостей Маріи, сдѣлать на полу языкомъ семь крестовъ. Демонъ сдѣлалъ крестъ три раза языкомъ, а два раза носомъ. Когда приказаніе было повторено, —онъ его исполнилъ; затѣмъ онъ исполнилъ и другое приказаніе, поцѣловать ноги Тулскому епископу. Когда Албертъ замѣтилъ въ немъ желаніе опрокинуть сосудъ съ священной водой, онъ приказалъ ему тихо взять этотъ сосудъ, -демонъ повиновался; по-

томъ Албертъ приказалъ ему отнесть кропильницу коменданту города. Такъ какъ Албертъ говорилъ по гречески, духъ замѣтилъ, что этимъ языкомъ не принято заклинать; Албертъ отвѣчалъ: не ты намъ для этого постановилъ законы; Церковь имѣетъ право заклинать тебя на какомъ ей угодно языкѣ. Бѣсноватая схватила кропильницу и понесла ее сначала къ Гвардіану Капуциновъ, потомъ къ Эриху, принцу Лотарингскому, къ графамъ Бріонскому Ремомвилю, Ля Бо и другимъ присутствовавшимъ. Когда Пичардъ на половину по гречески и на половину по еврейски приказалъ ему, чтобы онъ освободилъ отъ боли голову и глаза бѣсноватой, демонъ отвѣчалъ: мы, демоны, не виноваты въ этой ея боли,—ея голова наполнена дурными соками, что происходитъ отъ ея природнаго сложенія.

Потомъ первый заклинатель, Віардинъ, спросилъ его по латыни: ubi censebaris, quando mane oriebaris? демонъ отвѣчалъ: между серафимами. Pro signo exbibe nobis patibulum fratris Cephae, продолжалъ Віардинъ; демонъ скрестилъ руки и такимъ образомъ сдѣлалъ знакъ Андреевскаго креста. Въ отвѣтъ на слова: Applica carpum carpo! онъ положилъ одинъ кулакъ на другой. При словахъ: Move tarsum tarso, et metarsum metarso! онъ крестообразно сложилъ ноги. Excita in calcaneo qualitatem congregantem heterogenea! бѣсноватая сказала, что она почувствовала въ пяткахъ очень сильный холодъ. На слова: Exhibe nobis labarum Venetorum! она сдѣлала крестное знаменіе. На слова: Exibe nobis videntem Deum bene precantem nepotibus ex salvatore Aegypti! она сложила руки крестообразно, какъ складывалъ ихъ патріархъ Іаковъ, когда благословлялъ Ефрема и Манассію. На слова: Exbie crucem conterebrantem stipiti! она сдѣлала знакъ опрокинутаго креста Св. Петра. Когда Віардинъ сказалъ: Pereum, qui adversus te praeliavit! духъ, не давши ему времени поправить ошибку (Віардинъ по невнимательности сказалъ, вмѣсто praeliatus est,—praeliavit) сказалъ оселъ! praeliatus est! Демонъ также отвѣчалъ на все, о чемъ у него ни спрашивали, на италіанскомъ и нѣмецкомъ языкѣ. Когда ему сказали: Sume encolpium ejus, qui hodie functus est officio ejus, de quo cecinit Psaltes: pro patribus tuis natisunt tibi filii! демонъ пошелъ и схватилъ наперстный крестъ Эриха, принца Лотарингскаго, который въ этотъ самый день совершалъ за больнаго епископа Тулскаго литургію и пріобщался Св. Таинъ. Демонъ угадывалъ самыя сокровенныя мысли и слышалъ, когда присутствовавшіе говорили между собой такъ тихо, что естественнымъ образомъ ихъ нельзя было слышать со стороны. Онъ сказалъ, между прочимъ, что знаетъ содержаніе одной охранительной молитвы, какую, между прочимъ, одинъ благочестивый священникъ читывалъ предъ совершеніемъ Евхаристіи. Когда ему на половину по латыни, на половину по италіански сказали: Adi scho-lastram seniorem, et osculare pedes ejus, la cui scarpa hapiu di sugero! онъ подошелъ къ Жуйлету, схола-

стику монастыря Св. Георгія, который дѣйствительно былъ старше Віардина и который, такъ какъ у него правая нога была короче, носилъ на ней родъ деревянной туфли, которая дѣлала ногу длиннѣе, и которая по италіански называлась sugero. Демонъ давалъ отвѣты заклинателямъ не только на слова, но даже уже по одному движенію ихъ губъ, — или по одному тому, если они прикладывали къ устамъ книги или руку. Одинъ протестантъ, англичанинъ, сказалъ ему: въ доказательство того, что ты дѣйствительно находишься въ этой дѣвушкѣ, — назови мнѣ господина, который когда-то училъ меня вышивать?— демонъ отвѣчалъ: Вильгельмъ. Пичардъ разсказываетъ еще много и другихъ таинственныхъ сокровенныхъ вещей, которыя открывалъ демонъ; онъ передаетъ также, что демонъ дѣлалъ такія вещи, которыхъ человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ гибокъ и изворотливъ, не можетъ сдѣлать естественнымъ образомъ, какъ напр. то, что демонъ безъ всякаго участія рукъ и ногъ ползалъ по землѣ.

Описавши подробно заклинанія и факты, доказывающіе дѣйствительную бѣсноватость дѣвушки, ея вопросы и отвѣты, Пичардъ приводитъ при этомъ подлинныя свидѣтельства о дѣйствительности описанной исторіи Богослововъ, медиковъ, епископа Эриха Лотарингскаго, епископа Вердюнскаго, Карла Лотарингскаго, многихъ монаховъ,—наконецъ, приводитъ еще письмо іезуита Коттона, который тоже подтверждаетъ эту исторію. Письмо это писано отъ 5 Іюня

1621 г. въ отвѣтъ на письмо къ этому іезуиту Эриха, Лотарингскаго князя.

Я вошелъ въ слишкомъ частныя подробности относительно заклинаній и доказательствъ дѣйствительной бѣсноватости дѣвушки фонъ Ранфейнгъ; —думаю, я достаточно сказалъ для того, чтобы каждый, кто сколько-нибудь добросовѣстно смотритъ на вещи и свободенъ отъ предубѣжденій, призналъ описанное происшествіе несомнѣннымъ фактомъ и вообще возможными подобныя происшествія. Разсказанная исторія произошла въ Нанси, главномъ городѣ Лотарингіи, въ присутствіи большаго общества просвѣщенныхъ людей, двухъ князей изъ Лотарингскаго дома, двухъ епископовъ, очень образованныхъ мужей, —далѣе въ присутствіи и по распоряженію высокопочтеннѣйшаго господина епископа Тулскаго, Порцелета, человѣка весьма просвѣщеннаго и заслуженнаго, въ присутствіи двухъ Сорбоннскихъ докторовъ, которые нарочито были вызваны за тѣмъ, чтобы дали свое мнѣніе относительно дѣйствительности бѣсноватости, наконецъ въ присутствіи даже послѣдователей такъ называемой реформатской вѣры, которые были заранѣе предубѣждены противъ подобныхъ вещей, какъ бѣсноватость.

Ранфейнгъ была дѣвушка очень благородная и умная. Нельзя предположить никакихъ причинъ, которыя бы могли побудить ее притвориться бѣсноватою, притворно принять на себя положеніе, причинившее ей столько непріятностей.

Г. Николай Занси и г. Віарданъ, это мужи, которые по своимъ личнымъ заслугамъ, по своимъ духовнымъ дарованіямъ, по своимъ должностямъ и заслуженности, пользовались большой извѣстностію. Первый былъ французскимъ посломъ въ Константинополѣ, другой резидентомъ добраго Герцога Генриха при Римскомъ дворѣ. Мнѣ думается поэтому, что нельзя указать никакого другаго примѣра, который былъ бы способнѣе приведеннаго доказывать дѣйствительность бѣсноватости.

ГЛАВА VIII.

Возвращеніе и явленіе душъ по разлученіи ихъ съ тѣломъ по Священному Писанію.

Такъ какъ продолженіе существованія души по разлученіи ея съ тѣломъ и ея безсмертіе есть несомнѣнная истина, такъ какъ самъ Спаситель утвердилъ ее противъ непризнавшихъ ея Саддуксевъ, то уже поэтому одному возвращеніе отшедшихъ душъ и явленіе ихъ живущимъ на землѣ людямъ, по допущенію или повелѣнію Бога, вполнѣ возможны и не представляютъ ничего невѣроятнаго. У Іудеевъ, современныхъ Спасителю, вѣра въ это возвращеніе и это явленіе была всеобщею вѣрою. Іисусъ Христосъ предполагалъ ее уже, какъ несомнѣнную, и никогда не говорилъ ничего такого, изъ чего бы можно было заключать, что онъ не одобрялъ или осуждалъ эту вѣру. Онъ только училъ, что духи, являясь, не имѣютъ ни плоти, ни костей, какъ имѣлъ ихъ Онъ по своемъ воскресеніи: *духъ плоти и кости не имать, якоже мене видите имуща* (1). Если Св. Ѳома усомнился

(1) Лук. XXIV. 37-39.

въ воскресеніи своего Учителя и въ дѣйствительности Его явленія то усомнился онъ въ этомъ единственно потому что зналъ, что часто явленія духовъ бываютъ только кажущіяся мнимыя, что часто люди, слишкомъ занятые какими нибудь мыслями, воображаютъ, что видятъ и слышатъ то, чего на самомъ дѣлѣ не бываетъ; и если бы Іисусъ Христосъ явился Своимъ ученикамъ не въ тѣлѣ, никакой другой образъ явленія не могъ бы доказать имъ истинности Его воскресенія; духъ можетъ являться и тогда, когда его тѣло находится въ землѣ, или уже само превратилось бы въ землю. Апостолы не сомнѣвались въ возможности явленія духовъ: увидѣвши Спасителя, идущаго къ нимъ по водамъ озера Геннисаретскаго, они думали сначала, что видятъ духа (1). Евангельскій богачъ, находясь въ адскихъ мученіяхъ, проситъ Авраама послать на землю Лазаря, чтобы тотъ предостерегъ его братьевъ отъ опасности подвергнуться тому ужасному состоянію, въ какомъ онъ самъ мучится (2). Слѣдовательно, онъ несомнѣнно вѣрилъ, что души умершихъ могутъ возвращаться въ міръ, являться людямъ и говорить съ ними.

Во время преображенія Іисуса Христа на Ѳаворѣ явились Моисей и Илія, умершіе нѣсколько столѣтій тому назадъ, и вели разговоръ со Христомъ (3). По воскресеніи Спасителя возстали многія давно умершія лица и явились многимъ въ Іерусалимѣ (4).

(1) Матѳ. XI 16. Мар. VI 49 (2) Лук. XXI 14 15. (3) Лук. IX. 30 (4) Матѳ. XII. 13. 14

Въ Ветхомъ Завѣтѣ царь Саулъ обращается къ волшебницѣ Эндорской и проситъ ее вызвать духъ Самуила (1); Самуилъ являлся и говорилъ съ Сауломъ. Мы предвидимъ тѣ безчисленныя возраженія, которыя представятъ противъ этого разсказа. Но являлся ли Самуилъ или нѣтъ, дѣйствительно ли вызывала его волшебница, или же его явленіе было только кажущееся, мнимое, во всякомъ случаѣ изъ этого событія мы можемъ заключать, что Іудеи вѣрили, что души умершихъ могутъ являться людямъ и открывать имъ сокровенное и будущее.

Блаженный Августинъ (2) писалъ Симплицію въ отвѣтъ на его разсужденіе объ этомъ предметѣ: «какимъ образомъ Самуилъ могъ быть вызванъ посредствомъ волшебства, понять это также трудно, какъ и то, какимъ образомъ діаволъ можетъ говорить, какимъ образомъ онъ могъ искушать святаго мужа Іова, или просить позволенія совершить свои казни противъ Апостоловъ, или какимъ образомъ онъ могъ Самого Христа перенесъ на кровлю Храма Іерусалимскаго». «Должно полагать, что духъ Самуила дѣйствительно былъ вызванъ и объявилъ Саулу имѣвшее съ нимъ случиться не вслѣдствіе силы заклинанія или власти діавола, но единственно по волѣ и допущенію Бога».

Августинъ прибавляетъ къ этому: «можно даже

(1) I. цар. XXVIII. 12. 13. 14. (2) Augustin. de diversis quaestionib. ad Simplicium quaest. III.

думать, что не Самуилъ, а только призракъ, произведенный обманомъ и силою демона, являлся Саулу. Если же Св. Писаніе называетъ этотъ призракъ именемъ Самуила, то въ этомъ случаѣ оно слѣдуетъ тому свойству обыкновеннаго человѣческаго языка, по которому часто именемъ дѣйствительныхъ предметовъ называютъ то, что на самомъ дѣлѣ есть только ихъ образъ или представленіе».

«Если же спросятъ, какимъ образомъ этотъ призракъ могъ открыть будущее возвѣстить Саулу его близкую смерть, то да позволено будетъ намъ отвѣчать на это такимъ вопросомъ: какимъ образомъ діаволъ могъ узнать въ Іисусѣ Христѣ истиннаго Бога, или какимъ способомъ дѣвушка, о которой разсказывается въ дѣяніяхъ Апостольскихъ, узнала въ Апостолахъ посланниковъ Бога?»

Въ заключеніи Св. Августинъ говоритъ, что онъ не понимаетъ надлежащимъ образомъ предмета, о которомъ идетъ рѣчь, и потому отказывается произнести рѣшительное сужденіе о томъ, можетъ ли діаволъ посредствомъ силы заклинанія вызывать души умершихъ, такъ чтобы онѣ являлись въ тѣлесномъ образѣ и способны были говорить и открывать сокровенное и будущее.

Первосвященникъ Онія, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ своей смерти, являлся Іудѣ Маккавейскому (1)

(1) 2. Макк. XV. 14—15.

въ образѣ мужа съ поднятыми вверхъ руками, молящагося за народъ Божій. Вмѣстѣ съ нимъ явился Іудѣ такъ же давно уже умершій пророкъ Іеремія. Онія при этомъ сказалъ Іудѣ: вотъ святый мужъ, защитникъ и покровитель своихъ братьевъ, неусыпно ходатайствующій за народъ Божій и за святой городъ Іерусалимъ. При этихъ словахъ Іеремія обратился къ Іудѣ и, вручая ему золотой мечъ, сказалъ: прими этотъ мечъ, какъ даръ Божій; имъ ты сокрушишь враговъ моего народа - Израиля.

Во второй книгѣ Маккавейской (1) разсказывается слѣдующее: во время сраженія Іуды Маккавея съ Тимоѳеемъ, начальникомъ войска Сирійскаго, явились вдругъ пять мужей; они были на богато-убранныхъ лошадяхъ, и стали во главѣ Іудейскаго войска. Два изъ этихъ мужей неотступно сопровождали Іуду Маккавея въ битвѣ и своимъ оружіемъ защищали его, а на враговъ его метали стрѣлы и молніи и такимъ образомъ ослѣпляли ихъ и устрашали.

Эти пять вооруженныхъ всадниковъ, которые сражались за Израильтянъ, были, очевидно: Маттаѳія, отецъ Іуды Маккавея (2) и четыре его сына, всѣ въ это время уже умершіе; ибо изъ семи сыновей Маттаѳіи въ то время оставались въ живыхъ только три: Іуда, Іоанаѳанъ и Симонъ. Можно также принять этихъ мужей за Ангеловъ, посланныхъ на помощь Іу-

(1) 2. Макк. X. 29. (2) 1. Макк. X. 1-2.

дѣ Маккавею. Достоинство книги и свидѣтельство цѣлаго войска ручаются за подлинность этого явленія.

Изъ всего сказаннаго очевидно, во первыхъ, то, что Іудеи не сомнѣвались въ возможности возвращенія на землю душъ умершихъ и вѣрили, что онѣ дѣйствительно являются и открываютъ людямъ много такого, что превышаетъ обыкновенное человѣческое разумѣніе; во вторыхъ, то, что возможность и дѣйствительность этихъ явленій утверждается Св. Писаніемъ.— Моисей запрещаетъ вопрошать мертвыхъ (1) *да не бранется въ тебѣ (во Израилѣ)... в прошаяй мертвыхъ.*

Души усопшихъ, конечно, являются и могутъ являться на землю не по своей собственной волѣ, а не иначе, какъ только по повелѣнію и допущенію Божію. Богъ повелѣваетъ и допускаетъ имъ являться только для какихъ-нибудь особенныхъ достойныхъ его цѣлей. Если бы они могли являться по своему собственному произволу, въ такомъ случаѣ ихъ явленія были бы, конечно, гораздо чаще, чѣмъ какъ есть на самомъ дѣлѣ; въ такомъ случаѣ, конечно, мало нашлось бы между ними такихъ, которые бы не стали являться на землю по разнымъ личнымъ побужденіямъ, изъ побужденія, напр. родственнаго чувства; изъ желанія свиданія съ своими близкими и пр. — Такое мнѣніе высказываетъ Блаженный Августинъ, говоря о своей матери, Св. Моникѣ (1), которая его

(1) Второз. XVIII. 11. (2) August. de cura gerenda pro mortuis, cap 13.

такъ нѣжно любила. Евангельскій богачъ непремѣнно бы посѣтилъ своихъ братьевъ и родственниковъ, чтобы извѣстить ихъ о той несчастной участи, которая постигла его въ загробной жизни. Но Богъ по своему милосердію и всемогуществу дозволяетъ являться душамъ усопшихъ только очень рѣдко. По этому ко всему тому, что говорятъ и пишутъ о явленіяхъ усопшихъ, должно относиться съ большею осторожностію и осмотрительностію.

ГЛАВА IX.

Явленія отшедшихъ душъ, представляемыя исторіею.

Блаженный Августинъ (1) признаетъ, что часто умершіе дѣйствительно являлись живымъ людямъ, указывали имъ мѣста, гдѣ были зарыты ихъ тѣла безъ должнаго погребенія, и просили для нихъ такого погребенія. При этомъ онъ замѣчаетъ, что часто во храмахъ, въ которыхъ похоронены были умершіе, слышенъ бываетъ шумъ, и что часто видали, что мертвые входили въ дома, въ которыхъ они жили на землѣ.

Соборомъ Эльвирскимъ (2), бывшимъ около 300 г., было запрещено ставить на кладбищѣ свѣчи для того, чтобы такимъ образомъ не безпокоить душъ святыхъ. Въ ту ночь, когда умеръ Юліанъ, Св. Василій (3) видѣлъ въ видѣніи, что Св. мученикъ Меркурій получилъ отъ Бога повелѣніе умертвить Юліана. Вскорѣ по полученіи этого повелѣнія, Св. Меркурій

(1) Ibidem. cap. 10. (2) Concilium Elbir. anno circiter 300. (3) Amphilo, vita s. Basil et Chronic. Alex, pag. 692.

опять явился къ Василію и сказалъ: Господи, Юліанъ раненъ на смерть, какъ Ты это приказалъ мнѣ. На утро Св. Василій объявилъ объ этомъ народу. Св. Игнатій, епископъ Антіохійскій, послѣ своей мученической кончины въ 107 г. (1), являлся своимъ ученикамъ, привѣтствовалъ ихъ и оставался съ ними долгое время. Когда они начинали усердную молитву, Св. Игнатій являлся имъ, увѣнчанный короною и облитый свѣтомъ, какъ воинъ, вышедшій побѣдителемъ изъ опаснаго сраженія.—По смерти Св. Амвросія, въ ночь, когда крещены были оглашенные, многіе изъ новокрещенныхъ дѣтей видѣли Св. епископа (2) и указывали его своимъ родителямъ, но тѣ не могли видѣть его потому, какъ говоритъ Св. Павлинъ, ученикъ этого святителя, написавшій его жизнь, что глаза ихъ не были достаточно чисты для этого.

Св. Павлинъ прибавляетъ, что въ день смерти Св. Амвросія онъ явился многимъ Св. мужамъ на Востокѣ, молился вмѣстѣ съ ними и возлагалъ на нихъ руки. Когда прислано было извѣстіе объ этомъ съ Востока въ Медіоланъ, оказалось, что день явленія святаго на Востокѣ былъ дѣйствительно день его смерти. Письмо это сохранилось ко времени Св. Павлина, который сообщаетъ обо всемъ этомъ. Много разъ видѣли Св. епископа уже послѣ его смерти на мо-

(1) Acta sincera Mart. p. II. et 22. Edit. 1713. (2) Paulin. Vita s. Ambros. n. 47. 48.

литвѣ въ такъ называемой Амвросіанской церкви, которую онъ обѣщалъ еще при жизни посѣщать. Во время осады Медіолана, Св. Амвросій явился одному гражданину и обѣщалъ ему на другой день подать помощь осажденнымъ. Одинъ слѣпецъ, узнавши, посредствомъ видѣнія, о прибытіи въ Медіоланъ тѣлъ Св. мучениковъ Сизинія и Александра и увидѣвшій при этомъ видѣніи епископа Амвросія, выходившимъ на встрѣчу этимъ Св. тѣламъ, обратился къ нему съ молитвою о возвращеніи ему зрѣнія. Амвросій отвѣчалъ: иди въ Медіоланъ, тамъ встрѣтишь моихъ братій, они прибудутъ туда очень скоро и дарують тебѣ зрѣніе. Слѣпецъ отправился въ Медіоланъ, въ которомъ прежде ни разу не былъ, и, прикоснувшись ко гробу Св. мучениковъ, прозрѣлъ. Разсказъ этотъ Св. Павлинъ записалъ со словъ самого исцѣленнаго. Житія Святыхъ наполнены подобными явленіями и много книгъ можно бы наполнить ими.

Эводій (1), епископъ Упсальскій, другъ Св. Августина, былъ также убѣжденъ въ дѣйствительности явленій умершихъ и передаетъ нѣкоторые примѣры этихъ явленій.—Эводій говоритъ: «имѣетъ ли душа по отдѣленіи отъ тѣла какое нибудь тончайшее тѣло, въ которомъ она является и посредствомъ котораго можетъ перемѣнять мѣста? Не имѣютъ ли сами Ангелы какой-нибудь тѣлесной оболочки? Если они без-

(1) Evod. Uzal. apud. Aug. Epist CLVIII. Idem Aug. Epist CLIX.

тѣлесны, то какъ можно опредѣлить число ихъ? Какъ могъ Самуилъ явиться Саулу, если бы онъ не имѣлъ никакого тѣла? Я помню какъ Профутурусъ, Приватусъ и Сервиціи, которыхъ я зналъ еще въ монастырѣ, явились мнѣ послѣ своей смерти, и говорили со мною, и все сказанное ими исполнилось. Явились ли мнѣ ихъ души, или это былъ какой-нибудь другой духъ, принявшій ихъ образъ?» Эводій полагаетъ, что души усопшихъ несовершенно безтѣлесны, такъ какъ одинъ только Богъ есть чистѣйшій духъ: animam igitur omni corpore carere omnino non posse; illud, ut puto, ostendit, quia Deus solus omni corpore semper caret (1).

Но Августинъ, къ которому Еводій обращался съ указанными вопросами, не допускаетъ, чтобы душа и по отдѣленіи отъ тѣла соединена была съ какой-нибудь матеріальной субстанціей. Впрочемъ онъ сознается, что очень трудно найти объясненіе для многаго, происходящаго въ нашей душѣ какъ въ бодрственномъ, такъ и въ сонномъ состояніи, когда мы видимъ, слышимъ, ощущаемъ и дѣлаемъ то, что, очевидно, можетъ быть вызвано въ насъ только вліяніемъ отъ дѣйствительныхъ предметовъ, трудно именно потому, что духъ не заключаетъ въ себѣ ничего матеріальнаго. И какъ возможно, продолжаетъ онъ да-

(1) Душа не можетъ быть свободною отъ всякой матеріальной оболочки (тѣла): это, какъ я думаю, очевидно изъ того, что одинъ только Богъ совершенно безтѣлесенъ.

лѣе, объяснить такія вещи, какъ явленія отшедшихъ душъ, когда мы многаго и изъ нашей обыкновенной обыденной жизни не въ силахъ объяснить? Quid se praecipitat de rarissimis aut inexpertis quasi definitam ferre sententiam, cumq notidiance et continua non solvat? Эводій говоритъ, что часто видѣли, какъ многіе умершіе послѣ своей смерти приходили въ свои дома и уходили изъ нихъ какъ ночью, такъ и днемъ, и что во храмахъ, въ которыхъ погребены умершіе, ночью часто бываетъ слышенъ такой шумъ, какъ будто бы тамъ громко молятся люди.

Августинъ, писавшій объ этомъ предметѣ къ Эводію, говоритъ, что строго должно отличать истинныя явленія отъ ложныхъ. Онъ между прочимъ разсказываетъ одну замѣчательную исторію, которая имѣетъ очень близкое отношеніе къ нашему предмету. Одинъ врачъ, именемъ Геннадій, бывшій съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, и за свою ученость и любовь къ бѣднымъ, пользовавшійся всеобщею извѣстностію въ Карѳагенѣ,—сомнѣвался въ будущей жизни. Однажды онъ во снѣ видитъ юношу, который говоритъ ему: ступай за мною. Онъ послѣдовалъ за нимъ и пришелъ въ какой-то городъ; съ правой стороны города доносились до него дивные звуки мелодіи; потомъ тотъ же юноша является ему во снѣ въ другой разъ и спрашиваетъ его: знаешь ли ты меня? Очень хорошо, отвѣчалъ онъ.—А почему ты знаешь меня? Врачъ указалъ на то, какъ онъ водилъ его въ какой-то городъ. Послѣ этого юноша спро-

силъ: во снѣ, или на яву видѣлъ ты все это? Во снѣ, отвѣчалъ врачъ.—А то, что теперь я говорю съ тобою, во снѣ или на яву слышишь ты? Во снѣ, отвѣчалъ тотъ. Юноша продолжалъ спрашивать: гдѣ же въ настоящую минуту твое тѣло?—Въ моей постелѣ.—Знаешь ли ты, что въ настоящую минуту ты ничего не видишь твоими тѣлесными глазами?—Знаю, былъ отвѣтъ врача. Что же такое эти глаза, которыми теперь ты видишь меня?—Врачъ смѣшался при этомъ вопросѣ и не зналъ, что отвѣчать; тогда юноша сказалъ ему: какъ въ настоящую минуту ты видишь и слышишь меня, хотя глаза твои сомкнуты и всѣ чувства твои въ бездѣйствіи, такъ будешь жить ты послѣ твоей смерти; ты будешь видѣть, но глазами духовными; поэтому не сомнѣвайся, что послѣ этой жизни будетъ другая жизнь.

Св. Антоній увидѣлъ однажды въ совершенно бодрственномъ состояніи, что душу Св. отшельника Аммона возносилъ на небо сонмъ Ангеловъ. Дѣйствительно, въ тотъ самый день, когда Антоній видѣлъ это, на пять дней разстоянія отъ него въ пустынѣ Питрійской совершали погребеніе Св. Аммона. Тотъ же Св. Антоній видѣлъ также душу Св. отшельника Павла, возносимую хоромъ Ангеловъ и Пророковъ къ небу. Св. Бенедиктъ видѣлъ душу Св. Германа, епископа Капуи, возносимую Ангелами на небо. Онъ же видѣлъ душу своей сестры. Схоластики, восходившую на небо въ образѣ голубя. Подобныхъ примѣровъ можно бы привести безчисленное множество изъ Житій Святыхъ.

Св. Сульпицій Северъ, однажды находясь вдали отъ города Тура, погрузился въ легкій сонъ. Во снѣ явился ему Св. Мартинъ въ бѣлой одеждѣ, съ сіяющимъ лицемъ и глазами, и пурпуровыми волосами; Сульпицій узналъ его. Св. Мартинъ держалъ въ рукѣ книгу, въ которой Сульпицій Северъ описалъ его жизнь. Сульпицій палъ къ ногамъ его, обнялъ его колѣна и просилъ его благословенія, которое Святый и далъ ему. Когда Св. Мартинъ поднялся на воздухъ, Сульпицій Северъ увидѣлъ, что съ нимъ возносится на небо такъ же и ученикъ его, священникъ Клаусъ. Въ эту минуту Сульпицій пробудился и увидѣлъ подлѣ себя мальчика, своего слугу, который объявилъ ему, что изъ Тура пришли два монаха и принесли извѣстіе, что Св. Мартинъ умеръ.

Св. Іоаннъ Златоустъ (1), во время своего заточенія, въ ночь, предшествовавшую его смерти, видѣлъ Св. мученика Базилика, который сказалъ ему: «не унывай, братъ Іоаннъ, завтра мы будемъ вмѣстѣ».

Церковь свято чтитъ день открытія мощей Св. Стефана, перваго христіанскаго мученика. Оно случилось въ 415 г. такимъ образомъ: въ Іерусалимѣ одному священнику, по имени Люцію, который обыкновенно спалъ въ церковномъ притворѣ, гдѣ совершался обрядъ крещенія, для охраненія священныхъ сосудовъ, во снѣ явился Гамаліилъ, учитель Апосто-

(1) Palladius, Dialog. de vita chrisost. c. XI.

ла Павла до его обращенія и сказалъ ему, что тѣло его и тѣло Св. Стефана, перваго мученика, погребены въ Кафаргамалѣ, предмѣстіи Диагабиса. Видѣніе повторилось три раза. И Іоаннъ, патріархъ Іерусалимскій, бывшій въ то время на соборѣ въ Діосполисѣ, отправился къ указанному мѣсту, открылъ святыя мощи и перенесъ ихъ въ Іерусалимъ, гдѣ при этомъ произошло отъ нихъ много чудесъ.

Лициній, находясь въ своей палаткѣ и занятый соображеніями относительно предстоявшаго ему на другой день сраженія, увидѣлъ Ангела, произносившаго молитву. Лициній запомнилъ эту молитву, научилъ ей своихъ воиновъ и при помощи ея побѣдилъ Максимина (1). Масцецелъ, начальникъ римскаго отряда, посланнаго Стиликою въ Африку противъ Гильдона, по примѣру Великаго Ѳеодосія, приготовлялся къ предстоявшей войнѣ молитвою и испрошеніемъ помощи Божіей. Онъ взялъ съ собой на корабль монаховъ, которые во все время путешествія пребывали въ молитвѣ, постѣ и пѣніи псалмовъ. Гильдонъ имѣлъ войско въ 7000 человѣкъ, Масцецелъ только въ 5000 и потому отчаявался въ успѣхѣ. Ночью явился ему Св. Амвросій, скончавшійся за годъ предъ этимъ; онъ держалъ въ рукѣ посохъ и ударилъ имъ три раза по землѣ съ словами: здѣсь, здѣсь, здѣсь! Масцецелъ понялъ, что святитель предсказывалъ ему этимъ, что имѣвшее быть чрезъ три

(1) Lactant. de Morte Persec. c. 46.

дня сраженіе произойдетъ на этомъ самомъ мѣстѣ. Дѣйствительно, спустя три дня, онъ встрѣтился съ непріятелемъ и вынужденный необходимостію началъ просить мира. Но когда одинъ знаменоносецъ началъ было возражать противъ этого, онъ нанесъ ему сильный ударъ въ руку, такъ что тотъ выпустилъ знамя. Стоявшіе въ отдаленіи, полагая, что знаменоносецъ сдался и наклонилъ знамя въ знакъ покорности, поспѣшили сдѣлать тоже самое. Павлинъ, написавшій жизнь Св. Амвросія, увѣряетъ, что этотъ разсказъ онъ слышалъ отъ самого Масцецела. Орозій зналъ объ этомъ также отъ очевидцевъ. Когда въ Галатіи семь христіанскихъ дѣвицъ осуждены были на мученическую смерть (1), одна изъ нихъ въ слѣдующую ночь явилась Св. Ѳеодосію Анкирскому и открыла ему мѣсто, гдѣ она и ея подруги, съ камнями на шеѣ будутъ брошены въ озеро.

Св. дѣвица Поталина (2), принявшая мученическую смерть въ Александріи, являлась послѣ своей смерти очень многимъ и обратила многихъ изъ нихъ ко Христу. Въ особенности она являлась одному воину именемъ Василію, защитившему ее отъ насилія черни, въ то время, какъ она шла на смерть. Однажды, явившись, она возложила вѣнецъ на главу Василія; по ея наставленію онъ принялъ крещеніе и вѣнецъ мученическій.

---

(1) Acta sincera Martyr. passion S. Theodos. m. pag. 345 344.
(2) Euseb. Hist. Eccles. Lib. 6. c. 8.

Св. Григорій Чудотворецъ, много и неутомимо подвизавшійся противъ еретиковъ, проводилъ большую часть ночей въ составленіи опроверженій ересей. Въ одну изъ такихъ ночей явился въ его комнату какой-то почтенный старецъ и съ нимъ прекрасная женщина; старецъ этотъ былъ Евангелистъ Іоаннъ, женщина какая нибудь Святая. Она попросила Св. Іоанна объяснить Григорію таинство Св. Троицы и Божества Сына Божія. Даннымъ при этомъ наставленіемъ отъ Іоанна Богослова Григорій и руководился при составленіи своего символа, который и по настоящее время хранится и признается Церковію.

Что касается того вопроса, въ какихъ тѣлахъ являлись отшедшія души, то объ этомъ, равно какъ и вообще о свойствѣ тѣлъ, въ какихъ являлись чисто духовныя существа, намъ не даютъ никакихъ опредѣленныхъ указаній на слово Божіе, ни опытъ, ни тѣмъ болѣе разумъ нашъ, который самъ по себѣ независимо отъ слова Божія и исторіи ничего не можетъ сказать. Нѣкоторые учители Церкви имѣли то мнѣніе, что души, и по разлученіи съ тѣломъ, имѣютъ нѣкоторую матеріальную оболочку. Такъ Св. Ириней вѣрилъ (1), что душа и по разлученіи съ тѣломъ удерживаетъ его образъ. Тертулліанъ (2) приписываетъ душѣ протяженность и утверждаетъ, что она есть нѣчто тѣлесное. Оригенъ (3) считаетъ душу за нѣчто

---

(1) Irineus 1, 2. § 62. 63. (2) De anima. (3) Contra celsum, 1. 2.

матеріальное и имѣющее образъ: онъ сходится въ этомъ мнѣніи съ Платономъ и, вѣроятно, у него заимствовалъ его. Подобнаго же мнѣнія были Арнольдъ, Лактанцій, Св. Иларій и многіе другіе учители Церкви.

Св. Иринней считалъ за несомнѣнную истину, что душа по смерти тѣла принимаетъ нѣкоторое другое тѣло, которое имѣетъ образъ прежняго и тѣмъ напоминаетъ ей всѣ дѣла и поступки которые содѣлала она въ сей жизни. Но съ этимъ мнѣніемъ, будто наша душа и по разлученіи съ тѣломъ не чужда нѣкоторой матеріальности, нельзя согласиться, потому что оно не имѣетъ никакого основанія въ Св. Писаніи и противорѣчитъ самой природѣ нашей души, какъ чисто духовной. Мы вѣримъ, что по допущенію Божію, отшедшія души могутъ являться, но что за тѣла, въ которыхъ онѣ являются, объ этомъ, по недостатку основаній и данныхъ, мы не можемъ имѣть никакого рѣшительнаго сужденія.

Главная цѣль, для которой являются на землю отшедшія души,—это, какъ говоритъ Св. Григорій Великій (1), то, чтобы просить совершенія за нихъ, для ихъ успокоенія, безкровной жертвы и молитвъ. Опытъ показываетъ, что христіанскія души всегда являются именно за тѣмъ, чтобы просить за себя молитвъ, или раздачи милостыни, или путешествій

(1) L. 4. Dial. c. 55

ко Св. мѣстамъ, или уплаты ихъ неуплаченныхъ долговъ, или же за тѣмъ, чтобы побудить живыхъ къ добродѣтели, къ исправленію жизни и вообще къ Богоугодной жизни. Часто они при своемъ явленіи сообщаютъ о состояніи, въ какомъ находятся умершіе въ другой жизни, и при этомъ онѣ просятъ о помощи и предостерегаютъ живущихъ на землѣ о тѣхъ несчастіяхъ, какія ожидаютъ грѣшниковъ въ загробной жизни. Онѣ разсказываютъ объ адѣ и добрыхъ и злыхъ Ангелахъ, о строгости суда Божія къ грѣшникамъ и о Божіемъ милосердіи къ праведникамъ.

Нельзя не замѣтить, впрочемъ, что явленіе душъ отшедшихъ преимущественно бываетъ людямъ живымъ во время сна. Сообщаясь съ живыми людьми, по изволенію Божію, они преимущественно являются ихъ духовному оку безъ посредства тѣлеснаго образа.

Къ фактамъ возвращенія и явленія умершихъ принадлежатъ такъ же, конечно, факты воскресенія умершихъ. А фактовъ этого послѣдняго рода представляетъ довольно и Св. Писаніе и исторія Церкви. Несомнѣннѣйшимъ, важнѣйшимъ и разительнѣйшимъ фактомъ этого рода служитъ воскресеніе Спасителя нашего. Дѣйствительность воскресенія Его выше всякихъ сомнѣній. Что Онъ дѣйствительно умиралъ, что смерть Его была дѣйствительная, а не мнимая, это засвидѣтельствовали не только Его ученики, но и сами

враги Его и ихъ. Воины, пришедшіе къ распятому Іисусу за тѣмъ, чтобы прибить Ему голени, нашли Его уже и безъ того мертвымъ и потому не стали прибивать ихъ; а одинъ изъ воиновъ, для большаго удостовѣренія въ Его смерти, пронзилъ копіемъ Его ребро, при чемъ въ Немъ не обнаружилось уже никакихъ признаковъ жизни, а только изъ прободеннаго ребра потекла кровь и вода. Отъ одного этого столь сильнаго удара прервалась бы, безъ сомнѣнія, слабая жизнь Божественнаго Страдальца, если бы Онъ былъ еще въ это время живъ. Сами враги Христа, какъ во время Его смерти, такъ и послѣ, никогда не сомнѣвались въ ея дѣйствительности; между тѣмъ какъ они всѣми силами и средствами старались о томъ, чтобы возбудить въ народѣ невѣріе въ дѣйствительность воскресенія Христова. Слѣдовательно, для нихъ возбудить сомнѣніе въ дѣйствительности самой смерти Спасителя было бы очень важно и слѣдовательно, если бы были какія-нибудь обстоятельства, на которыхъ бы можно было основать это послѣднее сомнѣніе,—они, конечно, не преминули бы разгласить эти обстоятельства: но они не указываютъ никакихъ такихъ обстоятельствъ; это уже одно доказываетъ, что такихъ обстоятельствъ совершенно не было. Дѣйствительность смерти Спасителя была слишкомъ несомнѣнна для того, чтобы можно было подвергнуть ее сомнѣнію. Слѣдовательно, если Спаситель дѣйствительно возсталъ послѣ Своей смерти, то Его воскресеніе было дѣйствительное воскресеніе, воскресеніе дѣйствительно умершаго, и самая Его

смерть была дѣйствительная, а не мнимая какая-нибудь. Но что онъ, дѣйствительно воскресъ послѣ смерти, это засвидѣтельствовано свидѣтелями-очевидцами въ такомъ числѣ и съ такою ясностію, какъ, больше и желать нельзя для того, чтобы признать Его воскресеніе несомнѣннымъ фактомъ. Спаситель воскресилъ Лазаря. Это тоже несомнѣнный фактъ дѣйствительнаго воскресенія изъ мертвыхъ; Лазарь воскрешенъ Іисусомъ Христомъ уже черезъ четыре дня послѣ своей смерти тогда, какъ уже начало тлѣть его тѣло, слѣдовательно воскрешенъ послѣ дѣйствительной смерти. Такъ же несомнѣнны и всѣ другіе передаваемые книгами Ветхаго и Новаго Завѣта факты воскресенія изъ мертвыхъ; таковы напр.: совершенное Пророкомъ Елиссеемъ воскресеніе сына вдовы Самонитянки, воскресеніе мертваго чрезъ прикосновеніе къ костямъ этого же Пророка и пр.

Исторія Христіанской Церкви представляетъ такъ же не мало фактовъ воскресенія мертвыхъ. Вотъ какое, напр., событіе извѣстно изъ жизни Преп. Макарія Египетскаго: въ одномъ селеніи случилось убійство, въ которомъ, по ложнымъ подозрѣніямъ, обвинили совершенно невиновнаго въ немъ. Случилось такъ, что обвиненный, бѣжа отъ преслѣдованій, былъ схваченъ близъ келліи Преп. Макарія. Несчастный началъ клясться въ своей невинности, но сбѣжавшійся народъ единогласно призналъ его убійцею. Услышавъ сильный шумъ, Макарій вышелъ къ народу и, узнавъ въ чемъ дѣло, спросилъ, гдѣ погребенъ

убитый, и вмѣстѣ съ народомъ отправился на его могилу; и здѣсь, ставши на колѣна, и вознесши пламенную молитву къ Богу, праведникъ сказалъ къ окружающимъ: «нынѣ явитъ Господь, сей ли человѣкъ совершилъ убійство». Потомъ онъ громкимъ голосомъ назвалъ убитаго по имени и сказалъ къ нему: «вѣрою Іисусъ-Христовою повелѣваю тебѣ, открой намъ, сей ли, котораго народъ обвинилъ, умертвилъ тебя?» Мертвецъ громогласно отвѣтилъ изъ подъ земли: «не онъ убійца мой». Народъ въ изумленіи и ужасѣ палъ на землю. Потомъ всѣ, повергшись къ стопамъ праведника, стали умолять его, чтобы онъ повелѣлъ открыть мертвецу своего убійцу; но Св. Макарій отвѣчалъ: «сего принять на себя не могу; для меня довольно —избавить отъ наказанія невиннаго, а предать суду виновнаго не мое дѣло».

ГЛАВА X.

Общія замѣчанія.

Мы представили такіе факты явленій духовъ, Ангеловъ, демоновъ и отшедшихъ душъ, дѣйствительность которыхъ уже выше всякаго сомнѣнія, потому что они передаются намъ несомнѣнно истинными источниками, Св. Писаніемъ и Церковію.

Теперь мы представимъ и опровергнемъ болѣе главныя изъ существующихъ возраженій противъ дѣйствительности этихъ фактовъ. Такъ какъ чистый духъ по самой своей природѣ и по своимъ законамъ существенно отличенъ отъ природы и законовъ міра земнаго и такъ какъ Ангелы, демоны и отшедшія души суть существа чисто духовныя, то понятно, что какъ вообще жизнь и дѣятельность этихъ существъ, такъ и въ частности ихъ явленія въ мірѣ земномъ должны представлять много непонятнаго и необъяснимаго по законамъ этого міра. Отсюда люди, которые признаютъ для разума непреложнымъ закономъ такое положеніе, что будто возможнымъ и дѣйствительнымъ можетъ быть и должно быть приз-

наваемо только то и на столько, что и на сколько можетъ быть понято и объяснено по законамъ этого міра, отвергаютъ возможность и дѣйствительность этихъ явленій. Указаніе на необъяснимость этихъ явленій по законамъ земнаго міра и составляетъ главное возраженіе противъ возможности и дѣйствительности первыхъ.

Если вникнуть въ дѣло повнимательнѣе, то это возраженіе оказывается въ высшей степени несостоятельнымъ, въ высшей степени ложнымъ и даже положительно нелѣпымъ. Во первыхъ, въ этомъ возраженіи высказывается совершенное непониманіе законовъ здравой исторической критики. Дѣйствительность извѣстныхъ фактовъ и способъ и законы ихъ совершенія совсѣмъ не одно и тоже, а двѣ совершенно разныя вещи. Для того, чтобы извѣстныя явленія были признаны несомнѣнно дѣйствительными, совершенно нѣтъ еще необходимости понимать уже и самый способъ и законы ихъ совершенія. Для этого совершенно достаточно уже имѣть достаточныя доказательства именно ихъ дѣйствительности; способъ совершенія ихъ при этомъ можетъ быть и непонятъ; это кажется слишкомъ ясно. Совершенно возможная и самая обыкновенная вещь имѣть несомнѣнныя доказательства въ пользу дѣйствительнаго существованія извѣстныхъ предметовъ и въ тоже время совершенно не понимать, какъ, отъ какихъ причинъ и по какимъ законамъ существуютъ эти предметы. Большинство людей, напр., и по настоящее

время не имѣетъ понятія о томъ, что такое небесныя тѣла, солнце, мѣсяцъ, звѣзды, о ихъ дѣйствительномъ видѣ и устройствѣ, о ихъ законахъ; и однакожъ существованіе небесныхъ тѣлъ для всѣхъ составляетъ несомнѣнный фактъ, и это совершенно законно, каждый имѣетъ право и необходимо долженъ признавать эти тѣла несомнѣнно существующими, потому что они подлежатъ непосредственному наблюденію каждаго. Можно даже въ области предметовъ, самыхъ близкихъ къ намъ, указать много такихъ вещей, дѣйствительность которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, но образа и законовъ, существованія которыхъ мы не понимаемъ. Во всякомъ случаѣ отвергать дѣйствительность фактовъ на томъ одномъ основаніи, что для насъ непонятны законы ихъ совершенія, совершенно нельзя, совершенно незаконно. Первое необходимое и достаточное условіе для того, чтобы мы могли и должны были признать дѣйствительнымъ извѣстный фактъ, это или наше собственное не посредственное наблюденіе его, или же вѣрно переданное намъ непосредственное наблюденіе его другими людьми. Если это условіе выполнено, если извѣстный предметъ и ни подлежитъ нашему собственному наблюденію, или мы имѣемъ несомнѣнныя свидѣтельства о непосредственномъ наблюденіи его другими, въ такомъ случаѣ мы не только имѣемъ полнѣйшее право, но и необходимо должны, обязаны признать этотъ предметъ несомнѣнно дѣйствительнымъ, независимо отъ того, понимаемъ ли мы при этомъ законы существованія этого предмета, или

не понимаемъ ихъ; по крайней мѣрѣ непониманіе этихъ законовъ совершенно не должно быть препятствіемъ для этого признанія. Такимъ образомъ, и для того, чтобы мы имѣли право и обязаны были признать дѣйствительными передаваемыя намъ Св. Писаніемъ и Церковію явленія духовъ, необходимо и достаточно уже того одного, чтобы были несомнѣнно вѣрны свидѣтельства объ этихъ явленіяхъ. Если эти свидѣтельства несомнѣнно вѣрны, то мы уже по этому одному необходимо должны признать и эти явленія несомнѣнно дѣйствительными, хотя бы мы и не понимали образа и законовъ ихъ совершенія. Непониманіе этихъ явленій не должно быть препятствіемъ для этого признанія. И слѣдовательно отвергать дѣйствительность этихъ явленій, на основаніи одной ихъ непонятности, одной необъяснимости ихъ по какимъ-нибудь законамъ, значитъ отвергать ихъ дѣйствительность безъ всякихъ удовлетворительныхъ основаній. И значитъ возраженіе противъ ихъ дѣйствительности, основываемое исключительно на одной ихъ непонятности, не есть собственное возраженіе, потому что всякое дѣйствительное возраженіе противъ этой дѣйствительности должно состоять въ указаніи какого-нибудь дѣйствительнаго препятствія къ признанію ея, а это возраженіе указываетъ на то, что вовсе и не составляетъ такого препятствія. А что свидѣтельства объ этой дѣйствительности несомнѣнно истинны, это выше всякаго сомнѣнія; но разбираемое возраженіе вовсе и некасается этихъ свидѣтельствъ, а потому, для опроверженія его, нѣтъ и на-

добности доказывать ихъ истинность; оно вполнѣ опровергается и независимо отъ ихъ истинности.

Далѣе, указанное возраженіе основываютъ на той дѣйствительно несомнѣнной истинѣ, что все дѣйствительно существующее необходимо должно быть согласно съ законами бытія, и что слѣдовательно только то можетъ быть признано возможнымъ и дѣйствительнымъ, что согласно съ этими законами; но основываютъ совершенно незаконно. Если судить и съ точки зрѣнія этой истины, то опять-таки это возраженіе оказывается совершенно несостоятельнымъ и даже положительно нелѣпымъ. Истина эта не только не заключаетъ въ себѣ никакого основанія и оправданія для этого возраженія, а напротивъ служитъ опроверженіемъ его. Все дѣйствительно существующее существуетъ по извѣстнымъ законамъ. Это такъ. Но не все существующее подчиняется однимъ и тѣмъ же законамъ; а все существующее въ этомъ отношеніи раздѣляется на нѣсколько отдѣльныхъ областей, изъ которыхъ въ каждой, кромѣ законовъ общихъ всѣмъ имъ, есть много законовъ свойственныхъ только исключительно ей одной и совершенно чуждыхъ всѣмъ другимъ. Есть міръ физическій и міръ нравственный. Есть законы общіе этимъ обоимъ мірамъ; таковъ напр. законъ причинности, тотъ законъ, что каждое явленіе необходимо имѣетъ свою причину. Но въ тоже время есть много такихъ законовъ, которые свойственны только какому нибудь одному изъ этихъ міровъ и совершенно несвой-

твенны другому. Такъ напр. духовному міру свойственны законъ свободы, законы мышленія, но эти законы совершенно несвойственны чисто физическимъ явленіямъ; съ другой стороны, и эти послѣднія явленія въ свою очередь имѣютъ очевидно много такихъ законовъ, которымъ вовсе не подчиняется свободная дѣятельность духа; таковы напр. чисто механическіе и химическіе законы. Каждый изъ этихъ міровъ въ свою очередь раздѣляется на нѣсколько отдѣльныхъ областей, которыя опять, при законахъ общихъ всѣмъ имъ, имѣютъ и каждая свои особые законы, принадлежащіе только ей одной и совершенно непринадлежащіе всѣмъ другимъ. Есть законы, которые свойственны мысли, но которые совершенно чужды чувству; есть законы, которымъ подчиняется чувство, но которымъ не подчиняется мысль. Есть законы, которымъ подчиняется органическая жизнь, напр. растительная, и которымъ вовсе неподчиняются чисто механическія явленія. Есть законы, по которымъ живетъ растеніе и которымъ вовсе неподчиняется камень. Значитъ, все существуетъ по законамъ, но не все существуетъ по однимъ и тѣмъ же законамъ. Слѣдовательно, та истина, что все дѣйствительно существующее необходимо подчиняется законамъ бытія, необходимо должна имѣть такое ограниченіе, что всякій дѣйствительно существующій предметъ подчиняется не всѣмъ существующимъ законамъ бытія и не какимъ бы то ни было изъ нихъ, а только нѣкоторымъ и извѣстнымъ опредѣленнымъ законамъ, именно тѣмъ только законамъ

которымъ подчиняется та область бытія, та область предметовъ, къ которой онъ самъ принадлежитъ. Растеніе напр. подчиняется не всѣмъ существующимъ законамъ и не какимъ нибудь, а именно законамъ растительной жизни. Камень въ своемъ паденіи подчиняется законамъ именно механическаго движенія, а не какимъ нибудь другимъ законамъ, напр. химическимъ или физіологическимъ. И слѣдовательно, если судить о возможности и дѣйствительности на основаніи согласія съ законами, то для того, чтобы извѣстные предметы мы могли и должны были признать возможными и дѣйствительными, нужно, чтобы эти предметы были согласны не совсѣми вообще законами, это вовсе ненужно, и это совершенно невозможно и не съ какими нибудь, а именно только съ тѣми законами, какіе свойственны той области бытія, къ какой принадлежатъ эти предметы по своей природѣ. Такъ напр., при такомъ основаніи, въ области растительной жизни можетъ и должно быть признаваемо возможнымъ и дѣйствительнымъ все то и только то, что согласно съ законами именно растительной жизни, а не съ какими нибудь другими законами, а не съ законами напр. однихъ чисто механическихъ и математическихъ отношеній вещей или съ законами духовной жизни. Для того, чтобы мы имѣли право признать возможными и дѣйствительными въ этой области извѣстныя явленія, нѣтъ никакой надобности въ томъ, чтобы эти явленія подчинялись законамъ жизни чисто духовной, и несогласіе ихъ съ этими законами конечно не даетъ никакого права отвергать

ихъ возможность и дѣйствительность въ области растительной жизни. Изъ того, что камень не подчиняется законамъ растительной жизни, не слѣдуетъ, что онъ не существуетъ и невозможенъ. Изъ того, что жизнь нравственная не подчиняется законамъ математическимъ, не слѣдуетъ, что она невозможна и не существуетъ. Всякія величины нужно измѣрять только однородными, а не разнородными съ ними единицами или мѣрами. Тяжести нужно измѣрять пудами, фунтами и пр., а не аршинами, и пространства нужно измѣрять верстами и аршинами, а не фунтами и пудами. Такъ точно и о дѣйствительности и возможности извѣстныхъ предметовъ нужно судить по тѣмъ законамъ, которые свойственны именно этимъ предметамъ, а не по такимъ законамъ, которые совершенно чужды имъ, которые принадлежатъ какимъ нибудь другимъ совершенно разнороднымъ съ ними явленіямъ.

Повидимому, все это такая простая и ясная истина, что даже странно и говорить о ней; а между тѣмъ, можетъ быть, потому самому, что она слишкомъ проста и ясна, какъ часто она не понимается и нарушается на самомъ дѣлѣ! Вотъ иные вообразятъ себѣ, что возможно и дѣйствительно только то, что подчиняется однимъ законамъ матеріальнаго міра, что все, чего нельзя объяснить по однимъ этимъ законамъ, не возможно и не существуетъ, и потому отвергаютъ существованіе духа, такъ какъ онъ непонятенъ и необъяснимъ по однимъ матеріальнымъ

законамъ. Поступать такимъ образомъ не значитъ ли тоже самое, что мѣрять тяжести аршинами, или отвергнуть существованіе камней на томъ основаніи, что они не подчиняются законамъ растительной жизни? Совершенно тоже самое. Духъ по самой своей природѣ существенно отличается отъ матеріи; слѣдовательно судить о возможности и дѣйствительности духовнаго нужно по законамъ свойственнымъ духу, а не по совершенно чуждымъ ему законамъ чисто матеріальнымъ. Если законно отвергать бытіе духа на томъ одномъ основаніи, что его существованіе и дѣятельность необъяснимы по однимъ законамъ матеріальныхъ явленій, то съ совершенно одинаковымъ правомъ нужно уже отвергнуть возможность и дѣйствительность всего существующаго, потому что такъ же точно, какъ духъ не согласуется съ законами матеріальнаго міра, такъ же точно и всякій другой предметъ не согласуется съ законами какихъ нибудь другихъ предметовъ, камень напр. не согласуется съ законами растеній и пр. Слѣдовательно, если отвергать возможность и дѣйствительность духа на томъ одномъ основаніи, что онъ не согласенъ съ законами другихъ матеріальныхъ предметовъ, то съ совершенно одинаковымъ правомъ нужно отвергнуть и существованіе всякаго другаго предмета, такъ какъ всякій предметъ не согласенъ съ законами какихъ нибудь другихъ предметовъ.

Существа чисто духовныя, Ангелы, демоны и отшедшія души конечно тоже подчиняются извѣстнаго

рода законамъ; но такъ какъ они по самой своей природѣ, какъ чисто духовной, существенно отличаются отъ предметовъ міра земнаго, то они необходимо и существенно отличаются отъ этихъ предметовъ и по своимъ законамъ. Есть законы общіе этимъ существамъ со всѣми этими предметами, такого напр. хоть опять законъ причинности. Но въ то же время по самому существу дѣла необходимо должно быть много такихъ законовъ, которые были бы свойственны этимъ предметамъ, но совершенно не свойственны этимъ существамъ, равно какъ и такихъ, которые принадлежали бы исключительно только этимъ существамъ и совершенно чужды были этимъ предметамъ. Такъ дѣйствительно и есть на самомъ дѣлѣ и потому эти существа въ своей природѣ, въ своей жизни и дѣятельности и въ своихъ явленіяхъ необходимо должны представлять много такого, чего нельзя объяснить по однимъ законамъ земнаго міра, такъ же точно, какъ и всякіе другіе предметы непремѣнно представляютъ что нибудь такое, чего нельзя объяснить по законамъ какихъ нибудь другихъ предметовъ. Слѣдовательно, если принять основаніемъ для признанія возможности и дѣйствительности явленій согласіе ихъ съ законами бытія, то мѣрой для опредѣленія возможнаго и дѣйствительнаго въ области существъ чисто духовныхъ и ихъ явленій и дѣйствій должно быть не согласіе ихъ съ чуждыми этой области законами міра земнаго, а согласіе ихъ съ законами свойственными именно этой области. Признавать здѣсь мѣрою согласіе

съ одними законами земнаго міра такъ же незаконно, какъ вообще незаконно судить о предметахъ по совершенно чуждымъ имъ законамъ, какъ незаконно мѣрять пространства мѣрами тяжестей. И отвергать возможность и дѣйствительность явленій и дѣйствій духовъ на томъ одномъ основаніи, что они необъяснимы по законамъ земнаго міра, такъ же совершенно незаконно, какъ незаконно было бы отвергать возможность и дѣйствительность всякихъ другихъ предметовъ на томъ основаніи, что они представляютъ много необъяснимаго по законамъ какихъ нибудь другихъ предметовъ, какъ незаконно напр. было бы отвергать возможность и дѣйствительность явленій физіологическихъ на томъ основаніи, что они необъяснимы по однимъ законамъ чисто механическихъ явленій. Такимъ образомъ, разбираемое возраженіе противъ дѣйствительности явленій духовъ въ той самой истинѣ, на которой оно основываетъ себя, т. е. въ той истинѣ, что все возможное и дѣйствительно существующее необходимо должно быть согласно съ законами бытія, на самомъ дѣлѣ имѣетъ для себя не основаніе, а опроверженіе. Потому что, какъ видѣли мы, эта истина можетъ и должна быть признана истиною не иначе, какъ съ тѣмъ ограниченіемъ, что каждый дѣйствительный предметъ необходимо долженъ быть согласенъ не со всякими законами, а только съ законами той одной области предметовъ, къ которой онъ самъ принадлежитъ по своей природѣ. А въ такомъ видѣ этою истиною, какъ мы видѣли, вполнѣ опровергается это возраженіе.

И такъ первое и главное возраженіе противъ возможности и дѣйствительности представляемыхъ намъ Св. Писаніемъ и Церковію фактовъ явленія духовъ совершенно несостоятельно. Неудобопонятность этихъ явленій вовсе не служитъ и не можетъ служить основаніемъ для отверженія ихъ возможности и дѣйствительности. Такъ же точно не служитъ и не можетъ служить основаніемъ для этого и несогласіе этихъ явленій съ законами міра земнаго. Можно сказать, что эта непонятность и это несогласіе составляютъ главное изъ всего того, на чемъ основываютъ отверженіе дѣйствительности этихъ явленій; въ нихъ уже заключается если не основаніе, такъ по крайней мѣрѣ побужденіе и для всѣхъ другихъ возраженій противъ этой дѣйствительности.

Изъ другихъ возраженій болѣе извѣстныя слѣдующія: Во первыхъ, говорятъ, передаваемыя намъ Св. Писаніемъ и Церковію явленія духовъ не болѣе были, какъ чисто субъективнымъ дѣйствіемъ собственнаго воображенія тѣхъ людей, которые будто бы видѣли эти явленія. На чемъ основано это мнѣніе? Въ самыхъ извѣстіяхъ объ этихъ явленіяхъ не заключается для него никакихъ основаній, потому что въ нихъ ясно и опредѣленно говорится что это были дѣйствительныя явленія духовныхъ существъ, а не что нибудь только мнимое, воображаемое. Притомъ самый характеръ этихъ явленій не допускаетъ мысли объ ихъ призрачности. Они имѣютъ такую ясность и опредѣленность, представляютъ такія подробности и

обстоятельства, которыя возможны только въ дѣйствительныхъ происшествіяхъ и совершенно невозможны при однихъ призрачныхъ видѣніяхъ. Возьмемъ напр. хоть явленія Ангеловъ Аврааму; находясь совершенно въ здравомъ трезвомъ состояніи духа, свободный отъ всякой болѣзненной возбужденности воображенія, онъ принимаетъ Ангеловъ въ видѣ странниковъ, угощаетъ ихъ, ведетъ съ ними разговоръ, все это продолжается довольно долгое время, и имѣетъ ясность и опредѣленность свойственныя только дѣйствительности; и какъ въ продолженіи всего этого, такъ и послѣ Аврааму никогда и въ голову не приходило, чтобы все это было только дѣйствіемъ его собственнаго воображенія. Допустить, чтобы подобныя явленія могли быть дѣйствіемъ одного воображенія по крайней мѣрѣ со стороны совершенно здравыхъ людей, совершенно нельзя. Очевидно, это мнѣніе имѣетъ своимъ главнымъ основаніемъ тотъ уже опровергнутый нами взглядъ, что будто эти явленія невозможны. Оно есть только необходимое логическое слѣдствіе этого взгляда. Если бы эти явленія, какъ дѣйствительныя явленія духовъ, были бы невозможны, въ такомъ случаѣ конечно оставалось бы смотрѣть на нихъ не иначе, какъ на субъективныя произведенія человѣческаго воображенія. И люди, раздѣляющіе этотъ взглядъ, по неволѣ уже должны смотрѣть на нихъ не иначе, какъ такъ. Отвергнувъ возможность и дѣйствительность этихъ явленій, какъ дѣйствительныхъ явленій духовныхъ существъ, нужно же дать и какой нибудь положи-

тельный взглядъ на нихъ; а при такомъ отверженіи, взглядъ на нихъ возможенъ не иной, какъ только тотъ, что они субъективныя произведенія человѣческой фантазіи. А такъ какъ это отверженіе совершенно безосновательно, совершенно невѣрно, какъ мы уже видѣли, то, значитъ, этотъ взглядъ остается безъ всякаго основанія, потому что другаго основанія, кромѣ этого взгляда, для него нѣтъ. Такъ какъ эти явленія совершенно возможны и такъ какъ мы имѣемъ несомнѣнныя историческія свидѣтельства о томъ, что они были дѣйствительно, то очевидно при этомъ нѣтъ никакого права, никакихъ основаній признавать ихъ одними субъективными произведеніями человѣческаго духа.

Говорятъ, наконецъ, въ опроверженіе защищаемой нами истины такъ: извѣстно, что существуетъ безчисленное множество такихъ разсказовъ о явленіяхъ духовъ равно какъ и о другихъ чудесныхъ происшествіяхъ, относительно которыхъ уже съ несомнѣнностью доказано, что они суть чистыя выдумки, порожденныя народнымъ невѣжествомъ, суевѣріемъ и предразсудками, такъ какъ это даетъ основаніе думать, что къ этой же категоріи разсказовъ относятся и тѣ разсказы о явленіяхъ духовъ, которые передаются Св. Писаніемъ и Церковію. Умозаключеніе совершенно произвольное. Что существуетъ безчисленное множество разсказовъ о явленіяхъ духовъ вымышленныхъ, ложныхъ, это совершенная правда (это доказывается въ первой части этой книги). Но этотъ фактъ

самъ по себѣ даетъ ли какое нибудь право признавать вымышленными и разсказы, сообщаемые намъ Св. Писаніемъ и Церковію? Конечно не даетъ никакого права. Изъ того, что объ извѣстнаго рода предметахъ могутъ быть и есть разсказы ложные, вовсе нельзя заключать, чтобы и всѣ вообще свѣдѣнія объ этихъ предметахъ были ложны. Это кажется слишкомъ ясно для того, чтобы нужно было даже доказывать это. Едва ли найдутся такіе предметы въ цѣломъ мірѣ, о которыхъ бы когда нибудь и гдѣ нибудь не существовало какихъ нибудь ложныхъ понятій вымысла, лжи; значитъ, если судить по той логикѣ, по которой дѣлается указанное умозаключеніе, то нужно бы отвергнуть вѣрность всякихъ свѣдѣній и о всѣхъ предметахъ.

Что касается того вопроса, что были за тѣла, въ которыхъ являлись Ангелы, демоны и отшедшія души, были ли это дѣйствительныя тѣла, или только призрачныя, мнимыя, то, какъ уже сказали мы, мы не имѣемъ достаточныхъ основаній для рѣшительнаго рѣшенія этого вопроса. Но неудоборѣшимость этого вопроса очевидно вовсе не даетъ никакого основанія сомнѣваться въ самой дѣйствительности явленій этихъ существъ такъ же точно, какъ вообще непонятность образа совершенія факта не даетъ никакого права отвергать самую его дѣйствительность. Этотъ вопросъ касается не дѣйствительности этихъ явленій, а только способа ихъ совершенія; слѣдовательно и не-

удоборазрѣшимость его ничего не говоритъ противъ ихъ дѣйствительности.

И такъ, дѣйствительность передаваемыхъ намъ Св. Писаніемъ и Церковію фактовъ явленій Ангеловъ, демоновъ и отшедшихъ душъ такъ же несомнѣнна, какъ несомнѣнны истины самъ сообщающія имъ источники. И, слѣдовательно, въ однихъ уже этихъ фактахъ мы имѣемъ неопровержимое доказательство дѣйствительнаго бытія міра духовнаго и неопровержимо опроверженіе такъ распространеннаго въ настоящее время отрицанія этого бытія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть I.

стран.

Вмѣсто предисловія. Свѣдѣнія о явленіяхъ Ангеловъ, злыхъ духовъ и отшедшихъ душъ, заимствованныя изъ Св. Писанія и изъ Церкви 3

ГЛАВА 1. Явленія добрыхъ Ангеловъ, представляемыя Св. Писаніемъ Ветхаго Завѣта. . . . 6

ГЛАВА 2. Явленія добрыхъ Ангеловъ, представляемыя книгами Новаго Завѣта. 9

ГЛАВА 3. Объ Ангелахъ хранителяхъ. 14

ГЛАВА 4. Въ какомъ видѣ являлись добрые Ангелы? 19

ГЛАВА 5. О явленіи злыхъ духовъ и образѣ ихъ явленій 26

ГЛАВА 6. Объ одержимыхъ злыми духами 39

ГЛАВА 7. Возраженія противъ дѣйствительнаго существованія одержимыхъ злымъ духомъ. 48

ГЛАВА 8. Возвращеніе и явленіе душъ по разлученіи ихъ съ тѣломъ по Св. Писанію 83

ГЛАВА 9. Явленія отшедшихъ душъ, представляемыя исторіею 90

ГЛАВА 10. Общія замѣчанія 105

О
ЯВЛЕНІЯХЪ ДУХОВЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Августина Калмета,

АББАТА БЕНЕДИКТИНСКАГО ОРДЕНА.

Переводъ съ втораго нѣмецкаго изданія, дополненный и исправленный переводчикомъ.

ЧАСТЬ II.

МОСКВА.
Въ типографіи П. Бахметева, на Малой Дмитровкѣ, № 14.
1866.

Дозволено цензурой. Москва, Апрѣля 20-го 1866 г.

СОБРАНІЕ

языческихъ мнѣній и средневѣковыхъ повѣрій, народныхъ суевѣрій, предразсудковъ и анекдотовъ, о явленіяхъ геніевъ и духовъ, домовыхъ и привидѣній, объ отшедшихъ душахъ, о состояніи загробной жизни, о колдунахъ и вѣдьмахъ.

I.

О явленіяхъ геніевъ и духовъ и о видѣ, въ какомъ геніи и духи являлись людямъ, мнѣнія язычниковъ, средневѣковыя повѣрія и предразсудки.

Епископ Поликарпъ

ГЛАВА I.

Мнѣнія древнихъ восточныхъ народовъ о добрыхъ и злыхъ геніяхъ или духахъ.

Вѣра въ добрыхъ геніевъ, какъ благодѣтельныя существа, и злыхъ геніевъ, какъ вредоносныя существа, была общею всѣмъ древнимъ народамъ. Она встрѣчается у древнихъ Шамановъ, Китайцевъ, Персовъ, Египтянъ, Индійцевъ и другихъ. На первой ступени развитія религіознаго сознанія въ религіозныхъ убѣжденіяхъ фетишистовъ этой вѣры не встрѣчаемъ; но какъ только религія получила болѣе опредѣленную форму, явилась и вѣра въ добрыхъ и злыхъ геніевъ. Мы приведемъ здѣсь взглядъ нѣкоторыхъ восточныхъ народовъ на геніевъ.

1. *Мнѣніе Шамановъ.* Шаманизмъ допускаетъ во вселенной дѣйствіе двухъ началъ—добраго и злаго и служитъ тому и другому. Первое мѣсто между божествами занимаетъ Тенгери, источникъ жизни и всякаго добра. Сотворенные имъ геніи представляютъ олицетвореніе небесныхъ явленій, силъ природы, стихій и даже человѣческихъ страстей. Напр. 1. *Багаторъ* или *Батырь*, Тенгери, геній храбрости; 2. *Іайсун-тенгери*—покровитель войны 3. *Кисаган*—защит-

никъ и податель побѣды; 4. *Дзолъ дзаячи*—богиня дарующая дѣтей и пекущаяся объ ихъ счастіи и здоровьѣ.

Сюда относятся и *Иренюсунъ-сульде* девяносто девять геніевъ; которые господствуютъ надъ горами, рѣками, пустынями, лѣсами, звѣрями и проч. Шаманы считаютъ сульде сколько храбрыми, столько же и внимательными. Поэтому въ напѣвахъ Шаманскихъ всего чаще слышится монологъ: «девяносто девять Тенгериновъ! внимайте словамъ нашимъ! Алтай ханъ, Кунтей ханъ..... вы, владычествующіе повсюду, поспѣшите къ намъ!» Будучи по природѣ добрыми, сульде или тенгерины ни въ какомъ случаѣ не возбуждаютъ опасенія. Они являются лишь тамъ, гдѣ нужна ихъ помощь и услуга. Къ тенгеринамъ обращаются, какъ къ посредникамъ между богами и людьми, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда надобно дѣйствовать противъ Чиктуровъ и другихъ враждебныхъ человѣку духовъ.

Напротивъ Чиктуры, какъ естественно злые, питаютъ всегдашнюю вражду къ людямъ и къ небу. Ихъ-то Шаманы боятся и вмѣняютъ въ обязанность себѣ укрощать злобу ихъ жертвами и молитвами. Главными мѣстопребываніями ихъ служатъ адъ и пропасти земныя, а также пустыни, горы, лѣса, воды и даже жилища людскія. Чѣмъ ближе они къ человѣку, тѣмъ болѣе стараются вредить ему, или по крайней мѣрѣ враждебно наблюдать за его дѣйствіями и направлять ихъ къ своихъ цѣлямъ.

Нося общее имя Чиктуровъ, существа эти дѣлятся на многіе виды. Замѣчательнѣйшіе изъ класса Чиктуровъ слѣдующіе:

1. *Эльс*; онъ является въ видѣ коршуна, который, сидя на дикомъ конѣ, впустивши когти въ гриву, мчится стрѣлою по горамъ и степямъ. Явленіе его—предвѣстникъ злополучія.

2. *Ада*, видимо не видимо носится въ пустыняхъ, среди жилищъ; пугаетъ людей, возбуждаетъ крамолы и самыя неистовыя страсти.

3. *Албинъ*-существо шутливое. Шатаясь по дебрямъ и распутіямъ, онъ окликаетъ, зажигаетъ ложные огни, представляетъ фантастическіе виды, и всѣмъ этимъ вводитъ людей въ обманъ, сбиваетъ съ толку, и заставляетъ блуждать.

4. *Кульчинъ*. Это страшилище принимаетъ на себя разные виды и тѣшится, что являясь тамъ, гдѣ его не ожидаютъ, наводитъ ужасъ на человѣка.

5. *Букъ*. Онъ принадлежитъ къ числу домовыхъ, и поселившись въ юртѣ, ни днемъ, ни ночью не даетъ покоя.

Среднее мѣсто между добрыми и злыми геніями занимаютъ Онгоны, т. е. души людей, которые, прославившись въ жизни добрыми и злыми дѣяніями, не прерываютъ и по смерти своихъ прежнихъ отношеній къ міру и продолжаютъ дѣйствовать то во вредъ, то въ пользу живыхъ. И тѣ изъ нихъ, кото-

рые приняли злое направленіе, наносятъ повѣтрія, причиняютъ тяжкія болѣзни, губятъ дѣтей, изнуряютъ скотъ, словомъ они бичь того племени, среди котораго водворились (1).

Такимъ образомъ Шаманы вѣрили въ добрыхъ геніевъ, которымъ ввѣрено смотрѣніе за всѣми частями міра, и которые пекутся о благѣ міра вообще и въ частности о благополучіи людей. Злые духи врываются въ ихъ области и производятъ въ нихъ безпорядки, обманываютъ и пугаютъ людей.

2. *Мнѣніе древнихъ Китайцевъ.* По мнѣнію Китайцевъ, звѣзды суть жилища духовъ *шень* (Schin), которые производятъ вліяніе на земную жизнь, почему и называются духами жизни. Звѣзды раздѣляются на четыре группы по четыремъ частямъ свѣта, изъ которыхъ каждая имѣетъ своего особеннаго шень; каждый шень управляетъ не только извѣстною частію звѣздъ, но и частію года и свойственною ему стихіею; востокъ подчиненъ *дракону*, который владычествуютъ надъ эфиромъ и весною; сѣверъ *таинственному витязю* (Hiuen-wu), которому подвластна вода и зима; западъ *тигру*, который господствуетъ надъ воздухомъ и осенью: югъ *красной птицѣ*, которая начальствуетъ надъ огнемъ и лѣтомъ. Къ этимъ четыремъ шень принадлежитъ еще пятый

(1) Свѣдѣнія о геніяхъ Шамановъ заимствованы изъ соч. Преосвященнаго Нила Ярославскаго: Буддизмъ..... С. П. Б. 1858.

духъ земли, пребывающій по срединѣ прочихъ; ему поклоняются между лѣтомъ и осенью. Кромѣ того каждая изъ пяти стихій имѣетъ своего шень; а также рѣки, озера, моря, пустыни и проч. имѣютъ своихъ шень. Между ними есть и злые духи *гуй* (kuci). Шень постоянно ведутъ борьбу съ собственно злыми духами гуй.

3. *Мнѣніе Персовъ.* Безначальное существо *Церуане-акерене* изрекло слово: *Гоповеръ-да будетъ*, и этимъ творческимъ словомъ произвело безконечное множество низшихъ и высшихъ духовъ т. е. *феруеровъ*. Все существующее должно имѣть и имѣетъ своего феруера. Величайшіе изъ этихъ духовъ, *Ормуздъ* великій творецъ и *Ариманъ*—зломыслящій. Ормуздъ—неизмѣримая мудрость, его воля свята; онъ источникъ всего истиннаго и добраго. Ормузду противоположенъ Ароманъ—корень всего нечистаго, злаго. Ормуздъ и феруеры обитаютъ въ невидимомъ небѣ, въ жилищѣ блаженныхъ *городмана*. Ариманъ и его сообщники въ преисподней *дуцакъ*, въ страшной, мрачной пропасти, находящейся подъ землею. Духи, покровители всѣхъ вещей суть семь *Амшаспандовъ*, т. е. безсмертныхъ, святыхъ, и *Изеды*. Послѣдніе подчинены первымъ. Всѣ мѣсяцы и дни находятся подъ покровительствомъ Амшаспандовъ и Изедовъ, даже части дня подчинены особымъ Изедамъ. Такимъ образомъ Изеды, какъ низшіе духи, феруеры, занимаютъ и низшія должности; они преимущественно наблюдаютъ за днями и мѣсяцами.

Должность Амшаспандовъ, какъ высшихъ феруеровъ, гораздо выше и шире. Амшаспандъ *Бажанъ* хранитель всего животнаго царства; *Ардибегешть* хранитель огня; *Шариверъ* хранитель металловъ, *Спандомада* хранительница земли, плодородія, наукъ, мудрости и божественнаго откровенія; *Кордадъ* хранитель воды, и *Ашердадъ* хранитель растительнаго царства и стадъ. Всѣ они подчинены Ормузду, какъ первому Амшаспанду, который есть защитникъ, покровитель и споспѣшникъ всего истиннаго, чистаго, добраго.

Но по мѣрѣ того, какъ Ормуздъ созидалъ міръ, Ариманъ, въ противоположность ему творилъ существа враждебныя, и благотворному дѣйствію Амшаспандовъ и Изедовъ противопоставилъ вредное и разрушительное вліяніе своихъ *дервандовъ* и *девовъ*. Онъ создалъ безобразное, недостойное творенія, полчище, но числомъ и могуществомъ равное Ормуздову воинству. Ормузду противодѣйствовалъ самъ Ариманъ. Амшаспандамъ и Изедамъ противодѣйствовали дерванды и девы или дивы. Все злое и нечистое въ мірѣ физическомъ и нравственномъ имѣетъ своего дева, особенно относятся сюда *карфестеры*, означающіе всякое нечистое созданіе въ мірѣ животномъ Ариманъ съ своими сообщниками во всей природѣ распространилъ зло и нечистоту; планетамъ онъ противопоставилъ зловѣщія кометы, осквернилъ стихіи; огонь дымомъ и чадомъ, воду гадами, воздухъ зловредными испареніями, землю поражаетъ безплодіемъ,

къ растеніямъ примѣшалъ ядъ и тернія, каждому чистому животному противопоставилъ нечистое, самихъ людей поразилъ бѣдностію, болѣзнями и смертію и растлилъ нравственно. Очевидно, что вѣра Персовъ, какъ вѣрованіе религіи рефлективной, гораздо выше, чѣмъ вѣра Китайцевъ въ геніевъ. Формы религіи Китайцевъ да вмѣстѣ и Шамановъ, какъ формы религіи природы, по развитію своему ниже, чѣмъ рефлективная религія Персовъ. Отъ того у Шамановъ и Китайцевъ самыя убѣжденія о геніяхъ слишкомъ поверхностны. Ихъ геніи имѣютъ вліяніе только на видимую природу; ихъ дѣятельность простирается напрам. на болота, лѣса, горы и т. п. Геніи Персовъ своею дѣятельностію обнимаютъ не только міръ физическій, но и нравственный, и особенно имѣетъ вліяніе на послѣдній.

4. *Мнѣніе Египтянъ. Кнефъ*, или творецъ *Ментъ*, взявъ часть своего дыханія, соединилъ его съ огнемъ и другими натурами, произнесъ нѣкоторыя слова, и явилась тонкая ему только видимая матерія; изъ нея онъ образовалъ многія тысячи демоновъ, образовъ его самого, потомъ смѣшалъ другіе элементы, воду и землю, произнесъ менѣе могущественныя слова, вдохнулъ свой духъ и произвелъ множество душъ. Онъ раздѣлилъ демоновъ и души, по относительному ихъ достоинству, на 60 классовъ и размѣстилъ ихъ между землею и твердію небесною, въ воздухѣ, съ тѣмъ, чтобы они не оставляли своихъ мѣстъ подъ опасеніемъ наказанія. Этотъ періодъ не имѣлъ опре-

дѣленнаго продолженія времени потому, что не было еще различія дня и ночи, а слѣдовательно и опредѣленнаго времени. Это былъ самый счастливый періодъ. Но когда сила времени, *Себа* (Кроноса), начала обнаруживать и гибельную сторону своей природы, и когда Себъ вступилъ въ борьбу съ Оксамосомъ, который побѣдилъ и низрынулъ его въ тартаръ, тогда въ природѣ совершился переворотъ, чтобы совершенно очистить землю отъ произшедшаго въ ней замѣшательства, творческій духъ ниспослалъ на нее потопъ, изъ котораго земля вышла въ обновленномъ видѣ. Для населенія очищенной земли, міротворящій духъ предоставилъ демонамъ, ближайшимъ къ звѣздамъ, образовать изъ оставшейся отъ міротворенія матеріи различные классы существъ, обѣщая оживить ихъ произведенія своимъ дыханіемъ, и демоны образовали изъ воздушной матеріи птицъ, изъ воды рыбъ, изъ земли животныхъ дикихъ и домашнихъ, а изъ холоднаго остатка пресмыкающихся. Демонамъ и душамъ назначены были, по ихъ относительному достоинству, опредѣленныя мѣста въ воздухѣ, которыя запрещено имъ было оставлять подъ опасеніемъ наказанія. Но демоны, возгордившись своимъ твореніемъ, вышли изъ повиновенія и оставили свои мѣста потому, что покой казался имъ смертію. Они хотѣли проникнуть въ высшія небесныя сферы, но отъ взора Господня тотчасъ ниспали отъ туда въ знакъ рака. Божество заключило ихъ въ формы видимой природы, для ихъ очищенія. Ихъ жалобы неимѣли успѣха. Неимѣя возможности переносить сты-

да и не внимая божественнымъ велѣніямъ, они распространили безпорядокъ и раздоръ, зло увеличилось. Стихіи, оскверненныя нечистотою ихъ, возопили къ божеству верховному, и оно обѣщало послать имъ истеченіе самого себя. И дѣйствительно, чтобы судить живыхъ и награждать или наказывать умершихъ, явились на землѣ *Изида* и *Озирисъ* и другіе боги втораго и третьяго поколѣнія.

Такимъ образомъ демоны Египтянъ лишаются за свое поведеніе тѣхъ правъ, которыя были даны имъ у Персовъ. Злыя дѣйствія Аримана и его сообщниковъ естественны потому, что онѣ соединены съ понятіемъ о самой природѣ Аримана, сотвореннаго съ злыми наклонностями и способностями. Напротивъ, у Египтянъ демоны сотворены добрыми, но пали за свою гордость и неразумную требовательность и произвели въ мірѣ много зла. Ариману дана извѣстная доля въ управленіи міромъ (во второмъ и особенно четвертомъ періодѣ, когда настанетъ его владычество). Демоны Египтянъ лишены этихъ правъ, и если вторгаются въ чужую область и производятъ тамъ безпорядки и зло, то поступаютъ беззаконно, противъ законовъ своей первоначальной природы и противъ велѣній верховнаго бога, который требовалъ отъ нихъ правды и чистоты, когда заключилъ ихъ въ вещественныя формы для очищенія. Поведеніе демоновъ, какъ мы сказали, лишило ихъ тѣхъ правъ, какими пользуются Амшаспанды и Изеды у Персовъ. Эти высокія должности и права предоставле-

ны Египтянами божествамъ. Такъ *Тату* приписываютъ всю Египетскую науку; *Хасефу* письменное искусство и ученость; *Имутефъ* и *Негилеу* виновники врачебной науки; *Маи* и *Тафне* божества поэзіи; Тме—богиня правды и т. п. Всѣ эти боги въ соединеніи съ высшими богами перваго и втораго поколѣнія участвуютъ въ разныхъ должностяхъ міроправленія и господства надъ живыми существами, а въ преисподней въ *аментесѣ* произносятъ судъ надъ душами умершихъ людей.

Чтоже касается демоновъ или духовъ непадшихъ, которыхъ относительно очень немного, то имъ предоставлена только одна обязанность. Каждый падшій духъ, нисходя, на землю, получаетъ себѣ въ спутники и защитники одного непадшаго, который и остается при немъ во все время, назначенное для удовлетворенія за грѣхи.

Изъ этихъ замѣчаній видно, что боги Египетскіе втораго и третьяго поколѣнія исправляютъ обязанности Персидскихъ Амшаспандовъ Изедовъ, а мѣсто дервандовъ девовъ-демоны и души падшіе. Первобожество Египтянъ представляется выше чѣмъ первобожество Персовъ потому, что первое не произвело зле; оно само собою явилось—безъ участія первобожества, тогда какъ Церуане-акерене само произвело отрицательную сторону добра въ лицѣ Аримана. У Персовъ силы Аримана почти равны силамъ Ормузда, тогда какъ у Египтянъ могущество боговъ подавляетъ силы демоновъ.

5., *Мнѣніе Индійцевъ.* Вѣчный, по истеченіи временъ, восхотѣлъ сообщить величіе своей природы существамъ, которые были бы способны участвовать въ его блаженствѣ и служить его величію, и эти существа явились. Онъ образовалъ ихъ частію изъ своей собственной природы, способными къ совершенству, а частію, при вліяніи качествъ природы, оставилъ ихъ съ возможностію несовершенства, возможностію дѣлать зло. предоставляя имъ выборъ свободный между тѣмъ и другимъ. Твореніе это—міръ духовъ, которыхъ Вѣчный раздѣлилъ, по различію участія въ нихъ качествъ природы, на чины и сонмы и надъ каждымъ чиномъ поставилъ главу. Они молились предъ престоломъ Вѣчнаго, каждый по своему достоинству. и гармонія царствовала на небѣ.

Это блаженство и это прославленіе Вѣчнаго продолжалось бы вѣчно, еслибы *Магисасура* и *Равана*, ближайшіе къ *Тримурти* духи, по зависти къ ней, не отказались повиноваться Вѣчному и по гордости не захотѣли сами господствовать. Многіе подчиненные духи соблазнились ихъ примѣромъ. Вѣчный разгнѣванный и опечаленный, повелѣлъ *Брамѣ* возвратить возмутившихся духовъ къ повиновенію и возвѣстить имъ въ такомъ случаѣ милость и прощеніе. Возмутители упорствовали въ неповиновеніи. Послѣ этого Вѣчный повелѣлъ *Сивѣ* богу смерти и жизни, разрушителю и возсоздателю низринуть отступниковъ въ кромѣшную тьму—въ *ондерахъ*, въ наказаніе на 1000 лѣтъ.

Между тѣмъ, какъ отверженные духи томились въ ондерахѣ, оставшіеся въ повиновеніи духи не переставали умолять Вѣчнаго оказать милость отверженнымъ,—и Вѣчный, снисходя къ мольбамъ вѣрныхъ духовъ, далъ возможность отверженнымъ возвратиться въ первоначальное состояніе, къ прежнему блаженству, предоставивъ это ихъ собственной волѣ; средства къ возвращенію испытанія, истязанія. Послѣ этого Вѣчный рѣшился создать и создалъ міръ вещественный, видимый, потомъ повелѣлъ *Вишну* сойти въ новосозданный міръ съ тѣмъ, чтобы падшихъ духовъ постепенно переводить изъ ондераха въ міръ вещественный, въ міръ наказанія, гдѣ заключенные въ тѣла низшихъ тварей, духи должны подвергаться естественнымъ страданіямъ сообразно съ ихъ преступленіями. Когда духи пройдутъ всѣ степени испытанія, очищенія и оправданія, тогда возвратятся въ прежнее состояніе. Но не всѣ духи достигнутъ этого.

Вся вселенная, по преобладанію въ ней одного изъ трехъ качествъ природы, раздѣляется на три міра. 1) на міръ свѣта, который подраздѣляется на семь высшихъ областей, или звѣздныхъ сферъ; 2) на міръ испытанія, міръ человѣческій, и 3) на міръ тьмы, подраздѣляющійся на семь степеней наказанія. Міръ свѣта населяютъ безчисленные добрые духи и восемь стражей восьми странъ неба. Міръ испытанія представляетъ собою поле борьбы добрыхъ и злыхъ духовъ; а міръ тьмы предопредѣленъ для наказанія духовъ падшихъ. Духи злые будутъ пріобрѣтать все

и болѣе вліянія на землѣ такъ, что будетъ исключеніемъ тотъ, кто не прельщенъ будетъ ими. И потому, чтобы противостоять злымъ духамъ и поражать ихъ, добрые духи предстали предъ Вѣчнымъ и умоляли его, устами Вишну, чтобы онъ нисходилъ иногда на землю въ чувственномъ видѣ и ратующимъ духамъ помогалъ своимъ совѣтомъ и примѣромъ противъ наущенія злыхъ духовъ. Вѣчный милостиво согласился на ихъ просьбу. Вишну, по мнѣнію Индійцевъ, уже девять разъ являлся съ этою цѣлію въ міръ и еще разъ явится. Злые духи или геніи всѣ силы направляютъ къ тому, чтобы поразить добрыхъ; безпорядки, разрушенія, неустройства въ природѣ суть дѣйствія злыхъ геніевъ. Бѣдствія, болѣзни и вообще всѣ несчастія, поражающія человѣка въ жизни, слѣдствія грѣховъ низверженныхъ съ неба геніевъ и посланныхъ для наказанія въ міръ вещественный, а также слѣдствія настоящихъ грѣховъ, совершаемыхъ постоянно человѣкомъ по наущенію и содѣйствію злыхъ геніевъ.

— —

ГЛАВА II.

Мнѣнія Грековъ и Римлянъ о геніяхъ или духахъ.

Подобно восточнымъ народамъ древніе Греки и Римляне вѣрили въ существованіе двухъ родовъ геніевъ, или духовъ добрыхъ, благодѣтельныхъ и злыхъ, зловредныхъ. Они вѣрили, что каждому человѣку при самомъ рожденіи дается богами два генія или духа —добрый и злый, что добрый геній побуждаетъ человѣка къ добру, злой совращаетъ его ко злу; первый заботится о его счастіи и благополучіи, второй вовлекаетъ его въ худыя дѣла, соблазняетъ къ безнравственной жизни и подвергаетъ его несчастіямъ.

Греки и Римляне вѣрили далѣе, что не только частныя лица, но и каждый домъ, каждый городъ, каждая провинція имѣютъ своихъ геніевъ. Эти послѣдняго рода геніи, т. е. геніи, приставленные къ домамъ, городамъ, провинціямъ, считались добрыми, благодѣтельными, благотворными, достойными почитанія (1).

---

(1) Antiquite exhiqice F. I., Horat. lib. 1. Epist. 7, v. 94: Quod te per Genium, dextramque Deosque Penates.

Геніямъ приносимы были въ жертву цвѣты ѳиміамъ, кушанья и вино (1); именемъ геніевъ клялись (2). Тертулліанъ говоритъ, что у Грековъ и Римлянъ считалось великимъ преступленіемъ нарушать клятву, данную во имя генія царскаго (3). Часто встрѣчается на Римскихъ монетахъ надпись: Genium populi Romani, т. е. геній народа Римскаго. Когда Римлянинъ или Грекъ приходилъ въ чужую землю, то прежде всего онъ непремѣнно привѣтствовалъ генія этой страны, обращаясь къ нему съ молитвою, и приносилъ ему жертву. Тоже самое повторялось и при удаленіи изъ страны,—при этомъ уходившій изъ страны почтительно цѣловалъ землю (4).

Не было ни одного государства, провинціи, ни одного города, ни однѣхъ воротъ, и ни одного общественнаго или частнаго зданія, которые бы не имѣли своего генія (5).

Obsecro et obtescor.

St stat. lib. 5. Iyl. 1. v. 79:

Dum cunctis supplex advolveris aris Et mitem Senium Domini praesentis adoras.

(1) Persenr Satyr. II. v 3: fundo merum Genio. (2). senec. Epist. 12: U. Villicus jurat per Genium meum, se omnia fecisse. (3) Tertull. Apolog. cap 23: Citius apud vos per omnes Deos, quam per unicum Genium Caesaris perjuratur.) (4) Ovid. Methamorph. lib. 13. v. 421 Troja vale, rapimur, clamant; dant oscula terrae Troades. (5) Prudent. contra Symmach. Quamquam cur. Genium Romae mihi fingitis unum. Cum portis, domibus, thermis, stabulis solentis Assignare suos Genios.

Геній дается также богами каждому человѣку и руководитъ его во всемъ со дня рожденія и до гробовой доски: «Такъ какъ, говоритъ Сенека, наши предки вѣрили, что каждому изъ нихъ данъ богами въ руководители геній, то каждый человѣкъ, по ихъ мнѣнію, имѣетъ своего генія (1)».

«Геній есть богъ, говоритъ другой писатель,— подъ защитой котораго каждый живетъ съ самаго своего рожденія..... онъ находится при человѣкѣ до послѣдняго дня его жизни (2)».

Признавая этихъ геніевъ (т. е. охраняющихъ царства, провинцію, города, дома и людей) благодѣтельными, добрыми, Греки и Римляне оказывали имъ, какъ своимъ домашнимъ богамъ, суевѣрное, идолопоклонническое почитаніе; молились имъ и приносили жертвы, состоявшія изъ благовонія, пищи, меда, вина и т. п.; не приносили имъ только кровавыхъ жертвъ (3).

Греки и Римляне вѣрили еще, что демоны любятъ воскуренія и жертвенную кровь, пѣніе и женское общество, что они по временамъ тревожатъ извѣстныя мѣста и зданія. И потому Греки и Римляне прино-

(1) Senec. Epist. 110. (2) Censorin., de die natali, c. 3.— (3) Censorin de die natali, c. 2. Vide Taffin de anno saecul Forsitan quis quaerat, quid causae sit, ut merum fundendum sit Genio, non hostiam faciendam putavenint..... Scilicet ut die natali munus annale Genio solverent, manum a caede ac sanguine abstinerent.

сили жертвы и злымъ геніямъ, или демонамъ, съ тѣмъ, чтобы задобрить ихъ.

Порфирій, неоплатоникъ, не задумываясь, утверждаетъ, что демоны страстно желаютъ, чтобы ихъ считали богами, и что ихъ воздухообразнымъ тѣламъ весьма нравится запахъ и дымъ крови и жира животныхъ, приносимыхъ имъ въ жертву (1). Такъ разсуждаетъ объ этомъ и Ямвлихъ. Но изъ этихъ разсужденій Порфирія и Ямвлиха вовсе не видно, откуда извѣстно Порфирію, что тѣла демоновъ воздухообразны, что они любятъ принесеніе въ жертву животныхъ и пр. Ихъ свидѣтельство важно только въ томъ отношеніи, что доказываетъ вѣру Греческой и Римской массы въ геніевъ. И какъ масса не имѣла основаній для утвержденія своихъ вѣрованій и не знала источниковъ, изъ которыхъ возникло это вѣрованіе въ геніевъ, такъ Ямвлихъ и Порфирій не могли утвердить своихъ мнѣній о духахъ на разумномъ основаніи. Всѣ геніи неоплатониковъ вообще и въ частности Порфирія и Ямвлиха, произведеніе ихъ собственной жалкой фантазіи, мистически настроенной. Всѣ ихъ произведенія о геніяхъ въ частности и о религіи вообще не иное что, какъ жалкое стремленіе противопоставить свои теософическія и теургическія тенденціи быстро развивающемуся христіанству. «Неоплатоники, говоритъ

(1) Porphyr. apud Euseb. de praepar. Euang. lib. 4. c. 5 и 6.

Швеглеръ, обнаруживали очевидное стремленіе создать, какъ языческое соотвѣтствіе христіанству, такую философію, которая бы могла быть въ тоже время универсальной религіей (1)». Послѣ этого нисколько не удивительно, что неоплатоники и ихъ послѣдователи могли создавать цѣлые міры боговъ и геніевъ, чтобы добиться только до желаемыхъ результатовъ.

Чтобы опредѣлить, что за новосозданные геніи или посредники, составлены были цѣлыя генеалогіи, подробныя описанія характера дѣятельности геніевъ, ихъ свойствъ и явленій, о которыхъ сейчасъ будемъ говорить. Такъ составилась систематическая вѣра въ геніевъ у древнихъ народовъ язычества.

---

(1) Исторія философіи древней, соч. Швеглера, пер. подъ редакціей Юркевича, стр. 156—157.

ГЛАВА III.

Въ какомъ видѣ представляли геніевъ древніе восточные народы, Греки и Римляне?

Геніи, по религіозному вѣрованію древнихъ, считались посредниками между богомъ и людьми. Они всегда считались добрыми какъ по природѣ, такъ и по тѣмъ свойствамъ нравственнымъ, какія геніи необходимо обнаруживали при своихъ отношеніяхъ къ міру вообще и къ людямъ въ частности. Добрые геніи наблюдали за нормальнымъ теченіемъ явленій природы, охраняли законы природы и стихіи, времена года, жизнь земли и пр. Напр. *Шень*, или геніи Китайцевъ, завѣдывали временами года, стихіями и пр. Каждая вещь, по мнѣнію Персовъ, имѣла своего феруера, или генія. Словомъ, весь міръ подлежалъ наблюденію геніевъ, которые заботились о его благѣ. Но особенному смотрѣнію, особенному промышленію геніевъ предоставленъ былъ человѣкъ; они особенно заботятся о его благоденствіи; они слишкомъ внимательны и спѣшатъ на помощь, какъ думаютъ Шаманы, ко всѣмъ просящимъ. Съ самаго рожденія, какъ думаютъ Персы, Египтяне и другіе, назначается человѣку геній-хранитель, который охра-

пяетъ жизнь человѣка до гробовой доски. Далѣе, геніи заботились о развитіи человѣка, о его благополучіи, здоровьѣ и проч. Какъ бы впрочемъ и въ чемъ бы ни выражались добродѣтели геніевъ, во всякомъ случаѣ это были добрые геніи, которые пеклись о благѣ міра и человѣка.

Какъ противоположность добрымъ геніямъ религіозное сознаніе древнихъ создало другаго рода геніевъ—злыхъ, которые разрушали или, по крайней мѣрѣ, стремились разрушить все то, что охраняли добрые геніи. Разрушительныя дѣйствія, безпорядки, въ природѣ зловредныя явленія, заразительный воздухъ, вредоносное повѣтріе, моровыя язвы, разнообразныя болѣзни, голодъ и проч., растлѣніе нравственности, пороки и пр. — все это дѣйствія злыхъ духовъ, или злыхъ геніевъ.

Вотъ тотъ видъ, то обнаруженіе, въ которомъ раскрывалась и выражалась нравственная дѣятельность геніевъ добрыхъ и злыхъ. Что же касается того, въ какомъ образѣ геніи являлись лично, то это зависѣло отъ того, какъ смотрѣли древніе на природу геніевъ. Одни представляли ихъ въ образѣ птицъ, другіе въ видѣ животныхъ и т. д. Словомъ, это зависѣло отъ того, какъ смотрѣли древніе на сущность или природу божественнаго. Религіозное сознаніе древнихъ облекало своихъ геніевъ въ такія формы, какія лучше всего соотвѣтствовали природѣ геніевъ. Представители религіи природы не отличали духовныхъ силъ отъ вещественныхъ, духа отъ матеріи, тѣ и другія силы въ ихъ представленіи смѣшивались. И потому, какъ ни стараются прикрыть это законодатели или составители религіозной догматики древнихъ, духи или геніи все-таки не болѣе, какъ силы природы. Какъ ни тонки и не уловимы духи, по мнѣнію Кхунъ-узы, или Конфуція, но они являются только въ тѣлесныхъ формахъ существъ по тому самому, что сущность духовъ дѣйствительна; она можетъ выражаться не иначе, какъ подъ формою какого либо существа не болѣе. Все религіозное міросозерцаніе Китайцевъ показываетъ, что ихъ духи или геніи суть силы природы. Небо и земля — начала всего сущаго, по мнѣнію Китайцевъ; а послѣ этого и духи или геніи — силы природы, выражающія свои свойства и дѣйствія въ явленіяхъ природы. Всѣ феруеры Персовъ суть божественныя мысли или формы и не только заключаются во всѣхъ вещахъ, какъ ихъ сущность, но сохраняютъ и поддерживаютъ, какъ роды и виды существъ, такъ и каждое существо порознь. Феруеры суть первообразы всѣхъ возможныхъ существъ. Такимъ образомъ феруеры или геніи Персовъ тѣ же, что и у Китайцевъ, силы природы. Различіе только въ томъ, что феруеры не только механическое соединеніе движенія и покоя, но и божественная идея, воплотившаяся въ матеріи и разнообразно ее движущая. Далѣе у Персовъ борьба добра со зломъ ничто иное, какъ борьба формы съ матеріей. Но эта борьба объясняется чисто физически, т. е. силою и веществомъ. Частнѣе дерваиды, или злые геніи -это семь кометъ, ко-

торыя противопоставлены Ариманомъ семи Амшаспандамъ. Далѣе извѣстно, что Ариманъ, желая вступить въ борьбу съ Ормуздомъ, поднялся на небо, но пораженный ослѣпительнымъ блескомъ свѣта, онъ спрыгнулъ съ неба на землю въ *видѣ змія*. Символъ же Аримана постоянный—это тьма; а Ормузда—свѣтъ. Другихъ образовъ для представленія Ормузда и подчиненныхъ ферусровъ, Аримана и его сообщниковъ Персидское религіозное сознаніе не успѣло создать. Это досталось на долю Египтянъ и Индійцевъ, Грековъ и Римлянъ.

Египтяне изображали своихъ боговъ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ различныхъ животныхъ. *Амунъ-Кнефъ*, добрый первоДухъ, изображаемъ былъ въ видѣ змія, обвившаго міровой шаръ. *Менде* — творецъ всего, въ видѣ козла, которому приписывали величайшую раждательную силу. Духъ вообще и высшія божества, какъ существа духовныя, изображались въ видѣ копчика или ястреба и т. д. Божества втораго и третьяго поколѣнія, которыхъ считали виновниками устроенія и благосостоянія общества человѣческаго, представлялись въ образѣ человѣческомъ.

Божества и духи Индійцевъ изображаются въ образѣ человѣка, но обладаютъ при этомъ особенною силою и изображаются въ колоссальномъ видѣ такъ, что земные предметы кажутся предъ ними малыми и ничтожными. Впрочемъ, нѣкоторые боги по своимъ въ міръ видимый явленіямъ исключаются

изъ этого правила. Тапъ Вишну десять разъ являлся на землю и каждый разъ принималъ различные виды. Въ первый разъ явился въ видѣ рыбы; во второй въ видѣ черепахи; въ третій въ видѣ дикаго вепря и т. д. Вообще же боги и духи являются въ образѣ человѣка съ различными предикатами, которые возвышаютъ боговъ надъ людьми, и въ этомъ случаѣ представленія Индійцевъ о божествахъ, при всей ихъ фантастичности, сходятся съ понятіями Грековъ и Римлянъ о богахъ (1).

Ямвлихъ, ученикъ Порфирія (2), упоминаетъ о многихъ древнихъ сочиненіяхъ относительно геніевъ и ихъ явленій. Читая этого писателя, удивляешься тѣмъ знаніямъ, какія пріобрѣтены имъ о природѣ и явленіяхъ геніевъ. Онъ такъ наглядно описываетъ эти явленія, такъ ясно представляетъ психологическое состояніе человѣка при этихъ явленіяхъ, что, кажется, будто Ямвлихъ самъ находился въ постоянныхъ *дружескихъ* сношеніяхъ съ геніями. Онъ утверждаетъ, что явленія боговъ возбуждаютъ въ человѣкѣ радость; явленія демоновъ и героевъ приводятъ человѣка въ ужасъ; души людей, бывшихъ при жизни начальниками (когда являются по смерти), производятъ болѣзненное впечатлѣніе испуга; явленія душъ

---

(1) Свѣдѣнія о геніяхъ восточныхъ народовъ заимствованы нами изъ сочиненій: 1. Die Religions Systeme der Leidnischen Völker, von stuhr. 2. Китай и его нравы. Іакинѳа. 3. Религія и философія древняго востока. Новицкаго и др.
(2) Amblic. lib. 2, cap. 3 etc. 4.

обыкновенныхъ менѣе непріятны, чѣмъ явленія героевъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію Ямвлиха, состояніе духа человѣческаго, при явленіяхъ боговъ, спокойно и тихо; при явленіяхъ демоновъ человѣкъ приходитъ въ замѣшательство, при явленіяхъ героевъ и начальниковъ въ волненіе.

Когда являлись боги, тогда небо, солнце и луна какъ бы уничтожались отъ блеска свѣта, ихъ сопровождавшаго, продолжаетъ Ямвлихъ; явленія же демоновъ и героевъ сопровождались весьма слабымъ свѣтомъ. Явленія боговъ поразительно блестящи, явленія демоновъ сопровождаются почти тьмою: но еще мрачнѣе явленія героевъ. Начальники, занимавшіе въ этомъ мірѣ блестящія мѣста, являлись по смерти окруженные свѣтомъ; а начальники, завѣдывавшіе грубыми вещами, являлись во мракѣ. Являвшіяся души похожи были на тѣнь. Ямвлихъ въ своемъ описаніи этихъ явленій вдается въ такія подробности, что если вѣрить имъ, то невольно подумаешь, что между нимъ, богами, демонами и отшедшими душами существовала тѣсная, внутренняя, постоянная связь. Но дѣло въ томъ, что все розсказываемое Ямвлихомъ не иное что, какъ произведеніе его воображенія. Кто сколько нибудь знакомъ съ философскими тенденціями Ямвлиха, тому эти сказки о явленіяхъ геніевъ не покажутся странными. Это былъ мечтатель, и потому его разсказамъ нельзя вѣрить. «Общая черта всѣхъ неоплатоническихъ философовъ (Ямвлихъ-неоплатоникъ), говоритъ Швеглеръ, есть наклонность къ

мечтательности, теософія, теургія. Бо́льшая часть изъ нихъ занималась магіей, а наиболѣе знаменитые хвалились тѣмъ, что имѣли божественныя откровенія и явленія, что прозирали будущность и совершали чудеса» (1). Очевидно послѣ этого, что вѣрить словамъ Ямвлиха мы не имѣемъ никакого основанія. Его слова заслуживаютъ вниманія и то не вполнѣ только въ томъ, что они характеризуютъ отчасти вѣру народа въ явленія боговъ.

Видъ, въ какомъ являлись боги и геніи человѣческій, только съ различными характеристическими особенностями. Юпитеръ громовержецъ, повелитель вселенной, богъ боговъ, представляется всегда могучимъ, сильнымъ. Янусъ, богъ стараго и новаго годовъ, съ двумя лицами (одно напереди, другое назади). Венера —дѣвицей изумительной красоты и т. д. Геніи, кромѣ того, что изображались въ видѣ дѣтей и юношей, представлялись иногда въ видѣ змѣй.

Послѣ этихъ словъ нечего болѣе распространяться о неоплатонизмѣ. Геній Сократа только опровергаетъ и не подтверждаетъ ихъ мнѣніе. Геній Сократа это инстинктивное стремленіе разгадать истину, инстинктивное чувство истиннаго, по которому человѣкъ только гадаетъ объ истинѣ, смутно, неопредѣленно предчувствуетъ истину. Этотъ фактъ могъ въ бо́льшей или меньшей мѣрѣ испытать на себѣ каждый.

---

(1) Исторія Древней философіи Швеглера, переводъ съ нѣмецкаго. М. 1864 г. стр. 156.

особенно въ юношескомъ возрастѣ. Мы считаемъ одно явленіе ложнымъ, другое истиннымъ, одно хорошимъ, другое дурнымъ, а между тѣмъ не можемъ отыскать въ умѣ причины нашего рѣшенія, потому ли, что новое представленіе слишкомъ ново потому и непонятно, потому ли, что мы не на столько развиты, чтобы найти причину для даннаго представленія. Къ этому-то генію, или инстинктивному чувствованію истиннаго и добраго Сократъ и обращался, обсуживалъ этотъ внутренній голосъ истиннаго и добраго, уяснялъ новое понятіе и находилъ причины утвержденія понятія. Это совѣтъ ума, какъ нѣкоторые говорятъ, съ самимъ собою. Этимъ только и можно объяснить недостатки въ философствованіи и жизни Сократа. Напротивъ, если допустить, что ему являлся геній, то будетъ понятно, какимъ образомъ Сократъ ошибался также въ философіи и жизни, какъ и другіе умные люди. Да Сократъ и самъ не говоритъ, что ему геній являлся и что онъ видѣлъ этого генія. А выраженіе неоплатониковъ то, что Сократъ видѣлъ генія духовными очами, ничего не доказываетъ. Неоплатоники говорятъ, что имъ были божественныя откровенія и явленія, но кто же повѣритъ имъ?

«Странно, говоритъ г. Хотинскій, что подобные вздоры (т. е. разсказы о духахъ, ихъ правахъ и пр., заимствованные у Порфирія и Ямвлиха и др.) имѣютъ въ себѣ много привлекательнаго не только для праздного любопытства необразованной толпы, но и для человѣка, спеціально преданнаго изученію наукъ. Когда я рылся въ пыли фоліантовъ парижской им-

ператорской библіотеки, то по цѣлымъ днямъ не могъ оторваться отъ варварскихъ страницъ какого-нибудь *Альберта Великаго*, *Краснаго Дракона*, *Эхиридіона папы Льва III.*, или *Реджинальда Скотта*. Но едва ли не любопытнѣе прочихъ извѣстная «*Черная книга чародѣевъ*», приписываемая доктору Фаусту: эта книга озаглавляется такъ: «Mirakel, Kunst und Wunder-Buch, oder der Schwarzte Rabe, auch der dreifache Höllenzwang benannt. «Въ этомъ» *Черномъ Воронѣ*» записаны всѣ формулы вызыванія духовъ, адресъ-календарь темныхъ силъ и росписаніе, кто изъ демоновъ какого нрава, какъ и гдѣ проводитъ время. Даже малѣйшія привычки подземныхъ жителей описаны въ Черномъ Воронѣ, какъ будто составитель его долгое время жилъ въ самой короткой связи съ Люциферомъ и его адскими сотоварищами. Мало того: вы можете найти свидѣтельства, что адскій владѣтель зимою 1626 года проживалъ въ Миланѣ подъ именемъ герцога Мамона и тратилъ тамъ страшную кучу денегъ. Ученый докторъ Лотихіусъ лично былъ знакомъ съ нимъ и часто являлся къ нему на обѣды и вечера. Потомъ нечистый посѣтилъ въ 1669 г. Швецію, гдѣ захворалъ отъ сильной простуды, его вылѣчили кровопусканіями; но увѣряютъ, что здоровье его совершенно поправится развѣ по прошествіи только тысящелѣтія» (1).

---

(1) Разсказы о темныхъ предметахъ соч. М. Хотинскаго. СПБ. 1861. стр. 436—441.

Можетъ ли быть что нибудь нелѣпѣе этой галиматьи, а между тѣмъ очень многіе и очень умные люди вѣрили, что всѣ разсказы Чернаго Ворона несомнѣнно вѣрны потому, что тогда такова была общая настроенность. Великій реформаторъ, ученіе котораго поколебало многіе средневѣковые предразсудки, Лютеръ, самъ искренно убѣжденъ былъ, что ему являлся демонъ, въ котораго онъ бросилъ свою чернилицу. Дѣло было въ Виттенбергѣ, гдѣ и до сихъ поръ показываютъ чернильное пятно и считаютъ невѣжами тѣхъ, которые осмѣливаются сомнѣваться въ достовѣрности факта, что и случилось съ г. Хотинскимъ, по его словамъ.

Меланхтонъ, другъ и товарищъ Лютера на реформаторскомъ поприщѣ, отъ природы холодный и очень серьезный мысли тель, уступавшій Лютеру только въ энергичности и горячести, говоритъ (1), что онъ не разъ видѣлъ привидѣнія и нѣсколько разъ съ ними бесѣдовалъ; а Іеронимъ Корданъ увѣряетъ (2), что его отецъ Ѳассій видѣлъ демоновъ всегда, когда только хотѣлъ этого. Если же такія дѣльныя головы, какъ Лютеръ и Меланхтонъ, такъ жестоко заблуждались, то о предразсудкахъ и суевѣріяхъ большинства толпы и говорать нечего.

---

(1) Lib. de anima. — (2) Hieron. Cordan., L. 8. de variet rerum c. 34.

ГЛАВА IV.

Народныя повѣрія, суевѣрія и предразсудки о явленіяхъ духовъ и ихъ дѣйствіяхъ въ отношеніи къ людямъ.

Мы приведемъ только нѣкоторые разсказы, о которыхъ необходимо упомянуть и представить критическую оцѣнку.

Меланхтонъ, другъ Лютера, разсказываетъ слѣдующее: однажды въ дверь дома Лютерова постучался какой-то монахъ; вошедши въ комнату, онъ обратился къ Лютеру съ такими словами: «прежде я раздѣлялъ нѣкоторыя папистическія заблужденія, и очень желалъ бы послушать ихъ объясненіе». Лютеръ просилъ его высказать свои сомнѣнія и безъ труда далъ отвѣты на нѣкоторыя изъ нихъ. Монахъ представилъ болѣе трудныя возраженія, и Лютеръ сердито отвѣчалъ: «ступай прочь; ты мнѣ мѣшаешь, я теперь занятъ другимъ». Эту исторію передаетъ самъ Лютеръ. Замѣтивъ же, что у монаха руки похожи на когти птицы, Лютеръ сказалъ ему: «хотя ты сатана, но спутать всѣхъ своими сѣтями ты не можешь».—И мнимый монахъ или сатана, какъ думаетъ

Лютеръ, съ страшнымъ ревомъ и шумомъ исчезъ изъ комнаты, оставивъ въ ней отвратительный запахъ, отъ котораго не могли избавиться въ теченіе долгаго времени (1).

Кто теперь повѣритъ, что сатана дѣйствительно являлся Лютеру; а между тѣмъ самъ Лютеръ искренно былъ убѣжденъ въ этомъ, и по этому поводу написалъ большое разсужденіе о богослуженіи католической Церкви, о молитвахъ за усопшихъ, о чистилищѣ и проч. (2).

Въ этой же книгѣ Лютеръ утверждаетъ (3), что Эколампадій убитъ былъ діаволомъ, о себѣ самомъ говоритъ, что однажды въ полночь явился къ нему діаволъ и вступилъ съ нимъ въ споръ. Доводы духа были такъ сильны, что онъ послѣ этого спора съ духомъ долго безпокоился, сильный голосъ духа и то, что онъ на свои вопросы давалъ и отвѣты, совершенно сбили съ толку Лютера, который по этому случаю замѣчаетъ: «духъ злой можетъ удушить и убить, а также силою доводовъ довести человѣка до тоски, которая доводитъ человѣка до смерти, какъ я самъ испыталъ на себѣ»—собственныя слова Лютера.

Какъ кажется не повѣрить искренности Лютера, который такъ наивно передаетъ фактъ? А между тѣмъ мы отвергаемъ дѣйствительность явленія. Лютеръ

(1) Tom. I. Theol. Jal. pag. 3. 6.—(2) De abrogandâ Missa privatâ. Part. 2. (3) Idem tom. VII. pag. 226.

былъ слишкомъ мечтательный и религіозный, и потому, не смотря на безнравственность Римскаго клира, такъ поразившую его, сначала вовсе не думалъ производить переворота въ религіи или реформѣ въ ней. Рѣшившись на реформу, онъ естественно испытывалъ борьбу убѣжденій старыхъ проклятыхъ и новыхъ святыхъ, какъ думалъ онъ. Ему казалось, что противъ его святаго дѣла вооружены не только католики, но и духи злые, въ явленія которыхъ вѣра въ то время была очень сильна. Борьба разстроила мечтательную фантазію, которая рисовала ужасные образы, казавшіеся дѣйствительными при одиночествѣ Лютера въ комнатѣ.

Въ Мольтеймѣ, въ капеллѣ Игнатія (1) есть надпись, которая передаетъ слѣдующую исторію: одинъ молодой дворянинъ, по имени Михаилъ Людвигъ фонъ Бубенгофенъ, былъ посланъ своимъ отцемъ ко двору герцога Лотарингскаго для изученія тамъ французскаго языка. Но кромѣ этого онъ здѣсь обучился еще многимъ дурнымъ вещамъ и между прочимъ развилъ въ себѣ здѣсь безграничную страсть къ картежной игрѣ, которая едва совершенно не погубила его. Онъ проигралъ въ карты всѣ свои деньги; и вотъ, однажды, когда онъ наединѣ дѣлалъ смѣту своимъ проигрышамъ, ему пришло въ голову, что если бы демонъ обратилъ на него вниманіе и принесъ ему денегъ, то онъ готовъ былъ бы вступить съ нимъ въ

(1) Игнатій Лойолы основателя Іезуитскаго Ордена.

связь на какихъ угодно условіяхъ. Въ ту же минуту явился предъ нимъ юноша его лѣтъ, красиваго тѣлосложенія, съ пріятными манерами, но его взглядъ наполнилъ душу молодаго человѣка ужасомъ, такъ какъ онъ принялъ незнакомца за демона. Незнакомецъ, смѣясь, потрепалъ испуганнаго дворянина по плечу и сказалъ: «чего ты испугался? развѣ я такъ непріятенъ, такъ гадокъ, что возбуждаю отвращеніе? Посмотри, какъ много у меня серебра, желаешь получить его? Эта пріятельская рѣчь нѣсколько ободрила несчастнаго, и онъ отвѣчалъ: «Серебро? но какого рода серебро? никуда негодное, фальшивое, которое вовсе не поможетъ моему горю? Нѣтъ, серебро хорошее, говорю тебѣ, серебро настоящее, пробное! и знаешь ли, какъ много? столько, сколько только ты захочешь имѣть его? Вотъ оно, разсматривай его, пробуй, пускай его въ оборотъ, и если найдешь его годнымъ, обратись опять ко мнѣ, для того, чтобы намъ съ тобой заключить связь. Молодой человѣкъ отправился къ своимъ товарищамъ, которыхъ онъ засталъ еще за картами, началъ опять играть съ ними и не только отыгралъ у нихъ свои деньги, но еще выигралъ у нихъ. Теперь, когда онъ съ радостію возвращался домой, встрѣчается съ нимъ его злой врагъ.

—Ну что, правду я тебѣ говорилъ, или нѣтъ? Хорошимъ серебромъ снабдилъ я тебя, или нѣтъ?

—Весьма хорошимъ, отвѣчалъ юноша, я желалъ бы имѣть его побольше.—Хорошо, сказалъ демонъ,

но чѣмъ же ты заплатишь мнѣ за него?—Когда Михаилъ сталъ отговариваться бѣдностью, демонъ сказалъ ему: «ты вовсе не бѣденъ кровью, и можешь дать мнѣ ея капли четыре», и вслѣдъ за этимъ взялъ его лѣвую руку и сдѣлалъ на ней въ одномъ мѣстѣ разрѣзъ, не причинивъ впрочемъ этимъ никакой боли. Выдавивъ изъ раны нѣсколько капель крови въ чашечку желудя и подавъ ему бумагу и перо демонъ сказалъ ему: «пиши», и начертилъ ему десять буквъ (которыя тотъ долженъ былъ написать), которыя, какъ потомъ оказалось, были большею частію греческія и которыя не представляли никакого смысла. Потомъ онъ велѣлъ ему написать на другомъ листѣ еще гораздо большее число буквъ, похожихъ на прежнія и за тѣмъ сказалъ: «эта бумага твоя!» и съ этими словами вложилъ ее въ рану, которая при этомъ въ одинъ моментъ такъ срослась, что остался только рубецъ. Демонъ сказалъ потомъ: «съ этимъ ярлыкомъ ты можешь требовать отъ меня всего, чего только пожелаешь; что ни прикажешь, все будетъ исполнено, и это будетъ въ теченіи цѣлыхъ семи лѣтъ, по истеченіи которыхъ ты сдѣлаешься моимъ всецѣло. Это послѣднее ты обѣщаешь мнѣ въ другой запискѣ, которую я беру себѣ. Согласенъ ли ты на мои условія?» Молодой человѣкъ глубоко вздохнулъ, однако согласился, и бѣсъ исчезъ. На другое утро онъ снова явился, посовѣтывалъ молодому человѣку перестать читать нѣкоторыя небольшія молитвы, которыя тотъ имѣлъ обыкновеніе прочитывать и отбираяъ у него много благочести-

выхъ книгъ для того, чтобы, какъ говорилъ онъ, могли свободнѣе и чаще вмѣстѣ проводить время.

Съ этихъ поръ обольститель постоянно, день и ночь, былъ при Михаилѣ въ качествѣ слуги, научалъ его дѣлать разныя необыкновенныя вещи всегда дурнаго свойства и постоянно побуждалъ его къ различнымъ порочнымъ дѣламъ. Такъ протекла большая часть семи лѣтъ; молодому человѣку наступалъ 20-й годъ, когда отецъ отозвалъ его обратно домой, въ надеждѣ, что его сынъ при дворѣ получилъ хорошее, приличное ему образованіе. Но его сынъ былъ самый испорченный, самый потерянный человѣкъ.

Сроднаго времени оставалось уже только нѣсколько мѣсяцевъ, и онъ, мучимый угрызеніями совѣсти, въ отчаяніи махнувши на все рукой, дѣлалъ все, что только могло представиться ему самымъ необыкновеннымъ и вмѣстѣ самымъ постыднымъ. Онъ хотѣлъ отравить своихъ родителей, зажечь ихъ домъ, но ни того, ни другаго Богъ не допустилъ сдѣлать демону, который уже далъ было несчастному всѣ нужныя для совершенія этихъ злодѣйствъ вещества; равно какъ недопустилъ Онъ молодаго человѣка и до самоубійства. Два раза стрѣлялъ онъ изъ ружья въ свою грудь, и въ оба раза ружье осѣкалось. Этотъ послѣдній фактъ неистовства открылъ для другихъ его внутреннее растерзанное состояніе; сестры его не отходили отъ него для того, чтобы онъ опять не рѣшился на неудавшееся злодѣйство и со слезами умоляли его сказать имъ, что̀ заставляетъ

его рѣшаться на такое ужасное дѣло; но получили отъ него одинъ отвѣтъ, что вскорѣ онъ приведетъ въ исполненіе то, на что рѣшился, что это необходимо. Когда его мать узнала дѣло въ общемъ видѣ, она также начала настаивать, чтобы онъ открылъ яснѣе, въ чемъ именно дѣло; и онъ наконецъ открылъ ей все; мать отъ его разсказа упала въ обморокъ. Но такъ какъ она принадлежала къ Швенкфельдской сектѣ и обратила къ ней и своего сына, то она могла только оплакивать его, нисколько не заботясь о средствахъ къ его спасенію; наконецъ однажды демонъ пришелъ къ нему въ ея присутствіи и согнулъ его тѣло въ обручъ, такъ, что голова его пригнулась позади къ ногамъ; это понудило мать отдать сына на попеченіе духовнымъ. Но онъ, оправдываясь отвращеніемъ, какое онъ чувствовалъ къ этимъ послѣднимъ, ушелъ отъ нихъ въ Эйхштадтъ, гдѣ онъ сталъ жить еще позорнѣе прежняго. Но здѣсь поймалъ его братъ, вюрцбургскій каноникъ, сковалъ его, привезъ въ Мольстеймъ и отдалъ тутъ его на руки Іезуитамъ.

Демонъ понялъ теперь, что его добыча будетъ вырвана изъ его пасти, и нельзя пересказать, сколько угрозъ, искусства, хлопотни и заигиваній употреблялъ онъ для того, чтобы удержать ее за собой. Онъ нападалъ теперь на молодаго человѣка то въ видѣ чернаго льва, то въ видѣ другаго какого-нибудь звѣря и дѣлалъ видъ какъ будто хочетъ разтерзать его, такъ что отъ страха и ужаса несчаст-

ный бросался въ объятія духовныхъ отцевъ, и хотя, кромѣ его, никто не видалъ привидѣній, но иногда и другіе слышали неистовый ревъ демона. Спасеніе было начато съ строгой публичной исповѣди, по предварительномъ совершеніи надъ грѣшникомъ нѣкоторыхъ первоначальныхъ заклинаній. Но онъ чувствовалъ къ духовнымъ отцамъ, къ ихъ дѣйствіямъ и намѣреніямъ такое отвращеніе, что одинъ простой взглядъ ихъ былъ для него мученіемъ, и если онъ хоть на нѣсколько мгновеній отдавался размышленіямъ, ему кто-то невидимо говорилъ на ухо: «какъ это ты позволяешь себя утомлять подобными вещами?» Преслѣдователь посовѣтывалъ ему сдѣлать подложную росписку и бросить ее въ какомъ нибудь мѣстѣ для того, чтобы дѣло такимъ образомъ показалось поконченнымъ и онъ бы былъ оставленъ. Но служитель, который былъ приставленъ къ Михаилу, подмѣтилъ обманъ и предостерегъ ректора, и ректоръ теперь такъ не отступно сталъ дѣйствовать на Михаила, что онъ наконецъ рѣшился на строгую и искреннюю исповѣдь. Но какого труда стоила она ему вслѣдствіе тѣхъ страшныхъ видѣній и дикихъ нападеній со стороны демона, которыя ему пришлось переносить при этомъ. При помощи нѣсколько разъ повторяемыхъ заклинаній и молитвъ, исповѣдь однако совершилась; Михаилъ теперь почувствовалъ въ себѣ удивительную силу къ отраженію дальнѣйшихъ нападеній. Послѣ этого рѣшено было въ капеллѣ Св. Игнатія съ молитвой къ этому Святому совершить полныя заклинанія демона,

съ цѣлію принудить его возвратить вложенную въ руку Михаила записку и другую, написанную вмѣстѣ съ этой; для заклинаній назначено было 12-е октября; молодой человѣкъ обычнымъ образомъ и со всею строгостію приготовился къ нимъ; ректоръ совершилъ литургію и несчатный въ присутствіи многихъ духовныхъ отцевъ и другихъ постороннихъ людей произнесъ свое исповѣданіе вѣры, отрекся отъ сатаны и это свое исповѣданіе и отреченіе, записанныя на бумагѣ, онъ отдалъ ректору, который положилъ ихъ на престолъ. Потомъ, когда Михаилъ былъ пріобщенъ Св. Таинъ, онъ страшно содрогнулся и дрожа весь, вскричалъ: два страшныхъ демона стоятъ возлѣ меня!

Посредствомъ повторенныхъ заклинаній онъ былъ освобожденъ отъ этихъ привидѣній. Ему представилось, что по обѣимъ сторонамъ алтаря стояли на заднихъ ногахъ два козла и держали росписку. Потомъ эти козлы обратились въ бѣгство; заклинатели стали искать росписки и увидѣли у своихъ ногъ тотъ самый маленькій клочекъ бумаги, который юноша носилъ въ рукѣ. При видѣ росписки, у него полились изъ главъ слезы, особенно когда онъ посмотрѣлъ на то мѣсто своей руки, гдѣ была заложена росписка и увидѣлъ, что рубецъ на ней исчезъ, такъ что отъ него остался только легкій слѣдъ. Теперь нужно было вынудить демона отдать и другую записку, и для этой цѣли повторено было все то, что было дѣлано для отнятія первой росписки. Когда

дѣло дошло до вторичнаго совершенія Св. Причастія, къ величайшему ужасу заклинателя и Михаила, который теперь впрочемъ уже укрѣпился нравственно, явился гадкій аспидъ. Аспидъ держалъ во рту ту самую росписку, которую старались получить, и между тѣмъ какъ продолжалась усердная молитва, росписка выпала у него изо рта, какъ бы противъ его воли, послѣ чего онъ тотчасъ исчезъ. Проискавши напрасно долгое время этой записки на полу, нашли ее наконецъ на престолѣ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ священникомъ положено было клятвенное отреченіе юноши. Возвращенный такимъ образомъ Богу, Церкви и себѣ самому, молодой человѣкъ поблагодарилъ своего спасителя и сталъ жить по христіански. Для того, чтобы увѣковѣчить память объ этомъ чудномъ происшествіи, папа Павелъ V поручилъ викарному епископу Страсбургскому, Адаму и аббату Бенедиктинскаго Альторфскаго монастыря, Георгію вмѣстѣ со многими другими свидѣтелями происшествія изслѣдовать дѣло, и слѣдователи по окончательномъ допросѣ признали и объявили, что молодой человѣкъ своимъ чудеснымъ спасеніемъ обязанъ, послѣ Бога, молитвамъ Св. Игнатія. Вся эта исторія для вѣчной памяти о ней была начертана на доскѣ, и эта доска повѣшена въ церкви Игнатія въ Мольсгеймѣ, отстоящемъ на полторы мили отъ Страсбурга, гдѣ ее можно видѣть и доселѣ. Эта исторія разсказывается также въ сочиненіяхъ: 1. »De vita et instituto Sancti Ignatii Societatis fundatoris Libri quinque, ex Italico R. P. Danielis Bartols

S. I. Romae edito, Latine reducti a P. Ludovico Ianin ex eadem Societate. Lugduni sumptibus Laurentii Anifson, an. MDCLXV, cum privilegio.» — 2. Görres. Christlich. Mystick. III. 13 d. VII. Seite 720 -725.

Что сказать объ этомъ разсказѣ? Прежде всего и главнѣе всего необходимо обратить вниманіе на ту редакцію, которою онъ пущенъ въ ходъ, для опредѣленія достовѣрности его. Разсказъ переданъ Іезуитамъ въ церкви Игнатія Лайолы и въ книгѣ о его жизни для возвышенія и Игнатія Лайолы и Ордена имъ основаннаго. Для человѣка не понаслышкѣ знакомаго съ характеромъ дѣятельности Іезуитовъ достаточно сказать, что приведенный разсказъ передавъ Іезуитами, чтобы разсказъ былъ отвергнутъ. Но кто незнакомъ съ происхожденіемъ, исторіей и характеромъ дѣятельности Іезуитской, нѣсколько суевѣренъ, тотъ приметъ этотъ разсказъ за чистую монету. И потому мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о происхожденіи Іезуитовъ, чтобы показать невѣрность разсказа, хотя г. Кальметъ не дѣлаетъ съ своей стороны замѣчаній. Для опредѣленія, что такое Іезуиты, мы воспользуемся замѣчаніями г. Ю. Ѳ. Самарина, занимавшагося спеціально вопросомъ этимъ (1). Въ отвѣтномъ письмѣ патеру Мартынову

(1) Пять писемъ г. Самарина, которыя написаны въ отвѣтъ на письмо Іезуита Мартынова, помѣщены въ газетѣ „День", за 1865 г., начиная съ №№ 45 и 46, въ которыхъ напечатано и письмо Іезуита Мартынова. Эти письма впол-

вотъ что говоритъ г. Самаринъ: Основатель вашего (Іезуитскаго) Ордена называлъ Божію Матерь своею дамою, себя ея рыцаремъ, изъ-за нея вызывалъ на дуель какого-то Мавра, и увѣрялъ своихъ учениковъ, что Богъ-Отецъ взялъ его въ товарищи къ Іисусу Христу; это дало тонъ всему Ордену, и вы, по примѣру старшихъ, приравниваете теперь Іезуитовъ къ Апостоламъ первыхъ вѣковъ. Но Игнатію Лайолѣ, судя по разсказамъ его біографовъ, можетъ, до нѣкоторой степени, послужить извиненіемъ искренность его помѣшательства. Воображеніе его помутилось на единовременномъ чтеніи рыцарскихъ романовъ и житій святыхъ; одно съ другимъ перепуталось и подъ вліяніемъ этой комбинаціи, Испанскій дворянинъ преобразился въ какой-то небывалый, оригинальный типъ полу-Донъ-Кихота, полуюродиваго. Но ужели это образецъ для всѣхъ, и чѣмъ оправдаются послѣдователи, въ которыхъ здравый разсудокъ остался нетронутымъ (1)». Лайола дѣйствительно Испанскій дворянинъ, раненый въ сраженіи, опасно заболѣлъ и по совѣту врача, необладав-

---

нѣ заслуживаютъ вниманія и уваженія, какъ потому, что г. Самаринъ серьезно занимался изученіемъ этого предмета такъ и потому, что изучилъ глубоко этотъ предметъ, осмыслилъ и съ умѣніемъ и съ тактомъ передалъ его. Въ этихъ письмахъ вполнѣ охарактеризованъ Іезуитъ, какъ такой: въ нихъ выведена наружу пошлость Іезуитовъ теоретическая и практическая, какъ людей и какъ монаховъ.

(1) „День" 1865 г. №№ 45 и 46, стр. 1084—1085.

шаго предвѣдѣніемъ, постоянно читалъ романы, поэмы и житія святыхъ; разслабленный физически и разстроенный отъ боли тѣла умственно, Лайола вздумалъ создать новый Орденъ. Эта мысль такъ усилилась въ разстроенномъ его воображеніи и умѣ, что и выздоровѣвъ онъ не отказался отъ этой мысли, и по благословенію папы Павла III, основалъ Орденъ Іезуитовъ. Это и есть тотъ Игнатій, названный святымъ, которому посвящена церковь въ Мольсгеймѣ, и будто молитвами котораго Михаилъ избавился отъ нечистой силы. Но можно ли считать святымъ того, кто оскорблялъ Божію Матерь, называя Ее своею дамой, и оскорблялъ Іисуса Христа, называя Его своимъ товарищемъ? Можно ли называть полу-Донъ-Кихота полоумнаго святымъ, и можно ли расчитывать на его молитвы? Очевидно, что ни молитвы Лайолы, которыхъ конечно не было, ни его ходатайство, котораго нельзя ожидать, не избавили Михаила отъ демона, а между тѣмъ Іезуиты утверждаютъ, что ходатайству Лайолы предъ Богомъ обязанъ Михаилъ. Если же такъ, то, судя объ этомъ разсказѣ естественно, логически, мы должны будемъ спросить, да и всякой на нашемъ мѣстѣ спроситъ: довѣрять ли разсказу переданному, можно ли принять за несомнѣнно истинный этотъ разсказъ? Можно ли наконецъ хоть на половину принять переданный разсказъ на вѣру? Свойство Іезуитовъ таково, что они готовы прибѣгнуть ко всѣмъ, даже низкимъ, недобросовѣстнымъ средствамъ, готовы врать безпощадно, лишь бы только возвысить своихъ. Г. Самаринъ характе-

ризуетъ это ихъ свойство, когда говоритъ объ ихъ сочиненіи: «Imago primi saeculi». Книга эта, говоритъ г. Самаринъ, произведеніе въ своемъ родѣ единственное, какъ Геркулесовы столбы самохвальства. Въ ней говорится, что Іезуитское общество рождено отъ самого Христа a Iesu nata и насчитываетъ трехъ основателей: Іисуса Христа, Божію Матерь и Игнатія Лайолу; что земная жизнь Спасителя, черта въ черту, совпадаетъ съ историческою судьбою Ордена, который, чрезъ это, какъ бы отождествляется съ божественнымъ своимъ основателемъ; что каждый Іезуитъ, до конца жизни пробывшій въ Орденѣ, непремѣнно попадетъ въ рай, и что когда душа его отдѣляется отъ тѣла, Спаситель выходитъ ей на встрѣчу и вводитъ ее въ царство небесное—это *привилегія* Іезуитовъ, засвидѣтельствованная многими святыми; что Божія Матерь молилась на землѣ также, какъ Лайола, и передала ему свою систему духовныхъ упражненій, что общество имѣетъ всѣ свойства солнца и луны, сіяетъ во вселенной, благотворитъ всему міру и все охраняетъ во время ночи. Затѣмъ исчисляются подвиги отдѣльныхъ лицъ, членовъ Ордена, которые уподобляются львамъ, орламъ, Самсону, Апостоламъ и Архангеламъ; наконецъ, оглядываясь на прошедшее и на тогдашнее положеніе Іезуитскаго Ордена въ Европѣ, авторы въ какомъ то лирическомъ опьяненіи восклицаютъ: «мы можемъ примѣнить къ нему пророчество Исаіи о народѣ Божіемъ и о Церкви: *будутъ царіе кормители твои и княгини кормилицы твои, до лица*

земли поклонятся тебѣ и прахъ ногъ твоихъ облизутъ . . . . и иссеши млеко языковъ и богатство царей снеши..... и люди твои въ вѣкъ наслѣдятъ землю и т. д.» (Ис. 49, 7, 23. 60, 16, 21) (1). Эта книга, о которой идетъ дѣло, написана и издана чрезъ сто лѣтъ послѣ начала Ордена. Сколько въ ней кощунства, сколько оскорбленій для Спасителя. Что за сравненія Лайолы съ Спасителемъ, Іезуитовъ съ Апостолами и Архангелами! когда же это общество учреждено Спасителемъ? Очевидная ложь, самохвальство и нахальная безсовѣстность Іезуитовъ въ отношеніи къ невѣдущимъ. А послѣ этого и разсказъ о Михаилѣ лишается всякаго довѣрія. Іезуиты способны и готовы насказать самыхъ дикихъ и нелѣпыхъ небылицъ, лишь бы возвысить своихъ особенно основателя Ордена, въ глазахъ незнающихъ дѣла. Самый разсказъ о Михаилѣ по своему характеру—чистая средневѣковая басня. Іезуиты воспользовались суевѣрными разсказами и изъ нихъ составили приведенный разсказъ, чтобы возвысить и себя и своего основателя. Тѣмъ же, которые могутъ сдѣлать подобнаго рода возраженіе: почему же современники не уличили ихъ во лжи? мы отвѣтимъ, что Іезуиты передаютъ всегда фактъ такъ, какъ будто онъ совершился за 30 или 40 лѣтъ до передачи или сообщенія вѣрнымъ христіанамъ, когда никто не могъ повѣрить дѣла [illegible] басн: да никто-бы и не рѣшился спорить съ Іезуитами, для личной безопасности, Іезуиты никому не простятъ.

(1) «День» за 1865 г. № № 45 и 46. стр. 1.6»

Одинъ молодой человѣкъ знатнаго рода (1), по имени Кларъ впослѣдствіи священникъ, рѣшившись посвятить себя исключительно Богу, поступилъ въ монастырь, и здѣсь онъ вообразилъ, что онъ имѣетъ общеніе съ Ангелами. Но такъ какъ монахи не вѣрили ему въ этомъ, то онъ сказалъ имъ однажды, что въ слѣдующую ночь Богъ дастъ ему бѣлую одежду, въ которой онъ и явится среди нихъ. Дѣйствительно, около полуночи весь монастырь былъ сильно встревоженъ; въ кельѣ молодаго монаха былъ необыкновенный свѣтъ и шумъ такого рода, какъ будто въ ней ходило взадъ и впередъ и разговаривало много людей. Потомъ Кларъ вышелъ изъ своей кельи и показалъ братіи одежду, въ которую онъ былъ одѣтъ; она была изъ матеріи удивительно ослѣпительной бѣлизны и такой необыкновенной тонкости, что монахи еще ничего подобнаго никогда не видали, такъ что никто изъ нихъ не могъ понять, изъ чего она соткана.

Всю остальную часть ночи монахи провели въ хвалебномъ и благодарственномъ пѣніи за чудныя благодѣянія Божіи. Утромъ хотѣли представить Клара Св. Мартину, но онъ всѣми силами противился этому, потому что, какъ говорилъ онъ, ему строго запрещено было являться къ Мартину. Когда монахи стали еще болѣе настаивать на томъ, чтобы онъ шелъ къ святителю, туника его вдругъ исчезла въ глазахъ

(1) Sulpit. Sever. vit. S. Martini. c. 15.

всѣхъ присутствовавшихъ, изъ чего заключили, что это дѣйствіе нечистой силы. Другой монахъ воображалъ, что онъ Илія пророкъ, третій, что онъ Евангелистъ Іоаннъ и т. п. Эти факты и много имъ подобныхъ передаетъ Сульпицій Северъ съ тѣмъ, чтобы возвысить Мартина, біографію котораго онъ написалъ. Очень естественно, что Сульпицій могъ передать очень много самыхъ нелѣпыхъ разсказовъ, не намѣренно, безъ критической оцѣнки, какъ потому, что у него не хватало на это столько рѣшимости, смѣлости, такъ и потому, что онъ не могъ осмыслить ихъ; въ этомъ случаѣ онъ отдалъ справедливую дань времени.

Всѣ платили дань времени; наклонность къ мечтательности, къ предразсудкамъ, суевѣрію была общимъ достояніемъ того времени, общею настроенностію, не говоря уже объ отдѣльныхъ личностяхъ. Если неоплатоники, Магометъ, гностики воображали, что они имѣютъ общеніе съ духами, то почему же какой-нибудь средневѣковый монахъ не могъ вообразить, что онъ пророкъ Илія? Если и умные люди, напр. Лютеръ, воображали, что на нихъ нападаютъ демоны, что имъ являются ангелы, то почему же Кларъ, мечтательный, мистикъ, съ разстроеннымъ воображеніемъ, не могъ вообразить, что къ нему являются духи, и почему не могъ кто нибудь дополнить этотъ разсказъ новыми самоизобрѣтенными свѣдѣніями о шумѣ въ монастырѣ, о туникѣ и т. п.? Чего не представится воображенію въ возбужденномъ со-

стояніи, въ которомъ человѣку кажется, что онъ видитъ то, чего на самомъ дѣлѣ, объективно, никогда не было. Аяксъ, по словамъ Гомера, воображая, что видитъ предъ собою Улисса, Агамемнона и Менелая, убилъ, вмѣсто нихъ, животныхъ. Это не иное что, какъ ослѣпленіе, обманъ внѣшнихъ чувствъ, настроенныхъ къ этому возбужденнымъ воображеніемъ, или, говоря другими словами, это такое состояніе, въ которомъ мы видимъ и слышимъ то, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, а того, что дѣйствительно совершается кругомъ насъ, не видимъ и не слышимъ. Всѣ эти явленія необходимо приписать разстроенному, больному воображенію, страху, или слабоумію, суевѣрію, коварству и злобѣ, искусству и ловкости искусныхъ шарлатановъ, которые издѣваются надъ простаками и пользуются ихъ суевѣріемъ. Часто во снѣ мы видимъ то, чего желали страстно, или, вообще, что прежде занимало наше воображеніе страхомъ или надеждою. Часто мы видимъ во снѣ и то, чего прежде никогда не представляли, что скорѣе составляло предметъ нашего отвращенія, чѣмъ желанія и любви. Но намъ и въ голову не приходитъ задумываться надъ подобными снами. Всѣ эти сонныя явленія объясняются разгоряченной кровью, испареніями, соками обременешнаго желудка, мѣстомъ, на которомъ спимъ и т. п. Но суевѣрные придаютъ этимъ снамъ предсказательное значеніе, безпокоятся, мучатся въ ожиданіи несчастія и т. п. Лежа во время сна навзничь, въ комнатѣ, наполненной нечистыми испареніями, особенно во время грозы, мы чувствуемъ давленіе въ

груди, которое не иное что, какъ приливъ крови, зависящій отъ указанныхъ причинъ или условій. Суевѣрные думаютъ, что это душитъ человѣка нечистый духъ, тѣмъ болѣе, что проснувшемуся, пока онъ не протретъ глазъ, кажется, что предъ нимъ стоитъ страшный человѣкъ (это въ дѣтствѣ я самъ ка себѣ испытывалъ не разъ), который хочетъ броситься на несчастную жертву; но этотъ призракъ исчезаетъ, какъ только глаза протерты, или, правильнѣе говоря: когда кровь, прилившая къ груди и къ головѣ и возбудившая мозгъ, придетъ въ нормальное состояніе, страшный призракъ исчезнетъ. Да не только въ сонномъ, но и въ бодрственномъ состояніи человѣку иногда представляется то, чего на самомъ дѣлѣ вовсе нѣтъ. Много такихъ случаевъ, что больной и слабый зрѣніемъ видятъ то, чего здоровый не видитъ. Пьяному все представляется въ удвоенномъ видѣ; больному желтухой все представляется въ желтомъ цвѣтѣ; палка въ темнотѣ можетъ показаться привидѣніемъ. Иные по злобѣ или просто изъ шалости надѣваютъ черныя или бѣлыя покрывала, выходятъ на улицу ночью, чтобы напугать другихъ, а суевѣры, увидѣвъ этихъ пугалъ, утверждаютъ, что видѣли нечистую силу, или злаго духа. Иногда такіе духи безпокоятъ дома потому, что роль нечистыхъ духовъ разыгрываютъ иногда воры или любовники, для достиженія своихъ цѣлей.

Замѣчено, что чѣмъ болѣе въ странѣ господствуетъ невѣжество, тѣмъ болѣе распространено въ

ней суевѣріе, и болѣе видную роль играетъ въ ней нечистый духъ. Людовикъ Вивесъ замѣчаетъ (1), что въ новооткрытой Америкѣ ничто такъ необыкновенно, какъ видѣніе духовъ, которые являются будто бы среди бѣлаго дня, и не только гдѣ нибудь въ полѣ, но и въ деревняхъ и въ городахъ. Олай Магнусъ, архіепископъ Упсальскій, который писалъ о древностяхъ сѣверныхъ народовъ, замѣчаетъ 2), что въ Норвегіи, Швеціи, Финляндіи и Лапландіи видятъ духовъ, которые совершаютъ чудеса; нѣкоторые изъ нихъ служатъ людямъ и водятъ ихъ лошадей и другой скотъ на пастбища.

Мы думаемъ, что предубѣжденія дѣтства гораздо болѣе имѣютъ значенія въ отношеніи къ этой вѣрѣ, чѣмъ разумъ и опытъ. Это суевѣріе всасывается, если можно такъ выразиться, съ молокомъ матери. Гдѣ нѣтъ разсказовъ о духахъ, тамъ ничего не слышно ни о явленіяхъ духовъ, ни о привидѣніяхъ. Татары и магометане не вѣрятъ ни въ какія явленія духовъ, хотя убѣждены, что ангелы являлись Аврааму и другимъ патріархамъ, и что Архангелъ Гавріилъ являлся Магомету. Аббиссинцы, народъ очень невѣжественный и грубый, не вѣрятъ ни въ явленія духовъ, ни въ привидѣнія.

Да что говорить о сказкахъ нашихъ предковъ, когда и въ настоящее время весьма много ложныхъ исторій и сказокъ о явленіяхъ духовъ, которыя такъ распространены въ народѣ, который безусловно вѣритъ имъ, не смотря на то, что въ настоящее время народъ менѣе суевѣренъ, чѣмъ въ былыя времена, когда суевѣріе особенно способно было создавать небылицы. Принимая пугала за явленія духовъ, суевѣры всегда старались передать фактъ въ вычурномъ цвѣтѣ, съ прибавками отъ себя, и придуманная ложь передавалась изъ устъ въ уста съ новыми и новыми дополненіями. Это своего рода кошмаръ, эпидемія, которою способенъ былъ заразиться и заражался всякій сколько нибудь суевѣрный. И намъ остается только пожалѣть, что наши предки были такъ суевѣрны, невѣжественны, что вѣрили въ возможность такихъ небылицъ, которыя остались намъ въ наслѣдство.

(1) Ludov. Vives, lib. 1, de veritate fidei, pag. 540.
(2) Olaus Magn. lib. 3.

V. ГЛАВА

Удивительное дѣйствіе воображенія въ мужчинахъ и женщинахъ, которые думали, будто имѣютъ общеніе тѣлесное съ злыми духами.

Къ народнымъ повѣрьямъ о явленіяхъ и дѣйствіяхъ духовъ относятся повѣрья о тѣлесномъ сообщеніи духовъ съ людьми. Это повѣрье извѣстно было и въ древности; въ средніе вѣка оно измѣнило нѣсколько характеръ вслѣдствіе измѣненія направленія въ развитіи.

Въ древнихъ языческихъ религіяхъ мы встрѣчаемъ очень часто вѣру въ тѣлесное общеніе боговъ съ людьми. Большею частію волю боговъ о томъ, что извѣстный богъ желаетъ имѣть общеніе съ извѣстною женщиною или дѣвицею, объявляли жрецы. Мужья и родители охотно отпускали женъ и дочерей во храмъ, считая это благоволеніемъ боговъ и предзнаменованіемъ счастія семейства. Жрецъ проводилъ во храмъ приглашенную особу и оставлялъ одну ночевать во храмѣ. Въ глубокую полночь являлся къ ней богъ и проводилъ съ ней нѣкоторое время. Родившееся послѣ этого дитя считалось от-

родіемъ, отраслью, племенемъ боговъ, полубогомъ. Обычай этотъ существовалъ у многихъ древнихъ народовъ, особенно же у Персовъ и Египтянъ. Богъ Белъ или Ваалъ особенно часто осчастливливалъ многихъ своимъ посѣщеніемъ. О многихъ знаменитыхъ лицахъ извѣстно, что они произошли отъ боговъ именно такимъ образомъ. Говорятъ, будто такимъ образомъ родился Александръ Македонскій. Къ его матери богъ самъ явился въ домъ. Впослѣдствіи времени узнали, что это былъ самый недобросовѣстный, самый низкій обманъ легковѣрныхъ со стороны ловкихъ негодяевъ жрецовъ, и теперь никто не вѣритъ, что боги сами требовали къ себѣ извѣстныхъ особъ; всякій считаетъ это продѣлкой жрецовъ, смѣется и жалѣетъ о легковѣрныхъ. Изъ греческой миѳологіи извѣстно, что Зевсъ очень часто посѣщалъ смертныхъ съ этою цѣлію; то онъ превращаетъ извѣстную особу въ корову, ворону, то нисходитъ на нее золотымъ дождемъ и т. п. И поступаетъ такъ потому, чтобы не узнала этого его ревнивая жена (она же и сестра) Юнона. Другіе боги, какъ низшіе, такъ и высшіе, слѣдовали примѣру Зевса, хотя рѣже и съ меньшимъ успѣхомъ. Словомъ, исторія Олимпійскихъ боговъ полна подобныхъ скандальныхъ разсказовъ. Объ Енеѣ извѣстно, что онъ произошелъ отъ бога такимъ образомъ. Всѣ Римскія оргіи и вакханаліи напоминаютъ объ оргіяхъ боговъ съ смертными. Въ Римѣ было цѣлое общество дѣвицъ, посвятившихъ себя посмертному дѣвству и служенію при храмѣ. Это были *вѣсталки*. За несоблюденіе

обѣта, за нарушеніе дѣвства, онѣ строго наказывались. Чтобы избавиться отъ наказанія, вѣсталки, въ случаѣ нарушенія дѣвства, говорили, что боги посѣщали ихъ за святость ихъ жизни (1). Въ настоящее время всѣ разсказы эти считаются вздоромъ, произведеніемъ фантазіи, обманомъ жреповъ, игравшихъ роль боговъ, вѣсталокъ, желавшихъ избавиться отъ наказанія; не смотря однакожъ на всю нелѣпость этихъ басенъ и обмана, въ средніе вѣка допускали возможность ихъ, только въ измѣненномъ видѣ, какъ сейчасъ увидимъ.

Торквемада говоритъ, будто въ его время въ Сардинскомъ городѣ Кагліари одна дѣвушка была увлечена демономъ въ распутныя съ нимъ связи, что она за это была арестована инквизиціей и приговорена къ сожженію, которое она и потерпѣла, въ надеждѣ освободиться отъ своего любовника и спастись. Тутъ же Торквемада разсказываетъ такой случай: одинъ молодой человѣкъ изъ хорошаго дома предложилъ руку одной молодой дѣвушкѣ. Демонъ, принявъ видъ этого молодаго человѣка, явился этой дѣвушкѣ, далъ ей обѣщаніе жениться на ней и нарушилъ ея дѣвство. Обманъ узнала дѣвушка только

(1) Обо всемъ этомъ можно найти почти во всякомъ сочиненіи о миѳологіи древнихъ, особенно въ сочин. Храмъ древности, содержащій въ себѣ Египетскихъ, Греческихъ и Римскихъ боговъ имена, родословіе, празднества и. проч. Москва. 1764 г.

тогда, когда узнала отъ дѣйствительнаго жениха, что онъ въ то время, когда демонъ въ его образѣ давалъ ей обѣщаніе жениться, и нарушилъ ея дѣвство, находился на пятдесятъ часовъ разстоянія отъ нея, и ничего не знаетъ обо всемъ случившемся. Обманутая дѣвушка пошла въ монастырь и понесла здѣсь покаяніе за двойное преступленіе, за невоздержаніе и сообщеніе съ демономъ.

Въ жизнеописаніи Бернарда читаемъ (1): въ Бретани, въ Нантѣ одна женщина имѣла, или воображала, что имѣла общеніе съ демономъ; онъ посѣщалъ ее ночью, даже въ то время, когда съ ней спалъ ея мужъ. Цѣлыхъ шесть лѣтъ продолжалось это общеніе; по прошествіи этого времени, она почувствовала наконецъ отвращеніе къ этой связи и покаялась въ ней предъ священникомъ. По совѣту священника она совершала много благочестивыхъ дѣлъ какъ для того, чтобы загладить преступленіе, такъ и для того, чтобы избавиться отъ несноснаго любовника. Мужъ ея, узнавши обо всемъ этомъ, оставилъ ее, не хотѣлъ болѣе имѣть съ ней никакой связи. Однажды самъ демонъ предупредилъ ее, что скоро въ Нантъ прибудетъ Св. Бернардъ, и требовалъ, чтобы она не обращалась къ святителю, потому что, говоритъ онъ, аббатъ ничѣмъ не поможетъ ей; что если она будетъ говорить съ нимъ, то это послужитъ только къ ея вреду, потому что онъ, ея жаркій лю-

(1) Vita S. Bernard. tom 2. lib. 21.

бовникъ, сдѣлается въ такомъ случаѣ ея жестокимъ врагомъ. Св. Бернардъ утѣшалъ несчастную женщину и посовѣтовалъ ей предъ сномъ ограждать себя крестнымъ знаменемъ и класть возлѣ себя на постели жезлъ, который онъ самъ ей далъ. Если опять прійдетъ демонъ, говорилъ святитель, ты не бойся, пусть дѣлаетъ, что хочетъ. Демонъ дѣйствительно опять явился, но уже не могъ приблизиться къ ея постели; онъ началъ изрыгать ей угрозы и сказалъ ей, что когда уѣдетъ Бернардъ, онъ опять явится къ ней для того, чтобы мучить ее. Въ слѣдующее воскресенье Св. Бернардъ вмѣстѣ съ епископами Наптскимъ и Шартрскимъ отправился въ соборную церковь; здѣсь онъ роздалъ зажженныя свѣчи всему народу, котораго собралось большое множество, потомъ во всеуслышаніе разсказалъ странную исторію, произнесъ заклятіе на злаго духа и во имя Іисуса Христа повелѣлъ ему никогда болѣе не приближаться ни къ указанной, ни ко всякой другой женщинѣ. Каждый потушилъ свою свѣчу, и власть демона была сокрушена.

Приведенные разсказы, передаваемые съ такой обстоятельностію, повидимому, даютъ основаніе вѣрить, что во всемъ, что разсказывается относительно тѣлеснаго сообщенія демоновъ съ людьми. Есть своя доля правды; но если присмотрѣться къ дѣлу повнимательнѣе, то оказывается, что все это не болѣе, какъ дѣло въ высшей степени разстроеннаго воображенія и предразсудка! (1) Св. Бернардъ прежде всего

(1) Здѣсь авторъ совершенно справедливъ.

дѣйствуетъ на душу женщины тѣмъ, что даетъ ей трость и велитъ эту трость класть возлѣ себя въ постели. Этого уже достаточно было для первоначальнаго вліянія. Для совершеннаго исцѣленія онъ заклинаетъ и изгоняетъ демона съ возможно большей церемоніей: собираются въ церковь епископы, стекаются толпы народа, публично оглашается все дѣло; заклинается духъ, погашаются свѣчи, всѣ эти торжественныя церемоніи оказываютъ самое сильное вліяніе на душу женщины, и ея воображеніе совершенно выздоравливаетъ. Іеронимъ Карданъ разсказываетъ (1) два замѣчательныхъ въ этомъ отношеніи примѣра вліянія воображенія. Самъ онъ узналъ ихъ отъ Франциска де-ля Миранда. «Я зналъ, разсказываетъ этотъ послѣдній, одного семидесятипятилѣтняго священника, который жилъ съ воображаемой женой, которую онъ называлъ Гермелиной, спалъ и разговаривалъ съ ней, гулялъ съ ней по улицамъ. Но онъ одинъ только видѣлъ ее, или, лучше, воображалъ, что ее видитъ, и потому его считали помѣшаннымъ. Имя этого священника Бенедиктъ Бейна. Онъ былъ арестованъ и наказанъ, какъ преступникъ, потому, что подъ пыткой сознался, что онъ при совершеніи литургіи не произносилъ главныхъ словъ священнодѣйствія, что онъ давалъ женщинамъ частицы Св. даровъ для какого-то безбожнаго употребленія ихъ сосалъ кровь дѣтей и пр.» Во всемъ этомъ онъ сознался подъ пыткой.

(1) Cardan, de variet. lib. 15, c. 80, pag. 290.

Другой священникъ Пикета, говорятъ, тоже жилъ съ демономъ, какъ съ женой, и въ теченіе цѣлыхъ сорока лѣтъ имѣлъ съ нимъ тѣлесное сообщеніе. Этотъ священникъ былъ живъ еще во время Франциска де-ля Миранда, передавшаго разсказъ о немъ.

Это повѣрье существуетъ еще и теперь въ захолустьяхъ. Одна барыня не шутя увѣряла меня, что къ ея горничной часто являлся злой духъ, бесѣдовалъ съ ней и имѣлъ съ нею преступныя связи до тѣхъ поръ, пока она не созналась священнику, который простилъ ей ея преступленіе и не заклялъ духа, который съ этого времени прекратилъ свои пощенія. Священникъ, знавшій не хуже барыни и понимающій лучше ея дѣло, объяснялъ это такъ: «горничная спала въ постели, лежа на спинѣ, въ комнатѣ, наполненной нечистымъ воздухомъ, потому, что это была кухня, пекарня и пр. Дѣвушка была 22 лѣтъ, полнокровная, здоровая, мечтавшая о замужествѣ, и съ этими мечтами засыпавшая, какъ сама созналась». Очень естественно, что она сонныя грезы принимала за дѣйствительность. Что она во снѣ говорила съ воображаемымъ демономъ, въ этомъ нѣтъ ничего страннаго; вѣдь мы часто говоримъ во снѣ. А думала, что имѣетъ общеніе съ демономъ потому, что въ дѣйствительности не видѣла мужчины похожаго на того, который являлся ей ночью.

Другой фактъ еще страннѣе. Къ молодой вдовѣ очень часто являлся ночью умершій мужъ, бесѣдовалъ съ ней, имѣлъ съ ней плотское сообщеніе,

приносилъ иногда подарки: платье, платки, бурнусъ и т. п. и даже деньги. Члены семейства почти всегда видѣли, какъ онъ входилъ къ женѣ и уходилъ, слышали тихій разговоръ и пр. Молодая вдова искренно убѣждена была, что лице, являвшееся ночью, былъ ея умершій мужъ, и была очень рада этимъ посѣщеніямъ, какъ потому, что очень любила мужа, такъ и потому, что онъ приносилъ ей подарки. Одно только ее безпокоило, именно то, что онъ страшно наскучивалъ ее каждый разъ своими любезностями. Но еще болѣе безпокоились родные и доложили священнику, который сначала хотѣлъ подѣйствовать на нее убѣжденіями въ томъ, что это все вздоръ, что это болѣзнь, развившаяся вслѣдствіе сильной тоски по умершемъ мужѣ. Но вдова и ея родные опровергли его фактомъ, указавъ на подарки, и этимъ поставили его въ тупикъ. Священникъ избралъ другой путь для достиженія цѣли; онъ началъ угрожать ей церковной эпитиміей, если она не прекратитъ общенія съ умершимъ, вѣчными мученіями и т. п. Вдова обратилась за совѣтомъ къ бабамъ, которыя посовѣтовали ей насыпать въ миску конопли, положить горячихъ угольевъ, насыпать конопли въ пазуху и когда явится покойникъ, вынимать изъ пазухи коноплю, раскусывать ее, чтобы она трещала въ зубахъ и бросать на раскаленные уголья: когда же спроситъ: «что это?» нужно было отвѣчать: «вши одолѣли». Священникъ между тѣмъ произнесъ на умершаго проклятіе, чтобы впредь не являлся. Ночью, когда явился умершій, было совершенно темно на

улицѣ, а въ домѣ, кромѣ темноты, смрадъ и дымъ. Явившись, умершій началъ упрекать жену въ ея недобросовѣстности, грозилъ убить ее и отнять у нея все, что подарилъ. Испуганная вдова впала въ обморокъ тѣмъ болѣе, что этому способствовалъ дымъ и вонь. Очнувшись отъ обморока, вдова ничего не нашла изъ подарковъ. Между тѣмъ когда мертвецъ уходилъ съ забранными подарками, спавшіе въ чуланѣ и разбуженные шумомъ родные вдовы, слышали, какъ умершій ударился въ стѣну, конечно въ попыхахъ, и какъ затрещало у него платье. На другой день нашли кусокъ, оторванный отъ полы поддѣвки, задѣтой за гвоздь, вбитый въ стѣну. Послѣднее обстоятельство открыло милаго покойника. Помѣщичій конторщикъ, человѣкъ женатый, давно ухаживавшій за женою умершаго безъ успѣха при жизни мужа, теперь думалъ достигнуть цѣли. Когда онъ черезъ недѣлю по смерти мужа обратился въ окно къ вдовѣ съ просьбою пустить его въ домъ или по крайней мѣрѣ объясниться съ нимъ у окна, вдова, постоянно думавшая и засыпавшая съ мыслію объ умершемъ мужѣ, бывъ пробуждена стукомъ въ окно во время сонныхъ грезъ о мужѣ, рѣшила, что это умершій мужъ вздумалъ посѣтить ее, сильно испугалась и закричала. Ея крикъ разбудилъ семью, которой она объяснила, что къ ней являлся умершій и просился къ ней, что она испугалась и закричала. Въ деревнѣ на другой день разнесся слухъ, что умершій мужъ являлся ночью къ вдовѣ. Конторщикъ, конечно, узналъ объ этомъ и воспользовался слухомъ. Явившись

въ другую ночь, онъ разыгралъ роль умершаго, объяснилъ ей, что онъ по прежнему ее любитъ, что будетъ посѣщать ее по ночамъ, и будетъ приносить ей подарки, и тутъ же подалъ ей чрезъ окно ситцу на платье. Обманутая жена приняла конторщика за мужа тѣмъ болѣе, что конторщикъ былъ во многомъ похожъ на умершаго. Эти посѣщенія продолжались до тѣхъ поръ, пока священникъ не потребовалъ этого отъ вдовы. На вопросъ жены, не разъ замѣчавшей, какъ мужъ ночью уходилъ—на вопросъ: куда онъ ходитъ по ночамъ?—онъ отвѣчалъ: «ходилъ посмотрѣть контору». На другой день послѣ скандала у конторщика былъ разбитъ високъ и оторванъ кусокъ полы въ поддѣвкѣ. Это несчастное обстоятельство конторщикъ объяснялъ женѣ такъ: «когда я подошелъ къ конторѣ, то замѣтилъ здѣсь какого-то человѣка; я крикнулъ на мошенника, который ударилъ меня въ високъ палкою, и когда я началъ кричать, онъ бросился бѣжать, оставивъ узелъ. Отъ боли и испуга я побѣжалъ въ комнату и задѣвъ за дверь поддѣвкою разорвалъ полу. Жена его передала это несчастіе другимъ и исторія чрезъ два дня открылась. Дѣло кончилось тѣмъ, что конторщика наказали розгами и лишили мѣста.

Такихъ фактовъ можно бы привести очень много, но это была бы слишкомъ скучная исторія потому, что всѣ эти факты похожи одинъ на другой, какъ различныя варіаціи на одну и ту же тему.

Одни изъ нихъ были обманомъ несчастныхъ со

стороны ловкихъ негодяевъ. Мы видѣли, какъ безсовѣстно жрецы языческіе обманывали неопытныхъ, не знавшихъ, что роль боговъ разыгрываютъ жрецы, требуя въ капище извѣстныхъ женщинъ или дѣвицъ, для удовлетворенія своей постыдной страсти. Жрецы за этотъ низкій обманъ оставались безнаказанными, а особы, приглашенныя въ капище, считались любимцами боговъ потому, что никто не зналъ продѣлки жрецовъ.

Въ средніе вѣка относились къ дѣлу иначе. Считая всѣхъ тѣхъ, которые говорили, что имѣютъ тѣлесное общеніе съ духами, людьми нечистыми, колдунами и колдуньями, ихъ мучили, рѣзали, жгли, не изслѣдовавъ хорошо дѣла. Почти во всѣхъ слѣдствіяхъ надъ вѣдьмами въ средніе вѣка, показывается, по сознанію вѣдьмъ, что дьяволъ одѣтъ въ черное платье, носитъ на головѣ шляпу съ перьями, и сидитъ на огнѣ, но лошадиныхъ ногъ не имѣетъ. Католическіе безженные священники и другіе проказники конечно въ длинные зимніе вечера всего удачнѣе разыгрывали роль странствующихъ демонскихъ рыцарей. Между тѣмъ несчастныхъ, воображавшихъ, что имѣютъ сношенія съ демонами, мучили, пытали и казнили. Кромѣ обмановъ было много помѣшанныхъ, которые только воображали, что имѣютъ сообщеніе съ демонами, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было.

Инквизиціонный судъ долженъ былъ бы основательно разсматривать дѣло и тогда уже рѣшать судьбу обвиняемыхъ, а не вести судебнаго процесса на

обумъ. Если бы дѣло было ведено такимъ образомъ, то открылись бы только обманы и помѣшательства, и тогда бы нужно было казнить не обманутыхъ, а обманщиковъ; помѣшанныхъ же излечивать, какъ это потомъ и дѣлали, излечивая ихъ простымъ и естественнымъ способомъ. Въ помѣшанныхъ освѣжали кровь, очищали ихъ организмы отъ дурныхъ соковъ, занимали ихъ воображеніе постоянно новыми впечатлѣніями, развлекая ихъ, возбуждая въ нихъ новыя и новыя сужденія, и такимъ образомъ не давали имъ времени заниматься ихъ вздорными фантастическими бреднями и сосредоточиваться на одномъ и томъ же предметѣ помѣшательства.

Въ заключеніе мы пожалѣемъ только о томъ, что инквизиторы не могли сообразить того, что духи, какъ такіе, по самой природѣ своей, не имѣютъ возможности тѣлесно сообщаться съ людьми.

II.

О домовыхъ, привидѣніяхъ и явленіяхъ душъ, отшедшихъ людей, мнѣнія язычниковъ, средневѣковыя народныя повѣрья, суевѣрія и предразсудки.

«Глазъ есть самое обманчивое орудіе чувствъ»
Послѣ глаза, ухо есть самое обманчивое орудіе чувствъ»

Серъ Давидъ Брюстеръ.

Чувство зрѣнія и слуха не образованность не развитость и воображеніе были обильнѣйшими источниками обмановъ, иллюзій, фантасмагорій и заблужденій, суевѣрій и предразсудковъ. Неразвитое, необразованное воображеніе, подъ вліяніемъ и при содѣйствіи органовъ зрѣнія и слуха, породило безчисленное множество повѣрій о домовыхъ, лѣшихъ, водяныхъ, о привидѣніяхъ и о явленіяхъ отшедшихъ душъ.

ГЛАВА VI.

Народныя повѣрья о домовыхъ.

Къ явленіямъ и дѣйствіямъ нечистой силы народныя повѣрья относятъ также и явленія и дѣйствія домовыхъ, которые будто находятся въ домахъ, конюшняхъ, дворахъ, въ горныхъ пещерахъ и рудокопняхъ. Простой русскій народъ называетъ ихъ хозяевами. «Хозяину, говорятъ, напр., не любо» и т. п. Домовые обыкновенно никому не дѣлали никакого вреда, никакого насилія, если только ихъ не дразнили и не оскорбляли. Въ противномъ случаѣ они страшно мстили за оскорбленіе. Впрочемъ, иногда домовые безпокоили цѣлые дома безъ всякой причины. Въ чемъ выражались дѣйствія домовыхъ, и какъ они являлись, мы увидимъ изъ разсказовъ, которые оставлены намъ въ наслѣдство древними и средневѣковыми писателями. Вѣру или, лучше, повѣрье въ домовыхъ мы встрѣчаемъ уже въ религіозныхъ вѣрованіяхъ Шамановъ, по мнѣнію которыхъ домовыхъ изъ класса Чиктуровъ или злыхъ духовъ очень много. Замѣчательнѣйшій изъ нихъ Букъ, который, поселившись въ юртѣ, не даетъ покою жильцамъ ни днемъ, ни ночью. Шаманы впро-

чемъ умѣли изгонять его. Безпокоили, по мнѣнію Шамановъ, юрты и Онгоны, которыхъ также изгоняли Шаманы (1). По мнѣнію Римлянъ и Грековъ, демоны безпокоили по временамъ извѣстныя мѣста, зданія и дома. Чтобы избавиться отъ нихъ, какъ безпокойныхъ посѣтителей, имъ приносили жертвы. Вѣра въ домовыхъ была и въ Египтѣ. Кассіанъ, часто посѣщавшій Египетъ, говоря о различныхъ видахъ демоновъ, упоминаетъ о такихъ, которыхъ называли фаунами или сатирами, а также полевыми или лѣсными богами; духи эти не имѣли въ виду мучить людей или вредить имъ, а ограничивались только тѣмъ однимъ, что обманывали ихъ, устрояли на ихъ счетъ шутки, и забавлялись ихъ простотой (2).

У Плинія младшаго (3) жилъ одинъ вольноотпущенный Маркъ, человѣкъ, знакомый съ науками. Однажды, разсказываетъ Плиній, Маркъ увидѣлъ во снѣ, что у него на постели сидитъ какой-то человѣкъ и стрижетъ его волосы на головѣ; проснувшись онъ увидѣлъ, что онъ на самомъ дѣлѣ обритъ и что его волосы разбросаны на полу. Спустя нѣсколько времени случилось то же самое съ мальчикомъ, который спалъ вмѣстѣ съ другими. Этотъ мальчикъ увидѣлъ также во снѣ, что чрезъ окно вошли въ комнату два человѣка, одѣтые въ бѣлое, остригли его волосы и опять удалились тѣмъ же путемъ.

(1) Нила Буддизмъ. (2) Cass. collat. 7, c. 23. (3) Plin. 1. 7. Epist 27.. et sequ.

Проснувшись онъ увидѣлъ, что его волосы дѣйствительно острижены и разбросаны на полу. Плиній думаетъ, что продѣлка въ обоихъ случаяхъ принадлежитъ домовымъ. Но почему же домовымъ, а не людямъ? Если только Плиній передаетъ правду, то никакъ нельзя согласиться, что это были домовые, а не шалуны какіе нибудь.

Вѣрили еще, что кромѣ шалостей невинныхъ домовые убивали иногда людей, шумѣли и т. п. Нѣкоторые, напротивъ, привязывались къ людямъ и служили имъ.

Отецъ Вальдингъ передаетъ такое событіе изъ одной не напечатанной легенды: въ домѣ одной женщины Луппы въ теченіе цѣлыхъ тринадцати лѣтъ жилъ домовой духъ, который былъ для нея вмѣсто комнатной прислуги, и который развилъ въ ней много тайныхъ пороковъ и заставилъ ее безчеловѣчно обращаться съ подчиненными.

У Агриппы домовой жилъ и прислуживалъ ему въ видѣ собаки. Павелъ Іовій разсказываетъ, что эта собака, когда узнала, что хозяинъ ея умеръ, сама бросилась въ рѣку Рону и утонула.

Ле Лойэръ говоритъ, что въ то время, какъ онъ изучалъ законовѣдѣніе въ г. Тулузѣ, жилъ онъ вблизи одного дома, гдѣ домовой по цѣлымъ ночамъ выливалъ воду изъ колодца. Иногда казалось, что какъ будто онъ тащилъ по лѣстницѣ что нибудь тя-

желое; въ комнаты входилъ онъ очень рѣдко и тихо (1).

Разсказываютъ, что у Плотина (2), извѣстнаго неоплатоническаго философа, жилъ домашній духъ, который являлся къ нему всегда, какъ только онъ его звалъ, и который будто былъ высшей природы, чѣмъ обыкновенные духи-покровители, онъ принадлежалъ къ богамъ. Плотинъ постоянно говоритъ объ этомъ своемъ духѣ-покровителѣ. Этотъ-то духъ побудилъ его написать сочиненіе о присутствующемъ при каждомъ человѣкѣ демонѣ.—Здѣсь онъ старается объяснить различіе людей по геніямъ. Тритенгеймъ (3) разсказываетъ: Въ Саксоніи, въ епископствѣ Гилдесгеймъ долгое время видѣли духа, котораго по нѣмецки называли Haidekina, т. е. считали его чѣмъ-то въ родѣ домоваго. Онъ являлся то въ томъ, то въ другомъ видѣ; а иногда, оставаясь невидимымъ, производилъ разныя явленія, которыя доказывали его присутствіе и силу. Иногда онъ давалъ важные совѣты знатнымъ лицамъ; часто онъ показывался на епископской кухнѣ, помогалъ повару и дѣлалъ разныя вещи. Когда одинъ изъ младшихъ поваровъ, который съ нимъ былъ въ короткихъ отношеніяхъ, нѣсколько разъ оскорбилъ его, онъ пожаловался кухмейстеру, но кухмейстеръ не обратилъ на это никакого вниманія, и духъ отмстилъ за себя жесто-

(1) Le loyer, liv. 2, p. 550. (2) Leben des. Plotinus, art. (3) Chronic. Hirsaugiens. aufs sahr 1130.

кимъ образомъ. Однажды, когда оскорбившій его поваръ спалъ въ кухнѣ, онъ задушилъ его, изрѣзалъ его въ куски и сжарилъ. Потомъ онъ простеръ еще далѣе свою ожесточенность противъ поваровъ и другихъ служителей епископа. Принуждены были наконецъ, посредствомъ заклинаній, заставить его оставить страну.

Къ домовымъ, какъ уже сказалъ я, полагаю, нужно причислить тѣхъ духовъ, которые являются въ рудокопняхъ и въ горныхъ пещерахъ. Они являются здѣсь въ одеждѣ рудокоповъ, бѣгаютъ туда и сюда, хлопочутъ, какъ будто работаютъ, отыскиваютъ руду, складываютъ ее въ кучи, дѣлаютъ видъ, какъ будто ворочаютъ колесо подъемной машины, и вообще, повидимому, до изнеможенія трудятся для того, чтобы помочь работникамъ, а на самомъ дѣлѣ совсѣмъ ничего не дѣлаютъ.

Эти духи безвредны, если только не дразнятъ ихъ, не смѣются надъ ними, въ противномъ случаѣ они дѣлаются злы и бросаютъ чѣмъ попало въ тѣхъ, кто ихъ дразнитъ. Однажды одинъ рудокопъ изругалъ одного изъ этихъ духовъ и высказалъ желаніе, чтобы онъ былъ повѣшенъ, и разсерженный духъ свернулъ ему шею, такъ что глаза у него очутились на зади; несчастный не умеръ отъ этого, но въ такомъ положеніи и остался на всю жизнь.

Георгъ Агриколя, написавшій ученый трактатъ о рудникахъ, металлахъ и способѣ добыванія ихъ изъ

нѣдръ земли, разсказываетъ о разныхъ родахъ духовъ, являющихся въ рудокопняхъ. Разсказываетъ, что одни изъ нихъ слишкомъ малы, похожи на карликовъ и пигмеевъ; другіе выглядятъ сгорбленными стариками и одѣты, какъ рудокопы, съ кожаными передниками; они дѣлали или притворялись дѣлающими то, что дѣлали другіе, они были очень веселы и недѣлали никому никакого оскорбленія. Въ другихъ рудокопняхъ, напротивъ, являлись страшные духи, которые оскорбляли работниковъ иногда даже убивали ихъ и принуждали такимъ образомъ оставлять самые богатые и прибыльные рудники. Такъ напр. въ Аннабергѣ, въ одной рудокопнѣ, называемой Розенкроне, духъ въ образѣ дикой лошади умертвилъ двѣнадцать рудокоповъ и принудилъ уничтожить эту рудокопню, не смотря на то, что она была очень выгодна. Въ другой рудокопнѣ, по имени St. Gregori однажды явился духъ, одѣтый въ черный киверъ съ хвостомъ, схватилъ одного рудокопа, высоко поднялъ его и потомъ бросилъ на землю, сильно искалѣчивши его такимъ образомъ.

Олай Магнусъ (1) разсказываетъ, будто въ Швеціи и въ другихъ сѣверныхъ странахъ въ старину существовали домашніе духи, которые въ видѣ мужчинъ и женщинъ служили людямъ. Онъ разсказываетъ также о нимфахъ, которыя жили въ пещерахъ и лѣсныхъ трущобахъ и которыя будто предсказывали будущее, къ однимъ людямъ благоволили, противъ другихъ враждовали; что будто онѣ являлись тѣмъ, кто обращался къ нимъ за совѣтомъ, и говорили съ ними. Онъ же разсказываетъ, будто иногда путешественники и пастухи видѣли ночью различныя привидѣнія, которыя до того обжигали тѣ мѣста, на которыхъ являлись, что на нихъ потомъ уже не было никакой зелени.

(1) Olaus Mag. lib. 3 Hist. c. 9. 10. 11. 12. 13. 14..

Олай же Магнусъ (1) разсказываетъ, что будто въ горныхъ рудникахъ и преимущественно въ серебряныхъ, которые особенно много давали прибыли, часто видѣли демоновъ, которые, принимая различные виды, то разбивали камни, то вздергивали вёдра, то вертѣли машинныя колёса и пр.; иногда они подымали громкій хохотъ и дѣлали тысячи разныхъ глупостей. Цѣль ихъ была самая злая, — часто по ихъ старанію рудокопы погибали подъ разрушенными сводами пещеръ или подвергались самымъ большимъ опасностямъ, при чемъ демоны изрыгали ругательства и хулы на Бога. Многіе, говоритъ онъ, изъ самыхъ богатыхъ рудниковъ оставлялись именно изъ страха къ этимъ зловреднымъ духамъ.

Не смотря на всѣ приведенныя свидѣтельства, я очень сомнѣваюсь, чтобы въ горныхъ ущеліяхъ и рудникахъ дѣйствительно жили и являлись духи. Я разспрашивалъ на счетъ этого предмета рудокоповъ, людей потрудившихся въ своемъ дѣлѣ, съ которыми

(1) Olaus Mag. lib. 6. c. 9.

мнѣ часто приходилось встрѣчаться на Вогезскихъ горахъ, и всѣ они увѣрили меня, что всѣ разсказы, относительно этихъ духовъ, вымышленны, что если иногда кому и предстаалялось въ рудникахъ что-нибудь въ родѣ демоновъ или другихъ какихъ чудовищъ, такъ это было не болѣе какъ оптическій обманъ, происходившій отъ слишкомъ воспріимчиваго и раздражительнаго воображенія. Но даже и о случаяхъ такого обмана они говорили, какъ о весьма рѣдкихъ и необыкновенныхъ случаяхъ.

Одинъ путешественникъ, путешествовавшій въ сѣверныхъ странахъ, котораго путевыя записки напечатаны въ 1708 г. въ Амстердамѣ, разсказываетъ, что будто исландцы всѣ волшебники, что будто у нихъ существуютъ домашніе духи, которыхъ они называютъ бабищами (trolles), что эти духи служатъ имъ какъ рабы, предувѣдомляютъ ихъ о будущихъ несчастіяхъ и болѣзняхъ, побуждаютъ ихъ отправляться на рыбную ловлю, когда предвидятъ, что она будетъ удачна, и что если отправляются на рыбную ловлю, не получивъ предварительно совѣта на это отъ этихъ духовъ, то обыкновенно возвращаются ни съ чѣмъ, что у этого народа весьма много разсказовъ подобнаго рода.

Графъ Респильеръ, въ молодыхъ лѣтахъ, будучи начальникомъ кирассировъ, расположился на зимовку во Фландріи. Здѣсь однажды приходитъ къ нему одинъ изъ его солдатъ и говоритъ, что къ нему въ квартиру каждую ночь является духъ и не даетъ ему

спать, и проситъ поэтому дать ему другую квартиру. Графъ расхохотался и прогналъ солдата. Чрезъ нѣсколько дней солдатъ опять является съ тою же просьбою. Въ этотъ разъ графъ хотѣлъ наказать солдата палками, отъ которыхъ онъ избавился только тѣмъ, что поспѣшилъ уйти. Наконецъ пришелъ солдатъ въ третій разъ и поклялся, что онъ принужденъ будетъ къ побѣгу, если не перемѣнятъ ему квартиры. Респильеръ ругнулъ солдата и сказалъ ему: сегодня я самъ ночую съ тобой и посмотрю, въ чемъ дѣло. Въ 10-ть часовъ вечера ротмистръ отправился въ квартиру солдата, положилъ на столъ заряженные пистолеты и легъ съ солдатомъ спать на одной постели. Около полуночи графу послышалось, что кто-то вошелъ въ комнату; въ этотъ же моментъ опрокидывается ихъ постель, и ротмистръ съ солдатомъ очутились подъ матрацомъ и соломеннымъ мѣшкомъ. Большаго труда стоило графу высвободиться изъ подъ тяжести и отыскать шпагу и пистолеты. Изумленный и пристыженный графъ возвратился домой и на слѣдующій же день солдату дана была другая квартира, гдѣ онъ спалъ спокойно. Респильеръ всякому встрѣчному разсказывалъ эту исторію. Человѣкъ онъ былъ храбрый, который не зналъ, что такое трусить и убѣгать; онъ умеръ фельдмаршаломъ Императора Карла VI и правителемъ крѣпости Зегединъ. Недавно мнѣ сынъ его подтвердилъ дѣйствительность разсказаннаго происшествія, и сказалъ, что онъ слышалъ его отъ самого отца. Передавшій мнѣ это происшествіе замѣчаетъ: «со мною никогда

не случалось ничего подобнаго, хотя я бывалъ во многихъ мѣстахъ, въ которыхъ, по разсказамъ, бывали явленія домовыхъ и хотя я самъ старался убѣдиться въ ихъ дѣйствительности собственнымъ опытомъ. Я однажды былъ въ обществѣ четырехъ тысячъ лицъ, которыя всѣ говорили, что видѣли духовъ; я одинъ былъ во всемъ собраніи, который ничего подобнаго не видѣлъ». Господинъ, писавшій мнѣ обо всемъ этомъ, -человѣкъ очень почтенный, одинъ офицеръ писалъ онъ ко мнѣ въ 1745 году.

Въ 1746 г., 25 Августа я получилъ письмо отъ одной очень почтенной личности, имѣнію отъ священника въ Италіи, въ Графствѣ Дахсбургскомъ, въ Нижнемъ Эльзасѣ. Домовой, о которомъ писалъ онъ мнѣ, имѣлъ ту особенность, что онъ никогда не являлся ночью, а всегда только днемъ. Сначала выбивались въ окнахъ стекла и потомъ сквозь пробиты дары, съ большимъ искусствомъ бросались камни, — камни всегда прямо попадали въ цѣль. Когда священникъ окрещивалъ домъ, окна оставались цѣлы. Но все-таки продолжали совершаться разныя приключенія съ домашними священника, впрочемъ безъ особеннаго вреда для нихъ. Въ особенности служанка была предметомъ шутокъ домоваго. Однажды, когда она рвала зелень въ саду, домовой началъ рвать всѣ разсадныя растенія и сбрасывалъ ихъ въ одну кучу. Потомъ нашли ея топоръ зарытымъ фута на два въ землѣ, затѣмъ въ другомъ мѣстѣ нашли ея ленту и двѣ монетки, которыя до того хранились у ней въ

сундукѣ. Какъ она ни бранилась, какъ ни угрожала, чудовище не прекращало своихъ шутокъ. Уносилась кухонная посуда иногда на дворъ, иногда на кладбище. Однажды домовой наполнилъ котелъ травой, соромъ и древесными листьями и повѣсилъ его надъ огнемъ, а когда служанка разбила въ сковороду два яйца для священника и потомъ отвернулась за солью, онъ въ ея же присутствіи весьма быстро разбилъ еще два яйца. Иногда онъ разсыпалъ по землѣ камни, зерна и листья въ видѣ кружковъ и потомъ, въ виду всѣхъ, въ одинъ моментъ разбрасывалъ все это. Когда священникъ, выведенный наконецъ изъ терпѣнія этими шутками, призвалъ къ себѣ сельскаго старосту и объяснилъ ему, что ему нужно перемѣнить квартиру, приходятъ домашніе священника и извѣщаютъ, что домовой опять повырвалъ зелень въ саду и схоронилъ въ ямѣ деньги, которыя священникъ оставилъ въ своей комнатѣ неспрятанными. Отправились, и дѣйствительно все такъ и нашли. Но когда возвратились въ домъ, деньги очутились уже въ кухнѣ и были расположены по парно. Въ это время прибыли въ Италію два человѣка —чиновники графа Лейнингенскаго, и услышавъ обо всей этой исторіи, пришли къ священнику и посовѣтовали ему зарядить два пистолета и выстрѣлить въ то мѣсто, гдѣ обнаружится присутствіе духа. Совѣтъ былъ исполненъ. Духъ вбросилъ въ карманъ одному изъ чиновниковъ двѣ серебряныя монеты и съ этихъ поръ больше не показывался въ домѣ.

Мнѣ не разъ разсказывали, что одному монаху Бер-

пардинскаго ордена прислуживалъ домовой духъ,— когда монахъ отлучался куда нибудь, домовой приводилъ въ порядокъ все находящееся въ комнатѣ и сберегалъ все въ надлежащемъ видѣ. Къ нему наконецъ такъ привыкли, что по извѣстнымъ признакамъ безошибочно узнавали, когда онъ приходилъ. Разсказываютъ также, что одного монаха извѣщалъ не только обо всемъ томъ, что происходило въ монастырѣ, но и о томъ, что совершалось внѣ монастыря. Однажды духъ троекратно давалъ ему знать, что такіе-то монахи подняли между собой ссору и уже готовы вступить въ драку, монахъ поспѣшилъ отправиться къ нимъ и на силу отклонилъ ихъ отъ позорнаго дѣла.

Подобное нѣчто было и съ однимъ изъ воспитанниковъ Парижской Семинаріи. Мнѣ нѣсколько разъ разсказывали такое происшествіе: въ Парижѣ съ однимъ молодымъ воспитанникомъ Семинаріи постоянно жилъ духъ, который исполнялъ для него служительскія обязанности, разговаривалъ съ нимъ, держалъ въ порядкѣ его комнату и платье. Однажды начальникъ Семинаріи, проходя мимо комнаты этого воспитанника, услышалъ, что воспитанникъ съ кѣмъ-то разговариваетъ; начальникъ входитъ къ нему и спрашиваетъ, съ кѣмъ онъ разговариваетъ; воспитанникъ отвѣчалъ, что у него никого нѣтъ и у него дѣйствительно никого не было. Но такъ какъ начальникъ замѣтилъ, что онъ самъ слышалъ разговоръ, воспитанникъ вынужденъ былъ сознаться, въ чемъ

дѣло, и разсказалъ ему, что съ нимъ уже нѣсколько лѣтъ живетъ домовой духъ, который служитъ для него вмѣсто прислуги, и что этотъ духъ предсказывалъ ему, что онъ будетъ занимать важныя доходныя мѣста по духовному вѣдомству. Начальникъ потребовалъ, чтобы воспитанникъ представилъ какія нибудь доказательства своихъ словъ; семинаристъ приказалъ духу принести стулъ для начальника, и приказаніе тотчасъ было исполнено. Дѣло было доведено до свѣдѣнія архіепископа; архіепископъ счелъ нужнымъ не разглашать дѣло. А воспитанникъ былъ исключенъ. Бодинъ разсказываетъ (1) объ одномъ человѣкѣ, котораго онъ зналъ лично и который былъ еще живъ въ то время, когда онъ писалъ объ немъ,—это было въ 1580 г.,—разсказываетъ, что съ этимъ человѣкомъ съ 57-го года его жизни жилъ также постоянно домовой духъ, давалъ ему добрые совѣты, внушалъ ему искоренять въ себѣ пороки, какіе въ немъ были, помогалъ ему въ разрѣшеніи трудностей, какія встрѣчалъ онъ при чтеніи Св. Писанія и вообще помогалъ ему добрыми совѣтами въ разныхъ обстоятельствахъ жизни. Въ три или четыре часа утромъ духъ обыкновенно стучалъ въ дверь его комнаты для того, чтобы такимъ образомъ разбудить его. Если онъ хотѣлъ дѣлать что нибудь доброе, полезное, духъ шепталъ ему на правое ухо; если же предпринималъ онъ что нибудь недоброе, опасное, духъ шепталъ ему на лѣвое ухо;

(1) Bodin. Daemon. lib. 2. c. 2.

такъ что съ нимъ не случалось ничего такого, о чемъ бы онъ заблаговременно не былъ предувѣдомлекъ своимъ духомъ. Иногда онъ слышалъ голосъ духа. А однажды, когда онъ находился въ одной крайней опасности (самъ не зная этого), духъ явился къ нему въ видѣ дитяти, необыкновенной красоты и такимъ образомъ спасъ его отъ несчастія.

Вильгельмъ, епископъ Парижскій, говоритъ,(1), что онъ зналъ одного шутника, у котораго жилъ духъ тоже шутливаго характера, —духъ шутилъ съ нимъ, мѣшалъ ему напр. спать, т. е. когда тотъ ложился въ постель, онъ бросалъ что нибудь въ стѣну, стащитъ съ кровати или одѣяло или его самого.

Я слышалъ отъ одного очень серьезнаго человѣка такое происшествіе, случившееся съ нимъ самимъ однажды въ жаркій день, когда онъ былъ въ полѣ: вдругъ съ него стащило что-то плащъ и сапоги и сорвало шляпу, я проснулся и услышалъ громкій хохотъ и голосъ одной уже умершей, хорошо извѣстной мнѣ особы, которая, казалось, радовалась сдѣланной со мною шуткѣ.

Всѣ приведенные нами разсказы о домовыхъ переданы нами, съ немногими прибавленіями и сокращеніями, такъ, какъ изложены они у Кальмета. Нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ отвергнуты самимъ авторомъ, другіе оставлены авторомъ безъ всякой

(1) Guillelm. Paris. 2. part. quaest. 2. c. 8.

критической оцѣнки ихъ. На нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ мы сдѣлаемъ краткія замѣчанія, несчитая нужнымъ дѣлать замѣчаній обширныхъ потому, что самые разсказы не заслуживаютъ этого.

У вольноотпущеннаго Марка и одного мальчика острижены волоса какими-то неизвѣстными людьми, которыхъ они видѣли во снѣ. Плиній, расположенный къ суевѣрію, думаетъ, что волоса домовой остригъ. Но изъ того, что оставшіеся безъ волосъ видѣли во снѣ какихъ-то людей, вовсе не слѣдуетъ, что это были домовые; скорѣе предположить, что это продѣлка недовольныхъ на Марка или шалуновъ, а не домовыхъ, созданныхъ Плиніемъ, который принималъ на вѣру подобные разсказы безъ критической оцѣнки. О. Вальдигъ заимствовалъ изъ какой-то непечатанной рукописи и передалъ Калмету разсказъ о преступныхъ связяхъ Луппы съ демономъ, который научилъ ее безчеловѣчно обращаться съ слугами. Но мы уже въ предыдущей главѣ объяснили, что нѣжное сообщеніе людей съ злыми духами вещь немыслимая. Да развѣ человѣкъ не могъ быть въ преступныхъ связяхъ съ Луппою, и развѣ не могъ совѣтовать ей безчеловѣчно бить слугъ? Представленныя О. Вальдигомъ основанія слишкомъ недостаточны для того, будто у Луппы жилъ домовой въ качествѣ прислуги. Также нелѣпо и предположеніе Іовія, будто у Агриппы жилъ домовой въ видѣ собаки, которая бросилась въ рѣку, когда узнала, что Агриппа умеръ. Развѣ обыкновенная собака не мо-

жетъ броситься въ воду и погибнуть? Изъ разсказа графа Деспильера скорѣе, чѣмъ домовому, нужно приписать хозяину продѣлки надъ солдатомъ и испугъ графа, который испугавшись насилу отыскалъ пистолетъ.—Потому самому, что не домовой, а хозяинъ могъ быть недоволенъ тѣмъ, что къ нему на квартиру назначили солдата. Разсказы о домовомъ—Саксонскомъ поварѣ, слугѣ семинариста и Бернардинскаго монаха, о домовомъ Бодина и Лапландскихъ домовыхъ, а также продѣлки домоваго, описанные въ письмѣ къ Калмету почтеннымъ священникомъ изъ Италіи,—чистѣйшій вздоръ, придуманный самими авторами. Часто самыя обыкновенныя явленія были признаваемы за дѣйствія домовыхъ и передаваемы были другимъ въ преувеличенномъ видѣ съ дополненіями, чтобы разсказъ былъ принятъ за несомнѣнно достовѣрный. Каждый передавалъ разсказъ съ новыми прикрасами такъ, что въ новыхъ редакціяхъ терялась и самая тѣнь разсказа истиннаго факта. Домовой Бодина замѣчателенъ по своему уму и добродѣтели, чего нельзя предполагать въ домовомъ. Непонятно, почему Гильдестеймскій епископъ, Бернардинскій монахъ и особенно почтенный Итальянскій священникъ не предали проклятію домовыхъ посредствомъ заклинательныхъ молитвъ, которыми они изгоняли нечистыхъ духовъ изъ людей, какъ они хвалятся, и которыми наполнены ихъ ритуалы. Ле Лойэръ передаетъ столько нелѣпостей о чудесахъ колдуновъ и вѣдьмъ, что онѣ подрываютъ довѣріе и къ другимъ его разсказамъ. Нѣкоторые разсказы

переданы устно Калмету, который принималъ ихъ на вѣру, изъ уваженія къ тѣмъ авторитетамъ, которыми переданы эти разсказы. Какъ не повѣрить почтенному священнику изъ Италіи, или разсказу о домовомъ—слугѣ семинариста, когда здѣсь участвовалъ авторитетъ ректора и архіепископа, и когда объ этомъ часто и такъ многіе разсказывали. Къ числу недостатковъ Калмета въ этомъ отношеніи относится и то, что разсказы о домовыхъ онъ считаетъ истинными, тогда какъ въ слѣдующей главѣ разсказы о привидѣніяхъ, очень сходные по содержанію съ разсказами о домовыхъ, совершенно отвергаетъ. Разсказы о домовыхъ, являвшихся въ рудокопняхъ, Калметъ самъ считаетъ ложными.

Болѣе подробное объясненіе и опроверженіе представлено нами въ слѣдующихъ главахъ о явленіяхъ духовъ и душъ и въ заключеніи.

ГЛАВА VII.

Явленія привидѣній и открытіе ими будущаго.

Какъ у древнихъ, такъ и средневѣковыхъ писателей находимъ безчисленное множество разсказовъ о привидѣніяхъ. Мы признаемъ за несомнѣнное, что большая часть этихъ разсказовъ, дѣло лжи, обмана, вымысла, что всѣ эти привидѣнія обманъ зрѣнія и слуха, если не дѣло вымысла. Всѣ привидѣнія мы раздѣляемъ на два рода, или категоріи. Къ первой относимъ всѣ тѣ, которыя являлись только тѣмъ или другимъ лицамъ, и только ихъ однихъ обманывали или увѣдомляли о будущемъ. Эти привидѣнія ничто иное, какъ обманъ зрѣнія, слуха или созданіе разстроеннаго воображенія. Ко второй относимъ тѣ, которыя безпокоили цѣлые дома, въ которыхъ они постоянно жили, и въ которыхъ ихъ можно было постоянно видѣть и слышать. Эти привидѣнія или вымыслъ, или продѣлки негодяевъ, шарлатановъ. Нельзя при этомъ не замѣтить, что всѣ эти разсказы передаются большею частію суевѣрными людьми съ дополненіями и прикрасами съ ихъ стороны, такими, которые сами получили эти разсказы изъ десятыхъ рукъ, когда дѣло настоящее искажено, не-

реврано такъ, что трудно по этому рѣшить, что истинно, и что ложно въ разсказѣ. Понятно, что нужно быть на мѣстѣ и во время самаго происшествія, чтобы повѣрить разсказу о происшествіи. Послѣ этого читателю нечего удивляться, если на нѣкоторые разсказы мы будемъ дѣлать не достаточныя объясненія. Какъ бы то впрочемъ ни было, мы приведемъ здѣсь цѣлый рядъ разсказовъ, изъ которыхъ многіе будутъ отвергнуты самимъ читателемъ, какъ нелѣпые.

Плиній младшій въ письмѣ къ другу своему Сурѣ говоритъ (1), что онъ очень склоненъ вѣрить въ привидѣнія, и приводитъ для этого основаніе изъ исторіи. Квинтъ Курцій Руфъ, прибывъ въ свитѣ римскаго квестора въ Африку, подъ вечеръ, гуляя по терассѣ, увидѣлъ женщину необыкновенной величины и красоты. Она назвала себя африканкой, и сказала ему, что онъ нѣкогда придетъ въ Африку въ качествѣ проконсула. Это привидѣніе возбудило въ немъ большія надежды. Возвратившись въ Римъ, онъ посредствомъ происковъ добился того, что получилъ сперва квесторство, а потомъ преторство. Послѣ этого онъ назначенъ былъ консуломъ въ Африку, гдѣ и умеръ послѣ славной побѣды.

Это происшествіе разсказывается и у Тацита, у котораго вѣроятно заимствовалъ Плиній, въ которомъ оно возбудило вѣру въ привидѣнія.

---

(1) Plin. fontor. dist. lib. 7. 27.

Убитый въ своемъ собственномъ дворцѣ, Каллигула послѣ такой несчастной смерти былъ похороненъ въ своемъ собственномъ саду. Сестры, возвратившись изъ заточенія, съ торжественной церемоніей сожгли тѣло брата и пепелъ его похоронили съ приличными почестями. Передавали за несомнѣнное, что до совершенія этой церемоніи, стражей дворца и сада царскаго пугали привидѣнія и страшный шумъ.

Когда Юлій Цезарь (1) пришелъ въ Италію и хотѣлъ переходить Рубиконъ, явился предъ нимъ необыкновеннаго роста человѣкъ и началъ свистать. Когда вокругъ незнакомца собралось много народа послушать незнакомца, онъ у одного изъ окружавшихъ схватилъ трубу, началъ трубить и побѣжалъ черезъ ручей. Тогда Цезарь вскричалъ (къ своему войску): «такъ впередъ же! когда знаменія самихъ боговъ и неправда нашихъ враговъ призываютъ насъ».

Когда въ Антіохіи было страшное землетрясеніе, разрушившее почти весь городъ, императоръ Троянъ ушелъ изъ города вслѣдствіе бывшаго видѣнія, внушившаго ему уйти въ окно (2). Философъ Симонидъ былъ такъ же предупрежденъ видѣніемъ о разрушеніи своего дома, и какъ только онъ ушелъ, домъ тотчасъ разрушился. (3).

Императоръ Юліанъ отступникъ разсказывалъ-

(1) Sueton. in. vita Jul Caesar. (2) Dio Cassius, lib. 68.
(3) Diogen. Laert. in simonid. Valer. Maxim. lib. 1.

своимъ друзьямъ такое происшествіе: въ то время, когда въ Парижѣ его войско настаивало на томъ, чтобы онъ принялъ императорскую власть, однажды ночью ему явилась женщина, которая имѣла такой точно видъ, въ какомъ обыкновенно изображали бога, покровителя царей. Явившись, она сказала ему, что она будетъ жить съ нимъ, но только не долго. Онъ же разсказывалъ потомъ, что однажды это было не за долго до его смерти во время похода, когда онъ что-то писалъ въ своей палаткѣ, явился ему опять прежній духъ и потомъ съ грустнымъ, мрачнымъ видомъ исчезъ. Передъ смертью Константина Великаго тому же Юліану являлся свѣтлый призракъ и нѣсколько разъ сказалъ по гречески слѣдующія слова: когда Юпитеръ будетъ на мѣстѣ Водолей и Сатурнъ на 25 градусѣ Дѣвы, Константинъ умретъ печальной смертью».

ГЛАВА VIII.

Другіе примѣры привидѣній.

Плутархъ, человѣкъ извѣстный своимъ трезвымъ, серьезнымъ умомъ, часто разсказываетъ о привидѣніяхъ и призракахъ. Такъ напр. онъ разсказываетъ, что во время марафонскаго сраженія многіе воины видѣли призракъ Тезея, который вмѣстѣ съ Греками сражался противъ Персовъ. Онъ же въ біографіи Силлы разсказываетъ, что этотъ полководецъ видѣлъ во снѣ богиню, которую чтили Римляне по примѣру Каппадокіанъ, усвоившихъ особенное, высшее значеніе огню; богиня эта называется или Беллоной, или Минервой или Луной. Явившись Силлѣ, она вложила ему въ руки молнію, для того, чтобы онъ металъ ее на своихъ враговъ, которыхъ она при этомъ назвала и перечислила, для того, чтобы они, поражаемые молніей, падали предъ нимъ и умирали. Очевидно, эта богиня была Минерва, которой язычники такъ же какъ и Юпитеру усвоили силу и право метать молнію.

Македонскій полководецъ Павзаній (1) не намѣ-

(1) Plutarch. in Cimone.

ренно убилъ дѣвушку изъ одного лучшаго византійскаго семейства, по имени Клеонику, и потомъ день и ночь былъ преслѣдуемъ тѣнью убитой. Тѣнь постоянно произносила предъ нимъ слѣдующія слова: «предай себя суду правды, которая карветъ злодѣянія и ожидаетъ тебя гордость всегда пагубна для смертныхъ». Измученный наконецъ неотступно преслѣдовавшимъ его привидѣніемъ, онъ отправился въ виѳинскій городъ, Гераклію, гдѣ былъ храмъ, жрецами котораго были маги, называвшіеся психагогами, т. е. заклинателями душъ умершихъ. Когда Павзаній внесъ въ храмъ установленное пожертвованіе, жрецы стали вызывать душу Клеоники и заклинали ее прекратить свою вражду. Клеоника наконецъ явилась и сказала Павзанію: «скоро я явлюсь въ Спарту и избавлю ее отъ ея зла.» Этими двусмысленными словами она вѣроятно указывала на его скорую смерть въ Спартѣ.

Существованіе у Грековъ этого обычая—заклинать мертвыхъ, доказываетъ, по крайней мѣрѣ, то, что они вѣрили въ подобныя вещи. Но если Клеоника и дѣйствительно являлась къ Павзанію и предсказала ему близкую смерть, надо полагать, что тутъ предсказывала не сама Клеоника, а по всей вѣроятности это былъ обманъ со стороны жрецовъ, какъ это доказывается самой двусмысленностью даннаго Павзанію отвѣта.

Историкъ Павзаній передаетъ (1), что, спустя уже

(1) Pavsanias, lib. 1, c. 32.

четыреста лѣтъ послѣ марафонскаго сраженія, съ того мѣста, гдѣ оно происходило, каждую ночь слышно было ржаніе лошадей и крикъ такого рода, какъ будто тамъ происходила самая жаркая битва. Плутархъ разсказываетъ, что въ общественныхъ баняхъ его отечественнаго города Херонеи, въ которыхъ было убито много гражданъ изъ этого города, являлись привидѣнія и слышался страшный вой, въ слѣдствіе чего принуждены были закрыть эти бани. Но и послѣ этого все-таки продолжалъ слышаться изъ нихъ шумъ и по временамъ въ окружности этихъ бань бродили привидѣнія.

Однажды философъ Діонъ, ученикъ Платона и сиракузскій полководецъ, сидя подъ вечеръ въ галлереѣ своего дома, вдругъ послышалъ большой шумъ и вслѣдъ за тѣмъ увидѣлъ привидѣніе въ образѣ женщины необыкновенно громаднаго роста и похожей на фурій, какъ ихъ обыкновенно изображали въ трагедіяхъ. Было еще довольно видно. Привидѣніе начало подметать въ домѣ. Испуганный Діонъ пригласилъ къ себѣ своихъ друзей и упросилъ ихъ остаться съ нимъ ночевать; но призракъ больше уже не являлся. Вскорѣ послѣ этого происшествія сынъ Діона убился съ крыши дома и самъ Діонъ былъ убитъ заговорщиками.

Маркъ Брутъ, одинъ изъ убійцъ Юлія Цезаря, однажды ночью увидѣлъ, что въ его палатку вошла какая-то мощная страшная фигура. Брутъ спросилъ: кто-ты? человѣкъ или Богъ? и зачѣмъ ты сюда пришелъ? Призракъ отвѣчалъ: я твой злой духъ; ты увидишь меня въ Филиппахъ. Брутъ, нисколько не испугавшись, возразилъ: нѣтъ, я тебя не увижу тамъ. Потомъ онъ пошелъ и разсказалъ о случившемся Кассію. Кассій, какъ эпикуреецъ, не вѣрилъ въ привидѣнія и потому убѣждалъ Брута, что это было не болѣе, какъ дѣйствіе воображенія. Такихъ духовъ и геніевъ, говорилъ Кассій, которые бы могли являться людямъ, нѣтъ. Духи не могутъ имѣть ни человѣческаго образа, ни человѣческаго голоса и потому не могутъ ничего намъ дѣлать. Слова Кассія нѣсколько успокоили Брута, но все-таки онъ никакъ не могъ освободиться отъ невольнаго безпокойства. Между тѣмъ, вскорѣ послѣ этого, во время сраженія въ равнинѣ Филиппійской самъ Касій увидѣлъ, что прямо на него ѣдетъ съ опущенными поводами Юлій Цезарь (который въ это время былъ уже убитъ и въ убійствѣ котораго участвовалъ Кассій). Это такъ поразило Кассія, что онъ тутъ же самъ себя закололъ своимъ собственнымъ мечемъ.

Кассію Пармскому (не тому, о которомъ сейчасъ была рѣчь) являлся также въ палаткѣ злой духъ и предсказалъ ему близкую смерть.

Друзъ, въ царствованіе Августа, побѣдивши Германцевъ, хотѣлъ расположиться на Эльбѣ съ намѣреніемъ проникнуть далѣе въ страну; но былъ удержанъ отъ выполненія этого намѣренія явившимся ему въ образѣ необыкновеннаго роста женщины привидѣніемъ, которое сказало ему: «куда ты ѣдешь,

Друзъ? надежды твои никогда не осуществятся; твой конецъ близокъ: воротись!» Друзъ воротился и умеръ на дорогѣ, не дошедши и до Рейна, чрезъ который ему нужно было возвращаться.

Послѣ того, какъ совершилось въ Антіохіи извѣстное народное возмущеніе, на слѣдующую ночь какое-то существо, въ родѣ фурій, быстро пролетѣло черезъ городъ, махая кнутомъ такъ, какъ погоняютъ лошадей. Іоаннъ, епископъ Атрійскій, жившій въ VI вѣкѣ, передаетъ, что во время величайшей чумы, свирѣпствовавшей при императорѣ Юстиніанѣ, о которой говорятъ всѣ писатели того времени, видѣли, что по морю ѣздили какіе-то черные люди безъ головъ, на мѣдныхъ лодкахъ и вездѣ, куда только они причаливали, тотчасъ начинала свирѣпствовать чума. Одинъ египетскій городъ былъ до того опустошенъ чумой, что въ немъ осталось въ живыхъ только семь человѣкъ взрослыхъ и одинъ десятилѣтній мальчикъ; эти люди, набравши множество золота, хотѣли было бѣжать изъ города, но тотчасъ попадали мертвыми. Мальчикъ хотѣлъ было уйти, не взявъ съ собой ничего, но у городскихъ воротъ былъ задержанъ привидѣніемъ, которое насильно оттащило его въ тотъ домъ, гдѣ лежали недавно умершіе семь человѣкъ. Спустя нѣсколько времени, въ городъ пріѣхалъ прикащикъ одной богатой особы съ слугами; мальчикъ убѣждалъ его скорѣе бѣжать изъ города; но управитель тотчасъ померъ. Слуги его поспѣшили бѣжать и извѣстили о всемъ случившемся своего господина.

Смерть Карлштадта, по разсказамъ базельскихъ духовныхъ, его сослуживцевъ, сопровождалась страшными явленіями. Они передаютъ (1) въ то время, какъ Карлштадтъ произносилъ свою послѣднюю проповѣдь въ базельской церкви, онъ увидѣлъ, что подлѣ консула стоитъ какой-то огромный черный человѣкъ, — и отъ этого сильно смутился и испугался. Сошедши съ каѳедры, Карлштадтъ освѣдомился, кто такой этотъ незнакомецъ, который стоитъ возлѣ консула; ему отвѣчали, что тамъ вовсе нѣтъ такого человѣка, какого онъ видитъ. Когда Карлштадтъ пришелъ домой, ему пришлось ближе познакомиться съ привидѣніемъ. Черный человѣкъ пришелъ къ нему въ домъ, и какъ только вошелъ, тотчасъ схватилъ за волосы самаго младшаго сына Карлштадта, котораго онъ особенно любилъ, поднялъ мальчика на воздухъ и сдѣлалъ такую мину, какъ будто хотѣлъ бросить мальчика на землю такъ, чтобы раздробить ему голову; но онъ этого не сдѣлалъ, а только велѣлъ дитяти сказать своему отцу, что чрезъ три дня онъ опять прійдетъ къ нему и что онъ долженъ готовиться къ встрѣчѣ съ нимъ. Мальчикъ передалъ объ этомъ отцу. Карлштадтомъ овладѣлъ сильный страхъ и черезъ три дня онъ умеръ. Подобныя явленія, по признанію самого Лютера, случались не рѣдко въ жизни первыхъ реформаторовъ.

Подобныхъ примѣровъ привидѣній можно бы при-

(1) Machovius, pag. 22.

весть безчисленное множество. Но при точномъ изслѣдованіи дѣла, едва ли во всѣхъ ихъ можно найти что нибудь, что имѣло бы фактическую вѣрность и выдерживало критику здраваго смысла. Въ доказательство этой мысли, я разскажу одно произшествіе, которое тоже, повидимому, имѣло характеръ большой необычайности, а потомъ на самомъ дѣлѣ оказалось только невѣрно понятымъ естественнымъ, обыкновеннымъ явленіемъ.

ГЛАВА IX.

Разслѣдованіе одного призрака.

Когда графъ фонъ Але (1) по своимъ дѣламъ прибылъ въ городъ Марсель, здѣсь случилось съ нимъ такое произшествіе, о которомъ онъ тогда же писалъ къ философу Гассенди съ тѣмъ, чтобы узнать его мнѣніе относительно его: однажды ночью, когда графъ съ графиней лежали уже въ постели, но еще совершенно не спали, они вдругъ увидѣли предъ собой огненно-свѣтлое явленіе. Для того, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, они позвали слугъ, но не успѣли еще слуги прійти, какъ явленіе исчезло. Тщательно закрыты были всѣ отверстія въ комнатѣ и опять расположились спать. Но какъ только слуги ушли, призракъ снова явился. Свѣтъ его былъ слабѣе солнечнаго, но сильнѣе луннаго. Явленіе попеременно принимало то форму треугольника, то форму круга, то форму удлиненнаго круга. Свѣтъ его былъ такъ силенъ, что можно было читать при немъ; оно постоянно перемѣняло мѣсто и иногда останавливалось надъ самой кроватью. Оно имѣло видъ ма-

(1) Leben Gassendis, Bd. 1, S. 258.

ленькаго щита, на которомъ были начертаны буквы. Видъ его былъ необыкновенно пріятный, оно возбуждало одно только удовольствіе и никакого страха. Являлось оно каждую ночь во все то время, какъ графъ жилъ въ Марсели.

Гассенди, получивъ письмо съ просьбой дать свое мнѣніе относительно этого явленія, отвѣчалъ 13 ч. того же мѣсяца. Сначала онъ говоритъ, что не знаетъ, что сказать относительно этого явленія; потомъ говоритъ, что явленіе, можетъ быть, посылается Богомъ съ тѣмъ, чтобы предувѣдомить о чемъ нибудь графа. Эта мысль имѣла то оправданіе, что графъ и графиня были люди благочестивые и что явленіе не возбуждало никакого страха. Но при этомъ, продолжаетъ онъ, нужно обратить вниманіе на то, что если бы явленіе было отъ Бога, то Онъ далъ бы знать, для чего его совершаетъ. Богъ не шутитъ; и такъ какъ совершенно непонятно, что должно дѣлать при этомъ явленіи, надѣяться, или страшиться, обращать или не обращать на него вниманіе, то это доказываетъ, что призракъ не отъ Бога; иначе — это значило бы, что Богъ не имѣетъ здѣсь и на столько любви, сколько имѣетъ ее отецъ, царь и даже всякій добрый и благоразумный человѣкъ, когда они, сообщая что нибудь своимъ подчиненнымъ, стараются, чтобы сообщаемое не было для этихъ послѣднихъ непонятной загадкой, а было понятно ими. — Если призракъ, продолжаетъ Гассенди, есть какое нибудь естественное явленіе, то

понять, въ чемъ именно дѣло, слишкомъ трудно; слишкомъ трудно придумать даже какое нибудь предположеніе, которымъ бы можно было объяснить его. Но, сознавая свое безсиліе относительно подобныхъ вещей, попытаюсь однакожъ дать хоть какое нибудь понятіе о нихъ. Нельзя ли допустить, что свѣтъ являлся вамъ отъ того, что ваши глаза были аффектированы какимъ нибудь образомъ, извнутри или извнѣ? Во первыхъ, глаза по самой своей организаціи могутъ быть устроены такимъ особеннымъ образомъ, какъ они напр. были устроены у императора Тиверія, который, какъ извѣстно, когда просыпался ночью и открывалъ глаза, то изъ нихъ выходилъ свѣтъ, посредствомъ котораго онъ могъ и въ темнотѣ видѣть предметы. Я зналъ одну знатную даму, съ которой происходило то же самое. Во вторыхъ, глазъ можетъ испускать свѣтъ вслѣдствіе какого нибудь возбужденія, что иногда случается со мной самимъ, при пробужденіи; когда я открываю глаза, то изъ нихъ выходитъ свѣтъ, хотя вокругъ не бываетъ ничего такого, что бы его производило. Никто не станетъ отвергать, что наши глаза обладаютъ свѣтомъ, посредствомъ котораго и происходятъ въ насъ представленія тѣхъ предметовъ, которые производятъ на наши глаза впечатлѣнія. Извѣстно, что ночныя животныя владѣютъ такимъ сильнымъ зрѣніемъ, что и въ темнотѣ отыскиваютъ себѣ добычу: извѣстно, что жизненные соки глаза огненной природы и потому свѣтлаго вида. Быть можетъ что во снѣ, когда глаза закрыты, эти соки какъ ни-

будь посредствомъ вѣкъ воспламеняются и такимъ образомъ возбуждаютъ дѣятельность воображенія; извѣстно же, что напр. дерево и подобныя вещи, если въ нихъ какимъ нибудь образомъ возбуждается накопившаяся, вслѣдствіе гніенія, теплота, производятъ свѣтъ; почему же не производить свѣта и теплотѣ, возбуждаемой жизненными соками глаза?»

Когда графъ фонъ Але въ другой разъ пріѣзжалъ въ Марсель и останавливался на прежней квартирѣ, прежній призракъ опять началъ являться. Графъ теперь писалъ къ Гассенди, что призракъ вѣроятно входитъ какъ нибудь сквозь крышу дома. Философъ обѣщалъ тщательнѣе обсудить дѣло, но рѣшительнаго отвѣта не давалъ, а ограничивался только тѣмъ, что успокоивалъ графа, говорилъ, что, если явленіе отъ Бога, то Онъ не допуститъ, чтобы графъ остался въ невѣдѣніи относительно значенія явленія, а если онъ не отъ Бога, то Богъ не допуститъ, чтобы оно долго продолжалось, что въ такомъ случаѣ скоро непремѣнно должно открыться, что явленіе происходитъ отъ какихъ нибудь естественныхъ причинъ.

Спустя три года послѣ всего этого, жена графа созналась ему, что призракъ устроивала она сама при помощи своей служанки, изъ того побужденія, что ей не нравилось жить въ Марсели, что все дѣло состояло въ томъ, что служанка залѣзала подъ кровать и посредствомъ фосфора производила свѣтъ. Графъ фонъ Але разсказывалъ обо всей этой исторіи г. Пугеру изъ Ліона, этотъ лѣтъ 35 назадъ разсказывалъ

объ ней г. Фальконету, доктору медицины и члену Императорской академіи искусствъ, а Фальконетъ сообщилъ ее мнѣ. Такъ, для того, чтобы давать рѣшительное мнѣніе о такихъ или другихъ необыкновенныхъ явленіяхъ, необходимо прежде всего изслѣдовать ихъ надлежащимъ образомъ.

ГЛАВА X.

Привидѣнія, безпокоящія дома.

Привидѣнія или духи, которые безпокоятъ дома, производятъ въ нихъ шумъ и иногда являются въ какихъ нибудь видимыхъ образахъ, можно раздѣлить на нѣсколько различныхъ видовъ. Одни изъ нихъ — это домовые духи, находящіе удовольствіе въ томъ, что безпокоятъ людей,—другіе души умершихъ, являющіяся живымъ людямъ за тѣмъ, чтобы испросить надлежащаго погребенія своимъ тѣламъ: иные души убитыхъ, являющіяся за тѣмъ, чтобы вытребовать отмщеніе за свое убійство и должное погребеніе тѣламъ своимъ. Разсказовъ объ этого рода привидѣніяхъ такъ много, что они въ настоящее время уже не пользуются никакимъ вниманіемъ и довѣріемъ. Въ самомъ дѣлѣ, эти разказы, при болѣе точномъ изслѣдованіи дѣла, оказываются совершенно вымышленными и ложными.

То кто нибудь старается опорочить домъ, въ которомъ квартируетъ, для того, чтобы такимъ образомъ отстранить отъ него другихъ, кто бы захотѣлъ нанять въ немъ квартиру, какъ поступаютъ

напр. дѣлатели фальшивыхъ ассигнацій, изъ боязни огласки своихъ занятій; то снимающіе дома подъ аренду хлопочутъ о томъ, чтобы у нихъ кто нибудь не отбилъ мѣста; то наконецъ кошки, совы, или крысы производятъ въ домѣ шумъ и такимъ образомъ пугаютъ хозяевъ и слугъ, какъ это много лѣтъ назадъ былъ случай въ Молгеймѣ. Здѣсь въ одномъ домѣ крысы (на чердакѣ) по ночамъ обыкновенно играли машинами, которыми чешутъ лепъ и конопля. Одинъ правдивый человѣкъ, который мнѣ и разсказывалъ обо всемъ этомъ, захотѣлъ самъ непосредственно узнать, въ чемъ дѣло; взявши съ собой два пистолета и слугу, который также вооружился, онъ въ ночь отправился на чердакъ; и когда они притаились тутъ, на ихъ глазахъ крысы начали свою обычную игру; они выстрѣлили по нимъ, двухъ убили, а остальныхъ распугали. Исторія эта огласилась, и мнимый домовой сдѣлался предметомъ смѣха.

Я передамъ нѣсколько разсказовъ о привидѣніяхъ указаннаго рода, для того, чтобы читатели сами могли судить объ этомъ предметѣ. Плиній младшій разсказываетъ (1), въ Аѳинахъ былъ одинъ очень красивый домъ, который однако былъ совершенно оставленъ, въ слѣдствіе того обстоятельства, что въ немъ являлось привидѣніе. Когда въ этотъ городъ прибылъ философъ Афинодоръ и узналъ, что указан-

(1) Plin. Junior. Epist ad Sunnuram. lib. 7. c. 27

ный домъ продается слишкомъ дешево, купилъ его и расположился въ немъ ночевать съ своими людьми. Ночью, когда философъ по обыкновенію читалъ и писалъ, онъ вдругъ послышалъ сильный шумъ и бряцанье цѣпей, и потомъ предъ нимъ явился страшнаго вида старикъ, окованный желѣзными цѣпями; старикъ приблизился къ нему, Афинодоръ продолжилъ писать: привидѣніе сдѣлало знакъ, чтобы онъ слѣдовалъ за нимъ, но философъ съ своей стороны сдѣлалъ ему знакъ, чтобы оно обождало, и попрежнему продолжалъ писать. Наконецъ онъ взялъ свѣчу и послѣдовалъ за привидѣніемъ, которое повело его на дворъ, и здѣсь, въ одномъ мѣстѣ, оно вдругъ исчезло въ землю. Афинодоръ, нисколько не испугавшись, намѣтилъ это мѣсто, сорвалъ на немъ траву и возвратился спать. На другой день онъ извѣстилъ о случившемся начальство; пришли въ домъ къ нему полицейскіе, начали рыть въ указанномъ мѣстѣ и отрыли кости скованнаго цѣпями человѣка. Кости были преданы обычному погребенію, и въ домѣ съ тѣхъ поръ было совершенно спокойно.

Подобную же исторію разсказываетъ Лукіанъ. Въ Коринѳѣ, разсказываетъ онъ (1), былъ домъ, принадлежавшій нѣкоему Эвбатиду, — домъ, въ которомъ тоже, по слухамъ, бродило привидѣніе. Одинъ господинъ, по имени Аригнотъ, рѣшился провести ночь въ этомъ домѣ; онъ былъ знакомъ съ извѣстными

(1) In Philo-psên. pag. 840.

магическими египетскими книгами и посредствомъ ихъ заклиналъ духовъ. И такъ, ночью онъ со свѣчей приходитъ въ этотъ домъ и спокойно себѣ начинаетъ читать (магію), ходя по двору. Привидѣніе скоро явилось, сначала въ видѣ собаки, потомъ оно приняло видъ быка и наконецъ видъ льва. Аригнотъ, нисколько не смутившись, прочелъ изъ книги извѣстныя заклинательныя слова, и по силѣ ихъ привидѣніе ушло въ уголъ двора, гдѣ и исчезло въ землѣ. На другой день Аригнотъ призвалъ хозяина дома, и стали рыть въ томъ мѣстѣ, гдѣ скрылось привидѣніе, и также нашли скелетъ, которому и дано было должное погребеніе. Съ тѣхъ поръ въ домѣ ничего не видѣли и не слышали.

Лукіанъ, какъ человѣкъ, которому наименѣе можно вѣрить относительно подобныхъ вещей, заставляетъ разсказывать это произшествіе другаго Аригнота. Тутъ же онъ разсказываетъ о Демокритѣ, который не вѣрилъ ни въ духовъ, ни въ демоновъ, — слѣдующее: однажды этотъ философъ заключился въ одну гробницу за городомъ (Аѳинами) и занимался тамъ своимъ дѣломъ. Одни молодые люди захотѣли напугать его; одѣвшись въ черное платье, въ которомъ обыкновенно хоронили покойниковъ, и надѣвши на себя безобразныя маски, они въ такомъ видѣ отправились ночью къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ философъ, — и начали здѣсь бѣгать туда и сюда и подняли страшный шумъ. Демокритъ совершенно невозмутимо слушалъ и видѣлъ все это и наконецъ со-

вершенно хладнокровно сказалъ имъ: «будетъ вамъ шутить!»

Не знаю, не воспользовался ли авторъ жизнеописанія св. Германа Авксерійскаго приведенными разсказами, разсказывая въ этомъ жизнеописаніи совершенно подобное сейчасъ разсказаннымъ фактамъ происшествіе. Онъ разсказываетъ: Германъ, однажды путешествуя по своей діецезіи, долженъ былъ вмѣстѣ съ своими спутниками -духовными почевать въ такомъ домѣ, который уже давно стоялъ пустымъ въ вслѣдствіе того, что въ немъ являлись привидѣнія. Ночью одинъ изъ ступниковъ святителя, читая для него, вдругъ увидѣлъ привидѣніе, которое сначала его испугало. Онъ разбудилъ епископа; и святитель во имя Іисуса Христа повелѣлъ привидѣнію сказать, кто оно и чего желаетъ. Призракъ отвѣчалъ: мы съ моимъ товарищемъ совершили множество преступленій, умерли и погребены въ этомъ домѣ, и будемъ безпокоить обитателей его до тѣхъ поръ, пока не получимъ надлежащаго погребенія. Св. Германъ повелѣлъ призраку указать мѣсто, гдѣ зарыты ихъ трупы. Привидѣніе привело его на это мѣсто. На другой день епископъ собралъ народъ; стали рыть въ отмѣченномъ мѣстѣ и нашли скелеты двухъ людей, которые лежали одинъ на другомъ и были скованы цѣпями. Кости предаиы были надлежащему погребенію, совершена была за покойниковъ молитва, и привидѣніе болѣе уже не являлось.

Слѣдующее происшествіе тоже подобно разсказан-

нымъ, но заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя такія обстоятельства, которыя дѣлаютъ его вѣроятнѣе тѣхъ. Происшествіе это, разсказываетъ Антоній Торквемада въ своемъ сочиненіи Flores curiosi, которое было напечатано въ 1570 г. въ Саламанкѣ. Онъ разсказываетъ (дѣло было не за долго до его времени): одинъ молодой человѣкъ, по имени Баскесъ фонъ Айола, съ двумя товарищами прибылъ въ Болонью для изученія юриспруденціи. Не находя въ городѣ квартиры по своимъ требованіямъ, молодые люди сняли одинъ большой красивый домъ, въ которомъ никто не жилъ, такъ какъ въ немъ являлись привидѣнія и наводили ужасъ на всякаго, кто рѣшался въ немъ остаться. По прошествіи мѣсяца, однажды ночью, когда Айола еще не спалъ, между тѣмъ какъ товарищи его уже спали, онъ послышалъ издали шумъ, похожій на бряцанье влекомыхъ по землѣ цѣпей. Шумъ постоянно приближался по лѣстницѣ. Айола поручилъ себя волѣ Божіей, совершилъ крестное знаменіе, вооружился щитомъ и мечемъ и со свѣчей въ рукѣ сталъ у дверей. Вдругъ дверь отворилась, и предъ нимъ явилось страшное привидѣніе, — привидѣніе состояло изъ однѣхъ костей и тащило на себѣ цѣпи. Айола заклинаетъ его сказать, что ему нужно: привидѣніе сдѣлало знакъ, чтобы онъ слѣдовалъ за нимъ, и Айола пошелъ за нимъ. Когда онъ взошелъ на лѣстницу, свѣча его потухла; онъ опять зажегъ ее и продолжалъ слѣдовать за духомъ, который повелъ его вдоль двора къ тому мѣсту, гдѣ былъ колодезь; Айола подумалъ было,

не хочетъ ли привидѣніе свалить его въ колодезь, и остановился; но привидѣніе пошло далѣе, и они пришли наконецъ въ садъ, гдѣ привидѣніе вдругъ исчезло. Айола вырвалъ горсть травы на томъ мѣстѣ, гдѣ скрылось привидѣніе, и воротившись разсказалъ о случившемся своимъ товарищамъ. Утромъ онъ увѣдомилъ о происшедшемъ городское начальство Болоньи; стали рыть въ намѣченномъ мѣстѣ, и нашли скованныя цѣпями кости человѣческія. Стали разспрашивать, чей бы могъ быть этотъ трупъ; но не могли объ этомъ узнать ничего опредѣленнаго. Кости были преданы должному погребенію, и съ тѣхъ поръ привидѣніе болѣе уже не безпокоило домъ. Торквемада увѣряетъ, что будто въ Болоньи и Испаніи до сего времени есть свидѣтели этого происшествія. Айола, по возвращеніи въ отечество, занялъ почетное мѣсто, и его сынъ потомъ былъ президентомъ Болоньи.

Плавтъ, жившій еще ранѣе Лукіана и Плинія, написалъ комедію подъ названіемъ Mostellaria или Monstellaria. Въ этой комедіи выводится на сцену одно чудовище, или привидѣніе, которое будто бы являлось въ одномъ домѣ и принудило такимъ образомъ жителей этого дома оставить его. Конечно, въ основаніи комедіи лежитъ вымыслъ. Но она даетъ основаніе заключать, что у Грековъ и Римлянъ съ самыхъ древнихъ временъ существовала вѣра въ привидѣнія. Въ комедіи мнимый духъ говоритъ (1),

(1) Plaut. Mostel. act. II, V. 67.

что лѣтъ за шестьдесятъ прежде онъ былъ убитъ своимъ вѣроломнымъ другомъ, который обобралъ у него деньги и тайно похоронилъ его въ этомъ домѣ, что богъ подземнаго міра не захотѣлъ принять его по причинѣ такой ранней смерти и что поэтому онъ принужденъ оставаться въ этомъ домѣ:

Haec mihi dedita habitatio:
Nam me Acherontem recipere noluit,
Ania praemature vita carco.

Язычники вѣрили, что въ извѣстныхъ домахъ, въ извѣстныхъ комнатахъ безпокоили людей злые духи и такъ называемые ляміи, и заклинали этихъ духовъ разными волшебными средствами; они вѣрили, что духовъ можно изгонять куреньемъ сѣры и другихъ смрадныхъ веществъ, равно также и нѣкоторыми травами, напояемыми морской водой. Овидій говоритъ о знаменитой волшебницѣ Медеѣ (1):

Terque Senem flamma, ter aqua, ter sulphure lustrat.

(Она очищаетъ старика троекратно огнемъ, троекратно водой и троекратно сѣрой).

А въ другомъ мѣстѣ упоминаетъ еще, кромѣ этого, яйца:

Adveniat quae lustret anus lectumque locumque,
Deferat et tremula sulphur et ova manu.

(Пусть пріидетъ и очиститъ старуха и постель и мѣсто и принесетъ дрожащею рукой сѣру и яйца.

(1) Vide Ioan. Vier. de curat. malific. S. 21.

ГЛАВА XI.

Другіе примѣры привидѣній.

Одинъ ученый юристъ изъ Неаполя (XVI в.), по имени Александръ, разсказываетъ: всякому извѣстно, что въ Римѣ существуетъ много домовъ, въ которыхъ никто не живетъ вслѣдствіе того, что въ нихъ являются привидѣнія. Какъ на свидѣтеля, онъ ссылается на нѣкоего Николая Тубу, своего друга, человѣка извѣстнаго своею правдивостью. Туба вмѣстѣ съ нѣкоторыми своими пріятелями рѣшился самъ непосредственно повѣрить, вѣрно ли все то, что разсказывается объ этихъ домахъ. И вотъ они остаются ночевать въ одномъ изъ этихъ домовъ; ночью когда они были еще въ совершенно бодрственномъ состояніи, они вдругъ увидѣли странное привидѣніе, которое своимъ необыкновенно сильнымъ крикомъ и шумомъ, какой оно производило, такъ напугало смѣльчаковъ, что они не знали, что дѣлать и говорить. Но, по мѣрѣ того, какъ они стали приближаться къ привидѣнію со свѣчей, оно, въ свою очередь, начало удаляться отъ нихъ и наконецъ совершенно исчезло, навѣвши страхъ на весь домъ.

Здѣсь можно бы еще разсказать о привидѣніи, которое являлось Сиисону, одному изъ монаховъ іезуитскаго ордена, въ Pont a Moussout въ тамошнемъ монастырѣ. Но я ограничусь разсказомъ одного случая, записаннаго въ сочиненіи подъ заглавіемъ causes celebres (1), случая, который очень пригоденъ для вразумленія тѣхъ, которые слишкомъ легковѣрны въ отношеніи къ привидѣніямъ.

Въ замкѣ Арсилльеръ въ Пикардіи, въ извѣстные дни года, именно предъ праздникомъ Всѣхъ Святыхъ, изъ замка выходило огромное пламя и дымъ и слышны были страшный крикъ и вой. Самого арендатора замка все это не очень безпокоило, потому что онъ самъ устроилъ все это. Вся деревня говорила объ этихъ явленіяхъ и каждый разукрашивалъ ихъ по своему вкусу. Владѣтель замка захотѣлъ открыть обманъ и съ этой цѣлію предъ праздникомъ Всѣхъ Святыхъ отправился въ замокъ съ двумя своими друзьями, твердо рѣшившись преслѣдовать духа и стрѣлять по немъ изъ двухъ добрыхъ пистолетовъ. Спустя нѣсколько дней послѣ ихъ прибытій, послышался сильный шумъ надъ той комнатой, гдѣ помѣстился владѣтель замка; и оба его друга полѣзли на чердакъ съ пистолетами въ одной и со свѣчами въ другой рукѣ. Тутъ они увидѣли черное привидѣніе съ рогами и длиннымъ хвостомъ; привидѣніе стало сигать туда и сюда. Одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ

(1) Causes celebrés. tom. XI. pag. 374.

по немъ изъ пистолета; вмѣсто того, чтобы упасть, привидѣніе стало уходить; его хотѣли было схватить, но оно вскочило на маленькую лѣстницу, за нимъ послѣдовали, не теряя его изъ виду. Послѣ нѣсколькихъ изворотовъ, привидѣніе вбѣжало въ анбаръ, и въ ту минуту, когда преслѣдователи совсѣмъ уже готовы были схватить его, оно исчезло. Внесли въ анбаръ свѣчи и увидѣли, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ скрылось привидѣніе, находилась потаенная дверь въ погребъ, которая запиралась извнутри. Дверь была сломана и мнимый духъ былъ найденъ. Онъ сознался во всѣхъ своихъ продѣлкахъ. Отъ выстрѣла спасла его буйволовая кожа, которой было обтянуто все его тѣло.

Кардиналъ фонъ Ретцъ въ своихъ «Достопримѣчательностяхъ» разсказываетъ, (1), что однажды онъ съ своими друзьями, встрѣтившись ночью съ толпой августинскихъ монаховъ, которые ходили купаться, сильно перепугались, потому что монахи представились имъ чѣмъ-то совершенно другимъ.

Одинъ врачъ въ трактатѣ о духахъ разсказываетъ такой случай: одна служанка полѣзла въ погребъ и тотчасъ въ испугѣ выскочила оттуда, потому что она увидѣла, что въ погребѣ между двухъ бочекъ стоило привидѣніе. Влѣзли въ погребъ другіе, кто былъ посмѣлѣй, и дѣйствительно увидѣли что-то въ родѣ привидѣнія. А все дѣло состояло въ томъ, что

(1) Mem. du Cardinal de Retz. tom. 1. pag. 43, 44.

въ погребъ упалъ трупъ съ повозки, которая проѣзжала мимо изъ городскаго госпиталя, былъ сочтенъ за привидѣніе: свалившись въ погребъ, трупъ застрялъ между бочками.

Всѣ приведенные разсказы, вмѣсто того, чтобы подтверждать другъ друга и доказывать дѣйствительность привидѣній, напротивъ, въ общемъ бросаютъ другъ на друга тѣнь подозрѣнія. Какъ возможно, чтобы люди давно умершіе и уже сгнившіе являлись и ходили съ цѣпями? Какъ могутъ они носить цѣпи? Какъ могутъ они говорить? Вѣдь нѣкоторые изъ нихъ говорятъ, между тѣмъ какъ у нихъ нѣтъ уже и самаго органа слова. Что имъ нужно? погребеніе? но развѣ они не погребены уже?

ГЛАВА XII.

Мнѣніе язычниковъ о душахъ умершихъ людей.

Вѣра въ продолженіи существованія души за гробомъ встрѣчается у всѣхъ народовъ, даже находящихся на самой степени образованія.

Этому вѣрили Монголы древніе, Японцы, Негры, Греенландцы, Ескимосы и другіе и теперь конечно вѣрятъ. Такимъ образомъ она содержится уже поклонниками *фетишей*. По мнѣнію грубыхъ, необразованныхъ народовъ, души живутъ сноподобною жизнію призраковъ, являются тѣмъ живымъ, которые боятся и вспомнить объ нихъ. Какъ привидѣнія отшедшія души скитаются ночью вездѣ и живутъ въ разселинахъ, безднахъ горахъ, рощахъ, даже на солнцѣ и звѣздахъ. Онѣ жаждутъ крови человѣческой и побѣждаются жертвами, молитвами и заклинаніями.

Халдеи вѣрили, что души умершихъ не имѣютъ ни жизненной теплоты, ни крови и живутъ подъ землею, и что заклинаніями можно вызывать ихъ и посредствомъ ихъ открывать будущее.

По мнѣнію Китайцевъ души, какъ воздушные духи, находятся въ постоянной борьбѣ съ злыми духами.

По мнѣнію Персовъ, духъ человѣка, боровшагося съ Ариманомъ и его царствомъ и исполнившаго законы Ормузда, въ теченіи жизни, восходитъ, по смерти тѣла, въ самое высшее небо, въ жилище блаженныхъ, *гародмана*; злые низвергаются въ *ада*, и тамъ, по мѣрѣ своей грѣховности, очищаются отъ нечистотъ; впрочемъ рано или поздно всѣ духи вступятъ въ жилище блаженныхъ, гдѣ будутъ наслаждаться всѣми благами. Это будетъ послѣ всеобщаго воскресенія, перерожденія, возсозданія.

По мнѣнію Индійцевъ, душа, оставивъ тѣло человѣка, конечно умершаго, является къ судьи мертвыхъ Ямою, который опредѣляетъ достоинство ея дѣлъ, и, сообразно съ своими заслугами, продолжаетъ свое странствованіе или внизъ по тѣламъ животныхъ и растеній, или вверхъ по семи небеснымъ сферамъ, и наконецъ, когда совершенно очистится, погружается въ лоно безконечной, божественной субстанціи, или иначе говоря: сливается со всеобщею душою міра (1).

Египтяне, Греки и Римляне разсуждали о душѣ отшедшихъ людей одинаково почти во всѣхъ пунк-

(1) Die Religions-Systeme der heidnischen Voelker des Orients. I. Theil.—и Религія и философія древняго востока, ч. 1., соч. Новицкаго.

тахъ, и потому мы приводимъ здѣсь мнѣніе трехъ этихъ народовъ за разъ.

Древніе Греки, заимствовавшіе свою религію отъ Египтянъ преимущественно, и Римляне, принявшіе въ свою очередь религію Грековъ, подобно Египтянамъ, вѣрили, что духъ и душа по смерти тѣла не умираютъ, но отрѣшаются отъ плоти и поступаютъ на судъ въ *amentes* (дающій, преемлющій) или въ подземное царство Плутона, гдѣ судьи произносятъ приговоръ надъ душою. Вслѣдствіе приговора духъ странствуетъ внизъ и вверхъ, какъ думаютъ Египтяне.

Духъ Ереса (1), оставивъ тѣло, явился въ хорошое мѣсто, гдѣ было двое дверей; судьи оцѣнивали дѣла пришедшихъ съ этого міра, и злыхъ отправляли внизъ, а добрыхъ вверхъ. Теспезій Солоскій (2) или лучше, его духъ видѣлъ, какъ души, оставившія тѣло, подымались въ воздухъ и заключались въ ядро или огненный шаръ, изъ котораго одни подымались съ неимовѣрною быстротою вверхъ, другіе кружились въ воздухѣ, то подымаясь вверхъ, то опускаясь внизъ.

Египтяне думали, что духъ для очищенія посылается въ животныхъ растенія и человѣка (3). Нѣчто

(1) Plato, lip. 10 de Republic. p. 614. (2) Plutarch de his, qui sero a numine puniotur. (3) Ученіе о странствованіи душъ, по Геродоту (II. 123), заимствовали у Египтянъ Ферекидъ и Пиѳагорейцы.

подобное видѣлъ Еросъ, о которомъ мы говорили; онъ видѣлъ, какъ души героевъ (Улисса, Аякса и др.) переходили въ различныхъ животныхъ. Когда духъ очистится, то возносится онъ въ высшія области, въ жилище боговъ, чтобы съ ними наслаждаться блаженною жизнію, какъ думаютъ Египтяне. Теспезій видѣлъ, что блаженные поднялись вверхъ и очень радовались, а злые, низринутые въ адъ на тысячу лѣтъ, страшно рыдали (1). По словамъ Гомера (2) Геркулесъ находится между безсмертными богами.

Въ продолженіе существованія души за гробомъ вѣрили также древніе Галлы и Сѣверные народы Европы.

Такимъ образомъ повѣрья, басни и сужденія о посмертномъ состояніи за гробомъ душъ встрѣчаются у всѣхъ древнихъ народовъ, которые съ великимъ страхомъ, уваженіемъ и благоговѣніемъ относились къ этимъ душамъ. Фетишисты боялись отшедшихъ душъ, молились и приносили имъ жертвы, какъ мы это видѣли.

Гомеръ (3) обвиняетъ Ахиллеса за то, что онъ тѣло убитаго Гектора тащилъ за своею колесницею, и замѣчаетъ, что такою безчестною жестокостію онъ осквернилъ самую землю.

---

(1) Объ Еросѣ и Теспезіѣ мы будемъ говорить подробно послѣ. (2) Иліада 23. (3) Иліада. и XXIV.

Въ Римѣ и Метцѣ (1) было особенное общество жрецовъ, посвященныхъ отшедшимъ душамъ.

На души непогребенныхъ древніе народы смотрѣли, сколько извѣстно, какъ на несчастныя. Онѣ не имѣли, по ихъ мнѣнію, мѣста опредѣленнаго ни въ жилищѣ блаженныхъ, ни на ряду съ злыми.

Египтяне вѣрили (2), что души убитыхъ людей и непогребенныхъ остаются при тѣлахъ, и ни чѣмъ нельзя удалить ихъ отъ тѣла; какая-то любовь привязываетъ ихъ еще къ тѣлу, поэтому при не погребенныхъ трупахъ слышенъ бываетъ стонъ.

Древніе Греки думали, что души непогребенныхъ не имѣютъ покоя и остаются при тѣлахъ до времени ихъ погребенія, и похоронить тѣло значило, по ихъ понятію: animam condere — похоронить душу (3).

Сивилла показывала Энею на берегу Ахерона души непогребенныхъ людей, около ста лѣтъ остававшіяся безъ пристанища (4).

Поэтому-то лишеніе погребенія считалось величайшимъ безчестіемъ, котораго всѣ боялись, и которымъ наказывались величайшіе преступники, напр. самоубійцы.

(1) Grater. pag. 63. 1. Meniss. Histor. Metz, p. 15 praef. (2) Porphyr. de Abstin. 1. 2. c. 47. (3) Horat. 1. 1. Satyr. 8. (4) Haec omnis quam cernis inops inhumatique turba est. Centum errant annos volitantque haec littora circum.

Какъ образовались эти повѣрья и мнѣнія у язычниковъ мы не станемъ рѣшать. Мы укажемъ только на одну изъ многочисленныхъ причинъ, которая, по нашему предположенію, имѣла не малое вліяніе на вѣру въ явленіе умершимъ. Это, по нашему мнѣнію, тѣ явленія или привидѣнія, которыя замѣчаемы были на могилахъ только что умершихъ. Въ чемъ состояли эти явленія, мы объяснимъ ниже, а теперь скажемъ о томъ, какъ смотрѣли и что думали о явленіяхъ на могилахъ древніе народы языческіе.

Уже Фетишисты замѣчали какія-то явленія или привидѣнія на могилахъ умершихъ. Рѣшено было, что это души умершихъ являются въ видѣ привидѣній на могилахъ погребенныхъ своихъ тѣлъ. Далѣе замѣчены были эти привидѣнія въ болотахъ, пещерахъ и т. п.—и рѣшено было, что это скитаются души, потому что не знали настоящей причины этихъ явленій. Персы, какъ можно предполагать, думали, что души отшедшихъ «бросаютъ отъ себя тѣни.»

Греки думали, что души умершихъ являются на могилахъ въ видѣ тѣней. Примѣровъ подобныхъ явленій Гомеръ приводитъ очень много. Такъ онъ говоритъ (1), что душа Прокла, явившаяся Ахиллесу, имѣла голосъ, лице, глаза и одежду Прокла, но не имѣла тѣла этого героя. Когда Улиссъ, замѣчаетъ онъ далѣе, нисходилъ во адъ, онъ видѣлъ тамъ об-

(1) Иліада 23.

разъ божественнаго Геркулеса, но не самого Геркулеса. Философъ Платонъ въ своемъ разговорѣ: о «душѣ» признаетъ (1), что тѣни умершихъ являлись иногда на гробахъ своихъ тѣлъ. Виргилій говоритъ (2), что Крейза, супруга Энея, являлась ему послѣ смерти въ своемъ обыкновенномъ, хотя гораздо лучшемъ и прекраснѣйшемъ видѣ.

Греки и Римляне вѣрили даже, что души умершихъ, являясь на могилахъ своихъ прежнихъ тѣлъ, вкушали вино и медъ, которые ставили для нихъ тамъ; далѣе, что эти души имѣютъ какія-то тонкія воздушныя тѣла, имѣющія образъ тѣхъ, въ какихъ онѣ жили въ этомъ; что вмѣстѣ съ этими тѣлами онѣ сохраняютъ и прежнія отношенія къ живымъ людямъ: любятъ тѣхъ, кого и прежде любили, ненавидятъ и преслѣдуютъ людей, бывшихъ ненавистными для нихъ въ этой жизни. Такъ Дидона (3) по словамъ Виргилія, послѣ смерти, сердилась на Энея, и выразила это, когда онъ, явившись въ подземное царство Плутона, хотѣлъ заговорить съ ней.

Въ Римѣ и въ Метцѣ (4), во времена язычества, было особенное общество жрецовъ, посвященныхъ

(1) Origenes contra Celsum. p. 97. (2) Aeneid. l. 1. (3) Ibidem. l. 4

Sequar atris ignibus absens
Et cum frigida mors animae subduxerit artus.
Omnibus umbra locis adero, dabis improbe poenas.

(4) Gruter. p. 63. 1. Meuriss. hist. de Metz. p. 15 praef.

отшедшимъ душамъ, тѣнямъ и подземному міру, и находившихся подъ покровительствомъ бога Сильвана. Это показываетъ, что древніе Римляне вѣрили въ явленія отшедшихъ душъ, и желая склонить ихъ на милость, приносили имъ жертвы. Философъ Саллюстій (1) говоритъ о душахъ, которыя въ темныхъ тѣлахъ являлись на могилахъ своихъ прежнихъ тѣлъ, и старается доказать этимъ, что души умершихъ переходятъ въ другія тѣла.

Древніе Галлы и Кельты приставляли къ гробамъ своихъ знаменитыхъ мужей стражу, съ намѣреніемъ отъ умершаго услышать открытіе будущаго.

Древніе народы сѣверные вѣрили, что привидѣнія, иногда являвшіяся на могилахъ, суть души недавно умершихъ людей. Чтобы прогнать это непріятное привидѣніе, они отрубили голову трупу умершаго, трупъ протыкали копьемъ или коломъ и потомъ сожигали (2).

Всѣ древніе народы, убѣжденные, что души умершихъ являются на могилахъ своихъ прежнихъ тѣлъ, думали, что ихъ можно видѣть только въ первое время или въ теченіе перваго года послѣ погребенія

(1) Cap. 19. 20. —(2) Луканъ намекаетъ на это Pharsal 161, когда приводитъ слова волшебницы, призывавшей души недавно умершихъ, а также Berese. Hist. Rabbine, c. 22 Vid Menasse de Resurrect.

тѣла, потому что душа, въ теченіе перваго года, послѣ погребенія тѣла, то отходитъ отъ него, то снова возвращается къ нему, чтобы видѣть, что съ нимъ случилось. (1). По истеченіи этого времени души являлись только вслѣдствіе заклинаній. А теперь мы приведемъ повѣрья средневѣковыя о явленіи отшедшихъ душъ.

(1) Thomas Bartholin. lib, 2, cap. 2.

ГЛАВА XIII.

Повѣрья и суевѣрья о явленіи отшедшихъ душъ въ средніе вѣка.

Въ средніе вѣка особенно много встрѣчается разсказовъ о явленіяхъ душъ умершихъ. Признать всѣ эти разсказы ложными, мы не имѣемъ основанія, ибо возможность подобныхъ явленій допускается ученіемъ Церкви, но многіе изъ нихъ обставлены такими подробностями, что очевидно должны быть отнесены къ области вымысла.

Одному благочестивому священнику, какъ это передаетъ аббатъ Клюнійскій (1) въ одно время постоянно являлся умершій г. Витъ, его духовный сынъ, и просилъ его передать брату умершаго Анзельму, чтобы этотъ послѣдній возвратилъ крестьянину отнятаго у него вола Витомъ. Въ этомъ грѣхѣ умершій не сознался на исповѣди, и потому теперь жестоко наказывается. Сначала священникъ не могъ исполнить порученія потому, что Анзельмъ былъ въ отсутствіи. Витъ явился священнику и упрекалъ въ нерадѣніи. Священникъ наконецъ объяснилъ Анзель-

(1) Petr. Venerab. in. Bibliot. Cluniac p. 12. 28 et reliq.

му просьбу умершаго. Но Анзельмъ отказался искупать грѣхи брата. Витъ явился Анзельму и просилъ его помочь ему въ крайней нуждѣ, и Анзельмъ уплатилъ крестьянину за отнятаго Витомъ вола и просилъ благочестивыхъ молиться за умершаго. Витъ послѣ этого не являлся болѣе.

Что сказать объ этомъ разсказѣ. Этотъ разсказъ передаетъ Петръ достопочтенный, аббатъ Клюнійскій. Но вѣдь и достопочтенный, если онъ дѣйствительно таковъ, могъ легко принять ложь, сказку за истину, потому что не могъ повѣрить разсказа на дѣлѣ; далѣе, дѣйствительно ли священникъ передалъ аббату Петру дѣло вѣрно, можетъ быть священникъ самъ сочинилъ этотъ разсказъ, а Петръ повѣрилъ ему потому, что тогда принимали подобные факты или разсказы на вѣру, безъ критической оцѣнки. Было тогда много и мастеровъ создавать подобнаго рода анекдоты и передавать ихъ другимъ съ убѣжденіемъ и извѣстнаго рода доказательствами, съ тѣмъ, чтобы творцевъ этихъ сказокъ считали людьми благочестивыми, обращались къ нимъ за совѣтами, просили ихъ молитвъ о себѣ и т. п. Очень могло случиться и такого рода обстоятельство: священнику могъ жаловаться крестьянинъ на Вита; священникъ, какъ благочестивый, если вѣрить словамъ аббата, невольно задумался надъ этимъ и во снѣ увидѣлъ Вита, какъ кающагося и просящаго помощи. Священникъ передалъ сонъ Анзельму, принявъ сонный бредъ за дѣйствительное явленіе. Анзельмъ, каковъ

бы онъ ни былъ, долженъ былъ задуматься надъ судьбою брата, и, естественно, могъ во снѣ увидѣть брата, который будто явился ему съ просьбою о помощи и т. д. Осталось священнику прибавить нѣсколько словъ и фактъ, совершившійся во снѣ, получилъ характеръ реальный, серьезный такъ, что онъ оказался годнымъ для записи, какъ и сдѣлалъ аббатъ Петръ. Впрочемъ, все-таки и здѣсь предполагается малый обманъ со стороны священника. Но возможно вѣдь и такъ, что не только аббатъ, но и священникъ и Анзельмъ были обмануты ловкимъ крестьяниномъ, который придумалъ способъ отнятія вола и воспользовался имъ. Такого рода случаевъ было очень много. Иные, какъ мы выше имѣли случай замѣтить, одѣвались въ особые костюмы и пугали суевѣрныхъ. Являлись часто такіе люди вдовамъ, требовали, вмѣсто мужей, мессъ за умершихъ, или пожертвованій на какое нибудь семейство или общество и т. п. Возможно наконецъ еще одно предположеніе: аббатъ Петръ могъ придумать вполнѣ самъ эту исторію, не смотря на свою почтенность, съ благочестивою цѣлію (употребить piam fraudem, т. е. благочестивый обманъ), для назиданія вѣрныхъ, для защиты беззащитныхъ и проч. Все это возможно и находитъ свое оправданіе и подтвержденіе въ исторіи среднихъ вѣковъ.

Около 1212 года, въ городѣ Ешиналѣ, какъ говоритъ Рихерій, монахъ Зеноскій (1), въ домѣ од-

(1) Richer. Senon. in. Chronic. m.

ного гражданина Гюго-де-ла-Куръ жилъ какой-то духъ отъ праздника Рождества Христова до Іоаннова дня (24 Іюля), и давалъ всѣмъ знать о своемъ присутствіи. Слышали, какъ онъ говорилъ, и видѣли все, что онъ дѣлалъ. Духъ отличался услужливостію и никому не дѣлалъ ни малѣйшаго вреда. Такъ однажды. Гюго приказалъ слугѣ осѣдлать лошадь; вмѣсто слуги, который былъ очень занятъ, приказаніе хозяина исполнилъ духъ. Въ другой разъ Гюго купилъ къ обѣду рыбы, и духъ принесъ ее въ домъ. Однажды Гюго вздумалъ бросить себѣ кровь и приказалъ служанкѣ приготовить перевязь; духъ изорвалъ новую рубашку и предложилъ хозяину тряпку для перевязи. Служанка разъ развѣсила въ саду бѣлье для просушки; духъ собралъ бѣлье, снесъ въ верхнія комнаты и такъ искусно сложилъ его, какъ могла сложить его опытнѣйшая хозяйка. Какъ бы въ благодарность за услужливость, духъ просилъ Стефана, сына Гюго, принести въ даръ за него одинъ пфенигъ покровителю города Епиналя. Стефанъ далъ ему старый Провансальскій пфенигъ. Духъ просилъ тулузскаго хорошаго пфенига. Когда желаніе духа было исполнено, пфенигъ исчезъ. Въ слѣдующую ночь въ церкви покровителя города Епиналя слышали шумъ, какъ отъ вошедшаго человѣка.

Этотъ разсказъ, записанный въ хроникѣ монахомъ Рихеріемъ, не напечатанъ, какъ замѣчаетъ г. Кальметъ; а въ хроникахъ не печатныхъ чего чего не разсказывали, какихъ тамъ не было чудесъ, неестественныхъ явленій, повѣрій и предразсудковъ? Къ такимъ разсказамъ относится и фактъ, переданный Рихеріемъ. Прежде всего онъ переданъ безъ всякой послѣдовательности (разсказъ приведенъ въ порядокъ нами) и слишкомъ странный по содержанію. Что заставляло духа такъ долго работать изъ-за одного пфенига, который бы ему данъ былъ и безъ стольких хлопотъ? Да и почему пфенигъ нужно было принесть въ даръ покровителю Епиналя? Далѣе, какимъ образомъ духъ, какъ духъ, котораго никто не видѣлъ, могъ сѣдлать лошадей, носить рыбу, брать пфенигъ и пр.? Какъ объяснить все это? Наконецъ, чѣмъ доказать, что шумъ въ церкви произведенъ ночью духомъ, а не чѣмъ нибудь другимъ? Оказался ли пфенигъ въ церкви или нѣтъ? Вотъ вопросы, на которые не могъ бы отвѣчать удовлетворительно и составитель хроники. А подобныхъ вопросовъ можно бы предложить очень много.

Слѣдующій фактъ какъ бы служитъ объясненіемъ того, какимъ образомъ духи, какъ такіе, могутъ совершать чисто матеріальныя дѣйствія.

Въ 1306 г., въ Веронѣ умершій Гюго де-ла Тонъ (1), чрезъ восемь дней послѣ смерти говорилъ съ женою, сосѣдомъ и сосѣдкою, съ настоятелемъ Доминиканскимъ и профессоромъ Теологіи, и очень хорошо и правильно отвѣчалъ на вопросы. Онъ объ-

(1) Herman. Contract. Chronic. p. 1006.

ясилъ имъ, что находится теперь въ чистилищѣ за грѣхи, въ которыхъ не покаялся. Когда спросили его, какимъ образомъ онъ можетъ говорить, не имѣя необходимыхъ къ тому органовъ чувственныхъ? — онъ отвѣчалъ, что отшедшія души способны образовать себѣ въ воздухѣ орудія, посредствомъ которыхъ они могутъ говорить.

Мы приведемъ еще нѣсколько разсказовъ, но не станемъ опровергать каждый изъ нихъ: всѣ они похожи другъ на друга. Всѣ духи ведутъ себя, по отношенію къ живымъ, слишкомъ нелѣпо, то пугаютъ живыхъ, то оскорбляютъ ихъ, то дѣйствуютъ во вредъ ихъ и т. п. Характеръ разсказовъ сколько мрачный, столько же и странный потому самому, что фантазія и складъ мышленія передавшихъ эти разсказы мрачны, суевѣрны и странны.

«Теперь еще не знаютъ, говорится въ мемуарахъ Сюлли (1), что такое могъ быть тотъ волшебный образъ, который такъ часто и столь многимъ являлся въ лѣсу Фонтенеблскомъ: это было привидѣніе съ собачьей головой, лай котораго слышанъ былъ издали и котораго видѣли издали; но какъ только приближались, видѣніе исчезало.

Издатель этихъ мемуаровъ замѣчаетъ, что Перефиксъ упоминаетъ объ этомъ привидѣніи, и прибавляетъ, что оно поразительнымъ голосомъ произносило одно изъ этихъ трехъ словъ: m'attandez vous, или m'entendez vous, или amandez vous (т. е. выслушайте меня). Думаютъ, что это была вѣдьма. Въ дневникѣ Генриха IV также говорится объ этомъ привидѣніи и прибавлено, что оно очень безпокоило короля и дворъ. Петръ Матье нѣчто подобное передаетъ въ своей исторіи Франціи (1). Объ этомъ привидѣніи упоминаетъ и Бугаръ (2), и утверждаетъ, что это былъ великій охотникъ, убитый въ томъ лѣсу во время Франца I. Теперь уже забыли объ этомъ привидѣніи, только пролегающая въ томъ лѣсу дорога своимъ названіемъ: grand Veneuz (великій охотникъ), напоминаетъ объ этомъ странномъ явленіи.

Францисканецъ Тальйье, профессоръ теологіи въ Руанѣ (Rouen (3), въ своемъ сочиненіи: о явленіи духовъ, изданномъ въ Руанѣ въ 1600 г., упоминаетъ объ одномъ знакомомъ ему францисканцѣ Гавріилѣ, который являлся многимъ монахамъ монастыря Нескаго и просилъ уплатить одному Марсельскому купцу за одежду, которую онъ у купца взялъ и не возвратилъ денегъ. Когда спрашивали его, почему онъ, являясь, производитъ такой сильный шумъ, онъ отвѣчалъ, что не онъ производитъ этотъ шумъ, а

(1) Mem. de Sully in 4. t. I. liv. X. p. 562.—note 26. on Edition in 12. t. 3. p. 321. note 26.

(1) Tom. 2. pag. 268. (2) Bouears. Epist. ad Camerarium. (3) Tillepied. Traite de l'Apparition des Esprits. c. 14. p. 173.

нечистый духъ, который является вмѣстѣ съ нимъ и препятствуетъ ему высказывать настоящую причину его мученій.

Два каноника города Дицъ (Dies) разсказывали мнѣ, замѣчаетъ г. Кальметъ, такую исторію: спустя три мѣсяца послѣ смерти каноника того же города г. Генриха, одному изъ нихъ достался домъ умершаго. Новый владѣлецъ отправился однажды съ своимъ товарищемъ въ домъ осмотрѣть, какія нужно сдѣлать въ немъ поправки. Они вошли въ кухню и чрезъ отворенную дверь въ главной комнатѣ, очень свѣтлой, увидѣли духовную особу, съ виду совершенно похожую на умершаго священника; онъ обернулся къ нимъ и посмотрѣвъ на нихъ минуты двѣ, чрезъ названную комнату ушелъ на черную лѣстницу, которая вела къ анбару. Они тотчасъ же поспѣшили изъ дому и разсказали одному изъ товарищей случившееся. По совѣту послѣдняго снова отправились въ домъ осмотрѣть, не спрятался ли тамъ кто нибудь, осмотрѣли весь домъ, но никого не нашли.

Въ исторіи Епископа Майнскаго (1) говорится, что во время Епископа Гюго, жившаго въ 1135 г. въ домѣ городскаго старосты, Николая, слышенъ былъ духъ, который страннымъ шумомъ и стукомъ пугалъ не только жильцевъ дома, но и сосѣдей: онъ выламывалъ огромные камни изъ стѣны, такъ что

(1) Anecdot. Moll. p. g. 320. edition in fol.

весь домъ дрожалъ, переставлялъ съ мѣста на мѣсто посуду и другія кухонныя принадлежности, хотя не видно было рукъ, которыя бы все это дѣлали, зажигалъ свѣчу безъ огня. Иногда принесенное мясо онъ посыпалъ отрубями, золою или сажею, такъ что до пищи нельзя было дотронуться. Когда Амика, жена старосты, приготовила пряжу для полотна, духъ намоталъ ее вокругъ лавки, къ величайшему удивленію присутствовавшихъ.

Призванный священникъ освятилъ домъ и оградилъ всѣхъ крестомъ. Въ слѣдовавшую за этимъ первую и вторую ночь слышали женскій голосъ, который съ сильнымъ стономъ жалобно говорилъ: я пряха. Потомъ духъ, обращаясь къ старостѣ, говорилъ: «ахъ, откуда пришелъ я! Изъ какой далекой страны, чрезъ какія бури, опасности, снѣжные сугробы! какой холодъ и зной перенесъ я, чтобы достигнуть этого мѣста! и я не имѣю теперь силы причинить какой нибудь вредъ; но приготовьтесь встрѣтить цѣлый сонмъ злыхъ духовъ, которые пришли сюда съ тѣмъ, чтобы вредить вамъ. Отслужите для меня заупокойную литургію, а ты, любезная невѣстка, раздай за меня нѣсколько одеждъ бѣднымъ.»

Духу предлагали многіе вопросы о прошедшемъ и будущемъ, на которые онъ давалъ удовлетворительные отвѣты, высказывалъ мнѣнія о многихъ лицахъ. Но въ объясненія съ учеными людьми духъ

не хотѣлъ вступать; «это послѣднее обстоятельство очень замѣчательно и бросаетъ подозрѣніе на цѣлую исторію», замѣчаетъ г. Кальметъ.

Въ послѣднее время намъ сообщено одно сочиненіе, написанное Премонстратензерскимъ монахомъ, изъ аббатства Всѣхъ Святыхъ въ Шварцвальдѣ, человѣкомъ очень почтеннымъ; сочиненіе это носитъ такое названіе: Umbra Humberti, hoc est historia memorabilis de Humberti Birkii mira post mortem Apparitione, per A. Q. X.

Этотъ Гумбертъ Биркъ былъ одинъ изъ лучшихъ гражданъ города Оппенгейма и владѣтель хорошаго помѣстья—Беренбахъ, онъ умеръ въ Ноябрѣ 1620 г. за нѣсколько дней предъ праздникомъ Св. Мартина. Въ субботу, слѣдовавшую за его погребеніемъ, слышали плачъ въ домѣ, гдѣ онъ жилъ съ своею первою женою (онъ умеръ во второмъ бракѣ). Хозяинъ дома, полагая, что это его зять сказалъ: «если это ты, Гумбертъ, мой зять, ударь три раза въ стѣну.» Послышались три удара; онъ обыкновенно ударялъ по нѣскольку разъ. Иногда слышали его въ колодцѣ, откуда черпали воду, такъ что всѣ сосѣди были устрашены. Духъ не издавалъ никакого опредѣленнаго звука, но давалъ слышать себя чрезъ удары, шумъ, стоны, свистъ и просто чрезъ жалобный крикъ. Все это продолжалось безъ всякихъ вредныхъ для жителей слѣдствій около полгода, но потомъ вдругъ прекратилось. Въ скоромъ времени,

по прошествіи года, гораздо яснѣе прежняго духъ далъ себя слышать. Хозяинъ дома и одинъ изъ его слугъ спросили наконецъ, что ему нужно и чѣмъ можно помочь ему. Грубымъ и сильнымъ голосомъ духъ отвѣчалъ: «призовите въ слѣдующую субботу священника съ моими дѣтьми.» Больной священникъ не могъ придти въ назначенный день, но въ слѣдующій понедѣльникъ онъ пришелъ вмѣстѣ съ другими лицами.

Гумберта извѣстили объ этомъ и онъ очень внятно говорилъ. На вопросъ: желаетъ ли онъ, чтобы совершена была литургія, онъ потребовалъ, чтобы совершены были три. Его спросили: полезно ли будетъ для него подавать милостыню, онъ отвѣчалъ: я желалъ бы, чтобы роздано было бѣднымъ восемь мѣръ пшеницы и чтобы жена его выдала изъ остававшагося послѣ него имѣнія, которое доходило до 20-ти гульденовъ, его дѣтямъ слѣдовавшую имъ часть, чтобы неправильный раздѣлъ въ завѣщаніи былъ измѣненъ. Когда спросили его, почему онъ безпокоитъ именно этотъ домъ, а не другой, онъ отвѣчалъ, что сила заклинанія принуждаетъ его къ тому. На вопросъ священника, принималъ ли онъ Церковныя таинства, —онъ отвѣчалъ, принималъ отъ вашего предшественника. Далѣе заставили его читать: Отче нашъ и Богородица Дѣво радуйся. То и другое произносилъ онъ съ большимъ усиліемъ и говорилъ, что злой духъ препятствуетъ ему и многаго не позволяетъ открыть священнику.

Священникъ, Премонстратензерскій монахъ, возвратился 12 Января 1621 г. въ свой монастырь Всѣхъ Святыхъ и предложилъ это дѣло на обсужденіе старшихъ. Ему дали въ помощники трехъ монаховъ, и онъ снова отправился въ домъ, гдѣ Гумбертъ возобновилъ свои требованія, потому что ни одно изъ нихъ не было выполнено. Здѣсь были уже очень многіе изъ сосѣдей. Хозяинъ дома сказалъ Гумберту, чтобы онъ ударилъ три раза въ стѣну. Онъ сдѣлалъ три очень тихихъ удара. Хозяинъ снова обратился къ нему и сказалъ: «возьми камень и ударь сильнѣе.» Онъ медленно взялъ камень и ударилъ имъ три раза очень сильно. Хозяинъ сказалъ очень тихо, чтобы онъ ударилъ семь разъ; Гумбертъ исполнилъ. Священникамъ духъ выказывалъ особенное уваженіе и отвѣчалъ имъ не такъ дерзко, какъ мирянамъ; когда спросили его о причинѣ этого, онъ отвѣчалъ: «Они имѣютъ при себѣ Св. Дары.» Они намѣревались совершать литургію и Св. Дары дѣйствительно были при нихъ. На другой день совершили три литургіи, какъ требовалъ духъ, и отправились ко св. мѣстамъ, чего онъ въ послѣднемъ разговорѣ особенно желалъ, и обѣщали на слѣдующій же день раздать милостыню. Послѣ этого Гумбертъ болѣе не являлся.

ГЛАВА XIV.

Явленія духовъ, которые отпечатлѣвали свои руки на одеждѣ и на деревѣ.

Тотъ же Премонстратензерскій монахъ разсказываетъ: 9-го Сент. 1625, на мѣстѣ, называемомъ Алтеймъ, въ Діонезѣ Констанцскомъ, умеръ извѣстный Іоаннъ Штейлинъ. Чрезъ нѣсколько дней явился онъ ночью одному портному, по имени Симону Баугу, окруженный темнымъ пламенемъ и фосфорическимъ свѣтомъ. Онъ входилъ и выходилъ изъ дома, не говоря ни слова. Баугъ, котораго эта игра начинала уже безпокоить, рѣшился наконецъ спросить, что ему нужно. Случай къ этому онъ выбралъ 17 Ноября того же 1625 г. Какъ только онъ легъ въ свою постель, спустя не много послѣ одиннадцати часовъ, привидѣніе, окруженное фосфорическимъ свѣтомъ, вошло въ комнату, входило и выходило изъ нее, отворяло и закрывало окна. Портной спросилъ, что ему нужно; духъ отвѣчалъ грубымъ, прерывающимся голосомъ: «ты можешь, если только захочешь, оказать мнѣ великую услугу, но —прибавилъ духъ -обѣщай мнѣ, если ты рѣшишься выполнить свое обѣщаніе.» —«Я готовъ выполнить твою просьбу,

отвѣчалъ портной, если только это не будетъ превышать моихъ силъ.» — «Я желаю, началъ духъ, чтобы ты отслужилъ одну литургію въ капеллѣ Пресвятыя Дѣвы: при жизни моей, я обѣщалъ это, но не выполнилъ обѣта. Потомъ ты долженъ отслужить двѣ Божест. Литургіи, одну заупокойную, другую въ честь Пресвятыя Дѣвы. Я не вѣрно платилъ моимъ слугамъ, по этому желалъ бы, чтобы ты роздалъ милостыню бѣднымъ.» Симонъ обѣщалъ выполнить его желаніе. При этомъ духъ протянулъ къ нему руку, какъ бы требуя этимъ ручательства въ вѣрности обѣщанію. Но Симонъ, изъ опасенія, вмѣсто руки придвинулъ къ нему скамейку; духъ, схвативши ее, отпечатлѣлъ на ней свою руку съ пятью пальцами и ладонью, такъ что на скамейкѣ остались очень глубокіе слѣды его руки, какъ бы выжженные огнемъ.

Слѣдующая исторія тѣмъ болѣе должна казаться вѣроятною, что передаетъ ее, какъ дѣйствительно бывшую, Филиппъ Меланхтонъ, извѣстный покровитель и другъ Лютера (1). Сестра его матери, находясь въ беременномъ состояніи, овдовѣла; когда приближалось время родовъ, вошли однажды въ ея комнату двое мужчинъ, изъ которыхъ въ одномъ она узнала своего умершаго мужа, другой былъ францисканецъ. Сначала она сильно испугалась, но мужъ

(1) Tom. I. Theolog. fol. pag. 326.

началъ утѣшать ее и говорилъ, что онъ намѣренъ открыть ей нѣчто очень важное. Потомъ онъ попросилъ францисканца оставить ихъ на единѣ. Когда францисканецъ удалился, онъ, подошедши къ постели, просилъ ее отслужить нѣсколько заупокойныхъ мессъ и при этомъ подалъ ей руку, какъ бы прося ея согласія; въ страхѣ она не рѣшалась подать ему свою руку, но онъ началъ увѣрять, что ей совершенно нечего опасаться. Она наконецъ подала ему руку и, дѣйствительно, не ощущала никакой боли; но потомъ рука ея сдѣлалась совершенно черною. Послѣ этого онъ позвалъ францисканца и оба они тотчасъ исчезли.

ГЛАВА XV.

Замѣчанія о явленіяхъ душъ умершихъ людей, объ отношеніи ихъ къ живымъ.

Еще Ямвлихъ писалъ (1): явленія героевъ сопровождались мракомъ: начальники, занимавшіе въ этомъ мірѣ высокія мѣста, являлись по смерти окруженные свѣтомъ; а начальники, занимавшіе низкія должности, являлись во мракѣ. Вообще же являвшіяся души похожи были на тѣнь. Явленія героевъ приводятъ человѣка въ ужасъ; души начальниковъ, являясь живымъ, производятъ въ нихъ болѣзненное впечатлѣніе, явленія душъ обыкновенныхъ менѣе непріятны, чѣмъ явленія героевъ.

Подобнымъ образомъ разсуждали очень многіе, особенно неоплатоники. Вообще язычники думали, что души умершихъ являлись на гробахъ, или въ пещерахъ или на горахъ и т. п. Въ настоящее время, относительно очень немного такихъ, которые бы повѣрили, что Ямвлихъ и другіе язычники, такъ убѣ-

(1) Jamblic. lib. 2. cap. 3 et 4.

дительно писавшіе о явленіяхъ душъ, видѣли ихъ на самомъ дѣлѣ. Всякой мыслящій скажетъ, что это жалкое состояніе воображенія создало тѣ сказки о духахъ, которыми наполнены сочиненія неоплатониковъ.

Ужели, скажутъ, всѣ разсказы эти выдуманные, ложные, придуманные для обмана суевѣрныхъ, неразвитыхъ. Ужели они не имѣютъ никакой реальной почвы? Нѣтъ, есть сказанія истинныя. Но большая часть разсказовъ—произведенія одного воображенія; а также обманъ зрѣнія или слуха, суевѣрія и предразсудковъ; нѣкоторые изъ нихъ обманъ шарлатановъ и шалуновъ или волокитъ: нѣкоторые даже просто результатъ органическаго, или, частнѣе, желудочнаго разстройства.

Человѣку больному (болѣзнь часто незамѣтна или неизвѣстна), у котораго разстроено воображеніе, представляются такія явленія, которыхъ никто другой не можетъ видѣть. Видѣнія Лютера объясняются его болѣзненнымъ разстройствомъ, раздраженіемъ нервовъ, воображенія, иллюзіями, безсонными ночами, одиночествомъ, и т. п. Часто и очень даже кошмары и сонныя грезы принимаемы были, какъ несомнѣнно истинные, такъ были живы ощущенія мучимыхъ ими лицъ. Одинъ аптекарь изъ Оверни былъ убѣжденъ, что ему являются привидѣнія и мучатъ. Однажды ночью онъ поднялъ страшный крикъ, который разбудилъ всѣхъ въ домѣ. На вопросъ: что

съ нимъ? онъ объяснилъ, что ему явилось привидѣніе и мучило его. Это привидѣніе описано имъ до мельчайшихъ подробностей. Усердное леченіе избавило мученика отъ подобныхъ грезъ (1).

Одинъ, очень серьезный, человѣкъ воображалъ, что ночью ему является одна знакомая дама, плюетъ ему въ лице, чрезъ что дѣлаетъ его неподвижнымъ и мучитъ его до тѣхъ поръ, пока не послышатся чьи нибудь шаги, и тогда она уходитъ въ окно или въ дверь. Этотъ несчастный страдалъ кошмаромъ.

Кошмаръ иногда дѣйствуетъ эпидемически, повально. Въ подтвержденіе его мы могли бы привесть очень много примѣровъ. Мы приведемъ одинъ изъ нихъ. Первый батальонъ латуръ-доверпскаго полка, въ которомъ докторъ Парапъ, (2) оставившій намъ этотъ разсказъ, былъ батальоннымъ врачемъ, послѣ суточнаго перехода остановился на ночлегъ въ развалинахъ древняго аббатства, въ которомъ, какъ носилась молва, обиталъ домовой. Солдаты съ вечера смѣялись надъ предостереженіями крестьянъ сосѣдней деревни и легли спать подъ полуразрушившимися сводами. Но каково же было общее удивленіе и ужасъ, когда въ самую глубокую полночь болѣе сотни солдатъ, выбѣжавшихъ на дворъ изъ подъ развалинъ, увѣрили, что видѣли домоваго, ко-

(1) Shoencklins, obs. 253.— (2) Jason. De morbis cerebri, XXVI.

торый бѣгалъ по нимъ въ видѣ черной собаки. Ничто не могло разубѣдить ихъ, что это грезы, настроенное съ вечера воображеніе, солдаты стояли на своемъ. Въ слѣдующую ночь всѣ офицеры расположились дежурить во время ночи, чтобы убѣдить солдатъ въ ихъ ошибкѣ; вчерашняя однакожъ сцена повторилась; всѣ ветераны видѣли въ одно и тоже мгновеніе домоваго въ видѣ черной собаки, тогда какъ офицеры ничего не видѣли и никакая собака не забѣгала въ временную казарму. Споръ солдатъ, рѣшившихся лучше ночевать подъ открытымъ небомъ, съ офицерами, увѣрявшими, что никакой собаки и никакого домоваго не было, кончился тѣмъ, что на третій день батальонъ оставилъ старое аббатство, и ничего подобнаго никогда не повторялось (1).

Положимъ солдаты съ вечера смѣялись надъ предостереженіями крестьянъ; но это нисколько имъ не мѣшало настроить свое воображеніе, съ дѣтства еще зараженное суевѣріями такъ, чтобы увидѣть ночью привидѣніе. Что же касается до того, что они увидѣли привидѣніе въ видѣ черной собаки, то, во первыхъ въ то время большая часть думали, что домовые являются въ видѣ черной собаки; во вторыхъ, очень можетъ быть, что крестьяне, предостерегая солдатъ, сказали, что здѣсь домовой является въ видѣ черной собаки. Въ первую ночь крикъ нѣсколькихъ

(1) Grand dictionnaire des sciences medicales, XXXIV.

болѣе суевѣрныхъ и слабонервныхъ разбудилъ другихъ, которые въ испугѣ повыскочили, сами незнаю, можетъ быть, почему, и приняли на вѣру разсказъ о домовомъ, съ испугу, со сна не опомнившись. Что въ слѣдующую ночь многіе увидѣли привидѣніе въ одно и тоже мгновеніе, то тутъ нѣтъ ничего страннаго, если только вѣрно, что они увидѣли въ одно и тоже мгновеніе; солдаты, цѣлый день трактуя объ этомъ, до того всѣ настроились, что ночью малѣйшій шорохъ или визгъ взволновалъ всѣхъ, у которыхъ было сильно возбуждено воображеніе предшествующими событіями дня и ночи. Напротивъ тѣ, кто поразвитѣе, у кого воображеніе не было омрачено суевѣріями, тѣ, говорилъ, ничего не видѣли; офицеры вѣдь и нѣкоторые изъ солдатъ, что поумнѣе, не видѣли никакого привидѣнія.

Изъ этого видно, какъ сильно можетъ разстроивать человѣка одно воображеніе, кошмаръ, ночныя грезы; но еще сильнѣе его видѣнія, еще страшнѣе явленія, если кромѣ воображенія принимаютъ дѣятельное участіе и другіе воспріемники впечатлѣній: глазъ и ухо. Въ такомъ случаѣ созданный воображеніемъ призракъ получаетъ какой-то особенный реальный характеръ. Въ несомнѣнную истинность его реальности вѣрятъ какъ создавшіе его, такъ воспринявшіе его. Сюда относится привидѣніе въ лѣсу фонтенеблскомъ и видѣніе двухъ капоциковъ, разсказывавшихъ объ этомъ самому г. Каннету.

Обманы чувствъ, вызванные ненормальнымъ со-

стояніемъ воображенія, суевѣрно настроеннаго, возбужденнаго испутомъ, часто получали чисто реальный характеръ; они считались дѣйствительнымъ явленіемъ отшедшихъ душъ. Когда былъ еще въ училищѣ я, между моими товарищами и высшими и низшими по классамъ учениками было до невѣроятныхъ размѣровъ развито суевѣріе и предразсудки. Вкорененое съ дѣтства суевѣріе въ училищѣ не уменьшалось, а усиливалось. Собранные съ различныхъ концовъ губерніи, мы передавали другъ другу въ часы досуга самыя разнообразныя сказки про домовыхъ и лѣшихъ, о посѣщеніяхъ мертвыми живыхъ и т. п. Самое зданіе, въ которомъ насъ помѣстили, построенное іезуитами, которыхъ мы считали едва ли не ближайшими сообщниками и друзьями нечистыхъ силъ, очень долго необитаемое угрюмое снаружи и мрачное внутри, наводило на насъ какой-то паническій страхъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ. Сильный вѣтеръ по ночамъ, свистѣвшій сквозь разбитыя окна, производилъ въ коридорахъ сильный шумъ, который мы считали произведеніемъ нечистой силы, путешествовавшей по огромнымъ коридорамъ. Объ умиравшихъ товарищахъ мы думали, что они по ночамъ являются въ спальни и безпокоятъ насъ. Одинъ изъ такихъ фактовъ мы разскажемъ и объяснимъ. Одинъ изъ моихъ товарищей, считавшійся довольно состоятельнымъ между бѣдными оборвышами, скончался нечаянно, три дня пролежалъ въ назначенной для умершихъ комнатѣ съ свѣжимъ, румянымъ лицемъ и потомъ съ

такимъ же лицемъ похоронен. Мы тогда же рѣшили, что дѣло сдѣлало не ладно, но тѣмъ и кончили, что пожалѣли о товарищѣ, не ожидая ничего особеннаго. Наше однакожъ ожиданіе не оправдалось. Ночью нѣсколько человѣкъ услышали тяжелые вздохи и стонъ подлѣ той кровати, на которой за нѣсколько дней спалъ погребенный уже товарищъ; потомъ замѣтили въ темнотѣ облокотившагося на кровать мертвеца, который стоналъ и рылся въ сундукѣ. Одинъ смѣлчакъ, ободряемый въ тихомолку другими, прочиталъ: Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази и т. д., и мертвецъ умчался сквозь окно, рамы котораго сильно задрожали. Утромъ, видѣвшіе мертвеца ночью, разсказали невидѣвшимъ, и молва о посѣтителѣ мертвецѣ разнеслась по всему училищу, тѣмъ болѣе, что въ подтвержденіе разсказа одинъ изъ спавшихъ у дверей сказалъ, что мертвецъ, вошедшій въ спальню, хотѣлъ было стащить съ него шубу. Спавшій и пробужденный продѣлками мертвеца ученикъ послалъ мертвеца къ чорту, предполагая, что имѣетъ дѣло съ живымъ (съ этого ученика нѣкоторые стаскивали шубу, отправляясь зачѣмъ нибудь ночью изъ спальни, конечно зимой); мертвецъ, не вступая въ объясненія съ противникомъ, стащилъ шубу и бросилъ на полъ; ученикъ ударилъ мертвеца въ грудь, отъ чего послѣдній застоналъ.

Этотъ фактъ нѣсколько похожъ на разсказъ о Гумбертѣ и о духѣ, исторія котораго записана въ біографіи Епископа Майнскаго. Въ чемъ же дѣло?

Ужели дѣйствительно мертвецъ посѣщалъ спальню съ тѣмъ, чтобы хоть посмотрѣть, да пожалѣть о своемъ имуществѣ, которое, по обыкновенію, назначалось въ экономскую кладовую?

Чрезъ годъ дѣло объяснилось. Дѣло было такъ: Одинъ изъ учениковъ хотѣлъ взять шубу, какъ единственную въ цѣлой спальнѣ, и отправиться за своею надобностію. Здоровый ученикъ, спавшій у двери, такъ сильно толкнулъ тащившаго шубу въ грудь, что тотъ отъ удара палъ на рядомъ стоявшую постель, принадлежавшую за четыре до этого дня умершему, и отъ боли застоналъ и разбудилъ этимъ нѣкоторыхъ учениковъ, которые спросонья вообразили, что видятъ мертвеца. Павшій на постель вовсе не шарилъ въ сундукѣ, а только нѣсколько разъ толкнулъ нечаянно сундукъ, желая подняться съ постели мертвеца и лечь на свою, которая съ постелью мертвеца образовала уголъ. Улегшись въ постель онъ услышалъ звуки: пришелъ покойникъ. Испугавшись покойника онъ началъ закутываться въ одѣяло, одинъ конецъ котораго вовсе не повиновался, потому что задѣтъ былъ за ножку кровати покойника, которую онъ нѣсколько приподнялъ во время паденія и во время возни случайно всунулъ подъ ножку конецъ одѣяла, сброшеннаго на полъ еще въ то время, какъ онъ подымался съ своей постели, онъ вообразилъ, что одѣяло держитъ мертвецъ. И потому естественно, ученикъ этотъ подтвердилъ разсказъ другихъ тѣмъ, что самъ слышалъ стоны, и что мертвецъ

тащилъ съ него одѣяло; можетъ быть онъ и догадывался, что его стоны приняты за стоны мертвеца; но ему не хотѣлось говорить потому, что былъ въ ссорѣ съ ученикомъ, у котораго хотѣлъ стащить шубу. Все же убѣжденъ былъ, что мертвецъ приходилъ. Рамы, окна задрожали отъ прилившихъ волнъ вѣтра, сильно бушевавшаго потому, что рамы были ветхи и неплотно запирались.

Такимъ образомъ суевѣрные, неразвитые часто принимаютъ самыя обыкновенныя вещи за дѣйствія мертвецовъ.

Нѣкоторые по злобѣ или просто изъ шалости надѣваютъ черныя или бѣлыя покрывала, чтобы пугать другихъ, показываются на могилахъ, улицахъ, или въ домахъ и производятъ шумъ и стукъ и т. п., а суевѣрные воображаютъ, что это души умершихъ безпокоятъ живыхъ. Иногда такими душами считаются воры или любовники, которые прикрываются такимъ образомъ. Оставшимся вдовамъ или наслѣдникамъ являются иногда умершіе ихъ отцы или мужья и требуютъ измѣненія завѣщанія, большею частію впрочемъ въ пользу духовидцевъ.

Подобныхъ фактовъ было очень и очень много. Мы приведемъ одинъ фактъ такого рода, намъ хорошо извѣстный. Этотъ фактъ будетъ продолженіемъ разсказаннаго нами факта выше изъ училищной жизни.

Когда узнали ученики, что мертвецъ посѣщалъ одну изъ спаленъ, то по крайней мѣрѣ очень многіе рѣшали, что онъ посѣтитъ непремѣнно и другія. Почему они думали, что онъ посѣтитъ, понятно только имъ однимъ. Какъ бы то ни было, ученики двухъ ближайшихъ спаленъ не на шутку струсили и ученики одной изъ этихъ спаленъ рѣшили изыскать средства, которыя бы воспрепятствовали мертвецу посѣтить спальню. Положено было на миттингѣ, изъ 15-ти человѣкъ составившемся, читать вызвавшимся смѣльчакамъ, по крайней мѣрѣ до заутрени, Евангеліе и Житія святыхъ. Рѣшеніе исполнено и мертвецъ не осмѣлился посѣтить спальни. Другая спальня была несчастливѣе потому, что ученики, спавшіе въ ней, не думали предпринимать никакихъ средствъ и всѣ спокойно уснули; только два изъ всѣхъ, не смотря на всѣ старанія, не могли уснуть; ихъ мучила какая-то тоска. Днемъ они всѣ школьныя тонкости истощили для того, чтобы доказать, что мертвецъ посѣтитъ не ихъ спальню. Тоска, мучившая ихъ, предвѣщала недоброе. Въ глубокую полночь распахнулась настежъ дверь спальни, въ которую быстро вошла высокая фигура, покрытая бѣлымъ, какъ снѣгъ, саваномъ и прямо направилась къ кроватямъ неспавшихъ. Одинъ изъ нихъ похрабрѣе спрятался подъ кровать; другой такъ испугался, что остался неподвижнымъ; казалось, кровь замерла въ его жилахъ. Къ нему-то фигура и приблизилась, и, положивъ два пальца на открытый его лобъ, держала ихъ около получасу, и потомъ съ шумомъ удалилась. Паціентъ отъ испуга опасно заболѣлъ. Отъ паль-

цевъ на лбу остались два глубокіе слѣда — два черныя пятна. Несчастный, заболѣвшій отъ испуга, на другой день отправился въ больницу и пролежалъ въ ней около пяти мѣсяцевъ. Здоровье его поколебалось сильнѣе. Чрезъ годъ узнали мы, что онъ отправился ad patres. Чрезъ годъ же мы узнали, что являвшаяся фигура вовсе не былъ мертвецъ, а одинъ изъ учениковъ той спальни, въ которой читали Евангеліе. Долго думалъ онъ о томъ, какъ бы испугать спорившихъ съ нимъ, что мертвецъ не посѣтитъ ихъ спальни, и наконецъ, взявъ чистую простыню подъ полу такъ, чтобы другіе не замѣтили, вышелъ изъ спальни, направился къ сосѣдней спальнѣ, набросилъ на себя простыню, толкнулъ въ дверь, которая не запиралась, за неимѣніемъ ключа, вошелъ въ спальню, прямо направился къ хорошо извѣстнымъ ему кроватямъ и положилъ пальцы на открытый лобъ и т. д., какъ мы передали. Читатель можетъ спросить: если въ училищѣ господствовали предразсудки и суевѣріе, то что это за смѣльчакъ, который рѣшился разыграть роль духа? Прежде всего замѣтимъ, что въ училищѣ не были всѣ одинаково суевѣрны. Нѣкоторые просто не сознавали того, какой опасности они могутъ подвергнуться, исполняя эту роль, при всемъ убѣжденіи, что мертвецы посѣщаютъ живыхъ. Болѣе развитые, вѣрившіе въ явленія духовъ, не рискнули бы на тотъ фокусъ, который мы разсказали, изъ опасности преслѣдованія со стороны мертвеца, который или въ корридорѣ или въ спальнѣ на мѣстѣ преступленія, могъ отмстить шалуну. Но такіе

шалуны, какъ указанный нами, всегда, или большею частію, разсуждаютъ о поступкѣ послѣ поступка; тутъ только они осмысливаютъ всю его опасность, безразсудность и т. п. По крайней мѣрѣ такъ разсуждалъ ученикъ, совершившій фокусъ. Будучи уволенъ изъ училища, онъ сознался нѣкоторымъ, что онъ былъ отчасти виновникомъ трагически кончившейся исторіи. «Я просто хотѣлъ только напугать ихъ, сказалъ онъ, и особенно спрятавшагося подъ кроватью; но если бы я началъ тащить его изъ-подъ кровати, то онъ узналъ бы меня; и потому я рѣшился испугать хоть того, который оставался на кровати. Утромъ я думалъ разсказать всѣмъ о своей продѣлкѣ; но узнавъ, что Мигаевъ опасно заболѣлъ, испуганный ночью мертвецомъ, доказательствомъ посѣщенія котораго служили глубокіе слѣды отъ пальцевъ, я боялся говорить объ этомъ кому бы то ни было потому, что мнѣ этого не простили бы». А если бы въ это время явился мертвецъ и началъ душить, сказали ему, я закричалъ бы и меня спасли бы: да, я объ этомъ тогда и не думалъ».

Нѣкоторые, которымъ онъ передалъ этотъ фактъ, пересказали другимъ нѣкоторымъ и т. д. Словомъ, чрезъ два, три дня всѣ ученики узнали о продѣлкѣ, посмѣялись, поразсказали многое о такихъ продѣлкахъ въ деревняхъ. Тутъ же мы узнали и виновника исторіи въ первую ночь явленія мертвеца, стонавшаго, и тѣмъ кончилось дѣло.

Только что разсказанный фактъ имѣетъ много

сходства съ разсказами о духахъ, отпечатлѣвающихъ свои руки на тѣлѣ. И если подобные разсказы не суевѣріе, не сказки, не произведенія празднаго воображенія, то всѣ они похожи на приведенный нами фактъ изъ училищной жизни, и мы бы безъ труда объяснили ихъ, если бы намъ болѣе извѣстны были подробности разсказовъ. Въ подобныхъ случаяхъ очень необходимы подробности разсказа. Черныя, или вѣрнѣе, синія, багровыя пятна весьма возможны отъ прилива и остановки крови и отъ испуга, подобно тому, какъ отъ сильнаго удара являются на тѣлѣ багровыя или черныя пятна. Разсказы о духахъ, отпечатлѣвшихъ руки на деревѣ — пустая выдумка потому, что въ то время, къ которому относятся эти разсказы, еще не знали искусства и составовъ, посредствомъ которыхъ можно производить отпечатки на деревѣ.

Кромѣ указанныхъ причинъ, вызвавшихъ вѣру въ явленія духовъ, есть еще другія болѣе частныя, зависящія отъ индивидуальнаго состоянія даннаго лица. Указанныя нами выше причины могутъ быть названы общими; онѣ могутъ вызывать вѣру въ явленія духовъ не у одного только, но у многихъ. Воспитанное въ суевѣріи воображеніе и возбужденное какимъ нибудь внѣшнимъ впечатлѣніемъ представляетъ такія явленія, рисуетъ такіе предметы, которыхъ въ дѣйствительности никогда не было. Но воспитанныхъ въ суевѣріи, въ предразсудкахъ, необразованныхъ, не развитыхъ очень много и потому очень естественно

вѣра въ явленія духовъ развивается повально, если можно такъ выразиться, эпидемически, если изъ такихъ суевѣровъ необразованныхъ составлено общество.

Въ училищѣ, обществѣ суевѣрныхъ мальчиковъ, вѣра въ явленія духовъ была очень развита и распространялась эпидемически. Точно также и въ средніе вѣка суевѣрные, зараженные предразсудками, вѣра въ явленія духовъ развивалась эпидемически и часто подтверждалась фактами. Какой нибудь шумъ, стукъ, шорохъ, призракъ и т. п., производимые естественными причинами, считались признаками присутствія духа потому, что вѣрившіе въ явленія духовъ не знали да и не могли изслѣдовать причинъ такъ называемыхъ явленій духовъ. Послѣ этого не основательно предлагать такой вопросъ: какимъ же образомъ можно объяснить то, что въ средніе вѣка явилась страсть видѣть вездѣ явленія духовъ? Это объясняются тѣмъ, что тогда всѣ были заражены суевѣріемъ, предразсудками и повѣрьями, которые, съ теченіемъ времени, съ развитіемъ, уменьшились и почти совсѣмъ исчезли.

Другія причины суевѣрной наклонности все объяснять явленіями духовъ находились въ состояніи личности. Въ этомъ случаѣ органическое разстройство вообще и частнѣе желудочное развиваютъ вѣру въ явленія духовъ, привидѣній и т. п.

Одинъ отставной офицеръ вскакивалъ по ночамъ и

кричалъ какъ безумный, увѣряя, когда его спрашивали что съ нимъ, что четыре человѣка, которыхъ онъ узналъ въ лицо и называлъ по имени, влѣзли въ окно и хотѣли его убить, но что онъ защищался отчаянно, и убійцы, услышавъ шаги бѣжавшихъ къ нему на помощь, скрылись въ окно. Лица, обвиняемыя имъ въ покушеніи на его жизнь, находились за сотни верстъ; притомъ же одинъ изъ нихъ давно умеръ, другой лежалъ въ параличѣ. Эта исторія повторялась каждую ночь. Когда изслѣдовали дѣло, то причиною такихъ видѣній былъ задержанный геморой.

Башко въ 1606 г., въ Кенигсбергѣ, человѣкъ очень умный и образованный, страдалъ отъ различныхъ призраковъ; то чудовище съ савиною головою открывало занавѣсы его постели, то змѣи обвивались вокругъ его, когда онъ сидѣлъ за бумагами, то петръ являлся въ его кабинетѣ и тому подобное.

Такихъ примѣровъ можно указать очень много. Медицина объясняетъ ихъ органическимъ разстройствомъ, и часто съ успѣхомъ излечиваетъ несчастныхъ, подверженныхъ этимъ органическимъ разстройствамъ.

Одной госпожѣ N.. въ теченіе двухъ (1830—1831 г.) лѣтъ являлось до десяти привидѣній: то являлся ей мужъ ея, который ушелъ гулять на два часа, то она видитъ родственника, который въ это время на цѣлыя тысячи верстъ отъ нея, то слышитъ дыханія рядомъ будто лежащаго съ ней мужа, тогда какъ онъ

въ это время въ гостяхъ на вечерѣ и т. п. Однажды этой госпожѣ послышался стукъ колесъ. Она пошла къ окошку и увидѣла въѣзжающую на дворъ карету, начала приготовляться къ принятію гостей, потомъ рѣшилась полюбопытствовать, кто пріѣхалъ. Но каковъ же ея былъ ужасъ, когда она увидѣла, что какъ кучеръ, такъ особы, сидѣвшіе въ каретѣ, стоявшей у самаго окна, были скелеты, одѣтые въ нарядное платье. Окаменѣвъ отъ ужаса, она пробыла въ этомъ состояніи нѣсколько минутъ, пока не явился мужъ, при входѣ котораго она вскрикнула и указала на окно, но въ это время ни кареты, ни скелетовъ уже не было.

Какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ г-жа N... за нѣсколько часовъ до явленія привидѣнія, чувствовала въ глазахъ какое-то особенное ощущеніе, достигающее высшаго развитія во время явленія привидѣнія и вмѣстѣ съ нимъ исчезающее.

Изслѣдованіе доктора показало, что всѣ эти привидѣнія ни что иное, какъ произведенія разстройства воображенія, причиненнаго желудочной болѣзнію, незамѣченною прежде. Если такое разстройство зависитъ отъ принятія ядовитаго вещества, то оно сильно отражается на сѣтчатой плевѣ, и процессъ зрѣнія значительно видоизмѣняется. Въ самомъ дѣлѣ, принявшіе внутрь дурманъ, бѣлену, какъ помѣшанные, принимали собственныя произведенія разстроен-

наго воображенія за дѣйствительныя, реальныя явленія или считали данный предметъ не тѣмъ, что онъ есть на самомъ дѣлѣ, лошадей считали людьми; домъ огородомъ и т. п.

Какъ бы то нибыло, всѣ приведенные нами разсказы основываются на указанныхъ нами причинахъ. Эти такъ называемыя видѣнія духовъ и душъ отшедшихъ людей могутъ быть подведены подъ слѣдующія категоріи: 1) видѣнія воспроизводимыя памятью, нарисованныя воображеніемъ и переданныя отъ мозга сѣтчатой плевѣ глаза посредствомъ нервнаго волокна, которое въ это время не можетъ воспринимать дѣйствительныхъ предметовъ внѣшняго міра. Напр. представленіе человѣка, котораго когда нибудь видѣли; 2) видѣнія, какъ чисто созданныя воображеніемъ и переданныя отъ мозга глазу. Напр. созданный воображеніемъ духъ съ извѣстными свойствами, въ извѣстномъ видѣ. Это созданіе воображенія, переданное сѣтчатой плевѣ глаза, представляется какъ бы дѣйствительно существующимъ, закрывающимъ дѣйствительные предметы потому, что нервное волокно, занятое образомъ воображаемаго существа, не можетъ воспринимать и передавать мозгу дѣйствительныхъ предметовъ; 3) видѣнія, зависящія отъ разстройства органическаго или частнѣе желудочнаго. Извѣстно, что три главныя системы организма: нервная, мускульная и желудочная тѣсно связаны между собою; нормальная и совокупная ихъ дѣятельность предполагаетъ здоровье въ организмѣ,

ненормальная предполагаетъ болѣзнь. Даже въ здоровомъ организмѣ усиленіе одной изъ этихъ системъ влечетъ за собою разстройство или, правильнѣе, ослабленіе другихъ. Въ большинствѣ случаевъ, цатлетовъ желудокъ тощій и умъ недалекій, у обжоръ - мускулы, не смотря на свою массивность, и умственныя способности—слабы и вялы; у людей ученыхъ—желудокъ и мускулы истощены и слабы. Но еще яснѣе сказывается это усиленіе въ разстроенномъ организмѣ. У кого сильно разстроенъ желудокъ, у кого желудочная система сильно ослабѣла, такъ что почти отказывается отъ дѣятельности, желудокъ истощенъ, тому иногда представляются самыя дикія картины, явленія, видѣнія отъ того, что у него напряженно дѣйствуетъ нервная или мозговая система и отъ напряженной, усиленной насчетъ другихъ системъ, разстроивается, лишается нормальной дѣятельности и воспроизводитъ дикія явленія или видѣнія, потерявъ нормальное отношеніе къ дѣйствительному міру чрезъ разстройство воспріемниковъ—нервныхъ волоконъ и т. п. Это нужно сказать о голодныхъ, неупотреблявшихъ вовсе пищи въ теченіе нѣсколькихъ дней. Чѣмъ слабѣе разстройство желудка, тѣмъ менѣе ненормальная напряженность мозга. Этимъ объясняются всѣ такъ называемыя видѣнія, зависящія отъ разстройства организма и желудка; 4) видѣнія, зависящія отъ обмана чувствъ. Недостаточно разсмотрѣнный или нехорошо разслушанный предметъ или звукъ принимаются совсѣмъ за другіе. Обманъ чувствъ зави-

ситъ или отъ слабости, поврежденія, разстройства чувствъ или даже отъ предзанятой мысли, подавляющей нормальную дѣятельность и воспріятіе чувствъ, или просто отъ условій, окружающихъ наблюдателя и предметъ наблюдаемый, и наконецъ отъ неразвитости наблюдателя.

Съ этой категоріей имѣютъ связь всѣ представленія древнихъ о явленіяхъ тѣней на гробахъ умершихъ людей. Въ чемъ состояли эти явленія, о которыхъ часто говорили древніе? Мы приведемъ мнѣнія ученыхъ объ этомъ. Давидъ Вандербегъ утверждаетъ, что кровь и соки животныхъ заключаютъ въ себѣ, такъ сказать, въ возможности ихъ образа, и приводитъ опытъ г. Борелли, который увѣряетъ, что теплая человѣческая кровь наполнена этимъ жизненнымъ сѣрнымъ веществомъ. При этомъ онъ говоритъ, что если кровь, пролитая на церковномъ дворѣ или на полѣ сраженія, будетъ приведена жаромъ въ движеніе, то изъ нея могутъ образоваться образы умершихъ лицъ, которые видны ночью и даже днемъ, когда нѣтъ слишкомъ сильнаго свѣта, непозволяющаго видѣть звѣзды.

Это замѣчаніе напоминаетъ о разсказѣ, помѣщенномъ въ сочиненіи подъ заглавіемъ. Archiv f ur den thierischen Magnetismus. Этотъ разсказъ переданъ сыномъ зятя извѣстнаго баснописца Пфеффеля, г. Ерманомъ изъ Страсбурга. Духовидѣцъ, о которомъ идетъ дѣло, былъ восемнадцатилѣтній кандидатъ

Богословія, нѣкто Биллингъ. Онъ былъ въ высшей степени чувствительный человѣкъ, такъ, что никогда не могъ проходить спокойно вблизи человѣческаго трупа: какой-то ужасъ обнималъ его, и онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Пфеффель, который, какъ извѣстно, былъ слѣпъ, пригласилъ однажды молодаго человѣка идти вмѣстѣ съ нимъ въ садъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Поэтъ замѣчалъ, что въ одномъ мѣстѣ рука молодаго человѣка, которую онъ держалъ въ своей, задрожала будто отъ электрическаго удара. На вопросъ Пфеффеля, что съ нимъ? Биллингъ отвѣчалъ: «ничего.» Но всякій разъ, какъ только они приходили на то мѣсто, дрожаніе повторялось. Пфеффель принудилъ наконецъ его объяснить ему причину этого страха, и молодой человѣкъ отвѣчалъ, что какое-то особенное тревожное чувство наполняетъ его, какъ только онъ бываетъ вблизи трупа, и что, вѣроятно, на этомъ мѣстѣ похоронено человѣческое тѣло. Въ этотъ же день вечеромъ Пфеффель снова отправился съ Биллингомъ въ садъ, и дѣло объяснилось. Было уже темно. Всякій разъ, какъ только они, прохаживаясь по саду, подходили къ тому мѣсту, Биллингъ видѣлъ тамъ слабый свѣтъ и никакъ не осмѣливался подойти близко. Онъ видѣлъ на томъ мѣстѣ прозрачную женскую фигуру, которая стояла на воздухѣ на дюймъ отъ земли. По его описанію, эта женская фигура ростомъ была около пяти футовъ, правая рука у ней лежала на груди, лѣвая же просто висѣла. Когда Пфеффель подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ видна была эта фи-

гура, Биллингъ, указывая ему положеніе фигуры, говорилъ то вправо, то влѣво, то сзади. Пфеффель началъ палкою бить по воздуху, и при этомъ Биллингу казалось, будто палка проходила сквозь явившійся свѣтлый образъ, и разсѣкала свѣтъ, который потомъ снова соединялся. Въ слѣдующій вечеръ, когда тутъ были многіе родственники Пфеффеля, явилась та же самая фигура, но никто ничего не видѣлъ, кромѣ Биллинга. Чрезъ нѣсколько дней Пфеффель велѣлъ взрыть землю, и довольно глубоко подъ слоемъ извести нашли человѣческій остовъ, который вынули и яму тщательно зарыли землею. Биллингу ничего объ этомъ не говорили. Спустя три дня Пфеффель, въ сопровожденіи Биллинга, отправился снова въ садъ; но молодой человѣкъ проходилъ теперь мимо того мѣста безъ всякаго особеннаго ощущенія.

Только въ новѣйшее время нашли объясненіе этого таинственнаго явленія. Открытія барона Фонъ-Рейхенбаха даютъ для этого достаточныя основанія. Между открытіями г. Фонъ-Рейхенбаха важенъ въ этомъ отношеніи тотъ фактъ, что люди очень нервичные могутъ видѣть силу ода—испаренія въ видѣ слабаго свѣта, носящіяся въ воздухѣ. Эти люди въ темнотѣ видятъ выходящій свѣтъ изъ полюсовъ магнита и кристалла. Рейхенбахъ находитъ, что сила ода вездѣ распространена, хотя источники ея различны. Между причинами, отъ которыхъ она возбуждается, важную роль играетъ химическое разложеніе. Рейхенбахъ, встрѣтивши случайно упомянутый нами разсказъ Пфеффеля, предполагалъ, что видѣнный Биллингомъ свѣтъ, былъ свѣтъ ода. Желая повѣрить свое преположеніе, онъ отправился однажды съ одною нервичною дѣвицею Рейхель на кладбище въ Вѣнѣ, гдѣ ежедневно погребали множество умершихъ,—могилъ были тысячи. Результатъ вполнѣ оправдалъ предположенія Рейхенбаха. Дѣвица Рейхель, куда ни смотрѣла, вездѣ видѣла массы пламени. Особенно много такихъ огней видѣла она на новыхъ могилахъ; на очень давнихъ ничего не было видно. Огонь это не былъ жаркимъ пламенемъ, но что-то среднее между дымомъ или густымъ туманомъ и пламенемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пламя это поднималось до четырехъ футовъ надъ землею. Когда дѣвица Рейхель протягивала свои руки къ тому мѣсту, гдѣ видѣнъ былъ свѣтъ, казалось, что руки ея были въ какихъ-то огненныхъ облакахъ; когда же становилась на то мѣсто, пламя обхватывало ее до шеи. Явленія эти нисколько не безпокоили ее, потому что и прежде она имѣла подобные опыты.

Такимъ образомъ, такъ называемыя тѣни суть испаренія отъ труповъ, и если дикіе народы думали, что души отшедшихъ странствуютъ въ болотахъ, лѣсахъ, на горахъ и тому п., то въ этомъ нѣтъ ничего страннаго потому, что труповъ всякой падали вездѣ очень много, особенно въ болотахъ. Эта вѣра въ тѣни встрѣчается и у Грековъ и другихъ народовъ потому, что и въ Греціи и въ другихъ стра-

пахъ видны были на могилахъ испаренія. По мнѣнію фетишистовъ, души умершихъ особенно являются тѣмъ, которые боятся и думать объ умершихъ. Очевидно, что это нервичные люди, похожіе на Биллинга и дѣвицу Рейхель, на которыхъ раздражительно дѣйствуютъ испаренія труповъ. Неразвитые же суевѣрные, не зная въ чемъ дѣло, предполагаютъ, что это тѣни или души умершихъ людей являются на могилахъ.

ГЛАВА XVI.

Традиціи язычниковъ и народныя повѣрья о загробной жизни. Видѣнія.

Съ языческими мнѣніями и народными повѣрьями о душахъ людей умершихъ и ихъ явленіяхъ стоятъ въ близкой связи всѣ разсказы о состояніи людей за гробовой доской, которые передаются оживщими и какъ бы пришедшими съ другаго міра.

Ожившіе язычники и нѣкоторые изъ христіанъ подробно разсказывали, что видѣли и слышали за гробомъ.

Еросъ изъ Памфиліи (1), раненый въ сраженіи, чрезъ 10 дней скончался и принесенъ мертвый въ домъ. Чрезъ 2 дня хотѣли положить его на костеръ и сжечь, какъ вдругъ онъ ожилъ и разсказалъ, какъ судятъ людей послѣ смерти: «добрыхъ награждаютъ, а злыхъ осуждаютъ. Онъ сказалъ потомъ, что душа его, отдѣлившись отъ тѣла, находилась въ обществѣ многихъ другихъ въ хорошемъ мѣстѣ, похожемъ на домъ, въ которомъ были двѣ двери;

(1) Plato. lib. 10. de Republ. p. 614.

въ одну изъ нихъ входили пришедшіе съ земли, другая вела на небо. Онъ видѣлъ здѣсь двухъ судей, которые оцѣнивали всѣ дѣла пришедшихъ съ этого міра, и добрыхъ посылали на право вверхъ, а грѣшниковъ—на лѣво внизъ; каждый на спинѣ носилъ надпись, изъ которой видно было, что хорошаго или дурнаго сдѣлалъ онъ. Слѣдовательно видна была причина осужденія или оправданія.

Когда очередь дошла до Ероса, судьи сказали, что онъ долженъ возвратиться на землю и разсказать людямъ, что дѣлается въ другомъ мірѣ, и потому онъ долженъ замѣтить все это хорошо, чтобы вѣрно передать дѣло живымъ. Онъ былъ очевидцемъ несчастнаго состоянія злыхъ, которое должно продолжаться 1000 лѣтъ, и радостнаго состоянія добрыхъ. Онъ говорилъ, что добрые и злые за свои добрыя или худыя дѣла получили награду и подвергались наказанію, которыя превышали въ 10 разъ мѣру добродѣтелей или грѣховъ.

Онъ слышалъ, между прочимъ, какъ на вопросъ судеи: «гдѣ Ардей изъ Памфилій—страшный преступникъ и тиранъ»?—слуги отвѣчали: «онъ лишился жизни». потомъ, какъ увидѣлъ Еросъ, съ большимъ усиліемъ явился Ардей у большой двери и брошенъ былъ въ бездну вмѣстѣ съ другими ему подобными, которые осуждены на тысячелѣтнее мученіе, и тѣмъ болѣе и глубже погрязали туда, чѣмъ болѣе старались высвободиться оттуда.

Далѣе онъ видѣлъ трехъ Паржъ, дочерей необходимости или судьбы: Лахезисъ, Клоту и Антропу. Лахезисъ разсказывала прошедшее, Клота настоящее, Антропа предсказывала будущее. Души должны были являться къ этимъ тромъ богинямъ. Лахезисъ бросала жребій вверхъ и каждая душа хватала тотъ, который могла достать, кромѣ этого каждая могла избирать еще родъ жизни, согласной съ правдою и разумомъ.

Кромѣ этого, онъ видѣлъ души, которыя желали перейти въ животныхъ. Душа Орѳея изъ ненависти къ женскому полу, который способствовалъ его смерти, превратилась въ лебедя; Тамирисъ—въ соловья; Лексъ, сынъ Теламона, перешелъ во льва изъ ненависти къ несправедливости Грековъ, отказавшихъ ему воспользоваться оружіемъ Гектора, которое слѣдовало ему по смерти Троянскаго героя. Агамемнонъ, наскучивъ превратностями жизни, превратился въ орла; Аталанъ сдѣлался атлетомъ изъ любви къ славѣ, которою пользуются атлеты; Ѳерзитъ, —безобразнѣйшій изъ смертныхъ, принялъ видъ обезьяны; Улиссъ, испытавшій много въ жизни, сдѣлался частнымъ человѣкомъ. Съ трудомъ нашелъ онъ жребій для такого рода жизни; онъ случайно увидѣлъ его лежащимъ незамѣтно на землѣ и съ радостію схватилъ его.

Еросъ видѣлъ также, что души животныхъ переходили въ тѣла людей, и что души злыхъ людей

переходятъ въ тѣла животныхъ дикихъ и свирѣпыхъ, а души праведныхъ въ тѣла домашнихъ и кроткихъ животныхъ.

Послѣ этихъ переходовъ душъ, Лахезисъ назначила каждому стража или хранителя, который руководилъ его и охранялъ его жизнь. Послѣ этого Еросъ приведенъ къ рѣкѣ забвенія, которая погашала всѣ воспоминанія о чемъ бы то ни было, но ему запретили пить изъ нея воду; въ заключеніе всего Еросъ сказалъ, что онъ не знаетъ, какъ возвратился опять въ этотъ міръ.

Платонъ, разсказавъ эту басню, какъ онъ назвалъ ее, заключаетъ, что душа безсмертна, и мы для достиженія счастливой жизни должны жить по закону, который прямо указываетъ намъ на небо, гдѣ мы будемъ блаженствовать цѣлыя тысячи лѣтъ.

Отсюда открывается: 1) что человѣкъ можетъ долго жить безъ всякихъ признаковъ жизни, безъ дыханія и безъ пищи; 2) что Греки вѣрили въ переселеніе душъ, блаженство праведныхъ и тысячелѣтнее мученіе грѣшниковъ; 3) что предопредѣленіе не препятствуетъ человѣку дѣлать добро или зло; 4) что каждый человѣкъ имѣетъ генія или духа хранителя, который охраняетъ и руководитъ его. Они вѣрили въ судъ за гробомъ и въ то, что души праведныхъ блаженствуютъ въ такъ называемыхъ елисейскихъ поляхъ.

Греки вѣрили также, что люди умираютъ по опредѣленію боговъ. Такъ Лукіанъ (1) говоритъ: когда Кутратъ былъ представленъ въ подземное царство Плутона, послѣдній разсердился на того, кто представилъ Кутрата и сказалъ: «Кутратъ еще не совершилъ своего пути, ему еще не пришла пора —отозвать Демилія, котораго дни жизни уже сочтены». Такъ Кутратъ опять возвратился въ міръ и сказалъ, что Демилій скоро умретъ. Между тѣмъ, прежде чѣмъ Кутратъ ожилъ, Демилій слегъ въ постель отъ незначительной болѣзни, и едва Кутратъ упомянулъ о Демиліѣ, какъ послышалось рыданіе оплакивающихъ смерть Демилія. Лукіанъ издѣвается надъ этимъ разсказомъ и замѣчаетъ, что въ его время это было общимъ убѣжденіемъ. Здѣсь же онъ упоминаетъ о человѣкѣ, ожившемъ по истеченіи двадцати дней.

Плутархъ въ своемъ сочиненіи: «о душѣ», передаетъ подобный фактъ объ Енархѣ (2). Енархъ умеръ, потомъ ожилъ и разсказывалъ, что демоновъ, похитившихъ его душу, весьма упрекалъ верховный ихъ владыка. Тутъ они спохватились, что не Енарха, а Никандра они должны представить. Владыка послалъ ихъ къ Никандру, который заболѣлъ лихорадкой и въ тотъ же день умеръ. Плутархъ слышалъ этотъ разсказъ изъ устъ самого

(1) Lucian. in Φιλοψεύδης, p. 838. (2) Plutarch. de anima, apud Euseb. de praep. Euang. lip. II. cap 18.

Енарха, который, въ подтвержденіе своихъ словъ, сказалъ: «ты непремѣнно скоро выздоровѣешь отъ болѣзни, которой страдаешь.»

Всѣ традиціи о загробной жизни, сохранившіяся у Гомера, Виргилія и другихъ писателей Латинскихъ и Греческихъ, безъ сомнѣнія заимствованы первоначально у Египтянъ, отъ которыхъ Греки получили и религію.

То, что Греки называли адомъ, геенною, или царствомъ Плутона, Египтяне обозначали словомъ: Аментесъ, т. е. получающій и отдающій; они думали, что Аментесъ принимаетъ души умершихъ людей и выпускалъ ихъ опять, когда возвращались они въ міръ; душа умершаго переходила сперва въ земное, потомъ водяное животное, послѣ этого въ птицу, далѣе она оживляла всѣ роды животныхъ, наконецъ, по истеченіи 3000 лѣтъ, возвращалась въ тѣло человѣка.

Отъ Египтянъ Орфей, Гомеръ и другіе Греки заимствовали взглядъ на безсмертіе души, а также идею о пещерѣ Нимфъ, описанной Гомеромъ; поэтъ говоритъ, что пещера имѣетъ двѣ двери—одну на сѣверѣ, чрезъ которую входили въ пещеру, другую на югѣ чрезъ которую выходили изъ пещеры.

Теспезій изъ Союса, что въ Сициліи, очень хорошо знакомый Плутарху (1), большую часть жизни провелъ въ невоздержности и сладострастіи и до того истощился, что для продолженія жизни прибѣгалъ къ самымъ дурнымъ средствамъ; онъ опять пріобрѣлъ себѣ способность, но при этомъ потерялъ всѣ благородныя чувства. Амфилохійскій оракулъ, къ которому онъ обратился за совѣтомъ, сказалъ, что его обстоятельства улучшатся послѣ его смерти. Спустя нѣсколько времени онъ упалъ съ кровли дома, сломалъ шею и умеръ. Чрезъ три дня его хотѣли похоронить, какъ вдругъ онъ ожилъ и такъ измѣнилъ свой образъ жизни, что его никто не узнавалъ болѣе, и въ Сициліи не было ни одного человѣка столько благочестиваго, справедливаго и добраго, какъ Теспезій.

(1) Plutarch. de his, qui sero numine puniuntur.

Когда его спрашивали о причинѣ перемѣны жизни, онъ отвѣчалъ, что когда умеръ, то чувствовалъ себя также, какъ чувствуетъ себя лоцманъ, брошенный съ корабельнаго борта въ море, потомъ его душа поднялась къ звѣздамъ, чрезвычайная величина которыхъ и поразительный блескъ крайне удивляли его: здѣсь онъ видѣлъ, что души, оставившія тѣло, подымались въ воздухъ и заключались въ ядро или огненный вихръ; одни изъ нихъ подымались съ неимовѣрною быстротою вверхъ, другіе вертѣлись въ воздухѣ,—то подымались быстро вверхъ, то опускались внизъ съ такою же скоростію. Ему представилось, что большинство душъ выброшено изъ ядра и послышались стоны и страшныя рыданія выброшенныхъ, а меньшинство поднялось вверхъ и очень

радовалось. Наконецъ онъ замѣтилъ, что Адрастея, дочь Юпитера и Avavkig, т. е. необходимость, не не оставляла никого не награжденнымъ или ненаказаннымъ. Все это онъ разсказалъ очень ясно и упомянулъ о нѣкоторыхъ наказаніяхъ, которымъ подвергались грѣшники.

Далѣе, съ нимъ встрѣтился его знакомый и сказалъ ему: ты не умеръ, но душа твоя, по волѣ Божіей, оставивъ тѣло, пришла въ это мѣсто. Наконецъ она возвратилась въ тѣло.

Въ этомъ разсказѣ два понятія: 1) о душѣ, которая оставила свое тѣло на три дня, потомъ возвратилась въ него и продолжала свою дѣятельность и 2) о вѣрности словъ оракула, который обѣщалъ Тесезію лучшую жизнь послѣ его смерти.

Въ Сицилійской войнѣ (1) между Цезаремъ и Помпеемъ взятъ въ плѣнъ Габіенъ, начальникъ флота Цезарева и по приказанію Помпея обезглавленъ. Онъ пролежалъ цѣлый день на берегу моря; его голова была почти отдѣлена отъ туловища; къ вечеру онъ ожилъ и просилъ Помпея придти къ нему, или прислать кого нибудь изъ близкихъ къ нему потому, что онъ пришелъ изъ подземнаго міра и хочетъ сообщить Помпею нѣчто очень важное. Помпей послалъ своихъ друзей, которымъ Габіенъ объ-

(1) Plin. hist. nat. VII, 52.

явилъ, что дѣло Помпея пріятно богамъ подземнаго міра, что война кончится въ пользу Помпея, и что онъ пришелъ увѣдомить Помпея по волѣ боговъ, и въ доказательство истины сказаннаго замѣтилъ, что онъ сейчасъ умретъ. какъ и случилось. Между тѣмъ извѣстно, что дѣло Помпея не имѣло счастливаго исхода: Помпей пораженъ, а Цезарь возвратился побѣдителемъ съ поля сраженія.

Приведенные разсказы доказываютъ, что вѣра въ безсмертіе души, въ ея загробное существованіе была развита и у язычниковъ. Язычники вѣрили, что за гробовой доской оканчивается только жизнь и дѣятельность тѣла, которое по своей матеріальности возвращается въ землю, превращается въ вещество, превращаясь въ первоначальные элементы, изъ которыхъ оно составлено; а для души за гробовой доской настаетъ новая жизнь и, пожалуй, дѣятельность. Отдѣлившись отъ тѣла, душа должна была явиться на судъ боговъ, и, выслушавъ приговоръ, отправиться туда, куда богамъ угодно. Души добрыя, вмѣстѣ съ тѣломъ проводившія въ этомъ мірѣ жизнь честно и добродѣтельно, награждались въ загробномъ мірѣ; онѣ подымались въ верхъ—въ жилище боговъ и тамъ радовались и блаженствовали. Каждая добрая душа избирала тотъ жребій, котораго желала; отъ того одни превращались въ животныхъ, другія становились атлетами и т. п.

Напротивъ, души злыя, т. е. такія, которыя вмѣстѣ

съ тѣлами въ здѣшнемъ мірѣ занятнали свою жизнь пороками, нечестіемъ, такія души являлись на судъ боговъ, осуждались ими и низвергались внизъ, въ бездну, адъ, аментесъ или дуцакъ, гдѣ эти души мучились цѣлыя тысячи лѣтъ и оплакивали прошедшую жизнь.

Эта вѣра была присуща религіи Персовъ, Египтянъ, Индійцевъ, Грековъ и Римлянъ. Ее раздѣляли и лучшіе мыслители язычества — философы. Послѣ этого не удивительно, что Платонъ, разсказавъ басню объ Еросѣ, и не доказавъ ея достовѣрности, подлинности, спѣшитъ прямо къ заключенію, что душа безсмертна, и что нужно жить по закону для того, чтобы наслѣдовать блаженство и жить вмѣстѣ съ богами. Также относится къ дѣлу и Плутархъ. Лукіанъ прямо говоритъ, что вѣра въ безсмертіе души, въ судъ боговъ была общимъ убѣжденіемъ тогдашняго времени.

Что же сказать теперь объ этихъ разсказахъ? Платонъ свой разсказъ объ Еросѣ прямо называетъ басней и потому эту басню можно принимать и не принимать за истину. Платонъ привелъ ее только съ тѣмъ, чтобы перейти къ заключенію о безсмертіи души. Для цѣли, которою задался Платонъ, было все равно, Еросъ ли ожилъ и разсказывалъ о состояніи загробной жизни, или кто нибудь другой; Платонъ указалъ на лице (можетъ быть, выдуманное или умершее, но не оживавшее) потому только, что

такой методъ для передачи фактовъ гораздо удобнѣе, или, можетъ быть, этотъ разсказъ былъ въ ходу и Платонъ воспользовался имъ для своей цѣли. Лукіанъ разсказалъ басню и тутъ же осмѣялъ ее, какъ нелѣпость, которой вѣрила толпа, масса народная. Плутархъ искренно вѣритъ переданному имъ разсказу.

Разсказы объ оживавшихъ и говорившихъ о разныхъ состояніяхъ душъ за гробомъ встрѣчаются и въ исторіи изъ эры христіанской. Мы приведемъ нѣсколько такихъ разсказовъ.

Въ деревнѣ Туллія, лежащей не подалеку отъ Ипоны, Курмъ куріалъ (т. е. квартальный) заболѣлъ и впалъ въ безчувственность, продолжавшуюся нѣсколько дней, по истеченіи которыхъ онъ открылъ глаза и спросилъ: что случилось съ Курмомъ кузнецомъ (изъ этой же деревни)? Ему отвѣчали, что кузнецъ Курмъ скончался въ то самое время, какъ онъ проснулся отъ безчувственнаго состоянія.

Тутъ проснувшійся разсказалъ все видѣнное имъ и слышанное. «Въ то самое время, сказалъ онъ, какъ я возвращался въ эту жизнь, я слышалъ приказаніе, по которому не Курма куріала, а Курма кузнеца нужно отозвать отъ здѣшняго міра въ другой міръ. Я видѣлъ тамъ очень многихъ знакомыхъ и незнакомыхъ. Одни изъ видѣнныхъ мною знакомыхъ давно уже умерли, другіе и теперь еще въ живыхъ; я видѣлъ также многихъ знакомыхъ и незнакомыхъ

духовныхъ, которые совѣтовали мнѣ отправиться въ г. Иппону и принять тамъ Святое крещеніе отъ тамошняго Епископа Августина. Я отправился въ Иппону, принялъ крещеніе отъ Августина и потомъ явился въ рай, въ которомъ не позволили долго оставаться; мнѣ сказали, что если я хочу быть въ раю, то для этого предварительно долженъ креститься. Я крайне удивился и сказалъ: «да я же принялъ крещеніе; но мнѣ на это замѣтили, что я крестился только въ видѣніи (in der Wision), тогда какъ нужно на самомъ дѣлѣ, а не въ видѣніи идти въ Иппону и тамъ принять крещеніе.» Оправившись отъ болѣзни, онъ пошелъ въ Иппону и въ числѣ другихъ оглашенныхъ принялъ крещеніе.

Августинъ узналъ случайно объ этомъ чрезъ два года, пригласилъ къ себѣ Курма, выслушалъ отъ него разсказъ и записалъ (1).

Когда Сильвій, Епископъ Альбскій (2), впалъ въ безчувственность, вслѣдствіе болѣзни, его сочли мертвымъ, омыли, облачили, положили на носилки и цѣлую о немъ ночь провели въ молитвѣ; на слѣдующее утро онъ проснулся какъ бы отъ глубокаго сна; открывъ глаза, Сильвій поднялъ руку къ небу и вздохнувъ, сказалъ: О, Господи, зачѣмъ Ты возвратилъ меня въ эту плачевную юдоль? — и больше ничего не сказалъ.

(1) Lib. de cura pro mortuis, c. 12 p 524. (2) Pregor. Turon. l. 7. c. 1.

Чрезъ нѣсколько дней онъ сказалъ, что два Ангела проводили его на небо, гдѣ онъ видѣлъ блаженство рая, изъ котораго его удалили противъ его воли съ тѣмъ, чтобы онъ еще пожилъ. Григорій Турскій клянется Богомъ, что онъ слышалъ этотъ разсказъ изъ устъ самого Сильвія

Въ Рейхенау (Reichenau) монахъ Фетинъ (жившій еще въ 824 году) заболѣлъ и лежа въ постели закрылъ глаза. Онъ не успѣлъ еще уснуть, какъ увидѣлъ страшнаго демона, который показывалъ ему различные виды и орудія мученій и угрожалъ подвергнуть Фетина этимъ мученіямъ. Тутъ же замѣтилъ онъ множество другихъ злыхъ духовъ съ различными орудіями, приготовлявшихъ ему гробъ.

Далѣе ему казалось, что въ его келлію явились строгія лица въ орденской одеждѣ и прогнали демоновъ. Тутъ-то Фетинъ замѣтилъ у своей постели свѣтоноснаго Ангела, который взялъ его за руку и проводилъ его по очень пріятному пути между чрезвычайно высокими горами, у подошвы которыхъ стремительно протекала огромная рѣка, наполненная множествомъ мучившихся грѣшниковъ. Здѣсь онъ видѣлъ многихъ знакомыхъ и между прочими прелатовъ и невоздержныхъ священниковъ, которые были привязаны къ столбу и поджигаемы пламенемъ; жены, соучастницы ихъ грѣховъ, испытывали тоже мученіе насупротивъ ихъ.

Онъ увидѣлъ далѣе монаха —скрягу, который осуж-

денъ былъ на страданіе въ свинцовомъ гробѣ до суднаго дня. Онъ замѣтилъ потомъ аббатовъ, Епископовъ и между ними Карла Великаго, которые осуждены были страдать, въ продолженіе извѣстнаго числа лѣтъ, въ огнѣ. Наконецъ, онъ видѣлъ блаженство святыхъ на небѣ. Послѣ всего Ангелъ Господень пояснилъ ему, какъ гнусны, бывшіе тогда обыкновенными, но въ глазахъ Божіихъ ненавистными, грѣхи, между которыми упомянутъ о Содомскомъ грѣхѣ, какъ самомъ преступномъ.

По оффиціи Аббатъ ночью посѣтилъ больнаго, который разсказалъ ему все видѣнное подробно. Аббатъ записалъ разсказъ. Предсказавъ, что его смерть настанетъ чрезъ три дня (что и случилось), Фетинъ поручилъ себя молитвѣ собратій, пріобщился Св. Таинъ и почилъ въ мирѣ 31 Октября 824 года.

Знаменитый Гинкмаръ (1), Архіепископъ Реймскій, въ своихъ окружныхъ посланіяхъ къ подвѣдомымъ ему епископамъ и благовѣрнымъ своего діоцета, передаетъ подобный разсказанному фактъ. Его знакомый Бертольдъ, заболѣвъ, пріобщился Св. Таинъ и въ теченіе 4-хъ дней не принималъ вовсе пищи; на четвертый день онъ до того ослабѣлъ, что не обнаруживалъ никакихъ признаковъ жизни. Около полуночи онъ позвалъ жену и просилъ ее поскорѣе пригласить духовника. Священникъ приближался

(1) Hincmar. lib. 2 p. 805.

только къ дому, какъ Бертольдъ сказалъ женѣ: «приготовь стулъ, священникъ идетъ уже.» Когда вошедшій священникъ прочиталъ молитву, Бертольдъ отвѣчалъ на молитву и разсказалъ видѣнное имъ.

«Оставивъ міръ, я видѣлъ сорокъ одного епископа и между другими Еббо, Леопарделія и Енея: всѣ они, одѣтые въ грязныя одежды, то горѣли въ огнѣ, то зябли отъ стужи невыносимой. Еббо сказалъ мнѣ: «иди къ моимъ друзьямъ и скажи имъ, чтобы они принесли за насъ безкровную жертву. Я повиновался. Возвращаясь назадъ я видѣлъ ихъ исполненными радости. Далѣе я видѣлъ короля Карла (вѣроятно Лысаго, умершаго въ 875 году) снѣдаемаго червями. Карлъ просилъ меня сказать Гинкмару, что Гинкмаръ можетъ помочь ему въ горѣ. Гинкмаръ принесъ безкровную жертву, и Карлъ почувствовалъ облегченіе. Я замѣтилъ потомъ Епископа Орлеанскаго и четырехъ демоновъ, которые сперва окунули его въ кипящей смолѣ, а потомъ бросили его въ леденящую жидкость. О немъ просили, и онъ получилъ облегченіе. Потомъ видѣлъ я графа Отеръ (Отвайе), точно также страдавшаго. Я просилъ жену графа, друзей и вассаловъ молиться о графѣ, — и онъ освободился отъ мученій.» Бертольдъ пріобщился послѣ этого Св. Таинъ и почувствовалъ себя лучше, съ надеждою прожить еще четырнадцать лѣтъ, какъ сказалъ ему руководитель, показавшій ему все разсказанное.

Слѣдующій фактъ случился съ реформатомъ въ

1689 г. (1). Іоркскій чиновникъ Генрихъ Батцъ (Batz) умеръ отъ удара въ 15-е августа и положенъ во гробъ въ 17-е августа съ тѣмъ, чтобы похоронить его, такъ какъ никто не подозрѣвалъ въ немъ ни малѣйшихъ признаковъ жизни. Между тѣмъ, къ удивленію всѣхъ и къ ужасу нѣкоторыхъ, когда его хотѣли опустить въ яму, онъ поднялъ такой крикъ, что испугалъ всѣхъ участвовавшихъ въ погребальной процессіи, и его тотчасъ освободили изъ гроба. Опомнившись, онъ разсказалъ много поразительныхъ случаевъ, которые открыты были ему въ двадцати-четырехчасовомъ экстазѣ.

Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести очень много, но для нашей цѣли и этого достаточно.

Теперь спрашивается, что за счастливцы, которые умирали для того только, чтобы ожить и насказать столько чудеснаго, видѣннаго ими въ загробной жизни? Дѣйствительно ли они умирали, и дѣйствительно ли они видѣли за гробомъ то, что передавали? Вотъ вопросы, которые необходимо здѣсь рѣшить. Наука признала за несомнѣнную истину тотъ фактъ, что дѣйствительно умершій человѣкъ ни въ какомъ случаѣ, по естественнымъ законамъ, не можетъ ожить, или воскреснуть. Если же

(1) Larrey hist. pre Louis XIV an 698. p. 68.

такъ, если дѣйствительная смерть не можетъ возвратить человѣка къ дѣйствительной жизни, какъ признала наука, то какимъ образомъ эти индивидуумы оживали и дѣйствительно ли они оживали? Изъ исторіи, изъ различныхъ хроникъ, изъ записей и лѣтописей и даже изъ судебныхъ актовъ извѣстно, что многія лица умирали, потомъ чрезъ нѣсколько времени оживали. Послѣ долгихъ изслѣдованій и наблюденій наука рѣшила, что тѣ лица, которыя умирали и оживали, были не дѣйствительно умершія, а только обмершія и въ доказательство представила весьма много теоретическихъ соображеній, основанныхъ на фактическихъ данныхъ.

Такъ причины обмиранія и его виды подробно разсмотрѣны нами въ трактатѣ «О вампиризмѣ», то мы упомянемъ здѣсь только о нѣкоторыхъ видахъ обмиранія. Часто простой и смертельный обморокъ, которому часто подвергаются беременныя женщины, экстазъ, истерика и летаргія признаются за дѣйствительную смерть. Можно было бы привести очень много примѣровъ впавшихъ въ обморокъ, въ безчувственность беременныхъ женщинъ и погребенныхъ; но мы считаемъ лишнимъ потому, что факты такого рода очень извѣстны, да и изложены въ отдѣлѣ о вампирахъ. Не только впрочемъ женщины, но и мужчины впадали въ обморокъ и были принимаемы за умершихъ. Для обморока женщинъ большею частію находилась всѣмъ понятная причина, напр. беременность; но причина обморока мужчинъ часто остава-

лась не извѣстною и потому мужчинъ, впавшихъ въ обморокъ, чаще считали дѣйствительно умершими, чѣмъ женщинъ. Впадавшіе въ экстазъ мужчины и женщины оставались въ немъ иногда очень долго, не обнаруживая при этомъ никакихъ признаковъ жизни. Аскетъ Таулеръ говоритъ, что экстазъ можетъ продолжаться непрерывно недѣлю, мѣсяцъ и даже годъ. Одна аббатисса въ экстазѣ лишилась естественныхъ функцій и въ этомъ состояніи оставалась тридцать дней сряду безъ принятія пищи и безъ малѣйшихъ признаковъ жизни. Іеронимъ Кордамъ, по его увѣренію (1), ничего не чувствовалъ въ изступленіи, ни наносимыхъ ранъ, ни толчковъ, ни крику. Тоже нужно сказать и объ истерическомъ состояніи. Въ этомъ состояніи многія женщины лишались чувствъ и языка; сердцебіеніе прекращалось. Галенъ упоминаетъ объ одной женщинѣ, которая оставалась въ истерикѣ въ теченіе шести дней (2), а нѣкоторые — въ теченіе десяти дней оставались безъ движенія и чувствъ, безъ дыханія и безъ всякой пищи. Но особенно часто летаргическое состояніе принимаютъ за дѣйствительную смерть потому, что летаргическій сонъ по своей продолжительности и по своему характеру во многомъ походитъ на дѣйствительную смерть. Разсказываютъ, что Вилліамъ Фокелей (3) спалъ четырнадцать дней. Говорятъ,

(1) Hieron. Cordan. l. 8. de variet. rerum. c. 34. (2) cf. Traité de l'incertitude des signes de la mort. t. 2 p. 404, 470. (3) Lingard, dans Henri VIII. roi d'angleterre. p. 536.

что во время Григорія II-го, одинъ ученикъ въ Любекѣ спалъ семь лѣтъ. По словамъ Лилія Гиральда (1) одинъ крестьянинъ спалъ цѣлую зиму и весну. При настоящемъ состояніи науки нельзя объяснить причинъ такого продолжительнаго сна, но что онъ возможенъ,—это несомнѣнно.

Кромѣ этого къ числу дѣйствительно умершихъ относятъ также обмершихъ отъ сильнаго волненія крови, которое иногда случается отъ горячекъ, отъ принятія яда, отъ эпидемическихъ болѣзней, и т. п., а также умершихъ насильственно, задушенныхъ, ушибенныхъ и задохшихся въ водѣ, тогда какъ эти обмершіе или мнимо умершіе иногда оживаютъ или при помощи медицинскихъ операцій или безъ всякой помощи.

Изъ этихъ замѣчаній видно, что часто только обмершихъ принимаютъ за дѣйствительно умершихъ, и что очень могло статься, что Еросъ, Теспезій и Кутратъ и имъ подобные, которые ожили, были не дѣйствительно умершіе, а только обмершіе. Еросъ, какъ мы видѣли, былъ раненъ, пролежалъ больной десять дней и наконецъ умеръ, но противъ всякаго ожиданія чрезъ два дня ожилъ, когда его положили на костеръ, что очень важно при рѣшеніи вопроса. Основательное рѣшеніе вопроса: почему Еросъ скончался отъ раны чрезъ 10, а ожилъ чрезъ два дня

(1) Lilius Giraldus, hist. Poet. Dial. 8.

—вполнѣ принадлежитъ спеціалистамъ по части медицины. Съ своей стороны мы выскажемъ только свое практическое наблюденіе. Мы думаемъ, что Еросъ впалъ въ безчувственность отъ сильнаго истеченія крови, отъ ослабленія мускульной и желудочной системы и пожалуй отъ неподвижности. Въ теченіе двухъ бездѣятельныхъ дней эти системы такъ окрѣпли, устоялись, сердце прекратило біеніе отъ истощенія крови, все не повредилось; отъ сильныхъ пинковъ во время несенія къ костру дѣятельность указанныхъ системъ нѣсколько возбудилась, а при возложеніи на костеръ совершенно пробудилась. Наше объясненіе слишкомъ поверхностное и можетъ быть легко опровергнуто; но мы его и не отстаиваемъ потому, что для насъ важно только то, что Еросъ былъ недѣйствительно умершій и потому ожилъ. О Кутратѣ и Енархѣ намъ извѣстно только, что они умерли, но предшествующія обстоятельства смерти намъ совсѣмъ неизвѣстны и потому мы никакого сужденія объ ихъ смерти произнесть не можемъ. Теспезій умеръ отъ ушиба и потому не удивительно, что онъ могъ ожить. Ушибенные могутъ оставаться живыми очень долгое время, не дѣйствуя вовсе чувствами. Одинъ матросъ, упавъ съ мачты, лежалъ очень долгое время безъ обнаруженія признаковъ жизни, которое обличало только едва замѣтное дыханіе. Когда осмотрѣли его, то оказалась на головѣ вогнутая отъ ушиба часть черепа, и какъ только привели ее въ нормальное положеніе, въ человѣкѣ обнаружились признаки жизни. Дѣло въ

томъ, что эта вогнутость останавливала движеніе большихъ полушарій мозга (1), обмершихъ такимъ образомъ чаще всего принимаютъ за дѣйствительно умершихъ, тогда какъ ихъ легко можно оживить. Къ категоріи обмершихъ такимъ образомъ относятся Гибіенъ и Батцъ. О Курмѣ, Сильвіѣ, Фетинѣ и Бертольдѣ положительно извѣстно потому, что прямо сказано, что они впали только въ безчувственность отъ сильнаго истощенія. Очевидно, что они не были дѣйствительно умершими, а только были безъ памяти, какъ обыкновенно говорятъ, безъ чувствъ и т. д.

Если же такъ, если всѣ они и имъ подобные были не дѣйствительно умершіе, а только обмершіе, то откуда же они взяли эти разсказы, которыми они утешали всѣхъ и каждаго, когда ожили, ужели эти разсказы выдуманы ими съ недоброю цѣлію? Обмана нельзя предполагать уже потому, что каждый такой индивидуумъ, оживъ, начинаетъ вести жизнь гораздо лучше прежней. И такъ, что же это, если они не были въ другомъ мірѣ и конечно ничего не видѣли? Прежде всего обратимъ вниманіе на характеръ самыхъ разсказовъ. Еросъ, если только Платонъ передаетъ дѣйствительный фактъ, и Теспезій, знакомецъ Плутарха, видѣли блаженство рая и мученія ада именно такъ, какъ думали объ этомъ Греки. Въ этихъ разсказахъ Ероса и Теспезія вполнѣ вы-

(1) Льюисъ, физіолог. обыд. жизни. Ч. 2.

сказались особенности убѣжденій и понятій объ адѣ и раѣ, которыя созданы Греками и только имъ однимъ принадлежатъ. Еросъ видѣлъ, что злые наказываются, а добрые награждаются, тоже видѣлъ и Теспезій. Еросъ видѣлъ, что судьи не оставляютъ никого не награжденнымъ или ненаказаннымъ; тоже дѣлала и Адрастея, по словамъ Теспезія. Какъ Еросъ, такъ и Теспезій видѣли, что добрыя души подымались вверхъ и радовались, а злыя опускались внизъ, визжали и плакали. Во всемъ этомъ сходятся Еросъ и Теспезій съ очень малыми различіями, которыя условливались тѣми убѣжденіями и понятіями, которыя были общими въ то время, когда жили Еросъ и Теспезій. Еросъ, кромѣ сказаннаго, видѣлъ превращенія людей въ животныхъ и пр. Все это ничто иное, какъ тѣ религіозныя понятія, которыхъ держались Греки прежде, во время и послѣ Платона.

Курмъ и Сильвій, Фетинъ, Бертольдъ и Батцъ видѣли блаженство рая и послѣдніе три подробно разсказывали о блаженствѣ рая и о различныхъ мученіяхъ адскихъ. Если всмотрѣться въ подробности этихъ разсказовъ, то сразу можно замѣтить, что въ нихъ прямо высказываются убѣжденія католиковъ того времени, повѣрія народныя объ адѣ и раѣ, о мученіяхъ и блаженствѣ, чистилищѣ и молитвахъ за усопшихъ, и въ добавокъ личныя воззрѣнія каждаго.

Фетинъ, закрывъ глаза, увидѣлъ демоновъ и потомъ строгія лица въ орденской одеждѣ; далѣе онъ проходитъ между горами, потомъ рѣку, въ которой

мучатся грѣшники ему знакомые и т. п. Все это вѣрованія, которыхъ не чужды были въ то время и монахи, и которыхъ не признаетъ и не утверждаетъ ни Св. Писаніе, ни ученіе христіанской церкви. Тоже самое нужно сказать и о Бертольдѣ, который разсказывалъ о состояніи душъ въ чистилищѣ и объ освобожденіи ихъ оттуда по молитвамъ знакомыхъ и друзей. Еросъ точно также слышалъ и видѣлъ, какъ ввели въ судъ Андея, его земляка, котораго онъ считалъ злодѣемъ и преступникомъ и котораго такъ назвали судьи. Кутратъ, Епархъ и Курмъ говорили, что не имъ слѣдовало умереть, а тѣмъ, которые были въ сосѣдствѣ, такъ, что можно было даже слышать рыданія оплакивающихъ. Очевидно, въ этихъ разсказахъ выразилась вѣра въ судъ, въ мученія и блаженство тѣхъ лицъ, которыя обмирали.

Что же, спрашивается, это за видѣнія? Мы уже прежде сказали, что при ослабленіи желудочной и мышечной системы дѣйствуетъ одна нервная или мозговая система, дѣйствуетъ память и воображеніе, и конечно дѣйствуютъ не нормально, какъ мы прежде объясняли. Въ этомъ состояніи память и воображеніе воспроизводятъ часто то, что соотвѣтствуетъ настоящему состоянію. Въ этомъ состояніи часто сознаніе не оставляетъ больнаго, только оно не можетъ выразить своей дѣятельности во снѣ. Нѣкоторые словно мертвые не обнаруживали признаковъ жизни, тогда какъ все слышали и понимали, что говорили другіе, и употребляли всѣ усилія заговo-

рить, но органы имъ неповиновались (1). Такія конечно лица не видятъ никакихъ видѣній потому, что ихъ слухъ и сознаніе занято дѣйствительными предметами. Когда же сознаніе, воображеніе теряетъ нормальное отношеніе къ міру дѣйствительному чрезъ разстройство воспріемниковъ нервныхъ волоконъ, когда дѣятельность сознанія слабѣетъ, тогда воображеніе, неподчиненное сознанію, и отдѣленное отъ міра дѣйствительнаго создаетъ, при содѣйствіи памяти, самыя дикія картины, или превращаетъ старыя представленія въ образы, въ картины и т. п., соотвѣтствующія настоящему состоянію. Еросъ, у котораго весь организмъ былъ разстроенъ, постоянно могъ думать о смерти, о состояніи за гробомъ, о мученіяхъ и блаженствѣ, —и вотъ, когда онъ ослабѣлъ, впалъ въ обморокъ, воображеніе нарисовало ему въ образахъ тѣ представленія, которыя занимали его до обморока, и которыя были общими убѣжденіями Грековъ. Тоже нужно сказать о Теспезіѣ, Сильвіѣ, Бертольдѣ, Фетинѣ и Батцѣ. Замѣчательно, что Фетинъ даже не уснулъ, а только закрылъ глаза и увидѣлъ то, что уже разсказано. Габіенъ или Плиній, какъ мы видѣли, совралъ. Значитъ о немъ и говорить нечего. Курмъ видѣлъ духовныхъ, которые совѣтовали ему принять крещеніе въ Иппонѣ. Изъ жизни Курма намъ извѣстенъ одинъ только эпизодъ, и потому мы

(1) Incertitude des signes de la mort. 1. 2. p. 504—506, 514. 515.

можемъ только строить предположенія о видѣніи его. Очень можетъ быть, что Курмъ прежде и во время болѣзни думалъ о крещеніи, можетъ быть даже совѣтовался съ христіанскими священниками, которые предлагали ему отправиться въ Иппону и тамъ креститься у Епископа Августина, —и вотъ эти представленія, желанія и т. п. теперь воспроизведены памятью и нарисованы въ картинахъ воображеніемъ. Далѣе Курмъ слышалъ, что не его а другаго Курма, Кутратъ слышалъ, что не его, а Демилія. Епархъ слышалъ, что не его, а Никандра нужно отозвать отъ здѣшняго міра. Очень можетъ быть, что въ то время, или въ тотъ самый моментъ, какъ Демилій, Никандръ и Курмъ оканчивали жизнь, Кутратъ, Епархъ и Курмъ обнаружили нѣкоторые признаки жизни. Очень легко могло случиться, что родные оживавшихъ, обрадованные, рѣшили, что не такихъ, а другихъ богамъ угодно отозвать отъ здѣшняго міра. А оживавшимъ представилось, что слышатъ рѣшеніе боговъ. Конечно, это только наше предположеніе, а не положительное мнѣніе потому, что мы не знаемъ всѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ они ожили, и тѣхъ условій, въ которыхъ они находились во время обморока.

III.

О магіи и волшебствѣ, о колдунахъ и вѣдьмахъ, мнѣнія язычниковъ и народныя повѣрья.

«Внутреннее влеченіе человѣка» говоритъ Баконъ, къ таинственному и чудесному породило магію и другія тайныя науки».

«Убѣжденіе въ возможности повелѣвать міромъ духовъ, и, помощію этихъ дѣятелей, скрытыми силами природы, было главнымъ источникомъ чернокнижія и волшебства» Сильверстъ замѣчаетъ.

«Страсти, преимущественно властолюбіе и любостяжаніе, породили волшебниковъ, астрологовъ, знахарей, колдуновъ и вѣдьмъ», говоритъ г. Хотинскій.

«Ни одна наука въ древности» говоритъ Плиній, «не пользовалась такимъ уваженіемъ, и не была такъ прилежно изучаема, какъ магія».

ГЛАВА XVII.

О магіи и волшебствѣ.

Языческая древность, всѣ древніе поэты, историки и ораторы говорили и разсуждали о магіи, магахъ, магическихъ дѣйствіяхъ и суевѣрныхъ магическихъ книгахъ; особенно много и часто объ этомъ говорили языческіе поэты. Одни изъ писавшихъ о магіи и ея чудесахъ считали эти чудеса несомнѣнно истинными; другіе отрицали: третьи осмѣивали ихъ; четвертые недоумѣвали, что сказать о чудесахъ магіи. Самые разнорѣчивые отвѣты давали на вопросъ: что такое магія и магики? Одни считали ихъ людьми имѣющими дружескія сношенія съ духами подземнаго міра: другіе смотрѣли на нихъ, какъ на шарлатановъ, обманщиковъ, которые, при помощи искусства и хитрости, заставляли невѣжественную толпу считать совершенно естественныя явленія или фокусничество за чудеса, за сверхъестественныя явленія. Вообще же съ именемъ магіи и колдовства соединяли понятіе о ненавистномъ искусствѣ производить въ природѣ явленія неестественныя, необыкновенныя, совершать чудеса, причинять зло людямъ, гадать о будущемъ и т. п.

Мы укажемъ здѣсь на нѣкоторыхъ древнихъ писателей, которые если не сами вѣрили тому, что писали о магіи, то, по крайней мѣрѣ, вѣрно передавали взглядъ толпы на магію.

Въ древности очень многіе были убѣждены, говоритъ Тибуллъ, что магики могли сводить луну съ небесной высоты, и что причина лунныхъ затмѣній —въ магическомъ искусствѣ нѣкоторыхъ лицъ (1).

Тибуллъ свидѣтельствуетъ также, что онъ самъ видѣлъ, какъ одна колдунья околдовала на небѣ звѣзды и остановила молнію, которая должна была разразиться надъ землей. Далѣе Тибуллъ говоритъ, что по приказанію этой же колдуньи разверзалась земля и мертвые подымались (2).

Овидій приписываетъ магикамъ силу заклинать подземныя силы, грозы, бурю и возвращать хорошую погоду (3).

Магикамъ и колдунамъ приписывали силу пре-

---

(1) Tibull. I. 1. Eleg. 9. v. 21. (2) Tibull. I. 1. (3) Ovid. Methamorph. 14.

Obscurum verborum ambage novovum
Ter noviae carmen magico demurmurat ore.
Jam ciet infernas magico stridore catervas,
Jam jubet aspersam lacte referre pedem
Cum libet, haec fristi depellit nubila coela.
Cumlibet, aestivo provocat orbe nives.

вращать людей въ животныхъ посредствомъ извѣстныхъ имъ однимъ снадобьевъ (1).

По словамъ Виргилія магики усыпляли и заклинали змѣй (2).

Аппіонъ, какъ говоритъ Плиній (3), заклялъ душу Гомера съ цѣлію узнать отъ него о своемъ происхожденіи и своемъ отечествѣ. Аполлоній Тіанскій, по словамъ Филострата (4), пришелъ однажды на могилу Ахиллеса, заклялъ его душу и просилъ, чтобы явилась тѣнь героя. Могила поколебалась и онъ увидѣлъ удивительнаго юношу, ростомъ въ пять локтей, который предъ его же глазами выросъ до двѣнадцати локтей. Аполлоній сталъ предлагать ему вопросы; но замѣтивъ, что юноша позволяетъ себѣ неприличныя шутки, заключилъ, что онъ одержимъ демономъ, и исцѣлилъ его, изгнавъ изъ него демона. Апулей говоритъ (5), что Аполлоній Тіанскій возвратилъ жизнь дѣвушкѣ, которую хотѣли погре-

---

(1) Metamorphos. 4.

Nais nam et cantu, nimiumque potentibus herbis.
Verterat in tacitos juventa corpora pisces.

(2) Virgil. Aeneid. 1. 7

Vipereo generi et gravitu spirantibus hydris
Spargere qui somnos cantuque manuque solebat.

(3) Plin. 1. 3. cap. 2. (4) Philostr. vit. Apollon. (5) Apulei. Hondo. lib. 2.

бать. Асклепіадъ, слѣдовавшій за погребальною процессіей, воскресилъ умершаго, котораго положили уже на костеръ. Увѣряютъ, что Эскулапъ оживилъ Ипполита, сына Тезсева, Главка, сына Миносова, Капанея, умерщвленнаго во время осады, и Адмета, царя Ферскаго, что въ Ѳессаліи. Эліанъ говоритъ (1), что Эскулапъ обезглавленной женщинѣ возвратилъ жизнь и голову.

Ираклій (2) утверждаетъ, что Насамоны (въ Африкѣ) проводили ночи на могилахъ своихъ родственниковъ, чтобы узнать отъ нихъ будущее. Галлы или Кельты, по свидѣтельству Никандра, ходили съ тою же цѣлію на гробницы своихъ великихъ мужей.

Луканъ говоритъ (3), издѣваясь впрочемъ надъ взглядомъ массы, что магики, колдуны и волшебники; при помощи своего искусства, производили на небѣ громъ, безъ вѣдома Юпитера; что они нарушали правильное теченіе луны по ея орбитѣ, и притягивали ее къ землѣ, удлинняли ночи, укорачивали дни; что вся вселенная подчинялась ихъ велѣнію, и міръ цѣпенѣлъ, когда они начинали говорить или давали приказанія.

(1) Aelian. de animalib. lib. 9. c. 77. (2) Vide apud Tertull. de anima, c. 57. (3) Lucan. Pharsal. l. 6. v. 450 et sequent.

Cessavere vices rerum, dilataque longa
Haesit nocte dies: legi non paruit aeter:
Torpuit et preceps audito carmine mundus;
Et tonat ignaro coelum Jove.

Очевидно, что всѣ эти разсказы о силѣ магическаго искусства, о могуществѣ и власти магиковъ и колдуновъ не болѣе какъ поэтическіе вымыслы. Поэты даже соревновали другъ другу въ наполненіи подобнымъ вздоромъ своихъ произведеній, хотя и не были убѣждены въ истинности того, о чемъ говорили; большею частію они же первые и осмѣивали то, о чемъ писали, и въ этомъ случаѣ сходились съ дѣльнѣйшими людьми своего времени. И потому всѣ эти или почти всѣ разсказы не заслуживаютъ никакого довѣрія, а доказываютъ только, какъ велики были въ то время предразсудки, суевѣрія и заблужденія большинства. Но ни государи, ни жрецы не думали разочаровывать народъ въ этихъ предразсудкахъ. Языческая религія терпѣла и оправдывала это суевѣріе,—и лучшая часть культа основывалась на этомъ суевѣріи.

Не смотря однакожъ на несостоятельность, неосновательность и нелѣпость этихъ убѣжденій, всѣ относились къ магикамъ съ уваженіемъ; масса благоговѣла предъ магиками, какъ такими людьми, которые имѣютъ власть надъ судьбою человѣка и повелѣваютъ вселенною. Лучшіе и образованнѣйшіе люди язычества уважали магиковъ за серьезное изученіе предмета, которому они посвятили себя. Это благоговѣніе массы, это уваженіе образованныхъ было причиною, что магики не только изучали все наслѣдованное отъ предковъ, но и старались усовершить, дополнить свои познанія новыми наблюденіями, опы-

тами и изслѣдованіями; къ этому побуждали магиковъ, какъ пытливость ума человѣческаго, такъ и стремленіе духа пріобрѣсть какъ можно болѣе свѣдѣній, необходимыхъ и пригодныхъ въ жизни. Въ самомъ дѣлѣ, каждый желаетъ знать причины и законы явленій, совершающихся кругомъ, внутреннее состояніе предметовъ и ихъ отношеніе къ человѣку. Между тѣмъ магія владѣла секретомъ, впрочемъ въ большей мѣрѣ, открывать то, чѣмъ интересовался каждый и что имѣло значеніе для каждаго.

Послѣ этихъ замѣчаній становятся ясными слова Плинія: ни одна наука въ древности не пользовалась такимъ уваженіемъ, и не была такъ прилежно изучаема, какъ магія (1).

Въ одномъ сочиненіи, напечатанномъ въ Вюрцбургѣ въ 1837 году, авторъ (2) говоритъ: Плиній за 18 вѣковъ до насъ писалъ: «магія въ продолженіе многихъ вѣковъ во всемъ мірѣ пользуется большимъ авторитетомъ: вліяніе ея очень велико..... она поднялась на такую высоту, что даже еще до сихъ поръ господствуетъ въ большей части народовъ» (3).

(1) Summam litteram, claritatem, gloriamque ex ea scientia antiquitus et pene semper petitam. (2) Die Religion mit Hülfe der neuern Gelehrsamkeit und Wissenschaft in ihrer Allgemeinheit nachgewiesen. Würzburg. 1837. II Bde. s. 211. (3) Historia naturalis. l. 3. c. 1. —

То же самое говоритъ и Вольтеръ (онъ, впрочемъ, не придаетъ никакого вѣса этой вѣрѣ): «всѣ вѣрили въ магію..... Ученіе о духахъ и магіи распространено по всей землѣ» (1).

Писатель нашего времени, представлявшій, относительно этого предмета, свои изслѣдованія, говоритъ о немъ такимъ образомъ: на какую бы часть земли, на какой бы народъ мы не посмотрѣли, намъ вездѣ и въ древности и въ новыя времена какъ у дикарей, такъ и у образованныхъ націй, вездѣ существуютъ колдуны, занимающіеся магіей..... книги Индійцевъ, Китайцевъ и Грековъ говорятъ о людяхъ, которые видятъ будущее, заклинаютъ духовъ, совершаютъ тысячи другихъ чудесъ посредствомъ своихъ сверхъестественныхъ знаній, которыя они пріобрѣтаютъ чрезъ сношенія съ духами (2).

И да не подумаютъ, продолжаетъ далѣе авторъ названнаго выше сочиненія о религіи, что вѣра въ чудеса, въ магію была распространена только въ одномъ простомъ народѣ,—нѣтъ, и въ Европѣ, и въ Африкѣ и въ Азіи она господствовала даже между философами и учеными. Только съ полтора столѣтія назадъ, какъ въ Европѣ появились люди безъ вся-

(1) Philosophie de l'histoire et dictionnaire philosophique. Art. Genie. (2) Ferdinand Denis: Tableau historique, analitique et critique des sciences, occultes. introd

кихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, отвергающіе всякія неестественныя явленія духовъ; только съ этого времени сдѣлалось условіемъ хорошаго тона смѣяться надъ всѣми старыми ученіями, даже въ томъ случаѣ, если ихъ при этомъ не знаютъ. Мы говоримъ правду. Недовѣряющій нашимъ словамъ можетъ удостовѣряться въ истинности сказаннаго, прочитавъ первое и лучшее подъ руку попавшее сочиненіе какого нибудь ученаго.

Авторъ сочиненія о религіи между прочимъ приводитъ, относительно нашего предмета, такое мнѣніе философа Бэйля: «исторія всѣхъ временъ и народовъ разсказываетъ намъ относительно сновъ и магіи столько изумительныхъ вещей, что тѣ, которые стали бы упрямо отрицать ихъ дѣйствительность, навлекли бы на себя подозрѣніе, что у нихъ недостаетъ или искренности или пониманія для того, чтобы увидѣть неоспоримыя доказательства въ пользу магіи и необыкновенныхъ сновъ»... Я вѣрю, что бываютъ сны, которыхъ никакъ нельзя объяснить, если не признать ихъ за выраженіе высшаго внушенія или откровенія (1).

Изъ приведенныхъ отзывовъ о магіи и колдовствѣ видно, что не только въ древности, но и въ средніе вѣка и наше время всѣ разсказы о чудесахъ магіи и бредни народныя нѣкоторые считаютъ несомнѣнно

(1) Dictionnaire historique et critique, art. Majus, note D.

истинными. Въ настоящее время въ простонародьи очень распространена вѣра въ колдовство, въ его могущество и силу, въ его чудеса и злодѣйства, и въ его сношенія съ злыми духами. Даже нѣкоторые, такъ называемые образованные, не вооружаются противъ вѣры массы въ колдовство потому, что сами не чужды вѣры въ разсказы о колдунахъ, чародѣяхъ, вѣдьмахъ и волшебницахъ.

Что же истиннаго въ этихъ разсказахъ поэтовъ о магикахъ и колдунахъ? Что разумнаго и вѣрнаго въ убѣжденіяхъ народа о чародѣяхъ? Всѣ ли разсказы вѣрны, или чистѣйшій вздоръ? Все ли разсказываемое поэтами и все ли, во что вѣруетъ народъ, несомнѣнно истинно, или несомнѣнно ложно? Можно ли хоть малую частицу изъ разсказываемаго признать дѣйствительною? Можно ли магію и колдовство считать нелѣпостію? На чемъ чисто реальномъ и утверждаются то и другое, если ихъ признать дѣйствительными хоть въ нѣкоторой мѣрѣ? - Вотъ вопросы, на которые намъ нужно отвѣчать въ изслѣдованіи о магіи и колдовствѣ. Мы приведемъ цѣлый рядъ фактовъ съ тѣмъ, чтобы показать, что истинно, дѣйствительно и несомнѣнно, и что совершенно ложно, вымыселъ, нелѣпость въ разсказахъ о магіи и въ вѣрѣ народа въ колдовство, чародѣйство и т. д.

Чтобы отдать должную справедливость магіи, мы должны сдѣлать распредѣленіе въ понятіи о магіи и колдовствѣ, т. е., что въ нихъ истинно и ложно.

Съ давнихъ временъ раздѣляютъ магію на бѣлую и черную. Съ понятіемъ бѣлой магіи соединялось всегда хорошее представленіе. Задача бѣлаго магика—это изученіе всѣхъ извѣстныхъ наукъ. Магикъ изучалъ Геометрію, Математику, Физику, Химію, Астрономію, Географію, Медицину и даже Философію; онъ изучалъ законы природы и явленій, совершающихся кругомъ, и ихъ причины и свойства; старался уяснить себѣ ихъ вліяніе, отношеніе къ человѣку, изучалъ законы жизни своего организма, его слабости и недостатки, и вредное вліяніе нѣкоторыхъ предметовъ на его организмъ, а также цѣлебныя свойства другихъ предметовъ. Нѣкоторые магики проводили всю свою жизнь въ наблюденіи надъ природою; другіе посвятили себя изученію законовъ организма человѣческаго; третьи изучали законы небесныхъ явленій и т. д. Магики положили начало всѣмъ естественнымъ наукамъ, и за это мы должны уважать магиковъ, какъ уважали ихъ въ древности лучшіе люди. Подъ именемъ черной магіи разумѣлось все вредное, опасное, страшное для человѣка. Черный магикъ обладалъ и повелѣвалъ вселенной, управлялъ судьбами человѣка, вліялъ на воздухъ, погоду; онъ имѣлъ сношеніе съ темными, недоступными для обыкновеннаго смертнаго, силами, дружилъ съ духами подземнаго міра и повелѣвалъ ими. Колдунъ, чародѣй, волшебникъ, вѣдьма—всѣ эти понятія относятся къ категоріи черной магіи. Къ категоріи бѣлой магіи можетъ примкнуть фокусничество, магнетизерство или сомнамбулизмъ и т. п.

Бѣлую магію создали пытливый духъ человѣка, стремленіе и любовь къ истинѣ, къ познанію природы и трудъ,—и бѣлая магія, какъ продуктъ дѣйствительныхъ, реальныхъ причинъ, существовала дѣйствительно, и оставила дѣйствительныя доказательства своего существованія.

Черная магія создана суевѣріемъ массы, народнымъ невѣжествомъ и предразсудками и тѣми отношеніями, въ какихъ стояли магики къ массѣ. Въ чемъ состояли отношенія магиковъ къ массѣ мы раскроемъ ниже, а теперь скажемъ только, что черная магія, созданная суевѣрнымъ воображеніемъ и значитъ утвержденная на такомъ непрочномъ основаніи, существовала только въ воображеніи и съ постепеннымъ развитіемъ массы падала постепенно. Теперь уже многіе мыслящіе простолюдины (къ сожалѣнію мыслящихъ здраво о магіи и колдовствѣ немного) смѣются надъ колдовствомъ. И колдуны не могутъ вредить тогда, какъ другіе страждутъ отъ колдуновъ, - и мы увѣрены, что настанетъ время, когда только очень немногіе станутъ вѣрить силѣ и чарамъ колдовства.

ГЛАВА XVIII.

Начатки магіи на первыхъ ступеняхъ развитія человѣчества

Въ языческихъ религіяхъ, какъ только является на сцену жрецъ съ своимъ посредничествомъ между человѣкомъ и божествомъ, проявляются слабые отблески той магіи и того колдовства, которые съ постепеннымъ развитіемъ человѣчества достигли такихъ огромныхъ размѣровъ.

И въ лишенномъ свѣта откровенія человѣкѣ всегда есть потребность исканія божества и его помощи, которому онъ старается удовлетворять, какъ знаетъ. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ въ дикарѣ является болѣе требовательности, онъ неудовлетворяется собственнымъ представленіемъ о божествѣ и поклоненіи ему, онъ ищетъ повѣрки и подтвержденія своего вѣрованія, своего представленія, своего убѣжденія. Между тѣмъ въ обществѣ всегда есть люди, которымъ довѣряютъ и которыхъ уважаютъ за ихъ умъ и опытность. Къ нимъ дикарь и обращается въ своихъ недоумѣніяхъ о божествѣ но ни болѣе.

Значитъ, здѣсь главную роль играютъ умъ и опытность. Съ теченіемъ времени эти люди дѣлаются посредствующими между Богомъ и человѣкомъ, т. е. жрецами. Будучи созданы обществомъ, его религіозною потребностію, жрецы нерѣдко брали верхъ надъ религіозною потребностію человѣчества и вмѣсто того, чтобы служить ей, они злоупотребляли ею изъ-за личныхъ видовъ. Изъ людей свѣдущихъ, опытныхъ, жрецы дикаго общества стараются составить особое сословіе, къ которому не легко открывается доступъ. Къ этому ведетъ цѣлый рядъ испытаній и очищеній, которыя постепенно приближаютъ человѣка къ божеству; сюда относятся постъ, истязанія, долговременное приготовленіе и пр. (1). Не сознавая нравственной силы своего званія, жрецы на этой ступени развитія смотрятъ на свое званіе, какъ на ремесло, дающее ему средства къ жизни и вызывающее въ средѣ, его окружающей, любовь и уваженіе къ нему. Желая закрѣпить за собою право посредничества между божествомъ и человѣкомъ, жрецы всегда старались возвысить въ глазахъ массы свое званіе, и для достиженія этой цѣли прибѣгали къ различнымъ средствамъ. Мы уже сказали, что для поступленія въ жреческое сословія, нужны были особенныя приготовленія. Описывать ихъ мы не будемъ потому, что они не относятся къ нашему вопросу; мы замѣтимъ здѣсь только, что для поступленія напр. въ

---

(1) Lafiteau, Moeurs des Sauvages. I 330.

шаманы требовались особенные признаки, которые составляютъ исключительную особенность нѣкоторыхъ. Шаманы говорятъ, что человѣкъ для поступленія въ ихъ сословіе долженъ имѣть внутреннее къ тому призваніе и особенное душевное настроеніе, т. е. частые обмороки, дичаніе, изступленіе и вообще характеръ задумчивый, нелюдимый и мрачный. Кромѣ этого требовалась еще извѣстнаго рода ловкость (1). Понятно, что здоровый физически и нравственно человѣкъ не имѣлъ правъ на поступленіе въ жрецы. Дѣло въ томъ, что болѣзненное настроеніе духа необходимо было для жреческихъ операцій. Изъ практическихъ разсчетовъ жрецы доказывали массѣ, что для общенія съ божествомъ и для посредничества между имъ и человѣкомъ необходимо таинственное вѣдѣніе, знаніе воли божества и искусство умолять его. Жрецъ призывалъ божество при посредствѣ таинственныхъ заклинаній и словъ, которыя никому, кромѣ жреца, не были извѣстны. Жрецъ, по его словамъ, могъ заставить божество исполнить извѣстную просьбу, потому что онъ имѣетъ власть надъ божествомъ (2). Далѣе жрецъ удовлетворялъ и другимъ потребностямъ дикаря; послѣдній обращался къ жрецу за объясненіемъ причинъ различныхъ разрушительныхъ дѣйствій природы, просилъ объяснять смыслъ знаменательныхъ сновъ, разгадать будущее, — и жрецъ не

(1) Вилъ, Архіеписк. Ярославскій. Буддизмъ. Спб. 1858 г. стр. 241. (2) Cauche. Rel. de l'île de Madagascar.

отказывался удовлетворять желанію просителя потому, что онъ за эти услуги пользовался приношеніями просителей. Какъ онъ удовлетворялъ просьбѣ просителя —это вопросъ другой. Причины разрушительныхъ дѣйствій природы онъ, конечно, не могъ знать по своему невѣжеству, и если объяснялъ разрушительныя дѣйствія, то причину ихъ находилъ въ божествѣ—фетише, т. е. камнѣ или деревяшкѣ. Сны также объяснялъ по усмотрѣнію, какъ и угадывалъ будущее. Чтобы придать болѣе значенія своимъ объясненіямъ и гаданіямъ, жрецъ ссылался на авторитетъ божества, которое открыло ему эти тайны вслѣдствіе заклинаній. Неисполненіе предсказаній нисколько не смущало жреца; вслѣдствіе заклинаній божества онъ находилъ благовидныя причины неисполненія предсказаннаго.

Корыстное чувство заставляло часто жреца выставлять свои обязанности и труды тяжелыми и опасными; обязанности эти часто сопровождались страшными обрядами, изступленіемъ и конвульсіями жреца при приближеніи, по его словамъ, божества и проч. (1).

Изъ этихъ краткихъ замѣчаній видно, что съ появленіемъ жреца явилась и магія, выражающаяся въ заклинаніяхъ, въ таинственныхъ словахъ, въ вѣдѣніи воли божества, въ толкованіи сновъ, въ гада-

(1) Leveque, Excurs, sur le schamanisme. 298.

ніи о будущемъ и т. п. Въ этихъ начаткахъ магіи видны только грубость, невѣжество и обманъ легковѣрной массы со стороны жрецовъ, недобросовѣстность, шарлатанство и обманъ которыхъ извиняются только ихъ совершенною неразвитостію, грубостію и невѣжествомъ.

Съ теченіемъ времени магія принимаетъ гораздо болѣе широкіе размѣры. Въ это время магикъ повелѣваетъ и управляетъ духами, совершаетъ чудеса, исцѣляетъ отъ болѣзни и т. п.

По преданіямъ и легендамъ буддійскимъ, древніе шаманы представляются глубокими знатоками черной и бѣлой магіи. Шаманы умѣли, посредствомъ магіи, изгонять злыхъ духовъ изъ домовъ. Букъ или домовой, поселившись въ юртѣ, не давалъ покоя живущимъ въ юртѣ ни днемъ, ни ночью. Одинъ только шаманъ можетъ изгнать изъ жилища Бука. Онгоны злыя, или души злыхъ людей, наносятъ повѣтрія, причиняютъ тяжкія болѣзни, губятъ людей, изнуряютъ скотъ; словомъ, они бичь того племени, въ которомъ они водворились. Шаманъ можетъ посредствомъ магіи изгонять и онгоновъ не только изъ человѣка, но и изъ жилища. Добрыхъ духовъ шаманы чрезъ магію же умѣютъ умилостивлять. Такимъ образомъ шаманы посредствомъ магіи властвуютъ надъ духами. Этого мало. Они могутъ творить чудеса. Мы укажемъ на нѣкоторыя изъ этихъ чудесъ: они могутъ исцѣлять всѣхъ родовъ болѣзни и недостатки. Могутъ производить бѣлое тяжеловѣсное сѣмечко (пылденъ), обладающее притягательною силою. Они умѣютъ производить зелено-желтыя изумительныхъ свойствъ пилюли. Пилюли эти, равно какъ и пылденъ, считаются даромъ неба и по его благословенію онѣ зараждаются то въ волосахъ у пустынножителей, то въ священныхъ книгахъ, а иногда падаютъ съ неба; чаще же добываются руками праведниковъ изъ той пещеры, въ которой дни невинности проводилъ *Шара бичи бакши*. Пылденъ и пилюли влагаются въ уста умирающему, чтобы избавить его отъ вліянія демоновъ и открыть путь къ счастливой будущности. Они могли, т. е. шаманы, рѣзать тѣло у себя и у другихъ безъ малѣйшихъ вредныхъ послѣдствій. Шаманы могли летать по поднебесью. Знали тайну становиться невидимыми, когда только захотятъ. Они имѣли доступъ и проходили всѣ мѣста и на землѣ и подъ землею. Они могли все видѣть, предвидѣть. Несомнѣнно, что они имѣли власть и надъ животными. И такъ, шаманы при посредствѣ магіи заправляли чуть ли не всѣмъ міромъ. Если вѣрить всѣмъ легендамъ буддійскимъ о магіи шамановъ, то невольно необходимо удивиться ихъ могучей силѣ, почти безграничной власти и тому дару вѣдѣнія, которымъ они надѣлены были вслѣдствіе знанія магіи.

Страннымъ представляется здѣсь одинъ очень замѣчательный фактъ, на который нельзя не обратить вниманія. По естественнымъ законамъ мышленія.

могущество и вѣдѣніе шамановъ, добытыя посредствомъ магіи, должны развиваться все болѣе и болѣе; а между тѣмъ фактъ говоритъ противное. Съ теченіемъ времени магическое могущество шамановъ начало падать и наконецъ совершенно поражено Шигемуніемъ.

Изъ легендъ буддійскихъ видно, что Шугемуни, явившись на пиршество, на которомъ всѣ лучшія мѣста были заняты шаманами, взглянулъ гнѣвно на шамановъ, и послѣдніе поколебались, какъ былинки, и мгновенно очутились за дальнѣйшими рядами, бывъ отброшены туда невидимою силою. Этотъ скандалъ, совершившійся съ шестью стами человѣкъ, всѣхъ, исключая шамановъ, изумилъ. Привыкши съ дѣтства къ оргіямъ, шаманы думали, что Шигемуни произвелъ не болѣе, какъ потѣшный фокусъ, и потому, желая занять прежнія мѣста, они ринулись сквозь ряды. Но напрасно. Жалкіе ратоборцы принуждены были уступить побѣду Шигемуни. Далѣе, когда шаманы хотѣли умыть, по обычаю, руки, вода окаменѣла. Во время самаго пиршества, подносимыя имъ блюда такъ быстро улетали, что имъ не удавалось даже и прикоснуться къ блюдамъ. Эти мистификаціи заставили шамановъ бѣжать. Шаманы рѣшились вступить въ борьбу или по крайней мѣрѣ, вступить въ споръ съ Шигемуніемъ. Правда, что Шигемуни сначала бѣгалъ отъ шамановъ, но наконецъ покончилъ съ шаманами тѣло въ нѣсколько часовъ. Неудостоивъ шамановъ, которые явились для діалектическаго спора, ни словомъ, ни взглядомъ, Шигемуни рѣшилъ участь шамановъ однимъ мановеніемъ руки. Какъ только онъ коснулся своего сѣдалища, оно потряслось и вмѣстѣ съ тѣмъ раздался дикій голосъ, похожій на ревъ слона: вышелъ изъ земли огонь и явились геніи, которые въ видѣ грозныхъ богатырей рынулись на шамановъ и стали поражать ихъ. Несчастные искали спасенія въ бѣгствѣ; но рѣка преградила имъ путь, и они почти всѣ погибли (1).

Кто сколько нибудь мыслящій повѣритъ, что всѣ эти легенды истинны, а не вымыселъ буддистовъ? Борьба шамановъ съ буддистами несомнѣнно была и буддизмъ наконецъ одержалъ верхъ. Но вѣрить легендѣ о борьбѣ Шигемунія съ шаманами совершенно нелѣпо. Буддійскія книги, какъ и миѳологія Грековъ, переполнены такими чудесами, которымъ нѣтъ никакой ни возможности, ни надобности вѣрить. О браминахъ, факирахъ индійскихъ, подвизающихся въ настоящее время, разсказываютъ тоже очень много чудеснаго, но кто же станетъ вѣрить этой болтовнѣ разсказчиковъ.

Магію фетишей мы постараемся объяснить естественнымъ образомъ. Средоточіе фетишскаго культа

---

(1) Эти свѣдѣнія о шаманахъ и ихъ борьбѣ съ Шигемуніемъ заимствованы нами изъ соч. Буддизмъ Нила, Архіепископа Ярославскаго

составляетъ, какъ мы видѣли, *волшебство*. Фетишистъ, желая владычествовать надъ явленіями природы и дѣйствіями злыхъ духовъ, враждебныхъ его желаніямъ и цѣлямъ, старается достигнуть этого владычества волхвованіями и заклинаніями. Заклинанія бываютъ нѣсколькихъ родовъ: заклинанія природы, заклинанія божества, заклинанія злыхъ духовъ и заклинанія отшедшихъ душъ. Въ первомъ случаѣ волшебникъ или магикъ стремится испытать магическую силу воли надъ силами природы, и конечно никогда не достигаетъ своей цѣли потому, что погода напр. или вѣтры никогда не измѣняли своего естественнаго, совершающагося по законамъ природы, теченія вслѣдствіе заклинанія волшебниковъ. Сами магики убѣдились потомъ въ этомъ, перестали разсчитывать на магическую силу воли, а начали присматриваться къ явленіямъ природы, изучать ихъ законы и причины и такимъ образомъ положили начало бѣлой магіи. Въ послѣднихъ трехъ случаяхъ магикъ старается подчинить своему желанію и поставить отъ себя въ зависимость божество. Если магики хоть сколько нибудь понимали, что подчинить себѣ божество—вещь не мыслимая, -а это съ теченіемъ времени они поняли, то это было въ высшей степени низко съ ихъ стороны потому, что они обманывали массу и оскорбляли уважаемое ими божество. Далѣе магикъ старался разрушить враждебную силу злыхъ духовъ силою воли, доведенной до высшаго напряженія и энергіи и господствовать надъ этими воображаемыми силами. Какъ злые духи, такъ

души усопшихъ, по мнѣнію фетишистовъ, скитаются ночью по разнымъ мѣстамъ и обитаютъ во внутренности земли, въ разселинахъ, безднахъ, горахъ, рощахъ, въ солнцѣ, звѣздахъ и проч., –и стараются причинить вредъ человѣку. И потому изъ опасенія вредныхъ дѣйствій отъ душъ усопшихъ и злыхъ духовъ (напр. Онгоновъ и Бука шаманы заклинали и изгоняли), то молились имъ, то заклинали и изгоняли ихъ.

Волшебство или заклинаніе производилось или просто выраженіемъ воли заклинателя, какъ дѣлаютъ напр. заклинатели вѣтровъ и погоды, встрѣчающіеся во всѣхъ естественныхъ религіяхъ, или употребленіемъ особенныхъ внѣшнихъ средствъ при помощи магическихъ пріемовъ и орудій. Изъ этой формы естественной религіи вышли предзнаменованія (во снѣ), предсказанія, ворожба, разсказы о чудесахъ магиковъ (напр. низведеніе луны съ неба), и удержались и на высшихъ ступеняхъ естественной религіи. Очевидно, что стремленія волшебниковъ владычествовать надъ духами и душами усопшихъ ничто иное, какъ жалкая борьба человѣка съ пустыми призраками собственнаго воображенія. Съ теченіемъ времени магики вступили въ дружескія сношенія съ злыми духами, но эти сношенія такая же пустая мечта, какъ и борьба.

Что такое въ самомъ дѣлѣ заклинанія? Божеству не было разсчета сообщать жрецамъ эти таинственныя заклинанія потому, что жрецы старались подчинить себѣ

и божество. Да и могъ ли богъ-фетишъ сообщить что-нибудь. Волшебники заклинали злыхъ духовъ, и поэтому уже духи не сообщили бы изъ собственныхъ разсчетовъ. Очевидно, что заклинаніе собственное изобрѣтеніе колдуновъ. И такъ, можно ли имъ дать какое нибудь значеніе? Очевидно нельзя. Что же это были бы за духи и божества, которыя, по самому понятію о нихъ, должны быть выше человѣка, но которые подчиняются ему изъ-за нѣсколькихъ словъ? Какимъ путемъ дошли волшебники до такого таинственнаго вѣдѣнія? И чего могъ добиться человѣкъ отъ такого божества, которое было камень или дерево. Духовъ и усопшихъ душъ волшебникъ тѣмъ болѣе не могъ заклинать. Понятно, что заклинанія посредствомъ таинственныхъ словъ очевидная нелѣпость. И если волшебники дѣйствительно употребляли какія нибудь таинственныя слова при такъ называемыхъ заклинаніяхъ, то это не болѣе какъ жалкое самообольщеніе волшебниковъ. Если же этихъ словъ вовсе не было, а только волшебники обманывали народъ, въ такомъ случаѣ они были самыми низкими людьми, тѣмъ болѣе, что имъ народъ слишкомъ довѣрялъ. Еще несостоятельнѣе было заклинаніе и волхвованіе при посредствѣ внѣшнихъ орудій, конечно магическихъ, или пріемовъ. Это самое жалкое состояніе волшебника. Волшебники или жрецы отличались отъ толпы одеждою, барабаномъ, палкою и т. п. «На кудесической одеждѣ по обоимъ плечамъ, на спинѣ между плечами и на рукавахъ снизу подъ локтями пришиваемы были замшевыя или

суконныя привѣски. Эти привѣски исцѣляли будто бы отъ болѣзней» (1).

Одежда шамановъ описана въ «Буддизмѣ» Нила, Архіепископа ярославскаго. Барабанъ былъ особенно устроенъ; но, къ сожалѣнію, мы не знаемъ этого устройства.

Посредствомъ насильственнаго потрясенія нервовъ, одуряющихъ напитковъ и чада, музыки и пляски, изнурительнаго поста и т. п., волшебникъ производитъ въ себѣ то напряженное состояніе духа, которое часто переходитъ въ судороги, помѣшательство, падучую болѣзнь, и которое, какъ думаютъ, наиболѣе благопріятствуетъ цѣлямъ колдовства. Не жалкое ли это состояніе? Чрезъ пользованіе упомянутыми средствами ничего не въ состояніи заколдовать: но что онъ съ каждымъ разомъ слабѣетъ физически, тупѣетъ умственно и растлѣваетъ нравственно, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Фетишизмъ съ его представителями кудесниками существуетъ еще и теперь у многихъ языческихъ народовъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ волшебство весьма развито. Тамъ, гдѣ масса нисколько не развита, суе-

---

(1) Это было у Самоѣдовъ. Смотр. Памятникъ трудовъ правосл. благовѣстниковъ русскихъ съ 1793—1813 г. М. 1857 г. стр. 72.

вѣрна, заражена предразсудками,—тамъ, говоримъ, волшебниковъ очень много и они пользуются большимъ почетомъ и значеніемъ. Напротивъ, гдѣ народъ начинаетъ развиваться, тамъ кудесники постепенно падаютъ.

ГЛАВА XIX.

Магія въ связи съ Астрологіей у Сабеистовъ и Персовъ.

На дальнѣйшихъ ступеняхъ развитія человѣчества понятіе о магіи, волшебствѣ и ихъ характерѣ совершенно измѣняется; магія получаетъ другое направленіе. Понятіе о черной магіи и ея чудесахъ, о волшебствѣ и о заклинаніяхъ злыхъ духовъ и отшедшихъ душъ остается на долю толпы. Жрецы же, т. е. спеціалисты по магіи, совершенно иначе относятся къ магіи. Вмѣсто дурацкихъ, ни къ чему не ведущихъ заклинаній и безсмысленнаго, убійственнаго для жреца колдовства, каста жрецовъ стала изучать астрономію, физику, механику, химію и т. п., и на этомъ новомъ поприщѣ оказала блестящіе успѣхи. Труды на этомъ новомъ поприщѣ,—на поприщѣ бѣлой или естественной магіи, на сколько они дошли до насъ, останутся незабвенными для науки. Правда, что на первыхъ порахъ было много таинственнаго въ магіи чрезъ примѣсь астрологіи, но съ теченіемъ времени эта таинственность весьма много ослабѣла. Этотъ, впрочемъ, недостатокъ блѣднѣетъ

предъ тѣми открытіями, какія сдѣланы магиками въ этотъ періодъ. Одно только въ магикахъ ни чѣмъ не можетъ быть оправдано,—это отношеніе жрецовъ или магиковъ къ массѣ, отъ которой они тщательно скрывали всѣ свои познанія.

Мы видѣли значеніе жреца и его отношеніе къ обществу въ доисторическомъ состояніи общества. Со всѣмъ въ другое отношеніе къ обществу становится онъ при дальнѣйшемъ развитіи общества, когда вмѣсто фетишизма выступаетъ на сцену религіозныхъ убѣжденій боготвореніе свѣтилъ и силъ природы. Теперь божество нельзя, такъ сказать, имѣть подъ рукою, какъ фетиша. Нужно особенное знаніе и искусство отгадывать воли божества въ теченіи свѣтилъ и знаменіяхъ силъ природы. Для этого нужна цѣлая наука, особая школа. И вотъ является классъ людей съ преимущественнымъ, почти исключительнымъ назначеніемъ служить посредникомъ между божествомъ и людьми. Это посредничество взяло на себя сословіе жрецовъ, занимавшееся наблюденіемъ свѣтилъ и ихъ отношенія къ судьбамъ людей, изученіемъ силъ природы и гаданіемъ о значеніи и смыслѣ ихъ знаменій. И жрецы, какъ мы сказали, много успѣли на этомъ поприщѣ. Даже Индійцы, которые на свою религію и науки смотрѣли, какъ на совершеннѣйшія, считали Египтянъ самыми искусными волшебниками (1).

---

(1) „Тысяча и одна ночь". Ночь 507.

Сабеисты переносятъ свое божество отъ земли на небо, предполагаютъ божество въ звѣздахъ, какъ самыхъ блестящихъ явленіяхъ природы, видятъ въ нихъ особыя самостоятельныя божественныя существа и приписываютъ имъ особенное магическое вліяніе на жизнь земли и ея обитателей. Эти новыя божества не то, что фетиши; они гораздо выше, далѣе и недоступнѣе для человѣка: здѣсь выступаетъ на сцену звѣздная сила, явленія которой, по сознанію Сабеистовъ, стоятъ въ необходимой связи съ цѣлою жизнію природы и въ видѣ неизмѣннаго закона, или рока, господствуютъ надъ самимъ человѣкомъ.

Все твореніе Сабеисты раздѣляли на круги, состоящіе подъ особеннымъ вліяніемъ звѣздъ и каждому небесному тѣлу приписывали особенную силу дѣйствія; такъ: солнцу приписывали сухость и теплоту, лунѣ влажность, Меркурію смѣшеніе тѣхъ и другихъ свойствъ, Сатурну—холодъ и засуху, Юпитеру умѣренную теплоту, Марсу жаръ, Венерѣ теплоту и влагу, и утверждали, что эти силы въ частныхъ кругахъ жизни самымъ правильнымъ образомъ производятъ извѣстныя явленія и измѣненія жизни. По этимъ же свойствамъ солнце, луна и земля считались благодѣтельными божествами, а Сатурнъ и Марсъ зловредными, и т. п. Халдеи думали, что заклинаніями можно вызывать души усопшихъ и заставить ихъ открывать живымъ будущую ихъ судьбу. Аравитяне думали, что душа во снѣ приноситъ наблюденія изъ другаго міра.

Сознаніе зависимости отъ высшихъ силъ выражалось у Сабеистовъ грубымъ фатализмомъ, или вѣрованіемъ въ слѣпую необходимость рока; съ другой стороны—при пробужденіи въ человѣкѣ хотя неяснаго чувства собственной свободы, сознаніе зависимости перешло въ стремленіе до нѣкоторой степени покорять себѣ природу и владычествовать надъ необходимостію, но не безотчетнымъ колдовствомъ, а нѣкотораго рода знаніемъ. Далѣе, желая вступить въ живую личную связь съ божествомъ, Халдеи измыслили для этой цѣли особую науку.

Такимъ образомъ у Халдеевъ образовалась наука *магіи*, какъ выраженіе стремленія покорять себѣ природу; *астрономія*, какъ выраженіе стремленія вступить въ личную связь съ звѣздами; истолкованіе и заклинаніе душъ усопшихъ какъ выраженіе стремленія угадать будущее.

Іерархическимъ средоточіемъ всего астрологическаго звѣздопоклоненія былъ Вавилонъ, гдѣ Халдеи, какъ каста жрецовъ, занимались звѣздочетствомъ при храмѣ Бела (солнца). Съ теченіемъ времени въ Ассирійско-вавилонскомъ царствѣ Халдеи составили отдѣльный, самостоятельный элементъ народа и были хранителями астральной религіи, которая отъ грубаго волшебства шамановъ возвысилась до астрологической системы.

Какъ уважали въ Персіи магію, видно изъ словъ

Порфирія (1), по свидѣтельству котораго царь Персидскій Дарій имѣлъ такое высокое понятіе о магіи, что на монументѣ своего отца Гистаспа приказалъ написать: «онъ былъ главою и наставникомъ Персидскихъ маговъ.»

Дѣйствительно, стремленіе Халдеевъ покорить себѣ природу въ извѣстной степени удовлетворено, вслѣдствіе ихъ познаній и опытности. Чудеса магическаго ихъ искусства показываютъ, что они знакомы были съ физикой, химіей, механикой и математикой и долго наблюдали надъ природою. Мы приведемъ и, хоть приблизительно, объяснимъ два, три чуда изъ магическихъ дѣйствій Халдеевъ.

Извѣстно, что Дарій Гистаспъ, вступивъ на престолъ Персидскій, потребовалъ себѣ божескаго поклоненія. Подданные изумились отъ этого требованія потому, что никто не видѣлъ ничего божественнаго въ своемъ вѣнценосцѣ. Но скоро суевѣрный ужасъ обуялъ Персовъ. Въ первый разъ, какъ только они явились во храмъ, чтобы исполнить требованіе повелителя, послѣдній доказалъ, что онъ человѣкъ необыкновенный, возсѣдая на золотомъ тронѣ и отвѣчая на жертвоприношенія поклонниковъ громомъ и молніей. Успѣхъ былъ самый поразительный. Невѣжественная масса признавала своего повелителя

(1) Porphyr. de abstinent. 1. 4. § 16. Vid. et Ammian Marcell. 1. 23.

за его чудеса не простымъ человѣкомъ, а божествомъ, но для маговъ или жрецовъ фокусы Гистаспа не были чудесами и потому они не считали его божествомъ. Подобныя чудеса на театральныхъ сценахъ очень нерѣдки, хотя актеры—не божества. Мы, правда, не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о томъ, какъ именно Гистаспъ производилъ громъ или молнію, но мы легко можемъ представить себѣ это, если припомнимъ, что подобныя же явленія молніи производятся въ театрѣ, при употребленіи плаунаго сѣмени (ликоподія): для произведенія грома нужно только извѣстное устройство сводовъ и стѣнъ, при искусномъ устройствѣ которыхъ можно не только видоизмѣнять, но и усиливать звуки, похожіе на громъ, градъ и пр.- съ изумительною точностію Нужно знать, какъ устроенъ былъ золотой тронъ Гистаспа, какъ устроены были своды и стѣны храма, и была ли какая нибудь связь между тропомъ и стѣнами, чтобы опредѣлить въ точности, какъ именно производилъ Гистаспъ громъ. Въ каждомъ физическомъ кабинетѣ можно производить сильные выстрѣлы и яркія искры электрическою машиною. Очень можетъ быть, что и во храмѣ Персидскомъ было что нибудь похожее.

Страбонъ разсказываетъ, что въ Каппадокіи жрецы Діаны, въ извѣстные праздники ходили босыми ногами по раскаленнымъ плитамъ. Кто незнакомъ съ секретомъ этого хожденія, для того разсказанный фактъ покажется или выдумкою Страбона, или совершеннымъ при помощи магіи, или колдовства. Чтобы удивить неопытныхъ, мы приведемъ еще болѣе поразительный фактъ изъ исторіи Персидской магіи.

Въ началѣ 4-го вѣка нашей эры, религія огнепоклонниковъ, прежде столь славная, начала видимо клониться къ паденію. Царствовавшій въ это время въ Персіи Сапоръ, ревностный поклонникъ и благоговѣйный почитатель Зороастрова ученія, призвалъ ученѣйшихъ маговъ или жрецовъ и приказалъ имъ изыскать средство для поддержанія господствующей религіи. Жрецы очень хорошо понимали, какого рода средства для поддержанія религіи нужно представить суевѣрному большинству. Одинъ жрецъ Абурабадъ —Мабрасфандъ, съ согласія своихъ товарищей, собралъ народъ и объявилъ, что онъ готовъ при всѣхъ присутствующихъ броситься въ огонь въ доказательство того, что ихъ религія, ихъ ученіе истинны. Это испытаніе заключалось въ томъ, что на тѣло жреца нужно было вылить полпуда расплавленной мѣди. Столь страшное испытаніе было предложено такъ рѣшительно, что немногіе нашлись, которые отнеслись къ дѣлу скептически. Чтобы удивить большинство и убѣдить меньшинство, жрецъ безтрепетно и безвредно выдержалъ огненное испытаніе (1).

Каково? Вѣдь для незнающаго, въ чемъ дѣло, представляется, что это или вымыселъ или обманъ

(1) Dictionaire histor., critiq. et bibliogr. XXVII. 417.

чувствъ или содѣйствіе духовъ, или наконецъ чудо, совершенное богомъ огня. Ничего однакожъ подобнаго не бывало. Многіе философы и историки смѣялись надъ этимъ и подобными разсказами, какъ надъ вымысломъ потому, что не знали законовъ химіи. Болѣе суевѣрные думали, что это волшебство, магія. Но такъ могли и могутъ разсуждать только суевѣрные. Такія чудеса творили люди никогда неслышавшіе, а еще болѣе никогда незнавшіе секретовъ Персидской магіи; чудеса такого рода совершали работники на чугуно-плавильныхъ и желѣзо-дѣлательныхъ заводахъ.

Изъ донесенія ученаго Перрея парижской академіи наукъ видно, что работникъ изъ желѣзо-дѣлательнаго завода за два франка согласился ступить обнаженною ногою на раскаленную плиту. Работникъ подошелъ къ чугунной плитѣ, только что отвердѣвшей и еще накаленной почти до-бѣла, тщательно смелъ съ нея всѣ нечистоты, бывшія на ея поверхности, разулся, обтеръ ногу и быстро ударилъ по раскаленной плитѣ обноженною ногою, потомъ вскочилъ на нее и нѣсколько разъ прыгнулъ на ней. Другой работникъ, никогда не дѣлавшій этого опыта, счастливо повторилъ опытъ перваго. Наконецъ самъ Перрей слегка ударилъ трижды по раскаленной плитѣ обнаженною ногою, но ступить не рѣшился, хотя и увѣренъ былъ въ безопасности. Такимъ образомъ два работника и Перрей были подражателями, правда слабыми ученымъ магикамъ древности.

Другой работникъ, по словамъ Бекмана, черпалъ рукою расплавленную мѣдь. Дѣло было въ Ауэштедтѣ въ Сентябрѣ 1765 г. Подержавъ нѣсколько минутъ кисть одной руки подъ мышкою другой, работникъ окунулъ ее въ расплавленную мѣдь, зачерпнулъ немного этой жидкости и бросилъ на стѣну, гдѣ мѣдь разсыпалась каплями, остывшими уже на полу. Рука работника отъ этой забавы нисколько не повредилась.

Французскій физикъ Бутиньи, въ началѣ 1849 года узналъ, что работники одного желѣзо-дѣлательнаго завода ступаютъ голыми ногами на раскаленное до-бѣла желѣзо, а также опускаютъ руку въ расплавленный чугунъ. Бутиньи самъ потомъ видѣлъ эти фокусы, и наконецъ въ Апрѣлѣ того же года безнаказанно самъ повторялъ эти фокусы: онъ разсѣкалъ обнаженною рукою расплавленный чугунъ толщиною до полутора вершка, а также опускалъ руку, конечно голую, въ расплавленный чугунъ.

Удивленный читатель, незнакомый съ такими фокусами, непремѣнно скажетъ: или все это вздоръ, или обманъ, или это фокусники настоящіе, какъ есть колдуны. Эти забавы объясняемы были различно: одни объясняли ихъ колдовствомъ, магіей, конечно черной, другіе считали вздоромъ, третьи объясняли чисто физически и объясняли различно. Варронъ думалъ, что люди, ходившіе, для потѣхи боговъ, по раскаленнымъ металламъ, для предохра-

ненія себя намазывали подошвы ногъ особеннымъ составомъ, который они хранили въ великомъ секретѣ. Бекманъ думалъ, что работники такъ безнаказанно забавляются съ расплавленнымъ металломъ вслѣдствіе нечувствительности, чрезвычайной огрубѣлости кожи, покрывающей руки работниковъ. Но какъ Варронъ, такъ и Бекманъ ошиблись, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ работникамъ желѣзо-дѣлательныхъ заводовъ. Какъ мы видѣли, они не натирались никакими мазями; огрубѣлость совершенно недостаточна для того, чтобы тѣло не подвергалось обжогѣ. И такъ, какимъ же средствомъ какъ персидскій магъ, такъ работники спаслись отъ обжоги — ужели чудеснымъ? Ничуть не бывало, а самымъ простымъ и естественнымъ образомъ. Для достиженія цѣли необходимы два главныхъ условія. Прежде всего и важнѣе всего — это рѣшимость, самоувѣренность въ безвредной потѣхѣ. Это — чисто психологическое условіе, безъ котораго немыслимо выполненіе опыта. Напротивъ, трусость никогда не рѣшится почти ни на какой серьезный опытъ, — и если бы человѣчество состояло изъ трусовъ, то оно никогда бы не развилось такъ широко и глубоко, если можно такъ сказать; науки не добились бы до тѣхъ результатовъ, до которыхъ они дошли усидчивостію, терпѣніемъ, трудомъ и особенно рѣшимостію многихъ отдѣльныхъ индивидуумовъ. Перрей и Бетиньи рѣшились и убѣдились на опытѣ, что шалить съ расплавленными металлами безнаказанно — позволительно смертнымъ всѣмъ и каждому, исключая труковъ. Это первое чисто психологическое, внутреннее, субъективное, зависящее отъ характера личности, условіе, — самое необходимое для опыта. Второе условіе, которымъ обладаетъ и трусъ, чисто физіологическое, и по отношенію къ первому внѣшнее условіе, на которое указалъ Бекманъ, хотя самъ не обратилъ на него вниманія. Физіологическое условіе это — потъ, которымъ покрыто было тѣло у людей купавшихся въ расплавленной мѣди, или черпавшихъ руками чугунъ, или прегуливавшихся по накаленному до-бѣла желѣзу. «Подержавъ нѣсколько времени ладонь и пальцы правой руки, говоритъ Бекманъ, подъ мышкой лѣвой, работникъ зачерпнулъ правою рукою» и т. д. Рѣшимостію и потомъ спасъ свое тѣло отъ стараемости персидскій магъ; такимъ образомъ спасли себя и работники. Жаръ персидскій извѣстенъ читателю, если только онъ знакомъ съ географіей, а послѣ этого неудивительно, что тѣло мага постоянно покрыто было потомъ и притомъ обильнымъ, который условливался еще и одеждою мага. Далѣе, предъ горнами и плавильными печами, вслѣдствіе сильнаго жара, сильная испарина очень естественна и необходима на тѣлѣ работниковъ.

Недавно г. Бутиньи открылъ, что если какая нибудь жидкость будетъ брошена на сильно раскаленное тѣло, то она принимаетъ видъ сплюснутыхъ капель, быстро вертящихся на своей оси и весьма медленно испаряющихся. Въ этомъ можетъ убѣдиться каждый, если плюнетъ на раскаленную плиту, на самоваръ, на дверцу печи, утюгъ и т. п. Это свой-

ство жидкихъ тѣлъ Бутиньи назвалъ *сфероидальнымъ состояніемъ*. Въ упомянутыхъ опытахъ существуетъ очевидная, явная связь, зависимость между явленіями несгараемости человѣческаго тѣла и сфероидальнымъ состояніемъ жидкостей, или, проще, пота. Какъ только рука или другая часть тѣла, напр. нога погружается въ расплавленный металлъ, то потъ, покрывающій тѣло, касаясь металла, принимаетъ сфероидальное состояніе и предохраняетъ руку отъ опасной жидкости металла. На это могутъ сказать, что потъ можетъ предохранить только частицу тѣла и притомъ отъ случайнаго нечаяннаго прикосновенія къ раскаленному желѣзу. Но дѣло въ томъ, что рука вовсе не прикасается къ металлу, будете ли вы производить опытъ надъ нѣсколькими золотниками или надъ нѣсколькими пудами расплавленнаго металла. Впечатлѣніе, производимое жаромъ, будетъ одинаково въ обоихъ случаяхъ. Все дѣло въ томъ, что раскаленныя поверхности отталкиваютъ отъ себя прикасающіяся къ нимъ жидкости или положительно сопротивляются имъ. Въ этомъ случаѣ мы укажемъ читателю на удивительные опыты Тиндаля, описанные имъ въ его сочиненіи «О теплотѣ». Въ этомъ сочиненіи онъ самымъ нагляднымъ образомъ доказалъ сфероидальность жидкихъ тѣлъ и отталкивающую силу раскаленныхъ поверхностей въ соприкосновеніи ихъ съ жидкими поверхностями. Читатель скажетъ: а лучеиспусканіе развѣ не имѣетъ здѣсь значенія? На это замѣтимъ, что жидкости въ сфероидальномъ состояніи, какъ давно доказано, способны отражать отъ себя теплородъ такъ, что они никогда не нагрѣваются до точки собственнаго кипенія. Напр. вода, кипящая обыкновенно при 100° по Цельзію, не доходитъ въ сфероидальномъ состояніи до температуры, превышающей 96°. Пока влага неиспарится, до тѣхъ поръ она отражаетъ теплородъ опасный для тѣла, погруженнаго въ металлъ. Значитъ можно держать руку въ металлѣ, пока неиспарится влага: а послѣ этого времени можно повредить руку, если держать ее въ металлѣ долѣе. Мы привели поразительнѣйшіе фокусы маговъ, предъ которыми всѣ другіе блѣднѣютъ, и объяснили естественнымъ образомъ. А послѣ легко также объяснить и другіе, если бы только стоило объяснять. Если читателю встрѣтится въ такомъ родѣ фактъ, то прежде всего онъ долженъ обратиться къ физикѣ и въ ней поискать объясненія или по крайней мѣрѣ возможности подобныхъ фактовъ, потомъ обратить вниманіе на тѣ факты и условія, при которыхъ совершился подобный фактъ и т. д. Многаго, конечно, нельзя объяснить удовлетворительно при настоящемъ состояніи науки, но съ теченіемъ времени всѣ фокусы, основанные на законахъ естественныхъ наукъ, будутъ объяснены вполнѣ.

Что же касается до разсказовъ о вызываніи тѣней мертвыхъ, о изведеніи луны на земли и т. п., то все это чистѣйшія сказки, основанныя на суевѣріи народномъ, надъ которыми смѣялись впослѣдствіи и сами жрецы, и если не разубѣждали народъ въ его

суевѣріи, то потому только, чтобы народъ боялся и почиталъ ихъ, благоговѣлъ и повиновался имъ. Какъ средство возвысить себя предъ народомъ, изучать какъ природу вселенной вообще, такъ и человѣка въ частности, и извлекать изъ этого изученія естественную и необходимую пользу, жрецы всѣхъ народовъ изучали магію. Была она, какъ мы видѣли, въ доисторическомъ состояніи человѣчества, существовала, какъ мы видѣли, у Шамановъ и Персовъ. Встрѣчаемъ ее также и у другихъ восточныхъ народовъ: Китайцевъ и Индійцевъ. Веды и законы Ману (1) подтверждаютъ это. Она была также у Ханановъ и другихъ. Но особенно она процвѣтала у Персовъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, и Египтянъ, которыхъ Индійцы считали самыми искусными волшебниками.

Съ теченіемъ времени, съ развитіемъ въ человѣчествѣ новыхъ идей, съ развитіемъ и распространеніемъ христіанства, съ политическимъ ослабленіемъ народовъ древнихъ восточныхъ, пала и магія, которая, какъ наука, отжила свой вѣкъ для восточныхъ народовъ, у которыхъ теперь нѣтъ почти и слѣдовъ той великой науки-магіи, надъ которой столько истратило силъ, средствъ и времени древнее жречество древнихъ предковъ, современныхъ восточныхъ народовъ. На долю современныхъ восточныхъ народовъ осталось только суевѣріе. По свидѣтельству путешественниковъ на востокѣ суевѣріе, стремленіе къ магіи и чародѣйству, и по настоящее время весьма развиты, а особенно въ той странѣ, въ которой нѣкогда процвѣтала особенно магія — въ Персіи какъ между огнепоклонниками, происшедшими отъ древнихъ Халдеевъ, такъ и между Персами, послѣдователями Магомета.

(1) Die Phil. in Forts. d. Wiss. 1 Th. 2 и 3 Abt. S. 984—1525.

Еще и въ настоящее время близь Баку, на полуостровѣ Аншеронѣ, у Каспійскаго моря, горятъ пары горнаго масла, просасывающагося на поверхность земли и близь этихъ вѣчныхъ огней живутъ огнепоклонники — жалкіе остатки древнихъ маговъ, прославившихъ нѣкогда ученіе Зороастра. (Разсказы о темныхъ предметахъ, М. С. Хотинскаго, стр. 416).

ГЛАВА XX.

Магія у Индійцевъ и Китайцевъ.

«Для народовъ, обожающихъ силы природы, говоритъ Крейцеръ въ своей символикѣ, физическія явленія служатъ знаками, въ которыхъ природа сама говоритъ съ людьми; но этотъ языкъ могутъ понимать только люди свѣдущіе» (1). Въ Индіи, какъ и въ Персіи, такими свѣдущими людьми считались жрецы. Въ Индіи одни жрецы занимались науками, и одни они взялись истолковывать народу все непонятное. «Одни изъ нихъ (жрецовъ), облеченные въ бѣлую хлопчато-бумажную одежду, говоритъ Веберъ, и сопровождаемые учениками, обходятъ города и торговые рынки и вопрошающимъ даютъ совѣты и наставленія, другіе управляютъ государственными дѣлами и служатъ царямъ совѣтниками; въ новый годъ они собираются въ царскій дворецъ для сообщенія гаданій и наблюденій объ урожайности года и о другихъ общеполезныхъ дѣлахъ; очевидно дѣло идетъ объ опредѣленіи календаря брамиными и

(1) Creuts. symbol. p. 4.

о занятіяхъ ихъ астрономіей и гаданіе по звѣздамъ; иные посвящаютъ себя медицинѣ; иные прорицатели и волшебники, нищенствуя ходятъ по городамъ и селамъ и какъ знатоки похоронныхъ формальностей и обрядовъ, отправляютъ похороны и жертвоприношенія по усопшимъ. Всѣ брамины въ высокомъ почтеніи у народа и царей» (1). Такое отношеніе общества къ брамиинамъ естественно возвышало ихъ; и брамины умѣли воспользоваться этимъ уваженіемъ общества для своей пользы. Отдѣлившись отъ общества и присвоивъ себѣ одинъ религію и знаніе, брамины запретили прочимъ Индійцамъ всякое и умственное и нравственное развитіе и поставили въ безвыходную отъ себя зависимость. Браминъ заботился только о своей кастѣ и постоянно старался объ ея выгодахъ и возвышеніи. И возвыситься брамину было не трудно, потому что на его сторонѣ было весьма много основаній, говорившихъ въ его пользу. Священныя книги Индійцевъ—Веды ставили касту браминовъ выше всѣхъ другихъ сословій, для которыхъ истолкователями Ведъ были брамины. Ихъ дѣло распространять и толковать слово Брамы, потому что чтеніе Ведъ принадлежало только жрецамъ; другіе же не имѣли права читать ихъ, и за ослушаніе подвергались жестокому наказанію: имъ вливали въ ротъ кипящее

(1) Веберъ, Всемірная исторія, перев. Игнатовича и Зуева кн. 1. Спб. 1860, стр. 391—392.

масло (1). Только къ брамину было близко божество,—и только жрецы-брамины могли изучать волю божества и сообщать ее людямъ: другіе лишены этого. Такимъ образомъ жрецъ, захвативъ въ свои руки истолкованіе религіи, сдѣлался тайновидцемъ, которому одному открыта воля божества. Но какъ скоро жрецы успѣли пріобрѣсть это драгоцѣнное право, то имъ легко было приписать волѣ божества все, что только могло придумать ихъ изобрѣтательное своекорыстіе. И жрецы, основываясь на этой привилегіи, захватили въ свои руки все, что только способствовало къ ихъ возвышенію и пользѣ. Толкуя религію, по своему усмотрѣнію, сословіе жрецовъ занималось наблюденіемъ свѣтилъ небесныхъ и ихъ отношенія къ судьбамъ людей, изученіемъ силъ природы и гаданіемъ о значеніи и смыслѣ ихъ явленій. Они занимались астрономіей, медициной, физикой, и эти науки изучали для своихъ цѣлей, называя свое знаніе сообщеніемъ свыше, сообщеніемъ божества, которое открываетъ свои повелѣнія и желанія, свои наставленія и завѣщанія людямъ чрезъ жрецовъ и только чрезъ нихъ за ихъ святость и добродѣтели, за ихъ тяжелые подвиги и благочестіе за такія качества (2) предъ которыми всѣ изумлялись и естественно принимали всѣ изреченія и всѣ дѣйствія жрецовъ за волю и наставленія

(1) Pract. du Bhago t.-Gita. p. 5.

(2) Пусть читатель припомнитъ подвиги факировъ, кото-

божества. Мы уже сказали, что читать священныя книги было строжайше запрещено Индійцамъ; одна только каста жреческая посвящена была въ таинственное вѣденіе Ведъ. Пользуясь этою привиллегіей, жрецы всѣ свои познанія по медицинѣ, физикѣ и астрономіи изложили въ особыхъ книгахъ и послѣднія присоединили къ Ведамъ, чтобы скрыть эти познанія отъ другихъ. Четыре *Упаведы* прибавленія къ Ведамъ, въ которыхъ говорится о медицинѣ, механикѣ и проч.; шесть *Чтъ* или *Веданъ* (т. е. 6 членовъ Ведъ), въ которыхъ между другими знаніями излагаются свѣдѣнія по астрономіи — всѣ эти книги считались священными и подобно настоящимъ Ведамъ считались для другихъ неприкосновенными. И дѣйствительно, по свидѣтельству исторіи, Индійцы имѣли правильное понятіе о движеніяхъ солнца и тѣлъ небесныхъ, о вращеніи земли около оси, о солнечныхъ и лунныхъ затмѣніяхъ. Это показываетъ, что, судя по тому времени, о которомъ мы говоримъ (въ 6 в. по Р. Х. Индійцы особенно познакомились съ упомянутыми знаніями отъ сношеній съ Греками, Китайцами и Халдеями), Индійцы

рые висѣли на спинѣ, пробитой желѣзнымъ крюкомъ, подвиги браминовъ-отшельниковъ, сидящихъ подъ жгучимъ солнечнымъ лучемъ, или подъ проливнымъ дождемъ, носящихъ мокрое платье въ холодное время года, строго постящихся и жестоко бичующихъ себя, и читателю будетъ понятно, что брамины считались людьми святыми, которымъ, по мнѣнію Индійцевъ, Брама открываетъ свою волю.

достаточно были знакомы съ астрономіей. По медицинскимъ наукамъ они хорошо знали анатомію, хирургію, физіологію и проч. Сами Греки удивлялись искуству индійскихъ врачей въ вылечиваніи отъ укушенія змѣй (1). Но особенно у браминовъ было развито знакомство съ механикой и физикой. Устройство Индійскихъ храмовъ и истукановъ боговъ ясно говоритъ о развитіи архитектуры и скульптуры. Появленіе боговъ въ блестящей одеждѣ съ лучезарными вѣнцами среди мрачнаго святилища, указываетъ на знакомство жрецовъ съ оптикой, посредствомъ которой (конечно брамины не знакомы были съ оптикой въ такой степени, въ какой она извѣстна въ настояще время) они производили и другіе фокусы, которые толпѣ невѣжественной казались чудесами, сверхъестественными явленіями, явленіемъ боговъ, у подножія которыхъ приносились жертвы и воскурялся ѳиміамъ. Изъ біографіи Аполлонія извѣстно, что когда Индійскіе жрецы ввели его во храмъ, земля поколебалась подъ ногами Грека, какъ волнующееся море. Между тѣмъ это колебаніе земли и другія подобныя землетрясенія жрецы производили не посредствомъ сношенія съ подземными силами, а при помощи механики, которая извѣстна была жрецамъ Индійскимъ. Посредствомъ механики объясняется и другое явленіе, видѣнное Аполлоніемъ въ томъ же самомъ святилищѣ, въ ко-

(1) Ист. Всем. Вебера. I. стр. 396—397.

торомъ поколебалась земля. Говоря это, мы имѣемъ въ виду самопроизвольное движеніе жертвенниковъ, на которыхъ сожигались жертвы и курился ѳиміамъ (1). Всѣ такія дѣйствія невѣжественная толпа принимала за чудеса, за содѣйствіе и пособіе силъ подземныхъ и боговъ, за магію, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, здѣсь — въ этихъ фокусахъ, ничего не было чудодѣйственнаго, сверхъестественнаго. И такъ, въ познаніяхъ астрономическихъ, которыя толпѣ казались сообщеніемъ боговъ, въ познаніяхъ медицинскихъ, которыя масса считала волхвованіемъ, и свѣдѣніяхъ механическихъ, принимаемыхъ народомъ за дѣйствія силъ подземныхъ и боговъ, не было ничего ни магическаго, ни сверхъестественнаго. Въ этомъ убѣждены были и жрецы и для своихъ цѣлей тщательно скрывали это отъ массы, невѣжество которой было весьма полезно для ихъ своекорыстія.

Но господство надъ природою, надъ стихіями выражалось не въ упомянутыхъ познаніяхъ, а, по убѣжденію самихъ браминовъ, въ особенныхъ подвигахъ (іогистическихъ) отшельниковъ. Извѣстный нѣмецкій демонологъ, Докторъ Георгъ-Конрадъ Хорстъ (2) гово-

(1) Philostr. vit. Apoll

(2) Д-ръ Хорстъ, издатель и редакторъ сборника: Zauber-Bibliotek, oder von Zauberei, Theurgie und Mantik, Zauberern, Hexen und Hexen-Processen, Dämonen etc.

ритъ, что въ Ведахъ заключается цѣлая наука волшебства. А въ законодательствѣ Ману перечисляются всѣ формулы магическихъ заклинаній, позволенныхъ или запрещенныхъ для брамина. Въ Индіи вѣрили, что помощію постовъ и другихъ лишеній можно пріобрѣсти таинственную силу и власть надъ стихіями, силами природы и даже надъ невидимымъ міромъ духовъ. Въ безчисленныхъ легендахъ Индійской миѳологіи мы безпрестанно встрѣчаемъ отшельниковъ, которые, пріобрѣтя чародѣйскую силу, владычествуютъ даже надъ богами» (1).

Основаніе для волшебства, магіи, чародѣйства заключается въ самомъ религіозномъ воззрѣніи Индійцевъ, по мнѣнію которыхъ великіе подвижники (напр. *Атри, Чьяви, Висвамитра, Бригу и другіе*) пріобрѣтали такую магическую силу, что даже небесныя существа не могли противиться имъ. По мнѣнію Индійцевъ послѣдняя цѣль всякаго земнаго стремленія, спасеніе блаженство, къ которому стремится всякая тварь, есть исчезновеніе индивидуума въ Брамѣ, «слитіе капли съ океаномъ». Но этого исчезновенія, этого погруженія въ Браму можно достигнуть только совершеннымъ освобожденіемъ отъ всего нечистаго, вещественнаго, чувственнаго. Только тотъ пріобрѣтаетъ божественную силу, силу, равную силѣ Брамы, кто погружаетъ себя глубоко въ божественное и его *я*

(1) Разсказы о темныхъ предметахъ. М. Хотинскаго, стр. 436.

вовсе исчезаетъ въ первобытномъ Брамѣ, соединяясь въ совершенномъ самоуничтоженіи съ сущностію божества. Чтобы достигнуть этого, Индіецъ долженъ расторгнуть всѣ связи, приковывающія его къ землѣ, и какъ бы стать выше земли. Только посредствомъ умерщвленія плоти и удаленія отъ міра можно подавить страсти и удалить отъ себя разсѣянность. «Коль скоро старый браминъ, говорится въ Ману, увидѣлъ дѣтей отъ сыновей своихъ, онъ долженъ одинъ, или въ сопровожденіи жены своей, удалиться въ лѣсную пустынь съ священнымъ огнемъ, чтобы строгою жизнію приготовить себя къ погруженію въ Брамѣ». Отшельникъ, живущій на голой скалѣ и возвышающійся надъ поверхностію земли, лишающійся всѣхъ пріятностей здѣшней жизни, отказывающій себѣ въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ и подвергающій себя самымъ жестокимъ подвигамъ покаянія — такой человѣкъ можетъ достигнуть чудодѣйственной силы». Кающійся долженъ валяться по землѣ, говорится въ Ману, или весь день стоять на пальцахъ, или попеременно то вставать, то опять садиться. Въ знойное время года онъ долженъ сидѣть въ жару четырехъ огней, подъ жгучимъ солнечнымъ лучемъ, въ дождь мокнуть нагій подъ облачными потоками, въ холодное время года носить мокрое платье. Отъ постоянно усиливаемой жестокости истязаній да истощится его смертное вещество. И когда слабость овладѣетъ имъ, онъ долженъ отправиться въ путь и идти въ прямомъ направленіи на сѣверо-востокъ,

питаясь водою и воздухомъ, пока его смертное тѣло не разрушится, а душа не соединится съ Брамою», пока онъ не пріобрѣтетъ той чудодѣйственной силы, которой подчинено все. Тоже говорится о подвижникѣ и въ Рамайянѣ. «Подвижникъ, сказано въ Саконталѣ, да покрываетъ тѣло свое кучами муравьевъ, колючія растенія да обвиваютъ и уязвляютъ его шею и птицы свиваютъ гнѣзда свои вокругъ плечей его».

Это чисто внѣшнія истязанія, чувственныя испытанія, которыя, ослабляя тѣло, укрѣпляли духъ. Но для полнаго усовершенія, для полной свободы духа необходимы испытанія чисто внутреннія, духовныя.

Для свободы духа, для достиженія магической силы, отшельникъ долженъ непремѣнно пройти четыре ступени духовнаго развитія, усовершенія, освобожденія. Первая ступень есть *познаніе* не внѣшнее, пріобрѣтаемое посредствомъ опыта или наблюденія, но непосредственное, духовное, внутреннее познаніе самого себя, убѣжденіе, что наше *я* не есть индивидуальная самость, какъ самостоятельная, но есть часть безкачественнаго, первобытнаго Брамы, есть дѣйствительное истеченіе изъ этого «міроваго зародыша», какъ истеченіе «капли изъ океана»; что, далѣе, природа со всѣми своими явленіями есть только призракъ, обманъ (тауа). Вторая ступень есть *успокоеніе, тишина чувствъ и страстей*; мудрецъ, достигши духовнаго вѣденія, долженъ оставаться спокойнымъ и равнодушнымъ ко всѣмъ явленіямъ

чувственной природы. «Онъ, подобно слѣпому, сказано въ Упанишадахъ, не видитъ, не слышитъ подобно глухому и подобно дереву не чувствуетъ и не движется». Его не должны тревожить ни надежды, ни страхъ, ни счастіе, ни несчастіе, ни радость, ни печаль. «Въ дремотѣ внутренняго созерцанія» онъ долженъ размышлять только о Брамѣ. Третья ступень—*добродѣтель* внутренняя, нравственная, а не обрядовая, состоящая въ исполненіи предписанныхъ Ведами обрядовъ. Въ силу этой добродѣтели отшельникъ не долженъ обращать вниманія на слѣдствія своихъ дѣйствій, потому что въ мірѣ все есть дѣло самого Брамы, а человѣкъ есть только орудіе божества. Кто достигъ этой добродѣтели, тотъ въ самомъ дѣйствіи уже не дѣйствуетъ и это бездѣйствіе есть верхъ дѣятельности. Это дремота духа въ непрерывномъ созерцаніи Брамы, это сонъ духа, добытый силою воли въ бодрственномъ состояніи. Этому умерщвленію плоти, этому погруженію своего *я* въ первобытнаго Браму брамины придавали такую важность, что на отшельниковъ смотрѣли, какъ на святыхъ, которые получали долю отъ силы и естества Брамы, они почитались выше древнихъ боговъ и своими святыми дѣлами достигали *необыкновенной, магической, чудодѣйственной силы вибути* (vibhooti, -перерожденія ясновидѣнія. Въ этомъ состояніи всякій предметъ, на который обращена мысль, становится для духа отшельника яснымъ. Самыя мысли другихъ для нихъ ясны. Предъ нимъ открываются самые сокровенные помыслы, самые тай-

ственные изгибы сердца. Духъ созерцателя видитъ даже внутреннее устройство своего тѣла. Обладая этой необыкновенной силой, духъ можетъ выходить изъ своего тѣла и возвращаться въ него, вступать въ другія тѣла и дѣйствовать въ нихъ, какъ въ собственномъ тѣлѣ. Углубивъ своего мысль въ жизненный духъ, душа отшельника можетъ, подобно легкому дереву, плавать по водѣ, ходить по волнамъ, углубившись въ эфиръ, можетъ подыматься въ воздухѣ и летать; углубившись въ тончайшіе элементы, душа, подобно солнечному лучу, можетъ подняться до луны или до солнца. Такіе отшельники пріобрѣтали магическую силу въ такой степени, что самые боги не могли противиться имъ, потому что сила ихъ равнялась божественной силѣ Брамы. Въ народныхъ легендахъ многіе отшельники и святые представляются обладающими такою необыкновенною силою. Впрочемъ не одни отшельники только отличались этимъ даромъ: онъ усвоялся и многимъ жертвеннымъ жрецамъ потому что жертвы, правильно выполненныя, имѣютъ на боговъ понудительное дѣйствіе, которому противостоять они не въ силахъ, какъ думали Индійцы; боги должны оказывать готовность, помогать и быть признательными. «Кто исполнитъ *асва* меда (asvamedha) (1), тотъ стяжетъ всѣ міры, побѣдитъ смерть,

(1) Эта жертва состоитъ въ принесеніи 609 животныхъ разныхъ породъ, которыя распредѣляются жрецомъ на 21 группу по числу отдѣленій ада.

изгладитъ свои грѣхи и преступленія», говорится въ Ведахъ. И нынѣ большею частію случается, что отшельникъ по цѣлымъ годамъ лежитъ на постели съ острыми иглами, или качается въ воздухѣ на желѣзномъ крючкѣ, пробитомъ сквозь его спину. И нынѣ Индія считается страною волшебства; и нынѣ въ ней считаются очень многіе обладающими волшебной силой; особенно многіе искусно заговариваютъ отъ укушенія змѣй.

Что же это за чудодѣйственная, магическая сила которой достигали такими жестокими подвигами? Въ этой силѣ нѣтъ ничего чудеснаго. Прежде всего нужно обратить вниманіе на то, что собственно духу отшельника принадлежитъ магическая сила, что духъ можетъ возноситься до луны, проходить воды и пр. Это явленіе можетъ быть отчасти объяснено чисто физіологическимъ состояніемъ организма съ одной стороны; съ другой психологическимъ настроеніемъ, или, правильнѣе выражаясь, психическою болѣзнію. Извѣстно, что нормальная, здоровая дѣятельность организма условливается нормальною, взаимною дѣятельностію трехъ главныхъ системъ организма: желудочной, мускульной и мозговой. Ненормальная дѣятельность зависитъ отъ преобладанія одной системы надъ другой. Опытомъ дознано, что атлеты (у которыхъ развиты мускулы) большею частію тупоумны и съ тощими желудками; обжоры тупоумны и слабы.

ученые люди большею частію тощи и слабы. И чѣмъ слабѣе желудочная и мускульная дѣятельность, тѣмъ напряженнѣе мозговая. При сильномъ истощеніи желудка, при совершенномъ ослабленіи мускуловъ, при совершенномъ почти бездѣйствіи того и другихъ, напряженіе мозга бываетъ такъ сильно, что въ немъ совершаются самыя ненормальныя явленія; фантазія, вслѣдствіе мозговаго разстройства, рисуетъ самыя неестественныя, самыя страшныя картины. Въ этомъ состояніи возможны галлюцинаціи, кошмаръ и т. п. У индійскихъ отшельниковъ, которые питаются очень рѣдко, желудокъ совершенно истощенъ, мускулы также ослаблены отъ того, что не подкрѣпляются пищею. Дѣятельность остается на долю фантазіи, представленія которой направлены чисто на индійскій ладъ. Отшельникъ стремится къ самоуглубленію. Вслѣдствіе этого, при ненормальномъ состояніи мозга, фантазія представляетъ то, къ чему стремился отшельникъ. Онъ хотѣлъ самопознанія, познанія своихъ помысловъ и помысловъ другихъ, онъ хотѣлъ носиться по воздуху, ходить по волнамъ, и фантазія въ этомъ случаѣ его покорная слуга. Отшельникъ (подобно сумасшедшему, воображавшему, что управляетъ царствомъ, что онъ понимаетъ рѣчь собакъ, что онъ видитъ скважины своего сердца и т. п.) представляетъ подъ вліяніемъ фантазіи, что онъ достигъ той магической силы, о которой мы говорили выше. Съ другой стороны это магическая, чудодѣйственная сила, или внутреннее просвѣщеніе, способъ достиженія котораго описывается въ Ведахъ, есть ничто иное

какъ явленія животнаго магнетизма (1). Вибути есть тоже, что *ясно видѣнія сомнамбуловъ*. Нашъ взглядъ подтверждается изслѣдованіемъ Виндишмана, который въ своемъ сочиненіи: «Die Philosophia im Fortgang der. Weltgeschichte»—доказалъ, что явленія животнаго магнетизма были весьма извѣстны въ Индіи, особенно въ кастѣ браминовъ. Приводить подлинныя слова г. Виндишмана мы не считаемъ нужнымъ какъ потому, что его изслѣдованіе заняло бы слишкомъ много мѣста объ однихъ степеняхъ, посредствомъ которыхъ достигается Вибути, у него 45 страницъ отъ 1546—1591 стр. (2), такъ и потому, что мы въ краткихъ, но точныхъ словахъ изложили тоже, что онъ излагаетъ на нѣсколькихъ десяткахъ страницъ.

Такимъ образомъ, замкнувшись въ самомъ себѣ, іогистъ или отшельникъ въ этомъ состояніи создаетъ для себя особый мистическій міръ и думаетъ, что

---

(1) Животный магнетизмъ или месмеризмъ, по имени Доктора Месмера, открывшаго силу животнаго магнетизма, есть жизненная сила, присущая, въ болѣе или менѣе сильной степени, каждому человѣку, обнаруживающаяся при дѣйствіи или вліяніи на животный составъ другаго человѣка, безъ вещественныхъ средствъ, но силою духа. Дѣятель въ этомъ случаѣ называется магнетизеромъ, а паціентъ—сомнамбулою ясновидящею.

(2) Philos. im Fortg. Wletgech. 1. Th. 4 aptheilung. Bonn. 1834.

восторжествовалъ надъ природою, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ наслаждается только собственнымъ самообольщеніемъ. Явленія животнаго магнетизма несомнѣнно истинны, но они возможны только въ болѣзненномъ состояніи, между тѣмъ іогисты принимаютъ эти явленія за сверхъестественное и вмѣстѣ за самое нормальное состояніе души, самоуглубленной въ самое себя для побѣды надъ дѣйствительною природою; разрушительное вліяніе физической силы на человѣка, подверженнаго припадкамъ сомнамбулизма они принимали за необыкновенную, чудодѣйственную силу, посредствомъ которой душа по своему желанію распоряжается всею природою; обманчивыя видѣнія напряженной фантазіи приняты за дѣйствительное внутреннее озареніе; мистическое изступленіе и совершенная безсознательность считаются высочайшимъ блаженствомъ.

Не смотря на неосновательность этого ученія о степеняхъ для достиженія магической или чудодѣйственной силы (oibbouti) (1) оно принято новѣйшими

(1) Четыре степени достиженія магической или чудодѣйственной силы (vibbouti), вибути или ясновидѣнія, изложены въ Санкіа Сесвара Патанджали, о которомъ въ пуранахъ говорится, что онъ тотчасъ послѣ рожденія зналъ прошедшее, настоящее и будущее и что строгостію аскетической жизни онъ пріобрѣлъ необыкновенную чудодѣйственную силу (vibouti), которую обѣщалъ и ученикамъ своимъ (Hist. secr. de l'Inde par Marles. t. II p. 382.

сектами Буддистовъ: Іогачарьями и мистиками или *тантристами* (волхвами).

Буддійскій мистицизмъ состоитъ въ стремленіи разума въ тѣ высшія и отвлеченныя идеи, которыя онъ создалъ о высшихъ мірахъ. Въ этомъ состояніи, по мнѣнію мистиковъ, въ духѣ раждаются новыя силы и способности, болѣе и болѣе возвышающія его въ предѣлы очищенія. Силы духа никогда не обладаютъ такимъ могуществомъ, какъ въ то время, когда онѣ сосредоточиваются на одномъ пунктѣ. Это сосредоточеніе, это углубленіе есть погруженіе въ *Самадхи*, которое имѣетъ двѣ степени *дьяны*, или созерцанія (чувственнаго) и *Самапатти* или самопогруженія (духовнаго); каждая изъ нихъ раздѣляется на четыре степени или вида, соотвѣтственно извѣстнымъ сферамъ высшихъ міровъ, такъ что существа, находясь на этихъ степеняхъ еще въ чувственномъ мірѣ, постепенно какъ бы утончаютъ свою природу до образа высшихъ небесныхъ существъ и, проявивъ въ себѣ самую высшую степень утонченія Сансары, онѣ свободно могутъ перейти уже въ міръ Нирваны. Созерцающій Дьянъ во всѣхъ видахъ испытываетъ блаженство, анализируетъ ли его умъ созерцаемое, или сосредоточивается на одномъ пунктѣ, или же равнодушно относится къ радости и не испытываетъ никакихъ ощущеній. Самопогруженный Самапатти чуждъ всѣхъ представленій (чувственныхъ), обладаетъ безграничнымъ знаніемъ, въ которомъ сли-

вается прошедшее, настоящее и будущее. Погруженный въ Самади производитъ удивительныя вещи, нѣтъ ничего не доступнаго для его произведеній посредствомъ такого сосредоточеннаго духа; онъ (погруженный въ Самади) можетъ освѣщать всѣ міры и отражать ихъ въ самомъ себѣ и т. п. Онъ можетъ дѣлаться невидимымъ и дѣлать невидимыми другихъ и пр. Кто уяснитъ себѣ идеи до того, что сливается съ ними, предъ тѣмъ вдругъ раскрываются сокровенныя таинства и силы. А это и составляетъ вступленіе *на путь прозрѣнія*. Состояніе Самади достигается не только выполненіемъ извѣстныхъ умственныхъ и нравственныхъ условій, но и есть плодъ изученія извѣстныхъ пріемовъ и искусства, такъ наприм. одинъ изъ низшихъ пріемовъ заключается въ счетѣ дыханій и выдыханій.

Эти средства для достиженія необыкновенной силы *ясновидѣнія* и возникающая отсюда сила *ясновидѣнія*, или высшія чудотворныя качества, наприм. способность летать, знать чужія земли и проч., извѣстны были, какъ сознавались Буддисты и Тиртикамъ, т. е. иновѣрцамъ, или еретикамъ буддійскимъ, т. е. Іогачарьямъ.

Такимъ образомъ ученіе о Іогахъ повторилось и въ Буддійскомъ мистицизмѣ. Браманскій отшельникъ считалъ природу небытіемъ, призракомъ; новый Буддизмъ *пустотою*, а потому какъ тотъ, такъ и другой отвергли реальность міра чувственнаго

и удовлетворялись только внутреннимъ, духовнымъ знаніемъ. Какъ Іогисты, такъ Іогачаріи признавали реально существующею только душу. Какъ въ Санкіа Сесвара, такъ и, по мнѣнію Іогачаріевъ, душа должна освободиться, для достиженія ясновидѣнія отъ міра чувственнаго. Какъ въ Санкіа Сесвара, такъ и въ Буддійскомъ мистицизмѣ главное занятіе духа есть сосредоточенное въ самомъ себѣ созерцаніе или самоуглубленіе. Какъ тамъ, такъ и здѣсь человѣкъ долженъ пройти извѣстныя степени для достиженія ясновидѣнія. Какъ Іогисты, такъ и мистики буддійскіе равно признаютъ чудодѣйственную силу и притомъ признаютъ за ней одни и тѣ же дѣйствія.

Понятно послѣ этого, что какъ сила ясновидѣнія вибути браманскихъ отшельниковъ, такъ и сила ясновидѣнія буддійскихъ одно и тоже и происходятъ изъ однѣхъ и тѣхъ же причинъ. И потому, объяснивъ въ чемъ состоитъ ясновидѣніе браманскихъ отшельниковъ, мы не считаемъ нужнымъ повторять здѣсь вышеприведенныхъ объясненій.

Говоря о буддійскомъ мистицизмѣ, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о *Дарани*, или о мистическихъ формулахъ и выраженіяхъ, посредствомъ которыхъ, думаютъ мистики, можно производить все. Посредствомъ этихъ формулъ можетъ быть выражено всякое понятіе и всякое существо, и кто усвоилъ эти формулы неоднократнымъ по-

вторенiемъ или даже созерцанiемъ буквъ, изъ которыхъ состоятъ эти формулы, тотъ прiобрѣтаетъ огромную власть надъ всѣми. Этими формулами можно вызывать самихъ Буддъ и покорять духовъ и самихъ боговъ и проч. Занимающiйся чарами долженъ быть чистъ, чтобы чрезъ это быть способнымъ къ воспрiятiю тайнъ сосудомъ. Человѣкъ, котораго духъ занятъ постоянно созерцанiемъ Будды, а языкъ постояннымъ повторенiемъ заклинанiй, прiобрѣтаетъ верховную *Сидди*, или ту сверхъестественную силу, которая даруется чарами. Сидди состоитъ изъ трехъ степеней: низшая степень Сидди заклинанiями и лекарствами доставляетъ владычество надъ богами, драконами и якшами, власть надъ ихъ навожденiями, надъ ядами и ядовитыми животными; средняя степень богатство долгоденствiе, знатность и почтенiе; верховная Сидди, или высшая ея степень, доставляетъ прозрѣнiе, невидимость способность принимать различныя видоизмѣненiя, покоряетъ демоновъ, свѣтила, боговъ и пр. Словомъ Сидди, по мнѣнiю мистиковъ, становится божествомъ и потому прiобрѣтаетъ такое могущество. Очевидно, что это жалкое самообольщенiе, обязанное своимъ происхожденiемъ несчастному состоянiю ясновидѣнiя или животнаго магнетизма.

Вслѣдствiе гоненiя со стороны Браманства съ одной стороны и вслѣдствiе уступчивости и пассивности своей, а также индефферентнаго отношенiя къ другимъ религiямъ съ другой стороны, Буддизмъ распространился во многихъ сосѣднихъ странахъ: въ Монголiи, Китаѣ, Тибетѣ, на островѣ Цейлонѣ, Японiи и другихъ мѣстахъ.

Но особенно легко было Буддизму въ Китаѣ ужиться подлѣ государственной религiи и быть терпимымъ, при недостаткѣ воодушевленiя и энергiи, при равнодушiи ко всему идеальному Китайцевъ. Только нѣкоторыя воспрiимчивыя натуры, имѣвшiя высшiя понятiя о жизни, приняли Буддiйское ученiе и вмѣстѣ съ нимъ заблужденiя о чарахъ; другiе Китайцы остались равнодушными къ новому ученiю. Какъ бы то ни было, волшебство, или, правильно выражаясь, убѣжденiе въ возможности волшебства распространилось и въ Китаѣ, чрезъ Буддизмъ.

Впрочемъ чародѣйство и волшебство было извѣстно въ Китаѣ гораздо прежде Буддизма. Оно возникло въ Китаѣ изъ религiознаго ученiя, основаннаго *Лао-це*, однимъ изъ старѣйшихъ современниковъ Конфуцiя. Лао-це, подобно индiйскимъ браминамъ, жилъ въ уединенiи, и потому онъ учитъ, по словамъ Вуттке (1), что «мудрецъ заключается въ самого себя, погружается взоромъ въ глубину мысли пустаго первобытiя, не хочетъ имѣть никакого дѣла съ мiромъ, не заботится о государствѣ и объ исторiи мiра, спо-

(1) Geschichte des Heidenthums. 2. T. Geistleben chinesen.

койно живетъ въ уединеніи, равнодушный къ радости и печали; настоящіе мудрецы живутъ какъ пустынники въ лѣсахъ и пещерахъ, или какъ нищіе, и отрекаются отъ міра. Чрезъ такое отчужденіе отъ міра, лжи и наружнаго блеска и обращеніе къ вѣчному единству, мудрецъ пріобрѣтаетъ себѣ долгую жизнь на этой землѣ, т. е. живетъ или безъ смерти въ нестарѣющемъ никогда тѣлѣ, или въ видѣ переселенія душъ, пока не возвратится къ первобытію, изъ котораго онъ произошелъ». Чрезъ это человѣкъ дѣлается господиномъ всего въ природѣ и даже пріобрѣтаетъ власть надъ смертію. Помощію «напитка безсмертія» святой можетъ сокрушить даже силу смерти. Это мистическое ученіе со временемъ породило весьма распространившуюся вѣру въ чары и волшебство, и содѣйствовало къ тому, что прорицаніе, чародѣйство и заклинаніе духовъ развились до чрезвычайныхъ размѣровъ (особенно въ шаманствѣ народовъ Алтая). Согласно съ этимъ ученіемъ шаманы имѣютъ власть и силу заклинать духовъ, укрощать стихіи, надѣлять здоровьемъ и болѣзнію, счастіемъ и несчастіемъ, вообще освобождать людей изъ оковъ силъ природы и противодѣйствовать злымъ духамъ. Прорицательство и толкованіе знаменій съ древнихъ временъ играютъ важную роль въ Китаѣ, а также объясненія хорошихъ и худыхъ дней и т. п.

Такимъ образомъ, какъ въ Индіи, такъ и въ Китаѣ вѣрили, что помощію постовъ и другихъ подвиговъ можно пріобрѣтать таинственную власть надъ стихіями, силами природы, надъ невидимымъ міромъ духовъ и даже надъ самыми богами.

Когда мы излагали ученіе Браманскихъ отшельниковъ, то мы въ тоже время старались показать несостоятельность этого ученія. Іогисты думали, что тѣми подвигами, которымъ они подвергали свое тѣло, они достигали высокой степени нравственнаго совершенства, результатомъ котораго была необыкновенная, магическая сила (vibbouti) *ясновидѣнія*. Мы съ своей стороны показали, что это не болѣе, какъ жалкое самообольщеніе, что это соединенное, съ совершеннымъ органическимъ разстройствомъ, болѣзненное состояніе души, что это ничто иное, какъ явленія животнаго магнетизма, а со всѣмъ не то озареніе со стороны Брамы, достиженіе котораго Іогисты полагали въ своихъ подвигахъ. Какъ самъ Брама есть продуктъ религіозной фантазіи, и, слѣдовательно, не можетъ удовлетворить религіозной потребности, такъ и самое озареніе свыше невозможно, потому что Іогисту не отъ кого получить реально это озареніе.

Мнѣніе Китайцевъ о возможности чародѣйства, заклинанія духовъ, господства надъ стихіями и проч., мы не опровергали въ настоящей главѣ, потому что неосновательность и шаткость такого мнѣнія, выродившагося изъ незнакомства съ законами природы и явленіями ея, выходящими изъ обыкновеннаго

ряда вещей, мы показали въ предыдущихъ главахъ особенно, когда говорили о заблужденіяхъ шамановъ, секта которыхъ была и въ Китаѣ.

Что же касается до ученыхъ свѣдѣній Индійскихъ браминовъ, которыя для народа казались магіей, сообщеніемъ свыше, сообщеніемъ Брамы, или господствомъ надъ подземными силами, то мы показали, что въ этихъ свѣдѣніяхъ не было ничего чудеснаго, волшебнаго или магическаго, что въ этомъ случаѣ жрецы пользовались невѣжествомъ народа, вполнѣ имъ преданнаго (1).

---

(1) Объ Индіи и Китаѣ подробное изложеніе на русскомъ языкѣ въ „Религіи и философіи востока„, соч. Новицкаго и „Всемірной исторіи“ Вебера.

ГЛАВА XXI.

Магія у Египтянъ.

Магія, говоритъ Плиній, въ теченіе многихъ столѣтій во всемъ мірѣ пользовалась большимъ почетомъ. Она до того распространилась, что и нынѣ еще господствуетъ у большей части азіатскихъ народовъ (1). Но особеннымъ уваженіемъ она пользовалась въ Египтѣ. Путешественникъ Марсгамъ (Marsham) доказываетъ, что самая древняя школа въ Египтѣ— магическая, что изъ Египта магія распространялась между Халдеями, Вавилонянами, Греками и Персами. Но совершенно нельзя доказать, что магія получила свое начало именно въ Египтѣ, и оттуда уже распространилась между другими народами. Возможность самостоятельнаго развитія магіи у каждаго народа мы доказали, когда говорили о магіи у фетишистовъ, и нашъ взглядъ подтверждается тѣмъ фактомъ, что магія была и у тѣхъ народовъ, которые не могли заимствовать ее изъ Египта ни непосредственно, ни посредственно. Когда

---

(1) Plin. Histor. natural. l. 3. cap. 1.

Индійцы познакомились съ Греками, то послѣдніе удивлялись ихъ искусству лечить отъ укушенія змѣй. Мы говорили также, какъ Индійскіе жрецы приняли во храмѣ Аполлонія. И если Индійцы заимствовали у Грековъ многія свѣдѣнія по астрономіи, то изъ этого еще нельзя заключать, что Индійцы заимствовали и магію у Грековъ. Индійцы, по свидѣтельству Ведъ, гораздо раньше знакомства съ Греками знали *вибути* или ясновидѣніе. Еще менѣе могли заимствовать магію у Грековъ или у Египтянъ Китайцы, которые ни съ кѣмъ не хотѣли знакомиться, а особенно заимствовать ученыя свѣдѣнія у кого бы то ни было. А между тѣмъ и имъ извѣстна была магія, достигаемая посредствомъ постовъ. О народахъ до историческаго состоянія, знакомыхъ съ магіей, и говорить нечего. Они совсѣмъ не могли научиться магіи у Египтянъ. И потому, если Діодоръ Сицилійскій (1), говоря о Египтянахъ, замѣчаетъ, что Халдеи, жившіе въ Вавилонѣ, заимствовали у Египтянъ астрологію и чрезъ нее такъ прославились, то мы въ правѣ думать, что Халдеи, при содѣйствіи Египтянъ, только усовершенствовали магію. Самое религіозное ученіе Собеистовъ о солнцѣ и звѣздахъ, какъ жилищахъ боговъ и потому имѣющихъ вліяніе на судьбу вселенной и человѣка, естественно породило астрологію, какъ мы это показали, когда говорили объ астрологіи Собеистовъ и Персовъ.

(1) Diodor. sicil. lib. 1. pag. 9.

Какъ бы то впрочемъ ни было, магія въ Египтѣ весьма была развита. Говоря это, мы имѣемъ въ виду *бѣлую* магію, основанную на законахъ естественныхъ наукъ. Слишкомъ раннее знакомство съ магіей и ея развитіе объясняется характеромъ страны Египетской и религіозныхъ воззрѣній Египтянъ. «Такъ какъ весь бытъ Египтянъ, говоритъ Веберъ (1), обусловливался свойствами ихъ страны, то и духовная ихъ жизнь находилась въ тѣснѣйшей связи съ природою. Въ длинномъ оазисѣ Нильской долины жизнь и смерть соприкасались такъ близко, что всѣ мысли народа были устремлены на эти необъяснимыя въ далекихъ причинахъ своихъ явленія, и важнѣйшее желаніе и задача Египтянъ состояла въ томъ, чтобы ослабить могущество смерти и укрѣпить и возвеличить животворныя силы природы. Такъ какъ по этой причинѣ и въ быту гражданскомъ главнѣйшая дѣятельность Египтянъ устремлена была на борьбу съ губительнымъ вліяніемъ степей, ихъ удушливыми жарами и песчаными ураганами, и такъ какъ они постоянно силились исторгнуть мертвыя тѣла у сокрушающаго могущества послѣ смертнаго тлѣнія, то и богослуженіе ихъ было почти исключительно обращено къ той силѣ природы, которая въ своемъ постоянномъ круговращеніи даровала египетской землѣ жизнь и плодородіе — къ солнцу». Культъ солнца въ Египтѣ—самый древнѣйшій; другіе мѣстные культы были второстепенные и зависѣли отъ куль-

(1) Истор. Всеобщ. кн. 1. 164 стр. (перев. Игнатовича).

та солнца. Всѣ другіе боги были подчинены солнцу. Съ поклоненіемъ солнцу тѣсно соединено было и изученіе его законовъ. Наблюденіе составляло религіозную обязанность жрецовъ; потребность наблюденія, кромѣ того, что вызываема была естественными законами природы, окружавшей Египетъ, вытекала изъ религіозныхъ принциповъ Египтянъ.

По ученію египетскихъ жрецовъ, изъ первобожества, заключающаго въ себѣ всѣ составныя части будущей вселенной, міръ *произошелъ* чрезъ внутреннее изъ *развитіе*. Міръ не относится къ первобожеству, какъ твореніе къ творцу: напротивъ, міръ и божество суть одной и той же сущности, съ тѣмъ только различіемъ, что первобожество есть совокупность безвидныхъ, и потому непостижимыхъ, во мракѣ сокрытыхъ, не произшедшихъ боговъ, а міръ есть совокупность божествъ образовавшихся и сдѣлавшихся видимыми *Горы*. Міръ имѣетъ видъ шара. Солнце съ пятью планетами и луна вращаются около земли, и потому всѣ боги, въ нихъ обитающіе не только надземные, но и подземные. Всѣ боги участвуютъ въ различныхъ должностяхъ міроправленія и господства надъ живыми существами, а въ *аментеѣ* (преисподней) произносятъ судъ надъ умершими. Даже общественныя учрежденія не суть человѣческія изобрѣтенія, но, подобно природѣ, произошли отъ боговъ. Вселенная, съ земнымъ шаромъ въ ея средоточіи, существуетъ какъ бы въ лонѣ первосущества и находится подъ постояннымъ и непосредственнымъ

вліяніемъ его; со всѣхъ сторонъ шарообразнаго небеснаго свода оно направляетъ свое вліяніе на землю — послѣднюю цѣль его дѣятельности. Земля есть *страдательная* пріемлющая часть вселенной, между тѣмъ какъ небесный сводъ со звѣздами и великія небесныя тѣла какъ-бы *посредствующія существа*, чрезъ которыя первобожество управляетъ землей. Движенія и явленія небесныхъ тѣлъ и зависящая отъ того смѣна дней и ночей, мѣсяцевъ и временъ года, производятъ прежде всего измѣненія въ физическихъ состояніяхъ и произведеніяхъ земли; но какъ звѣзды суть божественные духи и демоны и великія небесныя тѣла суть великія божества, то всѣ движенія и явленія неба суть непосредственныя дѣйствія боговъ, суть выраженіе божественнаго міроправленія. Наблюденіе неба такимъ образомъ было нравственною потребностію, религіознымъ долгомъ (1). Поэтому Египтяне естественно должны были обратить благоговѣйное вниманіе на свѣтила небесныя, чтобы открывать взаимныя отношенія между явленіями земной жизни и движеніями небесныхъ свѣтилъ. Съ другой стороны наблюденіе за теченіемъ свѣтилъ необходимо было для земледѣлія, для опредѣленія разнородныхъ занятій и празднествъ и вообще всего, что относится до календаря. Такимъ образомъ астрономическія занятія Египетскихъ жрецовъ столько же были связаны съ ихъ религіозною созерцательностію,

(1) Религія и фія древн. Востока. Новицкаго Кіевъ. 1860. стр. 129, 130, 131.

сколько удовлетворяли и потребностямъ человѣческой жизни, потому что, наблюдая теченіе солнца, луны и планетъ для измѣренія времени, для исчисленія и опредѣленія года въ его различныхъ явленіяхъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ старались проникнуть и въ тайны божественнаго міроправленія, такъ что наблюденіе неба составляло часть ихъ ѳеологіи.

Когда же Египтяне замѣтили, что таинственная сила природы, обнаружившаяся въ правильномъ обращеніи физической жизни, стояла въ тѣсной связи съ солнцемъ и звѣздами, то это взаимное отношеніе, это тѣсная связь земныхъ и небесныхъ явленій, вліяніе неба на жизнь природы естественно могли вызвать въ Египтянахъ предчувствіе и пробудить вѣру въ подобное же вліяніе звѣздъ на судьбы человѣческой жизни. переходъ такимъ образомъ отъ астрономіи къ предразсудкамъ гаданія по звѣздамъ къ *астрологіи* весьма естественный, понятный и незначительный, при окружающей Египтянъ природѣ, при религіозной ихъ настроенности и при младенческомъ развитіи астрономіи. Когда Египетская образованность достигла высокой степени развитія, тогда наблюденіе надъ небомъ, изученіе его законовъ сдѣлалось исключительнымъ занятіемъ особаго класса жрецовъ и гороскоповъ. Они опредѣляли перемѣны времени, опредѣляли и распредѣляли ежегодно занятія, обязанности, торжества, предопредѣляли и предсказывали человѣческую судьбу. Астрологія у Египтянъ имѣла весьма важное вліяніе на

дѣйствительную жизнь. Не только всѣ общественныя предпріятія, но и всѣ частныя важнѣйшія дѣла начинались по звѣздамъ. Родившемуся дитяти тотчасъ составляемъ былъ гороскопъ, съ предсказаніемъ его судьбы. времени и образа его смерти, его характера, несчастныхъ и счастливыхъ случаевъ въ его жизни и т. п. Жрецы тщательно замѣчали движенія, время обращенія и точки стоянія планетъ, равно какъ ихъ цѣлительныя и вредныя дѣйствія. Діодоръ говоритъ: «часто они очень вѣрно предсказывали людямъ ихъ будущую участь» (1). Выраженіе: «часто» показываетъ, что почти всегда гадатели судьбы ошибались; если же и предсказывали вѣрно, то это было простою случайностію, стеченіемъ случайныхъ обстоятельствъ, а совершенно не слѣдствіемъ предсказанія гороскоповъ, которые никогда не должны бы были ошибаться, если бы только расположеніе и теченіе звѣздъ дѣйствительно имѣло вліяніе на судьбу человѣка. Но жрецы предсказывали вѣрно только иногда, и этимъ самымъ подрывали довѣріе къ астрологіи, невѣрность и неразумность которой сознана только въ позднѣйшее время.

Не смотря однакожъ на невѣрность и неосновательность астрологіи, какъ науки, какъ гаданія о судьбахъ человѣка, стремленіе египетскихъ жрецовъ расширить кругъ ея свѣдѣній имѣло благодѣтельное вліяніе на развитіе астрономіи, какъ науки. Свидѣ-

(1) Истор. Всеобщ. 1 кн., стр. 206 (перев. Игнатовича).

тельства древнихъ и современныя изслѣдованія доказываютъ, что свѣдѣнія Египтянъ по астрономіи были весьма обширны, что астрономія Египтянъ имѣла научный характеръ. «Египетскіе жрецы, говоритъ Діодоръ Сицилійскій (1), имѣли астрономическія таблицы съ незапамятныхъ временъ и занятіе этой наукой было у нихъ наслѣдственно. Они изучали вліяніе планетъ и опредѣляли добро и зло, которое они возвѣщали людямъ». «Если гдѣ-либо у какого народа дѣлались точныя наблюденія надъ положеніями и движеніемъ свѣтилъ небесныхъ, то это было у Египтянъ». «У нихъ есть каталоги всѣхъ отдѣльныхъ наблюденій за невѣроятное число лѣтъ, потому что они съ самыхъ древнихъ временъ трудились надъ этимъ съ особеннымъ усердіемъ». «Въ пособіе для предсказаній звѣздогадатели имѣли съ точностію составленныя таблицы констелляцій на всѣ часы года» (2). Эти таблицы имѣли весьма важное значеніе; при помощи ихъ Египтяне составили постоянный календарь и вѣрно вычислили времена года, который жрецы старались опредѣлить съ особенною точностію, и этимъ самымъ Египтяне опередили въ астрономіи всѣ другіе народы. Египтяне первые раздѣлили годъ по звѣздамъ на 12 временъ, какъ увѣряетъ по крайней мѣрѣ Геродотъ. Для точнѣйшаго опредѣленія они производили постоянныя наблюденія и изслѣдо-

(1) Diodor. Sicl. I. 2. 23.—(2) Всем. Ист. Вебера. 1 кн стр. 206. (перев. Игнатовича).

ванія; строили дорогія зданія, которыя были видимыми изображеніями извѣстныхъ астрономическихъ круговъ и вмѣстѣ съ тѣмъ служили средствомъ къ сохраненію свѣдѣній. По объясненію Гаттерера, знаменитый лабиринтъ съ его 12 дворцами былъ ничто иное, какъ символическое изображеніе годичнаго солнечнаго пути чрезъ 12 знаковъ Зодіака и назначенъ собственно для астрономическихъ наблюденій. Во дворцѣ Рамзеса II Міамуна, по свидѣтельству Діодора Сицилійскаго (1), при входѣ на верхъ, на памятникѣ находится золотой кругъ, имѣющій 365 локтей въ окружности и 1 локоть въ толщину. На протяженіи каждаго локтя, на которые раздѣленъ кругъ, написаны дни года; тутъ же означено естественное восхожденіе и захожденіе звѣздъ, а также значеніе и вліяніе этихъ явленій по Египетской астрологіи. Понятно, что Египтяне не вдругъ узнали солнечный годъ, состоящій изъ 365 дней, равно какъ не вдругъ замѣтили они, что чрезъ каждые четыре года въ году одинъ лишній день, изъ-за котораго гражданскій годъ не совпадалъ съ дѣйствительнымъ, и религіозныя празднества мало по малу не стали совпадать съ временами года. Но замѣтивъ ошибку, звѣздочеты установили тоже, что теперь у насъ —три года въ 365 дней, а четвертый въ 366 дней— годъ високосный. Польза такого строгаго вычисленія времени для хронологіи, исторіи и проч. понятна для

(1) Diodor. Sicl. I. 47.

всякаго. А между тѣмъ эти строго научныя изслѣдованія, эти наблюденія неба, изученіе теченія звѣздъ и ихъ законовъ вызваны и порождены стремленіемъ звѣздогадателей, къ которымъ обращались всѣ безъ исключенія, опредѣлить по звѣздамъ судьбу человѣка и состояніе физической природы, окружающей Египтянъ. Словомъ, астрологія дала сильный толчекъ развитію въ Египтѣ астрономіи. Да иначе и быть не могло. Мы сказали: наблюденіе неба было религіозною обязанностію, съ другой стороны вызываемо было потребностями жизни и условіями страны, населяемой Египтянами, которыя объяснялись такимъ или другимъ вліяніемъ неба на страну. Мы сказали, что астрономія обязана своимъ происхожденіемъ астрологіи, но послѣдней первая обязана своимъ развитіемъ, своею опредѣленностію, своею точностію.

Мы уже объяснили переходъ отъ астрономіи къ астрологіи, а теперь укажемъ, какъ астрологія способствовала развитію астрономіи. По мнѣнію Египтянъ все міроправленіе имѣетъ двоякій характеръ: частію есть свободно дѣйствующій промыслъ, частію неизмѣнная необходимость. Промыслъ, завися отъ добраго духа (Амуна-кнефа), объемлющаго міръ, дѣйствуетъ по разумнымъ цѣлямъ; необходимость, выражающаяся въ природѣ внѣшней, зависитъ отъ хранительницы (Нагитъ) неизмѣннаго порядка.

Изученіе необходимости, наблюденіе надъ неизмѣннымъ порядкомъ, изученіе его законовъ, чтобы по

состоянію законовъ и теченію явленій природы, подлежащихъ неизмѣнному порядку, заключать о теченіи явленій въ будущемъ — предугадывать чисто астрологически это, говоримъ наблюденіе надъ неизмѣннымъ порядкомъ и есть подготовка къ астрономіи. Неизмѣнный порядокъ состоитъ, по мнѣнію Египтянъ, въ нормальномъ, неизмѣнномъ теченіи по небесной тверди слугъ и орудій, хранительницы неизмѣннаго порядка звѣздъ — жилищъ божествъ и великихъ небесныхъ тѣхъ. Звѣздныя божества и великія небесныя тѣла имѣютъ различныя свойства, частію благодѣтельныя, частію зловредныя: отъ нихъ-то зависитъ въ мірѣ физическомъ холодъ, теплота, засуха, влажность и состояніе растительности. Этого мало. Отъ нихъ зависѣли и всѣ событія человѣческой жизни отъ рожденія до смерти, которыя можно предугадывать, судя потому, въ какомъ знакѣ Зодіака находятся солнце и луна во время рожденія человѣка, какія планеты видимы на небѣ, какія звѣзды въ это время восходятъ, или заходятъ, и особенно какого духа хранителя получаетъ душа подъ вліяніемъ звѣздъ. Понятно послѣ этого, что изученіе неба было въ высшей степени необходимо для Египтянъ. Чтобы вѣрно опредѣлить будущую судьбу человѣка по мѣстостоянію звѣздъ, солнца и луны, чтобы опредѣлить съ точностію состояніе воздуха въ будущемъ, необходимо было хорошо изучить законы движенія планетъ небесныхъ; нужно было внимательно слѣдить за каждымъ движеніемъ, за каждымъ измѣненіемъ мѣстостоянія небесныхъ

планетъ; нужно было постоянно слѣдить и наблюдать за всѣми явленіями на небесномъ горизонтѣ. Чего стоило наблюдать за небесными явленіями, видно и изъ того, что многіе, составившіе особый классъ жрецовъ и гороскоповъ, посвящали всю жизнь только этому спеціальному занятію, и что прошли цѣлыя столѣтія, пока Египтяне добились до опредѣленныхъ и болѣе или менѣе точныхъ свѣдѣній по астрономіи.

Что цѣль звѣзгочетовъ, имѣвшихъ въ виду астрологическія наблюденія, не достигла желаемыхъ результатовъ, виновно не то благородное научное стремленіе, которое имѣлось въ виду при астрономическихъ наблюденіяхъ, а виновна самая задача. Предположивъ узнать въ теченіи звѣздъ будущія судьбы человѣка, астрологи нисколько не успѣли въ этомъ, потому что самая задача была невѣрна. За то ихъ благородное научное стремленіе увѣнчалось успѣхомъ въ томъ, что, наблюдая небесныя явленія, они хорошо познакомились съ астрономіей и развили ее, какъ науку, хотя имѣли въ виду совершенно другое, —предсказаніе судебъ человѣка —астрологію.

Въ связи съ астрологіей стояла *медицина*. Дѣло въ томъ, что, по мнѣнію Египтянъ, судьба человѣка зависитъ, какъ мы сказали, отъ такого или другаго теченія звѣздъ. Не весь, однакожъ, человѣкъ принадлежалъ данной звѣздѣ, напр. Сатурну Юпитеру. Но каждая часть человѣческаго организма имѣла своего особеннаго астрологическаго бога, ему была посвящена и отъ него зависѣла. По числу

декановъ Зодіака (каждый изъ 12-ти знаковъ Зодіака заключалъ подъ собою по 3 декана, всего 36 декановъ), тѣло человѣка раздѣляется на 36 частей; каждая часть тѣла находится, какъ мы сказали, подъ вліяніемъ извѣстной планеты, или звѣзды: напр. лѣвое ухо и почка находится подъ вліяніемъ Сатурна; правое ухо и печень подъ вліяніемъ Юпитера; правый глазъ, дыханіе и голова —подъ вліяніемъ солнца. Здоровье и болѣзнь каждой изъ этихъ частей зависитъ отъ звѣзды, управляющей этою частію. Послѣ этого и леченіе данной части отъ извѣстной болѣзни зависитъ отъ астрологическаго бога, или отъ звѣзды, завѣдывающей этою частію. Въ силу этого астрологическаго закона, этого раздѣленія частей человѣческаго тѣла, для каждой части и ея болѣзни назначенъ былъ особенный врачъ. Подъ покровительствомъ извѣстнаго бога, онъ только и занимался леченіемъ извѣстной части; съ діэтетикой и болѣзнями другихъ частей онъ былъ незнакомъ и не долженъ былъ лечить другихъ частей. Послѣ этого неудивительно, что въ Египтѣ было очень много врачей, такъ какъ для каждаго человѣка нужно было тридцать шесть врачей. «Вся страна (Египетъ) наполнена, говоритъ Геродотъ, врачами, потому что каждая болѣзнь и каждая часть тѣла человѣческаго имѣютъ своихъ особыхъ врачей». «Въ походахъ, по свидѣтельству Діодора, особые военные врачи слѣдовали за войскомъ». Медицина Египтянъ состояла болѣе въ Діэтетикѣ. Чистота тѣла, пища и образъ жизни извѣстнаго рода были главными чертами во внѣш-

немъ характерѣ Египетскихъ жрецовъ. Геродотъ говоритъ, что они болѣе всего заботились о чистомъ бѣльѣ; они брили себѣ волосы и купались по два раза въ день. Для простаго народа былъ также предписанъ образъ жизни — пища, питье, средства очищенія, что требовало многихъ мѣстныхъ свѣдѣній. Діэтетика Египтянъ вполнѣ соотвѣтствовала климату, свойствамъ и особенностямъ страны. По свидѣтельству Геродота, Египтяне были самымъ здоровымъ народомъ послѣ Ливійцевъ. А это и показываетъ, что Египетскіе жрецы хорошо знакомы были съ мѣстными условіями страны,—изучили климатъ и всѣ измѣненія температуры, изучили потребности здороваго организма. Это знакомство Египетскихъ жрецовъ съ условіями страны и потребностями организма тѣмъ замѣчательнѣе, что они особенно во врачебномъ искусствѣ привязаны были къ старинѣ, на всякое нововведеніе смотрѣли недовѣрчиво. Діодоръ увѣряетъ, что врачи обязывались при леченіи въ точности соблюдать предписанныя правила. Ежели они слѣдуютъ законамъ священныхъ книгъ, то не считаются виновными и ограждены отъ всякаго упрека, хотя бы и не спасли больнаго. Если же они врачуютъ противъ правилъ, то ихъ можно обвинить и въ жизни и въ смерти. Ибо законодатель думалъ, что никто не можетъ знать болѣе цѣлебныхъ лекарствъ, какъ опытъ, основанный на многолѣтнихъ наблюденіяхъ и утвержденный первѣйшими знатоками искусства. Кажется, послѣ этого, что Египетскіе врачи должны быть самыми

плохими врачами, такъ какъ ихъ медицина нисколько неподвигалась впередъ, а руководились старыми свѣдѣніями. На дѣлѣ, однакожъ, видимъ противное. Мы уже сказали, что Египтяне были самымъ здоровымъ народомъ. Далѣе Египетскіе жрецы славились своимъ врачебнымъ искусствомъ во всей древности до тѣхъ поръ, пока ихъ не вытѣснили Греки.

Кромѣ астрологіи, астрономіи и медицины, тѣсно связанныхъ между собою, были въ Египтѣ и другія науки, которыя хотя и не считались магическими, за то знакомство съ этими науками также, какъ и съ вышеупомянутыми, было недоступно для народа. Говоря это, мы имѣемъ въ виду геометрію, законовѣдѣніе и исторію. *Геометрія* была дочерью земледѣлія, которое жрецы издревле считали основаніемъ политическаго образованія, и первымъ правиломъ ихъ политики было содѣйствовать успѣхамъ земледѣлія, какъ это видно во всѣхъ ихъ учрежденіяхъ, въ ихъ религіи и миѳологіи. Напр., Озирисъ (богъ солнца) есть образъ Нила, выступающаго изъ береговъ и оплодотворяющаго почву и т. п. При земледѣліи Египтянъ геометрія была необходима. При ежегодныхъ наводненіяхъ постоянно измѣнялось распредѣленіе участковъ земли; каждый годъ возникали тяжбы по распредѣленію участковъ, разбираемыя жрецами, и потому каждый годъ, для прекращенія тяжбъ, необходимы были новыя измѣренія, которыя производимы были жрецами посредстомъ геометріи. *Юриспруденція* была изучаема почти всѣми

жрецами, какъ потому, что они были высшимъ и привилегированнымъ дворянствомъ, если можно такъ выразиться, такъ и потому, что они занимали всѣ высшія государственныя должности и всѣ судебныя мѣста. Напр. жрецы были непосредственными, прямыми совѣтниками царя во всѣхъ политическихъ предпріятіяхъ, рѣшали тяжбы и т. п. Египтяне изучали также *исторію*, которая тѣсно связана была съ памятниками, которые были главными источниками и сдѣлались впослѣдствіи главными основаніями исторіи Египтянъ. Извѣстно, что жрецы Египетскіе только по памятникамъ могли разсказывать Геродоту исторію своего отечества; при этомъ они ничего не могли сказать о тѣхъ царяхъ, которые не оставили по себѣ памятниковъ (1). Какъ пособіе для исторіи была у Египтянъ географія, которая причислена даже къ священнымъ книгамъ Египтянъ.

Египетскіе памятники: дворцы, колонны, обелиски и т. п. доказываютъ, что Египетскіе жрецы, чертежами и наставленіями которыхъ руководились работники при постройкахъ, хорошо знакомые съ геометріей, успѣли хорошо изучить и нѣкоторые законы физики и механики, какъ это мы постараемся доказать нѣкоторыми фактами, тѣмъ болѣе важными, что они подтверждены свидѣтельствами многихъ писателей. Колоссальныя зданія удивительной крѣпости и прочности, поражающія не столько изящностію формы и искусствомъ отдѣлки, сколько громадностію и трудностію выполненія, воздвигнуты по такимъ точнымъ архитектурнымъ законамъ, опираются на такихъ крѣпкихъ фундаментахъ и построены по такимъ вѣрнымъ планамъ, что заставляютъ предполагать не только долговременную опытность и механическую сноровку, но и знакомство съ геометрическими отношеніями которымъ могло обладать только жреческое сословіе. Жрецы, безъ сомнѣнія, чертили планы, руководили исполненіемъ и наблюдали за работами. Говоря о египетскихъ зданіяхъ, мы имѣемъ въ виду *пирамиды* громадныя четвероугольныя зданія, къ верху постепенно съуживающіяся, а оканчивающіяся площадкою), назначаемыя для погребенія царей; *обелиски* (колонны къ верху заостренныя и высѣченныя изъ цѣльнаго гранита), воздвигаемыя въ память царей и другихъ знатныхъ покойниковъ; *дворцы*, *храмы*, *статуи и сфинксы* (каменныя изваянія львовъ съ человѣческими головами).

Это тѣ памятники, которые изпещрены различными надписями, которые, какъ мы замѣтили выше, служатъ главными основаніями для исторіи Египта. Пирамиды созидались царями въ теченіе всего ихъ царствованія. «Если бы съ теченіемъ времени, говоритъ Лепсій, не осталось другихъ опредѣлительныхъ указаній, то по слоямъ пирамидъ можно было бы, какъ по древесной корѣ, считать годы правленія царей, строившихъ эти пирамиды». Какъ пирамиды, такъ и обелиски доказываютъ, что Египетскіе жрецы хорошо знакомы были съ механикой и располагали значительными механическими пособіями, хотя

механическія орудія и машины были въ то время тщательно скрываемы отъ взоровъ толпы, которую этимъ самымъ заставляли вѣровать во всемогущество жрецовъ. Если колоссальныя пирамиды и обелиски свидѣтельствуютъ о знакомствѣ жрецовъ съ механикой и геометріей, то храмы и дворцы, статуи и сфинксы доказываютъ, что жрецы знакомы были и съ законами физики, акустики и оптики, живописи и ваянія. Говоря о храмахъ, Шлазе замѣчаетъ: «все носитъ выраженіе торжественной важности, благоговѣйнаго приближенія къ жреческимъ таинствамъ, сперва приготовляя и возбуждая ожиданіе, потомъ вселяя почтительное уваженіе, потомъ все болѣе и болѣе углубляя въ мистическій мракъ, и наконецъ вводя къ самому таинственному мѣсту освященія и богопочтенія». «Цари за царями и поколѣнія за поколѣніями трудились надъ украшеніемъ высокоуважаемыхъ святынь новыми и блистательными постройками, поэтому онѣ возрасли на огромномъ пространствѣ громадностію до поражающихъ размѣровъ». Развалины храмовъ еще и теперь возбуждаютъ чувство неожиданнаго изумленія въ путешественникахъ. «Невозможно, говоритъ Бельцони, вообразить себѣ картину, открывающуюся здѣсь, не видавъ ея. Самыя высокія идеи, какія только возможно было бы составить себѣ по великолѣпнѣйшимъ памятникамъ нашей архитектуры, дали бы одно только легкое понятіе объ этихъ развалинахъ, потому что различіе весьма значительно не только въ величинѣ, но и въ формѣ, размѣрахъ и конструкціи и даже кисть въ состояніи нарисовать

только слабую идею цѣлаго. Мнѣ показалось, что я вошелъ въ городъ гигантовъ, которые погибли всѣ вмѣстѣ послѣ долгой войны и оставили эти развалины храмовъ, какъ исполинскіе памятники своей давно минувшей жизни». «Вокругъ святилищъ боговъ, говоритъ Веберъ, коихъ изображенія украшаютъ внутреннее пространство, находятся безчисленные покои, залы и гостиныя, удивительной величины и красоты.... Стѣны въ богатыми барельефами и надписями возвѣщаютъ великіе подвиги царей и ихъ строгую, богобоязненную жизнь: гигантскія статуи воспоминанія и обелиски присоединяются къ нимъ, какъ дополненіе. Высокіе башнеобразные пилоны, восходящіе пирамидально, и вороты, усѣченныя сверху широкою площадью, уже издали указываютъ величественный входъ. Ряды лежащихъ животныхъ сфинксовъ въ чудныхъ формахъ, украшаютъ священный путь, ведущій ко входу. Во внутренности двора находятся преддверія, къ сторонамъ которыхъ приклонены человѣческія изображенія. Барельефы на поверхностяхъ внутреннихъ пространствъ, символическаго или историческаго содержанія, изобилуютъ повсюду пестрыми красками, которыя и теперь еще отчасти блестятъ живостью (1). Изъ статуй особенно извѣстна статуя Мемнона, сына Авроры, привѣтствовавшая каждое утро восходящее солнце. Исторія этой статуи весьма неопредѣленна и запутана. Она лежала погребен-

(1) Всемір. истор. кн. I, стр. 1[illegible]. (перев. Игнатовича.)

ною нѣсколько столѣтій въ египетскихъ пескахъ Страбонъ и Веберъ утверждаютъ, что статуя упала вслѣдствіе землетрясенія, бывшаго въ 27-мъ году до Р. Х., что послѣ разрушенія статуи обнаружилось весьма нерѣдкое явленіе природы скачущихъ и звучащихъ камней, и что вслѣдствіе этого произошелъ миѳъ о звучащей статуѣ Мемнона. Напротивъ, Схоліастъ и Ювеналъ, на которыхъ ссылается Кассемусъ въ своей диссертаціи: «о говорящихъ камняхъ», приписываютъ низверженіе статуи Мемнона Камбизу. Съ мнѣніемъ Ювенала и Схоліаста скорѣе можно согласиться, чѣмъ съ мнѣніемъ Страбона и Вебера, потому что въ Египтѣ не было землетрясеній. Что же, спрашивается, издавала эта статуя, т. е. простое ли это эхо, или звуки, и если звуки, то какіе. Статуя, какъ свидѣтельствуютъ греческіе и римскіе писатели, издавала звуки рано утромъ, когда горячіе лучи солнца падали на твердый памятникъ, увлаженный холодною росою ночи. Филостратъ говоритъ, что статуя Мемнона была обращена лицемъ къ востоку и начинала говорить, какъ только лучи солнца касались ея губъ. Павзаній, наблюдавшій статую послѣ уже низверженія ея, утверждаетъ что то, былъ истуканъ солнца, извѣстный у Египтянъ подъ именемъ Фаменозиса, а не Мемнона, и что ежедневно, при солнечномъ восходѣ, онъ издавалъ звуки, которые можно сравнить со звуками лопающихся лирныхъ струнъ. Страбонъ упоминаетъ объ одномъ только звукѣ; Ювеналъ же, долго въ Египтѣ жившій, утверждаетъ, что статуя издавала различные звуки: «Dimidio

magicae resonant ubi Memnona chordae (1). Такимъ образомъ «многочисленныя свидѣтельства греческихъ и римскихъ посѣтителей, особенно тѣхъ, которымъ удалось слышать этотъ утренній звукъ, начались только со времени Перона и простираются до временъ Септимія Севера, когда началось возстановленіе статуи. Вслѣдствіе передѣлки верхней части, въ отдѣльныхъ камняхъ, этотъ звукъ если не совершенно исчезъ, то по крайней мѣрѣ началъ проявляться очень рѣдко и слабо» (2). Какъ же объяснить эти звуки? Веберъ называетъ разсказъ объ этихъ звукахъ миѳомъ (3), но неосновательно уже потому, что ихъ происхожденіе объясняется законами физики. Ленсіусъ и Партей хотятъ, кажется, объяснить эти звуки свойствомъ камней; «удивительно, какъ еще многіе изъ отколовшихся и повисшихъ обломковъ, говоритъ Ленсіусъ, производятъ чистый металлическій звукъ когда по нимъ ударяютъ, между тѣмъ какъ прочіе издаютъ совершенно глухой звукъ». «Кто былъ рано утромъ, при восходѣ солнца, въ египетскихъ храмахъ, говоритъ путешественникъ Партей, тотъ знаетъ этотъ нѣжный звукъ, пробѣгающій по стѣнамъ, когда ихъ верхняя часть согрѣвается солнцемъ». Изъ словъ Партея видно, что даже стѣны египетскихъ храмовъ

---

(1) Гдѣ звучитъ волшебными струнами Мемнонова половина.

(2) Веберъ, 1 кн., стр. 116.

(3) Ibidem.

издавали звуки. Не отвергая какъ свидѣтельства Партея, такъ Лепсіуса, мы замѣтимъ здѣсь, что издаваемые звуки зависѣли не отъ свойства самыхъ камней, а отъ ихъ расположенія и отъ устройства всей статуи. По изслѣдованію новѣйшихъ ученыхъ, эта статуя издавала звуки вслѣдствіе своего устройства. Смитъ, подробно осматривавшій статую Мемнона, самъ слышалъ издаваемые звуки и думаетъ, что они происходятъ отъ струи воздуха, вырывающейся изъ пустой внутренности статуи. Воздухъ, наполнявшій внутреннюю пустоту статуи, согрѣваясь посредствомъ каменной оболочки, нагретой солнечными лучами, разширялся и вырывался наружу сквозь скрытыя щели и открытыя отверстія, производя тѣ знаменитые звуки, о которыхъ столько было говорено и древними и новыми писателями. Этотъ взглядъ подтверждается изслѣдованіемъ знаменитаго естествоиспытателя нашего времени Гумбольдта, который видѣлъ на берегахъ Ореноко скалы, которыя издавали, отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, странные звуки, которые принимаемы были туземцами за голосъ злыхъ духовъ. Изслѣдованіе доказало, что внутри этихъ скалъ существуютъ обширныя пустоты, изъ которыхъ, чрезъ скрытыя щели, вырывается нагрѣтый солнечными лучами воздухъ и производитъ странные звуки.

Въ это же время, какъ Гумбольдтъ былъ на берегахъ Ореноко, Жомаръ, Девилье и Жаллуа среди знаменитыхъ развалинъ Египетской деревни Карна-

ка, которая нѣкогда была «гигантскимъ возбуждающимъ удивленія», храмовымъ городомъ (1), открыли гранитный памятникъ, который издавалъ звукъ при солнечномъ восходѣ, похожій на звукъ лопнувшей струны. Понятно, что причина звуковъ какъ въ скалахъ, изслѣдуемыхъ Гумбольдтомъ и въ гранитномъ памятникѣ Карнака, такъ и въ статуѣ Мемноновой одна и та же. Могутъ при этомъ спросить нѣкоторые: почему Мемнонова статуя издавала звуки только при восходѣ солнца, а не среди дневнаго жара, когда статуя накалялась сильнѣе, чѣмъ рано утромъ? Гранитный памятникъ села Карнака издавалъ такіе же звуки, какъ и статуя Мемнона и притомъ при солнечномъ восходѣ. Для объясненія этого явленія достаточно припомнить сильные африканскіе жары, которые въ Египтѣ и по утрамъ очень сильны, такъ что палящіе лучи восходящаго солнца до того накаляютъ камни, что къ нимъ опасно прикасаться. Сильно нагрѣтый воздухъ стѣнками статуи, поры которыхъ наполняются жаромъ солнечныхъ лучей, слишкомъ разширяется, стремится высвободиться изъ тѣсной темницы и, прорываясь въ скрытыя щели и

---

(1) Храмъ въ Карнакѣ былъ такъ великъ, что собственно городъ Карнакъ занималъ только часть пространства, занимаемаго храмомъ. Первоначально незначительное святилище Амуна мало по малу разширялось пристройкою новыхъ храмовъ, залъ, дворовъ съ колонками, сооруженіемъ статуй и обелисковъ, пока достигло громадной величины, отъ которой Карнакъ и называется „храмовымъ городомъ."

открытыя отверстія, съ визгомъ и свистомъ, которые образуютъ различные звуки, до того разрѣжается, что въ статуѣ его остается слишкомъ мало въ полдень; и потому онъ или остается въ статуѣ, или выходитъ сквозь щели безъ напряженія и вслѣдствіе этого не производитъ тѣхъ звуковъ, которые издаютъ статуи по утрамъ. Ночью роса и воздухъ холодный, и потому сжатый, наполняютъ статую, и, вслѣдствіе этого, утромъ повторяется та же исторія, о которой мы сейчасъ говорили.

Послѣ нашего объясненія, статуя Мемнона не представляетъ собою ничего чудеснаго; она говоритъ только объ искусствѣ жрецовъ, знакомыхъ съ законами физики. Самые звуки, издаваемые статуей, ничто иное, какъ дрожаніе, свистъ и визгъ расширеннаго воздуха. Можетъ быть эти дрожанія воздуха образовали какіе нибудь болѣе или менѣе опредѣленные звуки, но совершенно нельзя доказать, что эти звуки составляли опредѣленное сочетаніе словъ, заключающихъ въ себѣ опредѣленный смыслъ. Послѣ этого совершенно ложно свидѣтельствуетъ Греческая надпись, на лѣвой ногѣ статуи находящаяся, будто статуя, подобно оракуламъ, изрекала предсказанія, и притомъ предсказанія не простыя, а состоящія изъ семистишій. Очевидно, что семистишныя изреченія статуи ничто иное, какъ продѣлка жрецовъ, которые, для большей достовѣрности, сдѣлали греческую надпись, не сообразивъ даже того, что очень рѣдкіе оракулы изрекали свои предсказанія посредствомъ стиховъ

и особенно въ Греціи, въ которой только первая Дельфійская пиѳія Фемоное для своихъ предсказаній должна была изобрѣсть экзаметръ. Предсказанія другихъ оракуловъ, изрекаемыя безъ всякой связи, объясняли или жрецы, или присутствующіе.

Если и стѣны Египетскихъ храмовъ были внутри пусты и со щелями, то свидѣтельство Партея, приведенное нами выше, вполнѣ справедливо, а нѣжные звуки, пробѣгающіе по стѣнамъ, объясняются также, какъ и звуки статуи Мемноновой.

Если мы здѣсь припомнимъ разсказы о языческихъ богахъ, или, правильнѣе выражаясь, объ идолахъ, которые не только издавали звуки, но и произносили слова, предсказывали и приказывали, то звуки статуи Мемнона нисколько не будутъ казаться чудесными. А между тѣмъ устройство этихъ истукановъ самое не хитрое. Статуи эти дѣлались пустыми внутри и притомъ столь великими, что въ нихъ могъ свободно помѣщаться человѣкъ, и произносить предсказанія, или приказанія, которыя невѣжественная толпа принимала за дѣйствительныя изреченія боговъ; такъ устроялись однѣ статуи; у другихъ были проведены трубочки отъ рта до стѣны, къ которой они были прислонены: трубочки проходили чрезъ стѣну въ сосѣдній покой или скрытое помѣщеніе, гдѣ спрятавшійся жрецъ чрезъ одну трубочку выслушивалъ вопросы, а чрезъ другую давалъ отвѣты, причемъ звукъ голоса выходилъ изъ

отверстія рта истукана, рта, иногда даже открывавшагося. Подобные фокусы Египетскихъ жрецовъ подтверждены исторіей. Вотъ что говоритъ Ѳеодоритъ въ своей церковной исторіи объ Епископѣ Александрійскомъ Ѳеофилѣ: «Онъ-то освободилъ, говоритъ Ѳеодоритъ, городъ Александрію (въ Египтѣ) отъ идольскаго заблужденія: ибо не только разрушилъ до основанія идольскія капища, но и открылъ обольщеннымъ хитрости обольщавшихъ жрецовъ. Устрояя изъ мѣди или изъ дерева пустыя мѣста внутри статуи и прилаживая ихъ спины къ стѣнамъ, они дѣлали въ стѣнахъ тайные ходы. Потомъ чрезъ недоступныя мѣста, проникая туда и скрываясь внутри статуй, приказывали чрезъ нихъ все, что хотѣли, и слушавшіе, вдаваясь въ обманъ, исполняли приказанія. Мудрѣйшій Архіерей, при разрушеніи капищъ, открылъ это обольщенному народу. Вошедши въ храмъ Сераписа, а это былъ, по словамъ нѣкоторыхъ, самый огромный и прекрасный храмъ на всей землѣ, (Ѳеофилъ) увидѣлъ статую чрезвычайной величины, которая своею величиною пугала жителей. Да и кромѣ величины, ходила ложная молва, будто кто приблизится къ этой статуѣ, —тотчасъ потрясется земля и все подвергнется совершенной гибели. Но почитая такіе разсказы бреднями.... и презирая огромность статуи, какъ бездушнаго тѣла, Ѳеофилъ приказалъ одному, державшему въ рукахъ топоръ, живо рубить Сераписа. Когда тотъ ударилъ, всѣ завопили, испугавшись извѣстной каждому молвы. А Серапись, принявъ ударъ, и боли не почувствовалъ,

потому что былъ деревянный, и даже не испустилъ голоса, какъ тѣло бездушное. Какъ скоро потомъ отсѣчена была ему голова, извнутри его выбѣжало цѣлое стадо мышей; значитъ, богъ Египтянъ былъ жилищемъ этихъ животныхъ. Наконецъ, разсѣкли его на малыя части, предали ихъ огню, а голову влачили по всему городу. Поклонники Сераписа смотрѣли на это и смѣялись надъ слабостію того, кому прежде покланялись (1).

Послѣ сдѣланныхъ нами замѣчаній не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что статуя Мемнона не была изобрѣтеніемъ черной магіи, какъ нѣкоторые думали, а еще болѣе не изрекала изреченій семистишныхъ. Ювеналу, думавшему, что Мемнонова статуя звучитъ волшебными струнами, можетъ быть прощена его ошибка только какъ поэтическая вольность. Въ статуѣ Мемноновой, при нашемъ объясненіи, ничего волшебнаго не могло быть потому уже, что волшебство, не говоря о его недѣйствительности, въ звукахъ статуи совершенно было неумѣстно. Въ звукахъ подобнаго рода дѣйствуетъ или природа одна безъ всякихъ постороннихъ участій или при содѣйствіи искусства.

Въ первомъ случаѣ звуки зависятъ отъ случайнаго расположенія частей отдѣльныхъ, образовавшихъ

---

1) Церков. Истор. Ѳеодорита, Епископа Кирскаго. Спб. 1852. гл. 22. стр. 349—350.

цѣлое: напр., расположеніе камней, образовавшихъ скалы на берегахъ Ореноко (въ Америкѣ); во второмъ случаѣ звуки зависятъ отъ намѣреннаго сопоставленія частей даннаго тѣла, созданнаго искусствомъ, которое для своихъ цѣлей съ умѣніемъ воспользовалось знаніемъ законовъ природы, напр., въ статуѣ Мемнона и въ Карнакскомъ гранитномъ памятникѣ, а также въ упомянутыхъ истуканахъ языческихъ боговъ.

Кромѣ храмовъ и статуй у Египтянъ были и другія достопримѣчательности, которыя доказывали, что Египетскіе жрецы хорошо знакомы были съ законами архитектуры и физики. Объ этомъ знакомствѣ жрецовъ особенно свидѣтельствуетъ устройство знаменитѣйшаго изъ дворцовъ Египетскихъ *«Лабиринта»*.

Можно было бы указать на многіе дворцы, которые вполнѣ достойны удивленія, но для нашей цѣли достаточно сказать здѣсь нѣсколько словъ о лабиринтѣ, въ устройствѣ котораго жрецы высказались, какъ отличные знатоки своего дѣла. Лабиринтъ, по описанію очевидцевъ, греческихъ и римскихъ писателей, есть самое замѣчательное произведеніе искусства. «Все это, говоритъ о лабиринтѣ Геродотъ, я видѣлъ самъ и нахожу выше всякаго описанія. Если бы кто нибудь собралъ всѣ произведенія Эллиновъ по каменной работѣ или строительному искусству, тотъ бы сознался, что они въ трудѣ и издержкахъ

далеко уступаютъ лабиринту а храмы въ Ефесѣ и Самосѣ все-таки достойны замѣчанія. Было уже много прекрасныхъ пирамидъ выше всякаго описанія, изъ коихъ каждая равнялась множеству наибольшихъ греческихъ произведеній, но лабиринтъ превосходитъ даже и всѣ эти пирамиды». Лабиринтъ состоялъ изъ 12 дворцовъ, по числу прежнихъ *номовъ* (округовъ), какъ замѣчаетъ Страбонъ (1). «Ворота дворовъ, говоритъ Геродотъ, находятся однѣ противъ другихъ: шесть дворцовъ къ сѣверу, шесть къ югу одинъ подлѣ другаго. Ихъ окружаетъ одна общая стѣна. Покоевъ числомъ три тысячи, они двухъ родовъ: одни изъ нихъ подземные, другіе надземные, того и другаго рода по тысячѣ пятисотъ. Верхніе покои я самъ видѣлъ и самъ ходилъ по нимъ; слѣдовательно говорю, какъ очевидецъ: о находящихся же подъ землею я говорю только по слухамъ. Египтяне, смотрители лабиринта, не хотѣли мнѣ ни за что показать ихъ, потому что, какъ они говорили, въ нихъ находились могилы царей, современниковъ основанія лабиринта, и священныхъ крокодиловъ. Верхніе покои, которые я видѣлъ, мнѣ кажутся сверхчеловѣческими произведеніями, потому что безчисленные выходы чрезъ ряды комнатъ и змѣеобразные ходы чрезъ дворы представляютъ тысячи чудесъ». «Передъ входами въ дворы или галлереи, говоритъ Страбонъ (cap. VI), находится много

(1) Strabo, cap. VI.

длинныхъ запутанныхъ ходовъ, которые до того между собою запутаны, что безъ путеводителя ни одинъ посѣтитель не можетъ найти входа во дворецъ, или выхода изъ него. Потолки каждаго покоя состоятъ изъ одного цѣльнаго камня, нигдѣ не было употреблено дерева или другаго какого нибудь матеріала, кромѣ камня». «Кромѣ покоевъ въ лабиринтѣ, по словамъ Плинія (1), находятся храмы всѣхъ боговъ Египта и заключается болѣе пятнадцати тысячь переносныхъ часовень. Въ немъ находились также картины, статуи боговъ, портреты царей и изображенія разныхъ чудовищъ». «Въ углу лабиринта, говоритъ Геродотъ, стоитъ пирамида въ 280 ф., на которой высѣчены большія изображенія животныхъ». «Въ отношеніи къ скульптурной работѣ и прочимъ украшеніямъ, говоритъ Діодоръ (2), нельзя было ожидать отъ позднѣйшихъ художниковъ ничего лучшаго». Всего этого мало. Въ извѣстныхъ мѣстахъ этого лабиринта своды и стѣны были такъ искусно и съ такимъ пониманіемъ законовъ природы устроены, что даже самые слабые звуки раздавались внутри покоевъ страшнымъ гуломъ, громоподобнымъ грохотомъ. Во время Плинія, какъ видно изъ его естественной исторіи, нельзя было отворить нѣкоторыхъ дверей покоевъ, безъ того, чтобы внутри ихъ не раздались перекаты грома. «Нѣкоторые покои расположены такъ, говоритъ онъ, что тотъ, кто отворитъ

(1) Plin. Hist. natur. 36, 13. —(2) Diodor. Sicil. 1. 66.

дверь, вызываетъ тѣмъ какъ бы раскатъ грома» (1). Какъ производились эти раскаты грома въ лабиринтѣ, объ этомъ писатели-очевидцы не оставили никакихъ свѣдѣній. Несомнѣнно однакожъ то, что въ этихъ раскатахъ грома не было ничего чудеснаго, или волшебнаго. При искусномъ устройствѣ сводовъ не трудно усиливать и видоизмѣнять звуки для подражанія громовымъ раскатамъ. Въ лабиринтѣ, кромѣ искуснаго устройства сводовъ, которые въ каждомъ покоѣ состояли изъ цѣльнаго камня, расположеніе покоевъ, галлерей и ходовъ также могло благопріятствовать громоподобному грохоту. «Со двора входятъ въ покои, изъ покоевъ въ галлереи, изъ нихъ опять въ тѣ же покои и въ тѣ же ряды комнатъ; безчисленные выходы чрезъ ряды комнатъ и змѣеобразные ходы чрезъ дворы», -говоритъ Геродотъ. Тоже подтверждаетъ и Страбонъ (с. 17). Несомнѣнно, что такое расположеніе покоевъ, галлерей и ходовъ вполнѣ благопріятствовало сильному грохоту, который еще болѣе усиливался отъ того, что лабиринтъ не былъ жилищемъ живыхъ, движущихся существъ, которыя могли бы своимъ шумомъ, говоромъ и движеніемъ ослаблять грохотъ въ лабиринтѣ. Пусть читатель припомнитъ, какой грохотъ раздается въ большомъ, не жиломъ зданіи съ длинными корридорами, если только ему приходилось быть въ такомъ зданіи. По крайней мѣрѣ мнѣ очень памятенъ грохотъ,

(1) Histor. natural. 36. 13.

гулъ, раздававшійся по длиннымъ корридорамъ огромнаго, въ теченіе тридцати лѣтъ необитаемаго, послѣ изгнанія изъ Россіи іезуитовъ, зданія, въ которое переведено было училище. Въ первые три дня нельзя было сдѣлать по корридору двухъ шаговъ безъ того, чтобы отъ этого слабаго стука сапоговъ не раздавался по всѣмъ угламъ смежныхъ корридоровъ сильный гулъ. Скрипъ туго затворенной и отворяемой двери производилъ въ самой комнатѣ какой-то визгъ, а въ огромной звонъ, смѣшанный съ шумомъ. Все это въ высшей степени непріятно дѣйствовало на барабанную перепонку непривычнаго уха. Этотъ шумъ происходилъ отъ длины соединенныхъ корридоровъ и отъ аркообразныхъ сводовъ, а также отъ необитаемости. Конечно, гулъ въ зданіи іезуитовъ, которые не имѣли въ виду фокусовъ лабиринта, при устройствѣ корпуса, далеко былъ не то, что грохотъ лабиринта, но вѣдь самое зданіе въ сравненіи съ лабиринтомъ было ничтожно. Говоря впрочемъ это, мы вовсе не имѣемъ въ виду сказать, что мы рѣшили вопросъ о грохотѣ лабиринта. Для вѣрнаго рѣшенія вопроса необходимо имѣть болѣе точныя свѣдѣнія объ устройствѣ лабиринта, чѣмъ какія дошли до насъ.

Изъ сдѣланныхъ нами замѣчаній о наукахъ и искусствахъ Египта видно, что Египетскіе жрецы обладали многими свѣдѣніями по астрономіи, физикѣ, механикѣ, медицинѣ, архитектурѣ, живописи, скульптурѣ, что они серьезно, внимательно изучали природу и хорошо знакомы были съ ея законами, и что они съ умѣніемъ прилагали къ практикѣ свои познанія.

Чтобы ихъ познаніями и изобрѣтеніями не воспользовался народъ, который оставлять въ невѣдѣніи для жрецовъ было выгодно, жрецы прибѣгли къ самымъ хитрымъ средствамъ. Всѣ свои свѣдѣнія по естественнымъ наукамъ они отнесли къ знаніямъ божественнымъ и включили эти свѣдѣнія въ священныя книги. Эти священныя книги, въ которыхъ заключалась мудрость жрецовъ, назывались *гермеическими*, потому что они приписывались *Гермесу* или *Тиаѣ*, который, по увѣренію Египтянъ (которыхъ убѣдили въ этомъ жрецы), написалъ ихъ еще до появленія рода человѣческаго. Книгъ этихъ было 42; онѣ раздѣлялись на *шесть* отдѣловъ: *первый* отдѣлъ, состоящій изъ десяти книгъ, собственно такъ называемыхъ *іератическихъ*, заключалъ въ себѣ юриспруденцію и ученіе о богахъ, или ѳеологію; *второй* отдѣлъ изъ десяти книгъ, содержалъ законы о богослуженіи; *третій*—опять десять книгъ, содержалъ въ себѣ кругъ наукъ, каковы: геометрія, астрономія, географія, космографія и іероглифика; *четвертый*—изъ четырехъ книгъ, содержалъ въ себѣ низшую часть астрономіи, календарную науку и астрологію; *пятый*—двѣ книги молитвъ богослужебныхъ; *шестой* отдѣлъ, состоящій изъ шести книгъ, содержалъ въ себѣ медицину.

Такимъ образомъ чисто естественныя и гражданскія науки поставлены были наряду съ богослужебными и священными (напр., юриспруденція и теологія) и такъ искусно перемѣшаны (наприм., второй отдѣлъ—законы о богослуженіи, третій естественныя науки, въ четвертомъ -астрономія, а въ пятомъ—богослужебныя молитвы), что неопытный читатель не зналъ чему отдать предпочтеніе: юриспруденціи или законамъ о богослуженіи, астрономіи или богослужебнымъ молитвамъ. Заподозривать въ такомъ распредѣленіи книгъ уловку жрецовъ Египтяне не могли, потому что, по увѣренію жрецовъ, такое распредѣленіе принадлежитъ автору.

Заключивъ свои познанія по наукамъ естественнымъ въ священныя книги, жрецы запретили народу читать священныя книги, запретивъ въ тоже время народу учиться читать по свидѣтельству Діодора (1). Это одно средство, которое преграждало народу всѣ пути, посредствомъ которыхъ народъ могъ вывѣдать тайны жрецовъ. Другое средство для цѣлей жреческихъ еще болѣе изобрѣтательное. «Различные виды языка и письменъ, говоритъ Геродотъ (2), берегли тайны жречества въ Египтѣ». Говоря это, Геродотъ имѣетъ въ виду іероглифы. Въ чемъ состояли эти іероглифы? Климентъ Александрійскій такъ говоритъ объ письменахъ Египетскихъ: «воспитывающіеся у Египтянъ учатся прежде всего письму которое называется эпистолографическимъ; во вторыхъ, іератическому, которое употребляютъ священные писатели, а наконецъ іероглифическому». Эпистолографическое письмо, называемое еще эпхорическимъ и демотическимъ, введено въ позднѣйшее время для скораго письма для употребленія народа (вѣроятно для воиновъ и царей) и для вседневной жизни. Оно носило характеръ простонароднаго письма. Думаютъ, что оно принято какъ попытка замѣнить іероглифы буквеннымъ письмомъ съ звуковыми знаками. Понятно, что не демотическимъ письмомъ, которое изобрѣтено поздно, писаны священныя книги. Іеротическое письмо, употребляемое, по словамъ Климента, священными писателями, возникло изъ сокращенія и замѣны образовъ болѣе легкими знаками. Оно гораздо древнѣе демотическаго и употреблялось вмѣстѣ съ письмомъ іероглифическимъ. «Іероглифическое письмо, по словамъ Климента, есть или киріологическое посредствомъ *первыхъ элементовъ* (per prima elementa), или символическое. Символическое или посредствомъ подражанія, или посредствомъ троповъ, или посредствомъ загадочныхъ аллегорій. Если они хотятъ, напримѣръ, изобразить солнце посредствомъ подражанія, то дѣлаютъ кругъ тропически, то перемѣняютъ, замѣняютъ, или совершенно преобразуютъ; такъ, если они хотятъ воздать похвалу своимъ царямъ, то пишутъ ее такими анаглифами. А третьяго письма посредствомъ загадокъ, вотъ примѣръ: кривое теченіе звѣздъ изображаютъ они змѣею, а теченіе солнца жукомъ».

(1) Diodor. Sicil. I.—(2) Herod. II, 36.

Подъ prima elementa, безъ сомнѣнія, разумѣются первыя буквы именъ, или фонетическіе (отъ ἤχου) знаки. Напр. букву *a* изображали орломъ (ахемъ, achem), или тростниковымъ листомъ (акъ) и т. п. Плутархъ говоритъ: «Гермесъ (Hermes), говорятъ, изобрѣлъ сначала письмо въ Египтѣ. Потому Египтяне дѣлаютъ первою буквою ибиса, какъ ему принадлежащаго».

Понятно, что іероглифы, по своей запутанности, неопредѣленности, неясности, не могли быть понятными для народа, которому запрещено было чтеніе священныхъ книгъ, содержащихъ, между прочимъ, іероглифику. Впрочемъ, іероглифы извѣстны, кажется, были людямъ образованнымъ; за то анаглифы были тайнымъ письмомъ, которое извѣстно было только жрецамъ.

Понятно, что обставленная такими условіями мудрость жрецовъ никакъ не могла быть доступною народу, который естественно принималъ мудрость жрецовъ за магію, за откровеніе свыше, за близость къ богамъ (напр. Апису) и общеніе съ ними. На самомъ же дѣлѣ въ этой мудрости жрецовъ, кромѣ полезныхъ знаній по естественнымъ наукамъ и астрологическихъ гаданій, ничего магическаго, волшебнаго не было.

Кромѣ астрологическихъ гаданій, которыя были жалкимъ заблужденіемъ Египетскихъ жрецовъ, вводившихъ въ обманъ простыхъ смертныхъ, которые обращались къ жрецамъ за совѣтомъ, было у жрецовъ еще одно заблужденіе, которое свойственно было младенческому уму древнихъ народовъ, еще мало знакомому съ естественными явленіями природы. Мы говоримъ о заблужденіи Египтянъ относительно теургіи, или таинственнаго знанія, которое заклинаніями можетъ вызывать духовъ-хранителей, или другія божественныя существа и души умершихъ и заставлять ихъ отвѣчать на предлагаемые вопросы, а также отгадывать будущее или вообще неизвѣстное. Сомнительно, чтобы сами жрецы убѣждены были въ дѣйствительности этого знанія. По всей вѣроятности они пользовались только довѣріемъ невѣжественной толпы. Рано или поздно они должны были убѣдиться въ нелѣпости этого знанія. Какъ бы то впрочемъ ни было, Египетскіе жрецы считались самыми искусными волшебниками даже въ самой Индіи (1).

До сихъ поръ мы говорили о магіи у народовъ востока, у которыхъ жрецы захватили въ свои руки все, что можетъ быть дорогаго для человѣка. Жрецы захватили въ свои руки умственное и нравственное развитіе, религію и богослуженіе, а на долю общества оставили безмолвное выслушиваніе и безпрекословное повиновеніе и исполненіе ихъ предписаній. Взявъ на себя истолкованіе религіи, жрецы объяснили ее по своему. Главный предметъ религіи—

(1) Тысяча и одна ночь, ночь 507.

божество, именемъ котораго они господствовали надъ обществомъ, они примѣнили къ своимъ цѣлямъ. Божество, понятное только жрецу, принявъ страшную чудовищную форму, стояло неизмѣримо высоко надъ обществомъ, которое должно было приходить въ трепетъ при видѣ божества (напр. индійской богини Кали (1). Обществу запрещено было жрецами приближаться къ божеству грозному и ужасному: только жрецы осмѣливались приближаться къ божеству, приносить ему жертвы, выслушивать его велѣнія и толковать ихъ народу. Къ Серапису (или его истукапу) запрещено было въ Египтѣ приближаться, подъ угрозою погибели всего міра (2). Приносить жертвы и заправлять имъ никто не имѣлъ права, кромѣ жреца. Приносившій жертву въ Египтѣ безъ вѣдома и участія жреца, наказывался смертію (3). А между тѣмъ жертва имѣла благодѣтельное вліяніе и вмѣстѣ понудительное дѣйствіе на самихъ боговъ. Жертва, по мнѣнію Индійцевъ, придаетъ богамъ бодрость и энергію, она увеличиваетъ ихъ силы, помогаетъ богамъ «расти». Жертва и дары имѣютъ на боговъ понудительное дѣйствіе, и потому жрецы, приносившіе жертву, имѣли, по понятію народа, власть

(1) Stuhr, Religions-Systeme der Heidnischen Volker des Orients. I Th.

(2) Церковн. Ист. Ѳеодорита, гл. 22. стр. 349. — (3) Schmidt, de sacrif. et sacerd. Aegypt. p. 82.

надъ небожителями (1). Только брамины—жрецы могли выслушивать волю божества и толковать ее народу (2). Понятно, что божество послѣ этого могло быть употреблено жрецами, какъ орудіе, какъ средство, для ихъ возвышенія. Жрецы это понимали и съ умѣніемъ воспользовались этимъ. Прежде всего жрецы разкассировали общество на касты и, запретивъ всякій входъ другимъ кастамъ въ касту жречества, возвысили ее въ глазахъ общества и этому возвышенію, равно какъ и распредѣленію кастъ, усвоили характеръ божественнаго опредѣленія. «Брама, видя землю не населенною, создалъ изъ своихъ устъ сына и назвалъ его Браминомъ, который сдѣлался родоначальникомъ касты браминовъ. Браминъ долженъ былъ толковать и передавать другимъ слово Брамы, заключенное въ Ведахъ. Кматрія — воинъ, обязанный быть защитникомъ Брамы, созданъ изъ правой руки. Онъ былъ праотцемъ воиновъ. Послѣ воина созданъ изъ правой голени Брамы Вайсія, обязанный обработывать землю для пропитанія браминовъ и кматріевъ. Наконецъ для самыхъ низкихъ работъ созданъ изъ правой ступни Брамы Судра (3). Такимъ образомъ на свое злоупотребленіе брамины положили печать божественнаго опредѣленія священныхъ Ведъ. Прибѣгнуть къ такому средству было естественно, потому что другія касты не согласились

(1) Всемір. Истор. Веберл. кн. I. стр. 265. (пер. Игнатовича). — (2) Brucker. II—105. (3) Polier. Mythologie des Indiens.

бы поддаться жрецу, который, по божественному опредѣленію, долженъ занять первое мѣсто въ обществѣ. Такое раздѣленіе общества было не только въ Индіи, но и въ Персіи и Египтѣ. Несомнѣнно, что жрецы возвышались постепенно, мало по малу захватывая въ свои руки толкованіе воли боговъ. Этого возвышенія жречества общество не могло не замѣтить и конечно долго отстаивало свои права. Темныя преданія древнихъ народовъ говорятъ, что каста жреческая слишкомъ дорого купила право первенства. Въ Персіи существовалъ праздникъ избіенія маговъ, стремленіе къ первенству которыхъ было замѣчено обществомъ (1). Въ Индіи борьба кватріевъ съ брамминами составляетъ эпизодъ Магобараты, гдѣ брамины торжествуютъ кровавую побѣду и жестоко наказываютъ возстаніе (2). Въ глубокой древности Египта, во время царствованія боговъ, каста воиновъ возстала противъ касты жрецовъ (3). Вѣроятно эта борьба за права заставила жрецовъ ссылаться на божественность распредѣленія кастъ, которое придумано самими же жрецами. Восторжествовавъ надъ врагами, жрецы постарались закрѣпить за собою всѣ основанія, благопріятствующія ихъ возвышенію. Жестокая казнь ожидала ослушниковъ жрецовъ въ загробной жизни. «Когда браминовъ ученикъ, сказано въ законахъ Ману, порицаетъ своего

(1) Herodot VII. 194. — (2) Poliet. Mytholog. des Indiens. (3) Herod. II 141.

учителя, то хотя бы онъ былъ и правъ, возродится осломъ; собакой, ежели онъ клевещетъ; маленькимъ червемъ, если употребитъ его вещь безъ позволенія; большимъ насѣкомымъ, если завидуетъ его заслугѣ. «Лисица ѣстъ падаль; обезьяна спрашиваетъ ее: за что она, будучи прежде человѣкомъ, сдѣлалась низшимъ животнымъ? Лисица отвѣчаетъ, что, будучи человѣкомъ, она обѣщала дары брамину и забыла исполнить свое обѣщаніе» (1). Такимъ образомъ на сторонѣ брамина и вообще жреца было само божество, предъ участіемъ и проклятіемъ котораго преклонялся всякій.

Сдѣлавшись владыками міра, жрецы, какъ мы сказали, взялись истолковывать народу волю божества. Но для этого необходимо было вложить въ уста божества такія велѣнія, которыя бы благопріятствовали жрецамъ, потому что божество, какъ изваяніе или статуя, не могло изрекать само отъ себя ничего. И жрецы придумали средства заставить божество говорить. Поселившись внутрь статуи бога или посредствомъ трубокъ (объ этомъ мы говорили выше), жрецы изрекали устами божества такія велѣнія, которыя вполнѣ возвышали жрецовъ надъ обществомъ, которое не могло уличить жрецовъ въ обманѣ, потому что божество, служившее орудіемъ жрецовъ, всегда грозное и ужасное, сокрыто было въ мрачномъ и таинственномъ святилищѣ (въ какомъ

(1) Montesquieu, Esprit des lois XXIV. 14.

нибудь альковѣ), къ которому никому не позволялось приближаться, кромѣ жрецовъ. Этого мало. Божество подъ вліяніемъ изобрѣтательнаго жречества, стало появляться, въ мрачномъ святилищѣ, въ блестящей одеждѣ и съ лучезарными вѣнцами освѣщать ослѣпительнымъ свѣтомъ весь храмъ и тѣмъ самымъ поражать изумленіемъ невѣжественную толпу; оно стало производить громоподобные раскаты, разливавшіеся по всѣмъ угламъ храма, и приводило въ трепетъ благоговѣйныхъ поклонниковъ; наконецъ оно производило землетрясеніе во храмѣ, такъ что поклонники въ трепетѣ невольно падали ницъ на землю. Но все это могло быть вызвано многочисленными жертвами, часто кровавыми на жертвенникахъ самозагорающихся и самопроизвольно движущихся, и послѣ долгихъ воскуреній ѳиміама. Подъ вліяніемъ дыма ѳиміамнаго, при видѣ кровавыхъ жертвъ, при видѣ горящихъ жертвенниковъ, религіозная фантазія благоговѣйной толпы естественно возбуждалась съ особеннымъ напряженіемъ, которое усиливалось по мѣрѣ явленія новыхъ и новыхъ чудесъ, производимыхъ божествомъ. Оправившись отъ сильныхъ потрясеній фантазіи и чувствъ, вслѣдствіе столькихъ разнообразныхъ чудесъ, народъ уходилъ изъ капища съ полнымъ убѣжденіемъ въ божественности истукана и въ божественномъ могуществѣ его. Какъ же не исполнять послѣ всего этого его велѣній, которыя онъ произносилъ во время грома и молніи, которые приводили въ трепетъ толпу? Но въ тоже время народъ убѣжденъ былъ, что виновниками этихъ чудесъ бы-

ли жрецы, хотя, какъ невѣжественный, не понималъ какимъ образомъ жрецы побуждали боговъ къ совершенію чудесъ. Онъ разсуждалъ очень просто. «Жертвы и молитвы жрецовъ, угодившихъ божеству своею жизнію, заставляютъ божество являть свое могущество грѣшному человѣчеству. Понятно, что послѣ этого жрецовъ необходимо было уважать, какъ людей святыхъ и близкихъ къ божеству, которое легко могло наказать непокорныхъ жрецамъ». На самомъ же дѣлѣ жертвы нисколько не могли побудить статую производить разсказанныхъ нами чудесъ: всѣ онѣ производились жрецами, изобрѣтавшими самыя разнообразныя средства для своего возвышенія.

Такимъ образомъ религія въ рукахъ жрецовъ приняла желаемую ими форму. Подчиняя себѣ общество, жрецы въ тоже время подчинили себѣ и божество, принявшее въ ихъ рукахъ особенный характеръ. Божество близко только къ жрецу и грозно къ остальному люду, между которымъ и божествомъ не измѣримая бездна разстоянія. Такъ далеко поставить божество отъ общества было необходимо для жрецовъ, которые имѣли въ виду при этомъ господство надъ обществомъ. Понятно, что такая религія, гдѣ дѣйствуетъ не святая любовь и утѣшеніе, а своекорыстіе и властолюбіе людей, не могла приносить отрады человѣку. Руководясь личными, самолюбивыми и своекорыстными цѣлями и подчинивъ

себѣ божество, жрецы торговали религіей, которая была тяжелымъ бременемъ, гнетущимъ человѣка.

Какъ бы то впрочемъ ни было, жрецы, для достиженія своихъ властолюбивыхъ замысловъ, изъ религіи сдѣлали для себя науку, вполнѣ пригодную для жреповъ и положительно вредную для народа.

Сдавъ на руки жрецовъ религію, народы язычества передавали имъ и науку, которая, какъ и религія, сдѣлалась промысломъ для жрецовъ. Для дикихъ и потомъ нѣсколько оцивилизовавшихся народовъ были непонятны явленія природы, ихъ окружавшей. Во всѣхъ естественныхъ явленіяхъ они видѣли сверхъестественное чудесное. Жрецы взяли на себя трудъ объяснять это непонятное народу. и этимъ самымъ опять возвышались надъ народомъ. Результатомъ стремленій жрецовъ объяснять для народа непонятныя явленія природы были тѣ научныя свѣдѣнія по естественнымъ наукамъ, о которыхъ мы говорили и которыя для невѣжественной массы казались магіей, волшебствомъ, сообщеніемъ божества, господствомъ надъ подземными духами, силами природы и стихіями. Такимъ образомъ жрецы для науки сдѣлали очень много, но болѣе всего сдѣлали пользы для себя; напротивъ, для народа, который призвалъ ихъ быть служителями божеству и посредниками между божествомъ и народомъ, и избралъ ихъ своими наставниками, они принесли поло-

жительный вредъ. Они торговали самымъ дорогимъ для человѣка,—его религіознымъ чувствомъ, и пользуясь дарами, приносимыми имъ народомъ, держали намѣренно его въ невѣжествѣ.

ОКОЛДОВСТВЪ.

Слово *вѣдовство, вѣдство*, происшедшее отъ *вѣдать* и означающее знаніе, опытность въ чемъ нибудь, въ средніе вѣка тда и теперь въ простонародьи было синонимомъ колдовства и волшебства. Искусники, прославившіеся въ вѣдствѣ, назывались *вѣдунами, знахарями*, — женщины — *вѣдьмами, знахарками*, какъ будто всякое знаніе и мудрость, все непонятное для необразованныхъ, должно было происходить отъ діавола! Вѣдьмъ и колдуновъ вездѣ было очень много. Къ намъ перешли они со временъ идолопоклонства и язычества, когда предки наши въ числѣ своихъ божествъ считали *Безсмертнаго Кощея, Болотнаго волхва, Перуна* и *Бабу-Ягу* — эту прародительницу всѣхъ вѣдьмъ, которая ѣдетъ на ступѣ, по воздуху метлой погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ. Замѣтьте эти—*ступу, метлу, помело*—необходимыя принадлежности простой деревенской жизни, и это заметаніе слѣда въ воздухѣ, какъ будто бы на пескѣ—какое топорное изобрѣтеніе, какой грубый знакъ невѣжества! Вѣрили, какъ въ древности, такъ и въ средніе вѣка, что вѣдьмы, намазавшись извѣстными имъ мазями и пере-

кувыркнувшись чрезъ 12 ножей, оборачиваются во всякихъ звѣрей и птицъ, могутъ посредствомъ отравы оборачивать людей въ волковъ, свиней, птицъ и т. п. Вѣрили, что вѣдьмы и колдуны повелѣваютъ вѣтрами, производятъ вѣтры, бури, молнію, дождь и градъ, что они заколдовываютъ поля и скотъ, такъ что первыя лишаются плодородія (въ Бѣлоруссіи *завитки* или *завивки* лишаютъ поля плодородія и пр.), а послѣдній сохнетъ и издыхаетъ; что они посредствомъ чаръ могутъ лишить человѣка жизни и проч. и проч. и проч. Словомъ все, что есть злаго въ мірѣ, —все это могутъ совершать колдуны, знахари, вѣдьмы, знахарки.

ГЛАВА XXII.

О шабашахъ.

Нигдѣ такъ наглядно и ясно не выражалось могущество нечистой силы, какъ въ разсказахъ о шабашахъ, на которыхъ будто бы самъ сатана принимаетъ клятвенныя завѣренія отъ всѣхъ, которые предались ему духомъ и тѣломъ, т. е. всѣмъ существомъ своимъ. На шабашахъ, по словамъ колдуновъ и вѣдьмъ, демонъ является во всемъ своемъ величіи и силѣ; онъ является съ гордымъ, презрительнымъ видомъ, съ страшнымъ и мрачнымъ лицемъ, въ странномъ нарядѣ, всегда является съ печальной и мрачной церемоніей, и притомъ всегда является въ отдаленныхъ, уединенныхъ мѣстахъ - лѣсахъ, пустыняхъ и т. п. Князь тьмы принимаетъ поклоненія отъ преданныхъ ему съ горлостію и презрѣніемъ. На обѣдѣ кушанья всегда безвкусны и совершенно непитательны; пляска происходила безъ всякаго порядка, искусства и приличія.

Описаніемъ шабаша хотятъ подтвердить дѣйствительность того, что существовало только въ разстроенномъ воображеніи колдуновъ и вѣдьмъ, которые воображали, будто они верхомъ на метлѣ или колѣ свободно переносились по воздуху туда, гдѣ предназначалось празднованіе шабаша.

На шабашъ обыкновенно собирались въ какія нибудь отдаленныя или уединенныя мѣста — въ отдаленный лѣсъ, или въ пустыню или въ болота -всегда ночью съ среды на четвергъ или съ четверга на пятницу. Самымъ торжественнымъ праздникомъ считался шабашъ наканунѣ праздника: Рождество Іоанна Предтечи (24 Іюня; къ этому времени каждый колдунъ и каждая вѣдьма должны натереться непремѣнно жиромъ, если хотятъ присутствовать на торжествѣ. На этотъ праздникъ должны были являться всѣ колдуны и вѣдьмы, не явившійся получалъ выговоръ, или даже наказаніе. Что касается частныхъ собраній, то демонъ былъ снисходителенъ къ тѣмъ, которые не являлись на нихъ по достаточнымъ причинамъ.

Іоаннъ Бапт. Порта и Іоаннъ Виріусъ (1) говорятъ, что они знаютъ, какъ приготовляется жиръ, которымъ натирались колдуны. Жиръ этотъ, говорятъ они, есть смѣшеніе многихъ наркотическихъ веществъ, употребленіе которыхъ повергаетъ человѣка въ состояніе обморока, во время котораго онъ

(1) Ioan. Vierius, lib. 2. c. 7.

воображаетъ, что будто онъ вылетаетъ изъ комнаты чрезъ трубу, что будто въ концѣ трубы встрѣчаетъ его черный человѣкъ съ рогами, который переноситъ его куда угодно, и потомъ опять чрезъ трубу приноситъ домой. Разсказы о шабашахъ людей, подвергавшихся этому состоянію, отличаются неопредѣленностію и отсутствіемъ взаимнаго согласія.

Демонъ является на шабашахъ или въ видѣ козла, или въ видѣ большой черной собаки, или въ видѣ вороны необыкновенной величины, обыкновенно сидитъ на возвышенномъ тронѣ и принимаетъ отъ присутствующихъ увѣренія въ преданности.

Можно бы подумать, что на шабаши привлекаетъ людей надежда на временное счастіе, на полученіе богатства,—и демонъ дѣйствительно постоянно даетъ имъ блестящія обѣщанія,—такъ говорятъ, по крайней мѣрѣ, сами колдуны, конечно обманутые своимъ собственнымъ воображеніемъ. Но опытъ доказываетъ, что люди, будто страствующіе на шабаши, всегда бывали презрѣнные и несчастные бѣдняки, и всегда оканчивали жизнь самымъ печальнымъ и позорнымъ образомъ.

Въ первый разъ явившихся на этотъ шабашъ демонъ вносилъ въ свой списокъ и заставлялъ ихъ подписываться въ этомъ спискѣ, потомъ заставлялъ ихъ отвергнуть муропомазаніе и крещеніе и отречься отъ І. Христа и Его Церкви. Потомъ, чтобы

отмѣтить своихъ приверженцевъ, демонъ напечатлѣваетъ на какой нибудь части тѣла ихъ ногтемъ своего мизинца особенный знакъ, отъ котораго то мѣсто, на которомъ онъ дѣлалъ этотъ знакъ, дѣлалось нечувствительнымъ. Утверждаютъ даже, что демонъ напечатлѣваетъ этотъ знакъ на трехъ различныхъ частяхъ тѣла, и не въ одно и тоже время, а въ три раза. Впрочемъ онъ дѣлаетъ это не иначе, какъ съ тѣми, которымъ не менѣе двадцати пяти лѣтъ.

Все это конечно не заслуживаетъ ни малѣйшей вѣры. И у мущинъ и у женщинъ какія нибудь части тѣла могутъ быть и бываютъ нечувствительными или вслѣдствіе болѣзни, или вслѣдствіе употребленія какихъ нибудь ядовитыхъ лекарствъ, или даже отъ природы, совершенно независимо отъ участія демона. Нѣкоторыхъ обвиняли въ колдовствѣ, но на тѣлѣ ихъ, при самомъ тщательномъ осмотрѣ, не находили нечувствительныхъ мѣстъ и никакого клейма. Другіе изъ уличаемыхъ въ колдовствѣ увѣряли, что демонъ не дѣлаетъ никакихъ знаковъ на ихъ тѣлѣ. Королевскій врачъ Андре во второмъ своемъ (1) письмѣ очень подробно говоритъ обо всемъ, что разсказывается объ этихъ демонскихъ знакахъ.

Названіе «шабашъ» въ томъ смыслѣ, какой оно имѣетъ въ приведенныхъ разсказахъ, у древнихъ не

(1) M. de S. Andre Lettre 2. a sujet de la magie, etc

встрѣчается. Ни у Евреевъ, ни у Египтянъ, ни у Грековъ, ни у Римлянъ оно не было извѣстно, хотя древніе писатели часто упоминали о чародѣяхъ и колдунахъ, какъ такихъ людяхъ, которые, вслѣдствіе своей связи съ демономъ, имѣли особенное вліяніе на животныхъ, на воздухъ, на жизнь и судьбу людей.

Горацій (1) ночныя собранія колдуновъ называетъ словомъ Coticia (котиціа), которое происходитъ отъ слова Cotys (котисъ) или Cotto (котто) названія богини блуда, богини тѣхъ ночныхъ собраній, на которыхъ вакханки предавались всевозможнымъ безстыдствамъ. Это впрочемъ совершенно не то, что шабашъ колдуновъ.

Нѣкоторые производятъ названіе шабаша отъ Sabbatius (саббатіусъ) одного изъ эпитетовъ бога Бахуса, въ честь котораго совершались ночныя безнравственныя пиршества. Арновій и Юлій Фирмикъ Матернусъ говорятъ, что на пиршествахъ этихъ клали посвященнымъ за пазуху золотыхъ змѣй, и потомъ опять вынимали ихъ оттуда. Но эти этимологическія объясненія слишкомъ далеки отъ того, какъ дѣло произошло на самомъ дѣлѣ. Народъ просто заимствовалъ названіе «шабашъ» отъ Іудейскихъ собраній и религіозныхъ занятій въ синагогахъ по субботамъ, и въ насмѣшку приложилъ къ сборищамъ колдуновъ.

(1) Horat. Epod. 17. 10.

Древнѣйшій памятникъ, въ которомъ весьма ясно упоминается о ночныхъ собраніяхъ колдуновъ, представляютъ капитуляріи (собранія законовъ) (1). Здѣсь говорится, что какія-то женщины, подъ вліяніемъ производимаго въ нихъ демономъ помраченія, воображали, будто онѣ путешествовали съ богинею Діаною и множествомъ другихъ женщинъ по воздуху на различныхъ животныхъ, будто онѣ въ немногіе часы, повинуясь Діанѣ, какъ своей царицѣ, пролетали огромныя пространства. Значитъ онѣ чтили богиню Діану, а не Люцифера.

Знаменитый Агобардъ (2), Архіепископъ Ліонскій, современникъ Людовика благочестиваго, написалъ сочиненіе противъ извѣстнаго суевѣрія своего времени, будто колдуны производили бурю, градъ и грозу; колдуны эти назывались поэтому производящими непогоду (Wettermacher) —Tempestarii. Необыкновенные дожди, которые, по мнѣнію суевѣровъ, производились этими колдунами, назывались avra levatitia (авра леватиція). Этимъ названіемъ хотѣли выразить ту мысль, что будто эти дожди произво-

(1) Baluz. capitular. frag. c. 13. capitular. Herardi Ep. Turon. —quaedam sceleratae mulieres Daemonum illusionibus et phantasmatibus seductae, credunt se et profitentur nocturnis horis cum Diana, Paganorum Dea, et innumera multitudine mulierum equitare super quasdam, bestias et multa terrarum spatia intempestae noctis silentio pertransire, ejusque jussinibus veluti dominae obedire.

(2) Agobard. de grandine.

дились въ высшихъ слояхъ воздуха волшебною силою. Еще и по настоящее время простой народъ въ этой странѣ проливные дожди называетъ: alvace (альваце). Нѣкоторые были такъ тверды въ этомъ суевѣріи, что увѣряли, будто они лично знали этихъ производящихъ непогоду колдуновъ, которые будто бы могли какъ производить непогоду вездѣ, гдѣ имъ было угодно, такъ и прекращать ее. Агобардъ многихъ разспрашивалъ относительно этого предмета, и всѣ сознавались, что сами никогда небывали очевидцами такихъ случаевъ, когда бы колдуны производили непогоду.

Агобардъ утверждаетъ, что подобныя вещи, какъ производить непогоду, можетъ совершать одинъ только Богъ, или же святые при Его помощи; демоны же и колдуны не могутъ совершать ничего подобнаго. Онъ говоритъ, что въ простонародьи есть такіе суевѣры, которые очень исправно уплачиваютъ такъ называемый canonicum (каноникумъ), своего рода подать, производящимъ непогоду колдунамъ, чтобы эти послѣдніе не дѣлали имъ никакого вреда; между тѣмъ какъ не даютъ десятинъ священникамъ, не помогаютъ вдовамъ, сиротамъ и другимъ дѣйствительно нуждающимся въ помощи. Агобардъ разсказываетъ также, что не за долго до его времени нѣкоторые разсказывали, что будто Гримоальдъ, герцогъ Беневентскій, посылалъ во Францію людей съ какимъ-то особеннымъ порошкомъ, который они разсыпали по полямъ, лугамъ, горамъ и источникамъ, отъ чего

погибло въ этой странѣ очень много скота; что будто многіе изъ этихъ людей были схвачены, и при допросѣ сознались, что они дѣйствительно принесли съ собой такой порошокъ, и даже тогда, когда увидѣли, что имъ предстоитъ наказаніе, все-таки не отказывались отъ своихъ словъ.

Другіе, по свидѣтельству Агобарда, увѣряли, что будто существуетъ страна подъ названіемъ Мангонія, гдѣ есть такіе корабли, на которыхъ колдуны плаваютъ по воздуху и привозятъ на нихъ плоды, которые, по ихъ волѣ, падаютъ съ деревъ въ ихъ корабли. При этомъ Агобардъ разсказываетъ, что къ нему однажды привели трехъ мущинъ и одну женщину, которые будто бы упали съ этихъ воздушныхъ кораблей; что эти люди были нѣсколько дней продержаны въ оковахъ, и что когда съ ними поставлены были въ очную ставку ихъ обвинители, эти послѣдніе, послѣ долгихъ преній, должны были наконецъ сознаться, что они не знаютъ никакихъ доказательствъ на то, что обвиненные дѣйствительно путешествовали по воздуху и упали съ воздушныхъ кораблей.

Кардъ Великій (1), согласно съ писателями его времени, говоритъ также въ своихъ Капитуляріяхъ о производящихъ перемѣны въ погодѣ волшебникахъ,

(1) Vitae Baluzii notas in Agobard. p. 68. 69.

и требуетъ, чтобы эти волшебники были строго преслѣдуемы и наказываемы.

Папа Григорій IX (1) въ своемъ посланіи къ Архіепископу Майнскому, Епископу Гильденгеймскому и Доктору Конраду (1234 г.) слѣдующимъ образомъ изображаетъ гнусные обычаи, въ которыхъ обвиняемы были еретики Штадингеры: «когда они привлекаютъ кого нибудь въ свою секту, и когда новичекъ въ первый разъ является въ ихъ сборище, онъ прежде всего видитъ здѣсь лягушку необыкновенной величины,—величиной съ гуся, или даже больше. Они цѣлуютъ эту лягушку,—одни въ ротъ, другіе въ заднюю часть. Потомъ представляютъ новичка какому-то блѣдному изможденному человѣку, до того худому, что онъ кажется состоящимъ изъ однѣхъ костей да кожи; новичекъ цѣлуетъ этого человѣка, чувствуя при этомъ, что онъ холоденъ, какъ лёдъ. Послѣ этого поцѣлуя новичкомъ овладѣваетъ забвеніе о православной вѣрѣ. Послѣ этого сообща совершается празднество, причемъ позади статуи, которая обыкновенно находится въ мѣстѣ еретическихъ собраній, — ложится какая-то черная кошка. Новичекъ сначала цѣлуетъ эту кошку, потомъ предсѣдателя собранія и наконецъ всѣхъ другихъ, кто признанъ достойнымъ этого. Несовершенные получаютъ поцѣлуй только отъ одного начальника собранія; за

(2) Fleuris. Hist. Eccl. tom. XVII. p. 53. an. 1234.

симъ новичекъ даетъ торжественно обѣтъ послушанія. Послѣ этого тушатся свѣчи и еретики предаются всѣмъ возможнымъ видамъ разврата. Ежегодно на праздникъ Пасхи они принимаютъ тѣло Христово, приносятъ его во рту домой и выбрасываютъ въ отхожія мѣста.—Они вѣруютъ въ Люцифера и говорятъ, что Богъ низвергнулъ его въ адъ несправедливо, посредствомъ коварной хитрости. Они вѣрятъ, что Люциферъ есть творецъ небеснаго міра, что нѣкогда онъ побѣдитъ своего противника, получитъ достойную его славу и доставитъ имъ вѣчное блаженство».

ГЛАВА XXIII.

Колдуны и колдуньи, которые разсказывали о себѣ, будто бы они не естественнымъ образомъ переносились на такъ называемые шабаши.

Все, что разсказывается о колдунахъ и колдуньяхъ, переносившихся на шабаши, признается за вымыслъ; и дѣйствительно извѣстно много случаевъ, которые доказываютъ, что эти колдуны и колдуньи въ то время, когда они воображали, что присутствуютъ на шабашахъ, на самомъ дѣлѣ оставались у себя дома, въ своихъ спальняхъ, въ своихъ постеляхъ. Они натирали себя извѣстной мазью, которая усыпляла ихъ и дѣлала ихъ безчувственными, и въ этомъ-то состояніи обморока они и воображали, что уносятся на шабаши и видятъ и слышатъ все, что тамъ происходитъ.

Въ сочиненіи подъ названіемъ: Malleus maleficorum (молотъ противъ колдуновъ) читаемъ, что одна женщина, арестованная инквизиторами, созналась, что она дѣйствительно можетъ тѣлеснымъ образомъ переноситься всюду, куда только захочетъ,

какъ бы ее ни задерживали и какъ бы далеко ни были тѣ мѣста, куда бы она захотѣла перенестись. Инквизиторы велѣли ей перенестись въ извѣстное мѣсто, говорить тамъ съ извѣстными лицами и потомъ дать имъ отчетъ въ своемъ путешествіи; она согласилась. Ее отвели въ одну комнату; здѣсь она вдругъ упала, какъ мертвая; стали ее трясти, она оставалась совершенно безъ всякаго движенія, безъ всякихъ чувствъ; стали жечь ей ногу зажженной свѣчей, она не почувствовала и этого. Спустя короткое время, она пришла въ себя и стала давать отчетъ относительно своего похожденія, причемъ она замѣтила, что съ большимъ трудомъ совершила путь. Инквизиторы спросили ее, не чувствуетъ ли она чего на своей ногѣ; она отвѣчала, что со времени возвращенія чувствуетъ на ней сильную боль, но не знаетъ отъ чего она. Тогда инквизиторы объявили ей, въ чемъ дѣло, сказали ей, что она вовсе не оставляла своего мѣста, что боль, которую она чувствуетъ на ногѣ, отъ того, что во время ея мнимаго отсутствія ей жгли свѣчей ногу. Когда такимъ образомъ ея заблужденіе было доказано въ ея собственныхъ глазахъ, она признала обманъ, просила о прощеніи и публично обѣщала впередъ не подвергаться преступному самообольщенію.

Нѣкоторые другіе историки (1) разсказываютъ, что будто силой извѣстной мази, которой натирали

(1) Alphons. à Castro, ex Petro Grilland. Tract. de haer. lib.

себя колдуньи, онѣ дѣйствительно могли переноситься на шабаши. Торквемада со словъ Павла Грилледа разсказываетъ, что одинъ человѣкъ, подозрѣвая свою жену въ колдовствѣ, захотѣлъ узнать, дѣйствительно ли она переносится на шабаши и какимъ образомъ она это дѣлаетъ. Онъ сталъ за ней внимательно слѣдить и однажды увидѣлъ, что она, натершись какой-то мазью, вдругъ приняла видъ птицы, улетѣла и не возвращалась до самаго утра, когда она опять вдругъ очутилась подлѣ него. Онъ обратился къ ней съ распросами, на которые она не хотѣла отвѣчать; наконецъ онъ сказалъ ей, что онъ самъ видѣлъ все, что она дѣлала, и палкой заставилъ ее открыть ему свою тайну и допустить его самого на шабаши. Пришедши на шабашъ, онъ вмѣстѣ съ другими сѣлъ за столъ; такъ какъ все, что подавалось на столъ, было не солоно, онъ потребовалъ соли; долго соли не приносили; наконецъ, когда онъ получилъ солонку, онъ сказалъ: слава Богу, что я вижу наконецъ соль,—въ ту же минуту онъ услышалъ сильный шумъ, и все собраніе исчезло. Онъ очутился одинъ въ полѣ, между горами, донага раздѣтымъ. Онъ увидѣлъ, что онъ на 33 часа разстоянія отъ своего дома. Кой-какъ добрелъ онъ домой и разсказалъ обо всемъ случившемся инквизиторамъ: инквизиторы арестовали его жену вмѣстѣ съ другими соучастниками, и виновные были наказаны по заслугѣ.

Тотъ же авторъ разсказываетъ, что одна женщина, несенная утромъ по воздуху злымъ духомъ съ

шабаша, вдругъ услышала ангельскій голосъ, и тотчасъ демонъ ее бросилъ и она упала въ терновый кустъ на берегу рѣки; она была нагая, растрепанные волосы разбрасывались по плечамъ и груди. Тутъ она увидѣла мальчика, который, послѣ долгихъ съ ея стороны просьбъ, отвелъ ее въ близъ лежащее село, гдѣ былъ ея домъ. Послѣ долгихъ отказовъ, она наконецъ открыла мальчику свою тайну, но просила его не разглашать того, что онъ слышалъ. Не смотря на то, тайна ея разгласилась.

Если вѣрить всѣмъ подобнымъ разсказамъ, которыхъ безчисленное множество, въ такомъ случаѣ конечно нужно бы признать, что колдуны и колдуньи дѣйствительно переносились на шабаши; но принявъ во вниманіе другіе факты, которые очевидно доказываютъ, что они странствовали только въ своей собственной головѣ, въ своемъ воображеніи,—нужно положительно сказать, что все, что разсказываютъ объ этихъ путешествіяхъ, было не болѣе, какъ дѣйствіемъ развращеннаго воображенія, что эти колдуны и колдуньи только воображали, что они странствуютъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они оставались на одномъ и томъ же мѣстѣ. Такъ какъ это самообольщеніе производится ихъ воображеніемъ, то по его же вліянію эти лица такъ упорно стоятъ въ своемъ заблужденіи и склоняютъ къ заблужденію другихъ. Магія и волшебство всегда суть ничто иное, какъ произведенія развращеннаго воображенія. Люди, занимающіеся ими, всегда бываютъ заражены

безбожіемъ, развратомъ, страстью воровства и всѣми другими пороками человѣконенавидѣнія.

Нѣкоторые думали, что въ видѣ колдуновъ и колдуней, странствующихъ на шабаши, являлись сами демоны для того, чтобы такимъ образомъ вовлечь въ обманъ тѣхъ, кому они являлись, между тѣмъ какъ тѣ лица, въ видѣ которыхъ они являлись, преспокойно спали у себя дома. Но это объясненіе дѣла представляетъ такія же, или даже еще большія трудности для пониманія, чѣмъ то мнѣніе, противъ котораго оно направлено. Слишкомъ непонятно, какъ и зачѣмъ демонъ принимаетъ видъ колдуновъ и колдуней, пьетъ, ѣстъ, и все это только для того, чтобы убѣдить нѣкоторыхъ невѣждъ въ дѣйствительномъ существованіи колдуновъ и колдуней. Какая для него выгода порождать и поддерживать въ людяхъ это заблужденіе?

Разсказываютъ между прочимъ (1), что Германъ, Епископъ Авксерійскій, проѣзжая черезъ одну деревню своего діоцеза и принявши здѣсь собранную для него подать, между прочимъ замѣтилъ, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ остановился, готовится большой ужинъ. Когда онъ спросилъ, не ожидается ли здѣсь общество, ему отвѣчали, что ужинъ готовится для добрыхъ женщинъ, совершающихъ ночныя путешествія. Св. Германъ понялъ, въ чемъ дѣло, и рѣшился изобличить проказы. Спустя нѣсколько времени, онъ увидѣлъ множество демоновъ, явившихся въ видѣ мужчинъ и женщинъ, которые въ присутствіи его посадились за столъ. Германъ спросилъ домашнихъ, знаютъ ли они этихъ людей: ему отвѣчали, что это такіе-то и такіе-то изъ сосѣдей: пойдите, сказалъ имъ святитель, въ ихъ дома и посмотрите, не тамъ ли они. Пошли и увидѣли, что всѣ эти люди спятъ у себя дома. Германъ произнесъ заклятія на демоновъ и заставилъ ихъ открыто сознаться, что они обманываютъ людей, что они сами являются въ видѣ переносящихся на шабаши колдуновъ и колдуней, стараясь такимъ образомъ убѣдить людей въ дѣйствительномъ существованіи этихъ послѣднихъ. Демоны повиновались и исчезли посрамленные.

(1) Bolland. 5. Sol. pag 287. т. е. причисленъ къ лику святыхъ католическою, а не православною Церковью.

Это событіе записано въ древнихъ манускриптахъ, разсказывается у Іакова de Voragine, у Петра Наталиса, у Св Антонина, въ древнихъ какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ требникахъ Авксерійскихъ. Я не согласенъ признать этотъ разсказъ справедливымъ, я нахожу его вымышленнымъ. Но онъ доказываетъ, что тѣ, которые его записали и списали, были того убѣжденія, что ночныя путешествія колдуней по шабашамъ суть не болѣе, какъ одинъ обманъ со стороны демона. Въ самомъ дѣлѣ, все, что разсказывается объ этихъ путешествіяхъ, — не можетъ быть объяснено независимо отъ участія де-

мона; къ этому присоединяется еще разстроенное воображеніе, развращенность и предразсудочность самихъ людей и наконецъ, пожалуй, какая нибудь мазь или порохъ, которые раздражали мозгъ и возбуждали бредъ, соотвѣтствовавшій дѣйствительному расположенію тѣхъ лицъ, которыя ему подвергались. — У Іоанна Баптисты Порты (1), у Кардана и другихъ можно видѣть, какъ приготовлялась эта мазь, которой натирались колдуны для того, чтобы переноситься на шабаши; она не производитъ никакого другаго дѣйствія, кромѣ того, что усыпляетъ человѣка, разстраиваетъ его воображеніе, заставляетъ его воображать, будто онъ совершаетъ длинныя путешествія, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ въ это время находится въ глубокомъ снѣ.

Отцы Парижскаго собора, бывшаго въ 829 г. (2), говорятъ, что волшебники и всѣ подобные люди суть служители и орудія демона въ выполненіи его адскихъ замысловъ, что они посредствомъ извѣстныхъ напитковъ возбуждаютъ въ людяхъ нечистую любовь, что существуетъ убѣжденіе, будто они могутъ портить воздухъ, производить бури и грозу, предсказывать будущее, портить плоды и пр. Отцы собора опредѣлили, что относительно этихъ людей должны быть со всею строгостію выполняемы тѣ законы, какими постановлены противъ нихъ правительствами, должны быть выполняемы тѣмъ съ большей строгостію, что эти люди очевидно отдаютъ себя на служеніе демону: manifestius avsu nefando et temerario servire Diabolo non metuunt.

(1) Joan. Bapt. Porta, lib. 2. Magiae naturalis. Hieron. Cardan. Joan. Vierus. de Zamis, lib. 3. c. XVII.

(2) Concil. VI. Paris. anno 829. Can. 2.

Спрангеръ разсказываетъ въ упомянутомъ уже сочиненіи—Malleus maleficorum: въ Швабіи одинъ крестьянинъ съ своей осьмилѣтней дѣвочкой былъ въ полѣ и, жалуясь на засуху и жаръ, сказалъ: ахъ, когда ужъ это Богъ пошлетъ дождя! Дѣвочка тотчасъ сказала на это, что она сама можетъ, если ему угодно, произвесть дождь. Кто же тебя научилъ этому секрету? спросилъ отецъ. Меня научила этому моя мать, отвѣчала она, только она велѣла, чтобы я никому объ этомъ не сказывала. —Какъ же она научила тебя этому? —Она водила меня къ одному человѣку, который теперь является ко мнѣ всегда, когда только я его позову. —И ты видѣла этого человѣка? Да, сказала дѣвочка, я часто видѣла у моей матери много мужчинъ, и одному-то изъ нихъ она меня и поручила. —Какъ же ты можешь сдѣлать, чтобы дождь шелъ только на одномъ нашемъ полѣ? Я потребую только немного воды. Послѣ этого они пошли къ ближайшему ручью; и какъ только дѣвочка во имя того, кому поручила ее мать, потребовала воды, тотчасъ полился сильный дождь на поле этого крестьянина. Узнавши такимъ образомъ, что его жена колдунья, крестьянинъ объявилъ объ этомъ инквизиторамъ, и она была приговорена

къ сожженію; а дѣвочка была перекрещена и освящена, и съ этихъ поръ потеряла способность производить дождь. Конечно, разсказъ о дождѣ такъ же нелѣпъ, какъ и разсказъ о шабашахъ.

ГЛАВА XXIV

Разсказъ о Людовикѣ Гофреди и Магдалинѣ фонъ Палюдъ, которые сами сознались въ колдовствѣ (1).

Здѣсь представляется разсказъ объ одномъ мужчинѣ и одной женщинѣ, которые сами объявили себя виновными въ колдовствѣ. Людовикъ Гофреди, марсельскій священникъ, въ началѣ 1611 г. былъ обвиненъ въ магическомъ волшебствѣ и арестованъ. По собственному его признанію, онъ отъ своего дяди вмѣстѣ съ другими вещами получилъ магическую книгу, на которую онъ сначала не обратилъ ника-

---

(1) Causes celebres, tom. pag. 192. Die christliche Mystik von Görres IV. Bd. IX Buch. § 304 — 307. Les histoires tragiques de nostre temps composees par. F. de Rosset Lyon 1653 pag. 29 –37. Confessiones et Depositiones Lodoici magi quasfecit et deposuit a Sabbato sancto 2. April et deinceps in historia de tribus Eperdumens. p. 702. Die christ. Myst. IV Bd. IX. Buch 593—599. Histoir admirable de la Possession et conversion dune Penitent Conduit a la S. Baume pour y estre exorcisee L an 1610 sous L'autorité du R. S. F. Sebastien Michaelis, A Douay L'an 1613. p. 1 111.

кого вниманія, а потомъ, однажды, вздумалъ испытать силу ея словъ, и вотъ къ нему явился демонъ, высказалъ свои требованія относительно связи съ нимъ и заключилъ съ нимъ договоръ такого рода: за троякую преданность ему со стороны священника, за преданность ему душой, тѣломъ и жизнію,—демонъ обѣщалъ ему съ своей стороны троякое вознагражденіе, именно: во-первыхъ, сдѣлать его ученѣйшимъ изъ всѣхъ священниковъ провинціи; во-вторыхъ, въ продолженіи 54 лѣтъ освобождалъ его отъ болѣзней и другихъ несчастій; наконецъ, въ-третьихъ, во всѣхъ женщинахъ, на которыхъ только дохнетъ священникъ, возбуждать страстную любовь къ нему. Гофреди приходитъ въ Марсель и дѣйствительно дѣлается здѣсь священникомъ; слава о его святости распространяется по всей странѣ; всѣ женщины спѣшатъ къ его исповѣдному налою; и онъ постоянно приводитъ въ дѣло волшебную силу своего дыханія и съ радостію видитъ, что все вокругъ него пламенѣетъ любовію къ нему. Жена одного мужа, по имени Перрина, плѣнена была имъ до такой степени, что ея сердце каждый разъ за годъ предвозвѣщаяо ей своимъ біеніемъ о встрѣчѣ съ нимъ. Другія двѣ, Бухета и Пинтада, тоже постепенно сдѣлались жертвами его сладострастія. Но особеннымъ предметомъ его страсти были три дочери одного дворянина, по имени Мандаля де ля Палюдъ, знакомство съ которымъ, доставило ему его слава,—и преимущественно одна изъ этихъ дѣвушекъ, по имени Магдалина, которой въ началѣ ея знакомства съ нимъ, было еще только

10 лѣтъ. Такъ какъ эта дѣвочка избрала его своимъ духовнымъ отцемъ, то уже это одно дало ему возможность непосредственно и безпрепятственно вліять на нее, и онъ воспользовался этой возможностью. Общеніе съ нимъ на первыхъ порахъ развило въ ней меланхолическое настроеніе. Она часто жила на дачѣ близъ города и часто гуляла тамъ наединѣ. Сначала онъ дѣйствовалъ силой своего дыханія на мать дѣвушки для того, чтобы она, увлекшись имъ сама, отдала бы ему и дочь. Между тѣмъ и на самую дочь онъ такъ часто дѣйствовалъ этой силой и такъ сильно повѣялъ на нее разными другими волшебными средствами, что она, наконецъ, пришедши между тѣмъ въ возрастъ, всецѣло отдалась ему.

Однажды онъ засталъ ее на дачѣ одну и пригласилъ ее идти съ нимъ въ одну пещеру, которая была недалеко отъ дачи, обѣщая ей показать тамъ много чудеснаго. Пришедши въ пещеру, они нашли здѣсь много мужчинъ и женщинъ, которые танцовали вокругъ козла. Магдалина сначала почувствовала сильный страхъ, но Гофреди ободрилъ ее: «это мои друзья, сказалъ онъ ей, собрались здѣсь, къ обществу ихъ и ты должна теперь принадлежать». Затѣмъ онъ сказалъ ей, что ради ея онъ призвалъ всѣ демонскія силы, и что такъ какъ она отдалась уже ему, —онъ хочетъ соединить ее брачнымъ союзомъ съ самимъ княземъ демоновъ для того, чтобы такимъ образомъ сдѣлать крѣпче и надежнѣе ихъ собственную связь. Наученная уже прежде, что духовные отцы

имѣютъ право по произволу распоряжаться своими духовными дѣтьми, она согласилась на этотъ союзъ. Союзъ былъ утвержденъ собраніемъ. Дѣвушка была погружена въ сѣру, смѣшанную съ солью и мочей,— затѣмъ всѣмъ сердцемъ, всѣми силами своей души отреклась она отъ Бога и религіи и написала свое отреченіе своею собственной кровію изъ урѣзаннаго мизинца правой руки. Было сдѣлано шесть или семь копій съ этого отреченія для того, чтобы тѣмъ больше закрѣпить союзъ. Она кромѣ того была заклеймена на головѣ, на груди и на другихъ частяхъ тѣла, и потомъ всѣ присутствовавшіе общимъ торжественнымъ хоромъ начали танцовать, величая новопосвященную царицей своего собранія. И съ этихъ поръ Магдалина стала уже регулярно посѣщать это общество. Гофреди принадлежалъ ужъ къ этому обществу съ самаго времени своихъ связей съ демономъ, его даже здѣсь сдѣлали княземъ шабашей французскихъ, испанскихъ, англійскихъ, германскихъ, турецкихъ, значитъ, княземъ шабашей всей Европы и части Азіи; и онъ въ качествѣ князя посѣщалъ всѣ эти собранія и предсѣдательствовалъ на нихъ. Его господинъ —діаволъ прислалъ и къ Магдалинѣ демона — асмодея для того, чтобы онъ служилъ ей, хранилъ ее въ союзѣ съ нимъ, поддерживалъ и усиливалъ въ ней любовь къ нему. Дѣло шло такимъ образомъ долго; но вотъ у Магдалины раждается мысль поступить въ монастырь св. Урсулы. Гофреди всѣми силами старается помѣшать исполненію этого намѣренія; но такъ какъ онъ не могъ сдѣлать по своему въ этомъ

случаѣ, онъ грозитъ обрушить на этотъ монастырь всѣ силы ада. Три года жила Магдалина спокойно при этомъ монастырѣ, только по средамъ и пятницамъ, въ эти роковые дни, когда обыкновенно бывали шабаши, ей овладѣвала мрачная тоска, которая дѣлала для ней несносной самую жизнь и тяжелымъ Божій свѣтъ. Со времени поступленія въ монастырь, ее осаждали цѣлыхъ пять демоновъ; и въ спокойномъ до того времени монастырѣ теперь происходилъ такой шумъ, что настоятельницами монастыря овладѣлъ ужасъ. Арестованная инквизиціей и порученная для распросовъ Якобинскому монаху Михаэлису, Магдалина открыла многое изъ разсказаннаго выше и кромѣ того много еще другихъ вещей. Она отвѣчала свободно по французски на всѣ вопросы, которые предлагались ей на латинскомъ языкѣ, разсказала много относительно порядковъ въ обществѣ демоновъ, относительно паденія Люцифера съ соучастниками и назвала двадцать четыре злыхъ духа, которые владѣли ею.

Разсказы Магдалины обратили вниманіе Прованскаго парламента на Гофреди; его арестовали, и 1611 г. 19-21 ч. Февраля, совершенъ былъ надъ нимъ судебный процессъ. Особенное вниманіе было обращено на показанія Магдалины, которая подробно передала о колдовствѣ Гофреди и о всѣхъ совершенныхъ имъ надъ ней злодѣяніяхъ. Въ продолженіе цѣлыхъ 14 лѣтъ онъ былъ колдуномъ и начальникомъ колдуновъ; и если бы правосудіе не

овладѣло имъ, діаволъ навсегда овладѣлъ бы всѣмъ его существомъ.

Гофреди безпрекословно отдался подъ арестъ. При первомъ допросѣ онъ отказался отъ всего, въ чемъ его обвиняли, говорилъ, что онъ ни въ чемъ не виноватъ. Но сдѣланныя, относительно его, разслѣдованія доказали, что онъ человѣкъ въ высшей степени безнравственный, что онъ развратилъ Магдалину Фонъ-Палюодъ и другихъ женщинъ, которыхъ онъ былъ духовнымъ отцемъ. 21 Февраля, Магдалинѣ былъ сдѣланъ оффиціальный допросъ, и она разсказала всю исторію своего развращенія, передала о колдовствѣ Гофреди и о шабашахъ, на которые онъ ее нѣсколько разъ водилъ. Но когда, спустя нѣсколько времени, между ею и имъ была сдѣлана очная ставка, она начала говорить, что онъ человѣкъ хорошій, что всѣ слухи, какіе объ немъ ходятъ, вымышленны; теперь она отвергала все то, что сама передала. Гофреди съ своей стороны сознался, что онъ былъ съ Магдалиной въ короткихъ связяхъ, а отъ всего остальнаго, въ чемъ его обвиняли, отказывался, утверждалъ, что ею владѣлъ злой духъ, который и внушилъ ей разсказать все то, что она передала. Потомъ онъ сознался, что когда онъ рѣшился раскаяться, къ нему являлся Люциферъ и угрожалъ ему множествомъ страданій, что онъ уже и дѣйствительно кой-что потерпѣлъ. Онъ подробно разсказалъ о шабашахъ, передалъ, между прочимъ, что при шабашахъ находится обыкновенно колоколъ во

сто фунтовъ вѣсу, въ четыре локтя ширины, съ желѣзнымъ языкомъ, который издаетъ глухой, печальный звукъ; сообщилъ много кой-чего о тѣхъ нечестивыхъ, безбожныхъ вещахъ, какія совершаются на шабашахъ. Сознался такъ же и въ томъ, что онъ получилъ отъ Люцифера записку, которой онъ (Люциферъ) обязался привораживать къ нему всѣхъ женщинъ, какія только ему понравятся. По разсмотрѣніи дѣла, Генералъ-Прокуроръ положилъ слѣдующее рѣшеніе: такъ какъ Гофреди въ различныхъ частяхъ своего тѣла имѣетъ клейма, въ которыхъ (частяхъ тѣла), если ихъ колоть, онъ не чувствуетъ никакой боли, и изъ которыхъ не выходитъ никакой крови, такъ какъ онъ, Гофреди, имѣлъ часто сношенія съ Магдалиной де ля Палюдъ, какъ дома, такъ и въ церкви, и днемъ, и ночью имѣлъ съ ней плотскія сообщенія и заставилъ ее отречься отъ Церкви и Бога; такъ какъ Магдалина имѣетъ такъ же на своемъ тѣлѣ различныя діавольскія клейма, такъ какъ онъ самъ позналcя въ колдовствѣ, въ томъ, что онъ пользовался магической книгой для заклинанія злаго духа, въ томъ, что онъ съ упомянутой Магдалиной бывалъ на шабашахъ и совершалъ тамъ множество нечестивыхъ, беззаконныхъ, безбожныхъ дѣлъ, каково напр. поклоненіе Люциферу, то, на основаніи всего этого, Генералъ-Прокуроръ требуетъ, чтобы поименованный выше Гофреди, который самъ призналъ себя виновнымъ во всѣхъ указанныхъ преступленіяхъ, въ наказаніе за эти преступленія и для заглажденія ихъ, предварительно былъ лишенъ свя-

щенническаго сана и потомъ, въ слѣдующій присутственный день, съ обнаженной головой и босой, съ петлей на шеѣ и съ горящимъ факеломъ въ рукѣ публично просилъ о помилованіи Бога, князя и правосудіе, затѣмъ, чтобы палачъ провелъ его по всѣмъ площадямъ и всѣмъ перекрестнымъ улицамъ города «*Aix*» и потомъ жегъ по всему его тѣлу раскаленными щипцами; наконецъ, чтобы онъ, Гофреди, былъ сожженъ живымъ на Якобинской площади и чтобы пепелъ его былъ разсѣянъ вѣтромъ; но еще прежде совершенія надъ нимъ этого наказанія, Гофреди долженъ быть подвергнутъ самымъ жестокимъ пыткамъ, какія только могутъ быть придуманы для того, чтобы такимъ образомъ принудить его открыть своихъ соучастниковъ. Приговоръ состоялся 29 Апрѣля 1611 года. Подвержепный обыкновеннымъ и необыкновеннымъ пыткамъ, Гофреди сказалъ, что онъ на шабашахъ никого не видалъ изъ своихъ знакомыхъ, кромѣ Магдалины Палюдъ, что онъ видѣлъ тамъ также нѣкоторыхъ монаховъ, именъ которыхъ онъ не знаетъ, что діаволъ колдунамъ намазываетъ чѣмъ-то головы, отъ чего у нихъ все исчезаетъ изъ памяти.

Замѣчательно, что дѣвушку Магдалину парламентъ не приговорилъ ни къ какому наказанію. Таково было общее правило у инквизиторовъ: тѣмъ,— которые допустили себя другимъ обезчестить и развратить, не полагаюсь уже никакого другаго наказанія, кромѣ того позора, которому они сами себя подвергли. Это, впрочемъ, правило впослѣдствіи измѣнено. Священникъ Гофреди былъ приговоренъ къ сожженію, какъ говорилось въ донесѣ о рѣшеніи относительно его, который представленъ парламентомъ канцлеру, за то, что онъ былъ обвиненъ не только въ колдовствѣ, но и въ *духовномъ* еще блудѣ съ его духовной дочерью, дѣвицею Магдалиною Фонъ-Палюдъ.

Съ своей стороны замѣтимъ, что какъ Гофреди, такъ и Палюдъ были жалкими жертвами обмана собственнаго разстроеннаго воображенія — подобно тѣмъ колдунамъ, о которыхъ шла рѣчь въ двухъ предыдущихъ главахъ.

———

ГЛАВА XXV.

Народныя повѣрья во времена язычества о заклинаніяхъ къ смерти.

Древніе Греки и Римляне приписывали магіи силу не только заклинать тѣни умершихъ, но и умерщвлять живыхъ людей посредствомъ заклинаній, соединенныхъ съ извѣстными обрядами. Дѣлали обыкновенное восковое изображеніе, по возможности похожее на лице, приговоренное къ смерти, далѣе заклинали его посредствомъ волшебства, наконецъ плавили, — и въ той мѣрѣ, какъ расплавливалось изображеніе, такъ по крайней мѣрѣ думали, неболѣе), мало по малу слабѣла и наконецъ совершенно угасала жизнь заклятаго лица. Горацій (1) разсказываетъ о двухъ колдуньяхъ, заклинавшихъ души умершихъ съ цѣлію узнать будущее. Прежде всего онѣ разрывали зубами молодаго ягненка, и его кровь вливали въ могилу, заклиная при этомъ души усопшихъ, отъ которыхъ желали узнать будущее, потомъ ставили подлѣ себя два изображенія: одно изъ вос-

(1) Horat. serm. lib. 1. Satyr. VIII. 30, 43. 44

ка, другое изъ овечьей шерсти, послѣднее было больше, и какъ бы властвовало надъ первымъ; восковое стояло передъ послѣднимъ на колѣнихъ, какъ бы осужденное на смерть. Послѣ различныхъ чародѣйскихъ церемоній восковое изображеніе нагрѣвалось и расплавлялось въ огнѣ (1).

Нѣтъ сомнѣнія, что это суевѣрье было въ большемъ ходу въ древности, что многіе были убѣждены въ этомъ и боялись послѣдствій его.

Лукіанъ разсказываетъ (2) о дѣйствіяхъ колдуна Гиперборейца, который сдѣлалъ изъ глины купидона, и вдохнувъ въ него жизнь, вызвалъ чрезъ него дѣвушку Хризею, къ которой какой-то юноша питалъ страстную любовь. Маленькій купидонъ принесъ ее. Лукіанъ справедливо нападаетъ на подобные разсказы, и замѣчаетъ, что колдуны, славящіеся могучею силою, имѣютъ вліяніе только на людей ничтожныхъ, и сами ничтожны.

Подобные примѣры проклятій и смертныхъ заклинаній боговъ—хранителей городовъ при помощи

(1) Lanea et effigies erat, altera cerea, major.
Lanea, quae poenis compesceret inferiorem.
Cerea suppliciter stabat, servilibus ut quae
Jam peritura modis . . . . . .
. . . . . Et imagine cerea.
Larqior arserit iqnis etc.

(2) Lucian in Philops.

волшебства мы находимъ и въ исторіи. Древніе всегда скрывали собственныя имена городовъ (1 съ тѣмъ, чтобы враги, во время нападеній на города, не могли произносить ихъ имени въ своихъ заклинаніяхъ; по мнѣнію древнихъ заклинанія вовсе не имѣли силы, если не упоминались въ нихъ собственныя имена городовъ. Обыкновенныя имена Рима, Тира и Карѳагена не тайныя и не собственныя ихъ имена. Римъ назывался напр. Валенціею.— именемъ, извѣстнымъ только нѣкоторымъ Римлянамъ, весьма не многимъ,—и Валерій Соранъ, какъ извѣстно, былъ строго наказанъ за открытіе собственнаго имени Рима.

Макробіусъ оставилъ намъ формулу торжественнаго заклинанія къ смерти города и чародѣйскихъ церемоній, совершаемыхъ во время предаванія города вредному и опасному демону (2). У языческихъ поэтовъ упоминается о многихъ заклинаніяхъ и магическихъ смертныхъ проклятіяхъ (Todesweihungen), которыми пользовались съ намѣреніемъ причинить опасныя страданія или болѣзни. Замѣчательно, что и въ христіанствѣ находили себѣ мѣсто эти суевѣрные и отвратительные обычаи, и были страшны даже для тѣхъ, которые, кажется, должны бы были знать безполезность и ничтожность этихъ предразсудковъ.

---

(1) Plinc. 13. c. 5. et 1. 28. (2) Macrobius, 1. 3. c. 2. c. 9.

ГЛАВА XXVI

Повѣрья народныя о заклинаніяхъ къ смерти (Todesweihungen) у христіанъ.

Гекторъ Боецій (Boëthius) (1) въ своей исторіи Шотландіи, повѣствуя о королѣ Дюффѣ, приводитъ замѣчательный фактъ, который мы приведемъ здѣсь. Дюффъ однажды подвергся опасной болѣзни, не извѣстной докторамъ; онъ изнуряемъ былъ продолжительною лихорадкой, проводилъ ночи безъ сна, все болѣе и болѣе худѣлъ, каждую ночь подвергался сильной испаринѣ, и наконецъ до того ослабѣлъ, и такъ крѣпко заснулъ, что близокъ былъ къ смерти, самый пульсъ прекратилъ біеніе. Употреблены были всевозможныя старанія къ излеченію, — и все было напрасно. Отчаявшись въ выздоровленіи короля, рѣшили, что причина болѣзни — злотѣяніе Жители Мурро (Murrah), Шотландской провинціи убѣжденные въ томъ, что болѣзнь скоро низведетъ короля въ могилу, возмутились.

---

(1) Hector Boëthius. hist. Scot. 1. XI. cap. 218. 219.

Въ это же время разнесся слухъ, что короля посвятили смерти (Beganbert) колдуньи, жившія въ Форрѣ Forres), городкѣ сѣверной Шотландіи. Отправленъ былъ отрядъ войска арестовать волшебницъ, который и захватилъ ихъ въ расплохъ — на мѣстѣ преступленія въ ихъ жилищѣ, гдѣ одна изъ нихъ держала на огнѣ восковое изображеніе короля Дюффа. Что дѣлала она по чародѣйской формулѣ, по которой, по мѣрѣ того, какъ изображеніе расплавлялось, король долженъ былъ терять силы, и наконецъ умереть, какъ только изображеніе совершенно расплавится. Колдуньи на допросѣ показали, что онѣ подкуплены на такое злодѣяніе жителями провинціи Мурро, которые, желая поднять бунтъ, только и ждали смерти короля.

Колдуньи сожжены, а король, почувствовавъ себя лучше, чрезъ нѣсколько дней совершенно выздоровѣлъ.

Тоже самое передаетъ въ своей исторіи Шотландіи и Букананъ, замѣчая при этомъ, что этотъ фактъ переданъ ему старожилами Voreltern (1). Онъ отно-

(1) Разсказъ о болѣзни Дюффа и особенно ея причинѣ нельзя считать вѣрнымъ потому, что онъ, какъ такой, не можетъ быть оправданъ законами ума. Что же касается авторитета предковъ (Voreltern), то онъ еще болѣе возбуждаетъ подозрѣніе къ разсказу потому, что такой авторетотъ весьма способенъ вѣрить нелѣпостямъ.

ситъ время царствованія короля Дюффа къ 960 году; дополнявшій эту исторію примѣчаніями замѣчаетъ: «подобный обычай посвященія къ смерти извѣстенъ былъ и Римлянамъ, какъ видно изъ сочиненій Виргія и Овидія», на которыхъ мы уже указывали. Но дѣло не въ томъ, кому извѣстенъ былъ этотъ обычай, а въ томъ, что всѣ разсказы о немъ весьма подозрительны не потому, чтобы не было волшебниковъ или волшебницъ, которые подобными средствами старались лишить извѣстныхъ лицъ, и успѣхъ въ этомъ случаѣ приписывали діаволу, но потому, что они нисколько не заслуживаютъ довѣрія, такъ какъ отъ этихъ заклинаній не было никакихъ послѣдствій. Имѣли ли эти чародѣи возможность посылать всѣхъ, кого хотѣли, и былъ ли кто-нибудь въ безопасности отъ нихъ? Если они могли предавать смерти медленнымъ огнемъ, то могли ли они прекращать жизнь вдругъ, и если могли, то почему не прекращали вдругъ, когда бросали въ огонь восковое изображеніе? Кто могъ дать эту силу діаволу?

Г. де Ст. Андре (Andre), королевскій врачъ, въ своихъ письмахъ: «О колдовствѣ», признавъ истинными успѣхи смертнаго заклинанія, старался объяснить ихъ истеченіемъ жизненныхъ духовъ. Эти духи, по его мнѣнію, исходя отъ волшебниковъ или волшебницъ, и соединяясь съ частицами воска и атомами огня, переходятъ на лице, подвергшееся злодѣянію, и производятъ въ немъ тяжелыя ошу-

щенія воспаленія или боли,- болѣе или менѣе, смотря по силѣ дѣйствительнаго жара, отъ котораго расплавляется изображеніе. Взглядъ этого ученаго, по моему мнѣнію, не основателенъ; лучше отвергать успѣхъ этихъ злодѣяній, ибо если бы они были возможны, то они непонятны были бы для «физики» и могли бы быть приписаны только демону.

Въ исторіи Архіепископовъ Трирскихъ находимъ странный разсказъ о смерти Архіепископа Ебергарда, изъ рода Пфальцграфовъ Рейнскихъ, скончавшагося въ 1067 году,—вскорѣ послѣ того, какъ онъ угрожалъ изгнать изъ города Іудеевъ, если они въ назначенный срокъ не примутъ христіанства. Почти въ отчаяніи отъ такого несчастія, Іудеи обратились за совѣтомъ къ одному клирику, который за золото сдѣлалъ имъ восковое изображеніе Ебергарда. Положивъ его на свѣтильнѣ, Евреи начали нагрѣвать въ то именно время, когда Прелатъ началъ торжественно совершать Св. Крещеніе. Во время этого Таинства восковая статуя расплавилась въ половину — и Ебергардъ почувствовалъ себя чрезвычайно слабымъ; поспѣшилъ въ ризницу, и въ ней предалъ духъ свой Богу.

Папа Іоаннъ XXII, въ окружныхъ посланіяхъ въ 1317 году жаловался на то, что безбожники нѣсколько разъ покушались на его жизнь подобными средствами,—и былъ убѣжденъ, что только особенное покровительство Божіе предохранило его отъ этихъ

покушательствъ на его жизнь. «Мы, писалъ онъ, извѣщаемъ васъ, что противъ Насъ и нѣкоторыхъ Нашихъ братій, кардиналовъ, возмущаются нѣкоторые измѣнники, приготовляютъ напитки и изображенія съ намѣреніемъ лишить Насъ жизни, на которую часто покушались; но Богъ Насъ хранитъ. Дано 17 Іюля.

17 Февраля Папа поручилъ нѣкоторымъ довѣреннымъ лицамъ вести процессъ противъ этихъ отравителей. Поэтому случаю онъ писалъ посланіе къ Варѳоломею, Епископу, Фрейскому, своему преемнику по каѳедрѣ папской и Петру Тессьеру, доктору декреталій и, впослѣдствіи, кардиналу. Въ посланіи было сказано: «До нашего свѣдѣнія дошло, что Іоаннъ Лиможскій, Яковъ Крабансонъ, Іоаннъ д'Адаманъ (d'Adamant) и многіе другіе изъ постыднаго любопытства предались некромантіи и другимъ искусствамъ чародѣйства, о которыхъ имѣютъ подъ руками книги: они употребляютъ магическія зеркала и освященныя по ихнему изображенія; а также, вращаясь на кругѣ, часто вызываютъ злыхъ духовъ, съ цѣлію силою чародѣйства посвящать смерти людей и причинять болѣзни, сокращающія ихъ жизнь. Иногда они въ зеркалѣ, кругѣ, или кольцѣ заклинаютъ демоновъ, чтобы они отвѣчали имъ на вопросы не только о прошедшемъ, но и будущемъ. Они утверждаютъ, что они производили въ этомъ отношеніи многіе опыты, и, не колеблясь, увѣряютъ, что они могутъ сокращать, удлинять, или совершенно отни-

мать жизнь, а также причинять различныя болѣзни не только посредствомъ извѣстнаго напитка и пищи, но и простыми словами».

22 Апрѣля 1317 года Папа поручилъ изслѣдовать затѣянное противъ его и его кардиналовъ колдовство Епископу Рьецскому (въ провансѣ во Франціи), Петру Гессьеру, Петру Деспре (Desprès) и двумъ другимъ. Поручая это дѣло, онъ сказалъ: «отравители приготовили напитокъ, и хотѣли отравить имъ Насъ и нѣкоторыхъ кардиналовъ; когда же имъ не удалось угостить Насъ этимъ напиткомъ, то они сдѣлали восковыя изображенія подъ Нашими именами, и эти изображенія заклинали чародѣйскою формулою съ тѣмъ, чтобы посвятить Насъ смерти, но Богъ сохранилъ Насъ, и эти три изображенія въ Нашихъ рукахъ».

Описаніе подобнаго злодѣянія находимъ и въ письмѣ Вильгельма де Годинъ кардинала, Епископа Сабинскаго, писанномъ инквизитору Каркассонскому спустя три года. Въ этомъ письмѣ говорится: «Папа поручаетъ тебѣ произвесть слѣдствіе надъ тѣми, которые 1) приносятъ жертву діаволамъ, поклоняются имъ и вполнѣ вѣрны имъ потому, что даютъ имъ во свидѣтельство вѣрности написанную бумагу, или что нибудь другое; 2) заключаютъ съ діаволами тѣсную дружескую связь, получаютъ отъ нихъ изображеніе или что нибудь другое для заклинанія діаволовъ, или для совершенія злодѣянія чрезъ вы-

зовъ діавола; 3) злоупотребляя таинствомъ крещенія, изображенія изъ воска или другаго вещества крестятъ во время вызова діавола, или злоупотребляютъ священной гостьей для совершенія своихъ злодѣяній. Ты поступи съ ними, какъ съ еретиками: Папа даетъ тебѣ на это полное право». Дано въ Авиньонѣ 22 Августа 1320 г.

Во время процесса противъ Енгеррарда (Engerrardi de Marigny), пойманъ былъ колдунъ въ расплохъ въ то время, какъ изготовлялъ восковыя изображенія Людовика и Карла Валуа: онъ сознался, что намѣренъ былъ проколоть или расплавить эти изображенія, чтобы посвятить смерти упомянутыхъ лицъ.

О графѣ Рутіерѣ изъ Флоренціи, великомъ безбожникѣ и явномъ чародѣѣ разсказываютъ, что въ его домѣ была секретная комната, въ которой онъ однажды заперся и прокололъ булавкой восковое изображеніе короля, и, въ надеждѣ, что государь этотъ непремѣнно лишится жизни вслѣдствіе совершеннаго разслабленія, проклялъ его и страшною чародѣйскою формулой посвятилъ смерти.

Имѣли ли успѣхъ или нѣтъ эти заклинанія, восковыя изображенія и чародѣйскія слова, во всякомъ случаѣ они доказывали вѣру въ нихъ, злое желаніе колдуновъ, и боязнь, что эти заклинанія могутъ имѣть успѣхъ: въ самомъ дѣлѣ достаточно было одного опыта открытаго, чтобы колдуна всѣ боялись.

Невѣжество въ естествознаніи признавало тогда многія естественныя явленія природы за сверхъестественныя, —и приписывали колдовству то, что можетъ быть объяснено естественнымъ образомъ.

Но если строже изслѣдовать дѣло, то вмѣсто чародѣйствъ останутся только простыя отравленія ядомъ, соединенныя съ суевѣріемъ и обманомъ. Все, что мы говорили о чародѣяхъ и чародѣйскихъ формулахъ, о смертныхъ посвященіяхъ или, правильнѣе, заклинаніяхъ и о волшебныхъ изображеніяхъ — всѣ эти разсказы ничто иное, какъ произведенія невѣжества и суевѣрія. Отъявленныхъ негодяевъ, которые по злобѣ къ сосѣдямъ отравляли ихъ самихъ или ихъ домашній скотъ посредствомъ ядовитыхъ составовъ, невѣжество и суевѣріе считало колдунами, которые будто посредствомъ чертовскихъ чарей могутъ вредить и вредятъ своимъ недругамъ. Если же мнимые колдуны и дѣлали что нибудь похожее на восковыя изображенія, то они также жалко обманывались, какъ и тѣ суевѣры, которые боялись этихъ волшебныхъ изображеній, которыя, какъ такія, не приносили никому вреда, кромѣ напрасной потери со стороны тѣхъ, которые занимались издѣліемъ ихъ, и пустой тревоги со стороны суевѣрныхъ и невѣжественныхъ трусовъ.

Нѣкоторые шарлатаны самымъ недобросовѣстнымъ образомъ пользовались довѣріемъ суевѣрныхъ невѣждъ. Извѣстно изъ сочиненія Олая Магнуса, что

Финляндцы, будучи еще въ язычествѣ, продавали матросамъ вѣтры, т. е. дѣло состояло въ томъ, что они давали имъ канаты съ тремя узлами, увѣряя, что если развяжутъ первый узелъ, то произойдетъ легкій вѣтеръ, благопріятный; если второй, то произойдетъ вѣтеръ болѣе сильный; если третій, то будетъ опасная буря. Такихъ обмановъ было очень много. Къ такимъ обманщикамъ, которые говорили, что имѣютъ общенія съ нечистой силою, относится мнимый магикъ Гокке, котораго исторію мы сейчасъ разскажемъ.

ГЛАВА XXVII.

О магикѣ Гокке.

Ле-Брюнъ разсказываетъ замѣчательную исторію о магикѣ Гокке, который 2 Сентября 1687 года Нассскимъ судомъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ каторгу за то, что онъ производилъ магическія операціи надъ животными и очень много умертвилъ ихъ въ Шампаньи. Гокке умеръ скоропостижно и жалкимъ образомъ съ отчаянія, такъ какъ онъ въ нетрезвомъ видѣ открылъ о своемъ таинственномъ искусствѣ морить скотъ одному лицу, по имени Беатриссу: онъ былъ увѣренъ, что демонъ самъ умертвилъ бы его со злобы за то, что онъ разсказалъ объ этомъ магическомъ искусствѣ.

Нѣкоторые изъ соучастниковъ этого несчастнаго впослѣдствіи также приговорены были къ ссылкѣ въ каторгу, другіе изъ нихъ повѣшены, или сожжены. Все это совершалось по судебному приговору, состоявшемуся 26 Октября 1691 года, который былъ утвержденъ парламентомъ Парижскимъ 18 Декабря 1691 года. Изъ всего этого слѣдуетъ, что Парижскій парламентъ признаетъ необходимымъ строго наказывать колдуновъ, какъ людей вредныхъ.

Г. Андре, придворный врачъ, въ 6-мъ своемъ письмѣ (1) противъ магіи утверждаетъ, что въ упомянутой исторіи Гокке не было никакого ни колдовства, ни участія демона, что ядовитыя снадобья, которыя Гокке клалъ въ скотскія стойла и которыми онъ умерщвлялъ скотъ, были ничто иное, какъ естественный ядовитый составъ, который своимъ запахомъ, своими невидимыми испареніями отравлялъ и умерщвлялъ животныхъ, а стоило только выбросить эти снадобья изъ стойла, или выгнать оттуда самый скотъ для того, чтобы предохранить отъ смерти этотъ послѣдній. Но трудно было открыть мѣсто, гдѣ клались эти снадобья; пастухи, главные виновники зла, съ величайшею предосторожностію скрывали ихъ, какъ можно поискуснѣе, потому что они знали, что открытіе ихъ стоило бы для нихъ собственной жизни.

Кромѣ этого Г. Андре замѣчаетъ, что эти снадобья по истеченіи нѣкотораго времени теряли всю свою силу и не могли производить на скотъ никакого дурнаго дѣйствія, поэтому нужно было или замѣнять ихъ новымъ, или же намачивать ихъ для того, чтобы снова приводить ихъ въ броженіе. Если эти снадобья оказывали отравляющее дѣйствіе вслѣдствіе участія демона, то они постоянно бы сохраняли свою силу и не было бы необходимости подновъ-

1) M. de. J. André lettre 6 au sujet de la magie, etc

лять ихъ и освѣжать, чтобы возстановлять въ нихъ прежнюю ядовитую силу.

При всѣхъ этихъ соображеніяхъ Андре предполагаетъ уже несомнѣннымъ, что если бы демонъ могъ лишать животныхъ жизни, то онъ дѣлалъ бы это безъ всякаго посредства: между тѣмъ Гокке составляетъ специи ядовитыя и ими отравляетъ животныхъ. Эти специи со всѣмъ не сверхъ-естественнаго изобрѣтенія: въ нихъ нѣтъ ничего такого, что нужно бы приписать демону: развѣ, въ самомъ дѣлѣ, нельзя допустить, что Гокке самому пришло въ голову заняться приготовленіемъ ядовитыхъ специй. Приготовлять же эти специи Гокке могъ придумать самъ или же могъ научить его этому кто нибудь другой изъ негодяевъ, ему подобныхъ.

Г. Андре говоритъ далѣе, что въ смерти Гокке тоже не было ничего такого, что можно было приписать демону. Его смерть, говоритъ онъ, была дѣломъ совершенно естественнымъ: единственной причиной ея были ядовитыя испаренія, отдѣлившіяся отъ приготовляемыхъ специй. Замѣчанія Андре мы считаемъ вполнѣ разумными и потому ничего не станемъ прибавлять отъ себя

ГЛАВА XXVI.

Замѣчанія о магіи и волшебствѣ

Исчезла магія, и бѣлая, натуральная, пользующаяся обыкновенными силами природы, и черная, сверхъ-естественная, духами повелѣвающая и coelestialis et ceremonialis (небесная и волшебная) Агриппы и mundus subterraneus (подземный міръ Кирхера изобрѣтателя волшебнаго фонаря), оживлявшаго золу сожженной розы, предъ глазами суевѣрныхъ людей Шведскаго двора въ 1657 году. Вы можете найти всю эту магію, поясненную, истолкованную и написанную не какими-нибудь каракулями, а просто Нѣмецкими, или, если вамъ болѣе нравится, Французскими буквами: читайте различные Manuels de Physique amusante, или, еще лучше, Г-на Guyot-Recreations physiques et mathematiques, эту необходимую ручную книгу всѣхъ магиковъ и волшебниковъ, или цѣлый томъ знаменитаго Dictionnaire Encyclopedique, подъ заглавіемъ Amusements des Sciences.

Мы намекнемъ только, что многіе изъ приведенныхъ и имъ подобныхъ разсказовъ дѣлаются необъяснимыми или по недостатку сдѣланныхъ наблюденій, или по неопытности и незнанію самихъ наблюдателей. Если многіе почтенные люди видятъ колдовство и вліяніе сверхъ-естественныхъ силъ въ простыхъ фокусахъ, дѣлаемыхъ въ освѣщенныхъ залахъ, при тысячѣ зрителей, какъ же не впасть имъ въ заблужденіе при какомъ нибудь нечаянномъ явленіи въ тишинѣ, ночью, въ безлюдіи темнаго лѣса или пустаго дома, при всѣхъ обстоятельствахъ, умножающихъ и страхъ, и сомнѣніе, и вѣру въ привидѣнія? Мы замѣтимъ въ заключеніе, что человѣкъ всегда называетъ понятнымъ и простымъ все, что объяснимо его разсудкомъ, и предполагаетъ всегда колдовство, чародѣйство и вліяніе сверхъ-естественнаго во всемъ, что ему неясно и непонятно. Мѣра его знанія является въ противоположности большаго или меньшаго распространенія слова «чудо» на естественныя явленія. Вѣра въ колдовство дѣлается наконецъ достояніемъ однихъ посредственныхъ умовъ, или бѣднымъ наслѣдіемъ ошибочнаго воспитанія, тогда какъ свѣтлый и образованный умъ находитъ новые, неисчерпаемые источники въ чудесахъ природы и науки.

Всѣ многочисленныя описанія знаменитыхъ процессовъ и суда надъ вѣдьмами и колдунами, служатъ гораздо болѣе доказательствомъ ихъ несуществованія, ошибокъ вѣка, невѣжества, пристрастія и

фанатизма судей, чѣмъ точной опоры для суевѣрія. Изъ книги Бордосскаго инквизитора Деланкра (1619 года) видно, что дѣйствію діавола приписывали тогда все непонятное. Жестокія преслѣдованія, ужасныя пытки и казни волшебниковъ, развившіяся до чрезвычайной силы во времена, предшествовавшія реформаціи и потомъ, въ особенности со времени знаменитой буллы Папы Иннокентія VIII и распространенія мнѣнія о близости пришествія антихриста, когда Римское духовенство причисляло къ семейству діавола всѣхъ религіозныхъ нововводителей и исправителей, гнало Валденцевъ, преслѣдовало Албигойцевъ и жгло такъ называемыхъ протестантскихъ колдуновъ (въ Женевѣ вдругъ 500) —все это, или хроника всего этого можетъ только служить историческимъ доказательствомъ несбыточности разсказовъ о существованіи чародѣевъ, и оправдываетъ развѣ только то мнѣніе, что всѣ душевныя болѣзни, зависящія отъ воображенія, умножаются въ той мѣрѣ, какъ усиливается вниманіе къ разсказамъ о нихъ. Вслѣдствіе этого прежніе кровавые законы противъ волшебства замѣнены во всѣхъ Европейскихъ государствахъ простыми полицейскими мѣрами, и со времени принятія этого правила начали исчезать вѣдьмы, колдуны, кликушки и весь сборъ тѣхъ шарлатановъ, которые иногда такъ непріязненно вмѣшивались въ семейныя отношенія.

ГЛАВА XXIX.

Общія замѣчанія.

Многочисленные случаи, разсказанные авторомъ въ предыдущихъ главахъ, заимствованные большею частію изъ исторіи и засвидѣтельствованные иногда людьми, заслуживающими полнаго довѣрія, на первый взглядъ могутъ показаться убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ дѣйствительнаго существованія всѣхъ этихъ явленій. Самъ авторъ, приведя такую громаду историческихъ фактовъ, разсказывая столько интересныхъ страховъ вслѣдствіе явленій разныхъ духовъ, домовыхъ, привидѣній и душъ, по мѣстамъ съ большимъ неновѣріемъ относится къ этимъ сказкамъ. Иногда онъ прямо говоритъ, что все это фантасмагоріи, вымыслы, обманы и т. п.; иногда же ставитъ рядомъ такіе разсказы, которые противорѣчатъ совершенно одинъ другому и набрасываютъ такимъ образомъ тѣнь сомнѣнія одинъ на другой. Къ сожалѣнію, у автора все это перемѣшано, перебито цитатами хроникъ, народныхъ легендъ, такъ что трудно уловить его опредѣленный взглядъ на эти разсказы; то онъ сомнѣвается, то поло-

жительно отвергаетъ, то принимаетъ на вѣру разсказы объ одномъ и томъ же предметѣ. Напр., приводя разсказы о домовыхъ и привидѣніяхъ, одни изъ этихъ разсказовъ онъ считаетъ несомнѣнно истинными, или по крайней мѣрѣ не осмѣливается высказывать критической оцѣнки о нихъ; другіе разсказы въ такомъ точно родѣ и характерѣ онъ отвергаетъ. Такая неопредѣленность со стороны автора вызвала насъ сдѣлать отъ себя въ заключеніи нѣсколько замѣчаній и соображеній относительно всѣхъ его разсказовъ.

Этимъ замѣчаніямъ и посвящаемъ мы настоящую главу.

Мы не думаемъ вдаваться въ подробный критическій разборъ всѣхъ по одиначкѣ фактовъ и разсказовъ, приведенныхъ авторомъ, хотя это и было бы вѣрнѣйшимъ средствомъ пролить настоящій свѣтъ на эту темную область чудеснаго и сверхъ-естественнаго. Но это была бы скучная и безъинтересная матерія, потому что намъ постоянно бы пришлось встрѣчаться съ разсказами, очень похожими другъ на друга. Всѣ эти разсказы, ни больше, ни меньше, какъ разныя варіаціи на одну и ту же тему. И потому при объясненіи ихъ намъ естественно пришлось бы употреблять одни и тѣ же пріемы, повторять одни и тѣ же общія естественныя причины. Мы считаемъ совершенно достаточнымъ коснуться только общихъ причинъ, породившихъ это безчисленное

множество сказаній о явленіяхъ духовъ, привидѣній, мертвецовъ, въ глухую полночь покидающихъ свои сырыя могильныя постели и отправляющихся путешествовать къ своимъ роднымъ и знакомымъ.

Прежде всего является вопросъ: всѣ эти многочисленныя явленія не продѣлки ли ловкихъ плутовъ, пользовавшихся для своихъ цѣлей? Не обманы ли это искусныхъ фокусниковъ, которые изучили хорошо нѣкоторыя особенныя явленія природы и придавали, въ темныя времена невѣжества, этимъ естественнымъ явленіямъ чудесный смыслъ, возбуждая въ умахъ зрителей столько суевѣрнаго ужаса, сколько въ наше время какой нибудь Пинетти или Брокко вызывали удивленія къ своей ловкости и своему умѣнью?

Въ этихъ вопросахъ есть доля правды. По крайней мѣрѣ положительно извѣстно, что въ глубокой древности языческіе храмы съ ихъ чудесными явленіями боговъ, подземелья съ ихъ прорицателями были полны лжи и обмана: языческіе жрецы, люди образованные, обладая довольно большими знаніями по химіи и физикѣ, производили явленія, извѣстныя теперь подъ именемъ простыхъ физическихъ опытовъ или, пожалуй, фокусовъ, и выдавали ихъ легковѣрной толпѣ за явленія силы божественной, за чудеса. Человѣкъ смотрѣлъ на эти чудеса, и не умѣя объяснить ихъ, младенчески вѣровалъ въ ихъ сверхъ-естественное происхожденіе. Здѣсь человѣкъ былъ жертвою глубоко обдуманнаго и ловко разсчитаннаго обмана,

а потому неудивительно, что самые скептическіе люди того времени не могли устоять противъ него, не могли не поддаться ему. Покажутъ, напримѣръ при помощи простыхъ вогнутыхъ зеркалъ, какую нибудь фигуру или образъ, но покажутъ это необыкновеннымъ образомъ, когда бы человѣкъ могъ только удивиться сначала, а потомъ могъ хладнокровно подумать о причинахъ такого явленія. Нѣтъ, покажутъ это послѣ долгихъ молитвенныхъ возгласовъ, послѣ сожженія безчисленныхъ жертвъ и разнообразныхъ куреній, когда экзальтированному зрителю и безъ того уже въ этихъ облакахъ дыма, раздражающаго нервы, видятся видѣнія, слышатся какіе-то особенные звуки, зависящіе впрочемъ болѣе отъ устройства храмовъ, чѣмъ отъ внутренняго настроенія жалкаго паціента обмана. Послѣ этого, когда явится опредѣленная фигура, толпа падетъ предъ нею, пораженная благоговѣйнымъ страхомъ. Экзальтація доведена здѣсь до высшей степени, никакой скептическій вопросъ здѣсь не будетъ имѣть силы. Нельзя не порадоваться, что языческое жречество не знало тѣхъ могучихъ силъ природы, которыя открыты новыми естествоиспытателями силъ электричества, гальванизма и другихъ. Сколько бы бѣдъ сдѣлало недобросовѣстное жречество для тогдашняго человѣчества легковѣрнаго и невѣжественнаго!

История жреческихъ обмановъ, въ измѣненной только формѣ, повторилась въ средніе вѣка, — въ эту эпоху глубокой младенческой вѣры во все таинствен-

ное, сверхъ-естественное. Въ это мрачное время явился цѣлый классъ людей, извѣстныхъ подъ именемъ колдуновъ, вѣдьмъ, ворожей и прорицателей. Это были люди большею частію невѣжественные, но обладавшіе большимъ запасомъ ловкости и изворотливости. А между тѣмъ при помощи этихъ драгоцѣнныхъ для нихъ качествъ, прикрытыхъ самою наглою самоувѣренностью, они морочили простаковъ съ величайшимъ успѣхомъ. Впрочемъ, по причинѣ своего совершеннаго невѣжества, эти шарлатаны не пользовались довѣріемъ людей болѣе или менѣе образованныхъ. За то, по временамъ, являлись люди, которые, обладая въ совершенствѣ такою же ловкостію и изворотливостію, соединяли съ этими качествами умъ и обширныя знанія, особенно по наукамъ естественнымъ. Такіе люди пріобрѣтали громадную извѣстность. Они пользовались именами вызывателей тѣней мертвыхъ, заклинателей темныхъ духовъ. Ими даже нерѣдко пользовалась полиція для раскрытія преступленій, въ которыхъ, нужно замѣтить, они были большею частію сами непосредственными участниками. Въ Западной Европѣ, особенно во Франціи, въ уголовныхъ судахъ, въ качествѣ сыщика, нерѣдко можно было встрѣчать колдуна. Подобные случаи записаны въ судебныхъ протоколахъ, относящихся къ началу XVIII вѣка. Въ началѣ же XVI до половины XVII, колдуновъ тоже можно было встрѣчать въ палатахъ уголовныхъ судовъ, только уже не въ качествѣ сыщиковъ, а въ качествѣ подсудимыхъ, обреченныхъ на костеръ или висѣлицу.

Если образованные люди тогдашняго общества, представители его, обращали такое серьезное вниманіе вообще на колдуновъ и вѣрили въ возможность сношенія ихъ съ нечистою силою, то что же сказать о необразованномъ большинствѣ? Какъ довѣрчиво оно смотрѣло и слушало ихъ, и сколько подъ вліяніемъ подобныхъ людей сложилось народныхъ легендъ о заколдованныхъ мѣстахъ, о проклятыхъ замкахъ, гдѣ являются привидѣнія, духи домовые, мергеды и т. под. Къ числу людей усердно служившихъ распространенію суевѣрій и предразсудковъ, можно отнести и знаменитыхъ средневѣковыхъ ученыхъ, алхимиковъ и астрологовъ. Нельзя сказать, чтобы люди эти всѣ безъ исключенія обманывали изъ какихъ либо корыстныхъ цѣлей, — всѣхъ ихъ нельзя назвать недобросовѣстными лжецами, потому что большая часть изъ нихъ слишкомъ глубоко и искренно вѣровали въ силу своихъ астрологическихъ выкладокъ. Это были люди самообманутые. Они шли къ истинѣ, искали ее вездѣ, но ихъ слабый, еще дѣтскій умъ плохо справлялся съ тѣми тайнами, которыя на каждомъ шагу этого поприща обильно подставляла ему природа. Средневѣковый ученый пугался и сбивался въ области этихъ неразрѣшимыхъ тайнъ: тѣла небесныя были для него царями міра, которые управляли судьбами людей, его реторты казались ему источниками, изъ которыхъ можно почерпать чудесные эликсиры, сохраняющіе вѣчно жизнь и здоровье, претворяющіе всякій металлъ въ золото. Таинственность, какою прикрывался образъ жизни этихъ уче-

ныхъ, ихъ уединенные кабинеты, загроможденные диавольными горнами, рѣдкими растеніями, засушенными чучелами, съ атмосферою, пропитанною ѣдкими испареніями отъ алхимическихъ опытовъ, ихъ таинственныя книги, понятныя только избраннымъ, — все это распространяло въ массахъ суевѣрное почтеніе и боязнь предъ этими учеными. Да и самъ ученый съ его выцвѣтшей физіономіей, впалыми глазами, безпорядочною одышкою, казался для простолюдина чѣмъ-то выше обыкновеннаго человѣка, какимъ-то выходцемъ другаго міра. Досужее воображеніе пользовалось всякимъ поводомъ, чтобы создать какой нибудь фантастическій разсказъ о помѣщеніи этого ученаго темною нечистою силою, о чудесахъ, происходившихъ въ его одинокомъ, таинственномъ кабинетѣ. А о смерти этихъ ученыхъ всегда ходили разсказы болѣе или менѣе трагическаго характера; здѣсь непремѣнно происходила осязательная борьба между духами за душу ученаго.

Такимъ образомъ глубокая языческая древность и средніе вѣка представляютъ обильный источникъ разсказовъ о явленіяхъ духовъ, привидѣній и другихъ чудесахъ. Большая часть разсказовъ, приведенныхъ авторомъ въ предыдущихъ главахъ, относятся именно къ этой эпохѣ,—эпохѣ, богатой всякаго рода чудесами, большая часть которыхъ обязана своимъ происхожденіемъ совершенному невѣжеству съ одной стороны и намѣренному или ненамѣренному

обману — съ другой. Это, можно сказать, первая и самая обыкновенная причина существованія разныхъ повѣрій о явленіяхъ духовъ, привидѣній, домовыхъ и т. под. Нѣкоторые могутъ замѣтить: ужели всѣ образованные люди древности — философы, ораторы и др. не могли понять обмана чудесъ, нелѣпости разсказовъ о духахъ? Въ томъ-то и дѣло, что ученые мужи языческой древности, отвѣтимъ мы, проповѣдывали сами иногда чистѣйшій вздоръ. Знаменитѣйшіе мужи древности — герои, философы, поэты, законодатели, художники, не смотря на то, что въ нихъ нерѣдко горѣлъ огонь геніальныхъ вдохновеній, находились постоянно подъ вліяніемъ странныхъ предубѣжденій, подъ гнетомъ мнимыхъ таинственныхъ дѣятелей. Самые выспренніе порывы ихъ ума, самый широкій размахъ крыльевъ ихъ генія, ощущали противодѣйствіе желѣзной сѣти закоренѣлыхъ умственныхъ заблужденій, неразрывно скованныхъ съ ихъ языческою религіею, образомъ жизни, нравами и обычаями. Читайте Геродота, Аристотеля, Ксенофонта, Плутарха, Тита-Ливія, Эліана, Светонія и многихъ другихъ, и вы найдете у этихъ авторовъ кучу разсказовъ о далекихъ странахъ, гдѣ живутъ люди съ собачьими и оленьими головами, безъ глазъ и съ одною ногою, на которой скачутъ, а когда захотятъ бѣжать, то становятся по-двое вмѣстѣ и, охватившись руками, бѣгутъ, передвигая общую пару ногъ. По мнѣнію тѣхъ же авторовъ, есть страны, гдѣ живутъ люди совершенно безголовые. У нихъ же вы прочтете, что левъ боится пѣнія пѣту-

ха, что рысь можетъ видѣть сквозь стѣну и другія непрозрачныя тѣла, что кротъ совершенно слѣпъ, что вороны, олени и попугаи живутъ по нѣскольку сотъ и даже тысячъ лѣтъ, что крокодилъ, для приманки добычи, подражаетъ дѣтскому крику, что пеликанъ раздираетъ себѣ грудь и кормитъ своихъ птенцовъ своею собственною кровью, что страусъ, преслѣдуемый непріятелемъ, прячетъ голову въ песокъ и полагаетъ, что скрылся изъ виду непріятеля, потому что самъ его невидитъ. Отъ листочка петрушки лопается стекло, Аннибалъ протагаетъ себѣ путь сквозь Альпы, растворяя горы уксусомъ. У пастуховъ существуютъ повѣрье, что овца никогда не подойдетъ близко къ тому мѣсту, гдѣ лежитъ какая либо частица волчьяго трупа, и что, заигравъ на скрипкѣ, струны которой сдѣланы изъ волчьихъ внутренностей, можно разогнать какое угодно стадо. Мы смѣемся надъ Демокритомъ, полагавшимъ, что люди были первоначально подъ формою червей, и, увеличиваясь мало по малу, совершенствовались и приняли настоящую форму. Анаксимандръ производилъ насъ изъ скорлупы, похожей на скорлупку каштана, которая, раскрывшись отъ дѣйствія теплоты, произвела на свѣтъ мужчину и женщину, распространившихъ родъ человѣческій. По словамъ Плинія, одна знакомая ему римская дама родила слона, потому что во время беременности часто со вниманіемъ смотрѣла на этихъ колоссальныхъ животныхъ. Другая римлянка, любившая глядѣть на львовъ, родила львенка. Въ позднѣйшее время Малье

утверждалъ, будто бы существуютъ дѣйствительно морскіе люди, тритоны и сирены, и что эти морскія дива мужчины и женщины, не успѣвшіе еще сбросить рыбьихъ хвостовъ. Послѣ этихъ замѣчаній нечего удивляться, что и образованные люди древности и среднихъ вѣковъ склонны были вѣрить всякой галиматьѣ, и иногда мололи страшную чепуху.

Впрочемъ, объяснять всѣ подобныя явленія съ этой точки зрѣнія нельзя. Безспорно то, что въ каждомъ изъ нихъ человѣкъ бываетъ обманутъ: но дѣло въ томъ, что въ первомъ случаѣ онъ бываетъ жертвою обмана другаго человѣка, и этого рода обманъ не можетъ быть продолжителенъ,—въ другихъ же случаяхъ онъ можетъ быть обманутъ своими собственными чувствами, и въ этомъ случаѣ обманъ бываетъ слишкомъ глубокъ и продолжителенъ; чтобы отрѣшиться отъ него, необходимо имѣть большой запасъ умственной трезвости и твердости и научныхъ знаній.

Относительно явленій духовъ, домовыхъ, привидѣній и мертвецовъ часто приходится встрѣчаться съ такого рода доказательствами: «я самъ это собственными глазами видѣлъ, или собственными ушами слышалъ», и притомъ часто приходится слышать это отъ людей почтенныхъ, честныхъ, не имѣющихъ въ виду никакихъ постороннихъ цѣлей. Повидимому противъ такого рода аргументаціи и возражать нѣтъ никакой возможности. Это особенно

нужно сказать о первомъ доказательствѣ, т. е. когда человѣкъ свидѣтельствуетъ, что онъ самъ видѣлъ извѣстное явленіе. Ни одно внѣшнее чувство не пользуется съ нашей стороны такимъ полнымъ довѣріемъ, какъ чувство зрѣнія, и ни одинъ внѣшній органъ, кромѣ глаза, не имѣетъ такого широкаго значенія въ нашей внутренней жизни, въ образованіи нашихъ мыслей, сужденій, представленій. Значеніе другихъ внѣшнихъ чувствъ въ этомъ процессѣ ограничено и сила ощущеній, передаваемыхъ ими нашему уму, значительно слабѣе ощущеній глаза. Попадается ли, напримѣръ, въ темнотѣ подъ руку какой нибудь неизвѣстный предметъ, слышатся ли уху какіе нибудь странные звуки, ощущаетъ ли носъ какой нибудь особенный запахъ; но если глазъ не видитъ этого предмета, издающаго эти странные звуки, и этотъ особенный запахъ, нашъ умъ не испытываетъ въ это время опредѣленнаго впечатлѣнія. Наше ощущеніе въ эту минуту, пріятно ли оно или непріятно, во всякомъ случаѣ оно есть болѣе результатъ воображенія, нежели дѣйствіе нашихъ внѣшнихъ чувствъ. Когда же предметъ извѣстный является нашему глазу, и является въ ясныхъ и опредѣленныхъ чертахъ, то для насъ нѣтъ лучшаго доказательства дѣйствительности его существованія. Мы никакъ не можемъ усомниться въ истинности бытія того предмета, который мы видимъ нашими глазами. Если наша мысль не въ состояніи объяснить естественными причинами явленія этого предмета, то мы скорѣе готовы признать здѣсь участіе

непонятной для насъ, или даже сверхъестественной, причины, чѣмъ признать этотъ предметъ недѣйствительнымъ. «Хорошо, обыкновенно говорятъ, толковать тому, кто ничего не видѣлъ. Какъ убѣдите меня, что я не видалъ того, что видѣлъ»? и т. п. Здѣсь естественно возникаетъ вопросъ: всегда ли наши глаза представляютъ намъ вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ? Пользуясь съ нашей стороны такимъ неограниченнымъ довѣріемъ, не употребляютъ ли они во зло нашей довѣренности, не обманываютъ ли насъ?

Для рѣшенія этихъ вопросовъ необходимо поговорить объ оптическихъ обманахъ, обманахъ зрѣнія, какъ одной изъ главныхъ причинъ, поддерживающихъ вѣру въ возможность чудесныхъ явленій, въ существованіе домовыхъ, привидѣній и другихъ неземныхъ существъ, посѣщающихъ смертный людъ. И въ нашъ скептическій вѣкъ нерѣдко приходится слышать разсказы очевидцевъ о подобныхъ чудесныхъ явленіяхъ, только теперь эти разсказы не производятъ уже того глубокаго впечатлѣнія, какое производили они въ темныя времена отдаленной старины. Теперь они легко и скоро объясняются причинами и законами природы, при помощи тѣхъ важныхъ открытій по естественнымъ наукамъ, какихъ такъ много сдѣлано въ наше время. Но все-таки подобные случаи имѣютъ важное значеніе. Люди, подвергающіеся оптическимъ обманамъ, въ силу частныхъ особенностей ихъ зрительныхъ органовъ,

или же по причинамъ, внѣ ихъ находящимся, надолго сохраняютъ впечатлѣніе, произведенное этими обманами. Если люди, подвергавшіеся такимъ обманамъ, люди простые, неспособные силою размышленія и знанія разъяснять эти обманы, то ихъ умъ всегда будетъ находиться подъ гнетомъ суевѣрія, предразсудковъ. Да и самые образованные люди испытываютъ отъ этихъ обмановъ часто очень печальныя слѣдствія. Обманы зрѣнія иногда могутъ сопровождаться разстройствомъ умственныхъ силъ, а непремѣнно всегда глубокимъ нервнымъ потрясеніемъ. Мы нарочно сказали нѣсколько словъ объ общемъ характерѣ обмановъ зрѣнія, чтобы показать, въ какой мѣрѣ они могутъ вліять на нашу психическую жизнь, и какимъ богатымъ источникомъ они могутъ служить для всякаго рода суевѣрій.

Теперь мы займемся объясненіемъ происхожденія самыхъ процессовъ оптическихъ обмановъ.

Всякому извѣстно, что большая часть духовъ, домовыхъ, привидѣній является непремѣнно ночью и притомъ не въ совершенной темнотѣ, а въ полусвѣтѣ, когда нашъ глазъ можетъ еще различать предметы только неясно, неопредѣленно. Пугала эти большею частію являются бѣлыми. Мѣстами ихъ явленій бываютъ обыкновенно: кладбище, лѣсъ, садъ или вообще какое нибудь уединенное мѣсто, огуменники, овины, заглие дворы и другія нелюдныя мѣста. Такимъ образомъ время и мѣсто слишкомъ много благопріятствуютъ всякаго рода оптическимъ иллюзіямъ, и если въ самомъ человѣкѣ есть благопріятствующія условія, если, напримѣръ, человѣкъ суевѣренъ, или въ болѣзненномъ состояніи, то ему никакъ не избѣжать въ этомъ случаѣ обмана. Въ такихъ уединенныхъ мѣстахъ мы обыкновенно не знаемъ хорошо расположенія предметовъ, а нашъ глазъ въ такомъ полусвѣтѣ не можетъ опредѣленно различать ихъ, и потому съ перваго же взгляда предметы эти намъ покажутся какими-то незнакомыми, странными. При большемъ усиліи разсмотрѣть эти предметы, зрачекъ нашего глаза необыкновенно расширяется, чтобы собрать какъ можно болѣе свѣта, а при такомъ напряженномъ состояніи естественно, что зрительные нервы приходятъ въ раздраженное состояніе, въ глазѣ чувствуется боль и сотрясеніе. Отъ этихъ сотрясеній въ глазномъ нервѣ намъ представляются всѣ окружающіе предметы тоже въ какомъ-то неспокойномъ состояніи, — они колеблются, движутъ своими частями. Это движеніе предметовъ еще болѣе усиливается отъ того обстоятельства, что въ полутемнотѣ нашъ глазъ можетъ хорошо различать только одинъ цвѣтъ, цвѣтъ бѣлый; отъ этого всѣ освѣщенныя мѣста и черты въ предметѣ мы видимъ хорошо, а черты темныя, не освѣщенныя, попеременно то являются, то исчезаютъ для нашего глаза. Здѣсь заключается также и причина того, что всѣ предметы, при такомъ освѣщеніи, намъ кажутся большею частію бѣлыми.

Представьте же себѣ человѣка суевѣрнаго, робкаго, слышавшаго въ дѣтствѣ множество разсказовъ и разнаго рода диковинкахъ и чудесахъ; представьте,

что этотъ человѣкъ поставленъ въ такое уединенное мѣсто, въ среду такихъ незнакомыхъ ему предметовъ. Вдругъ предметы эти подъ бѣлыми покровами начинаютъ двигаться, кружиться. Воображеніе въ эти минуты работаетъ особенно сильно, оно дорисовываетъ картину: неяснымъ чертамъ оно сообщаетъ опредѣленный образъ, образъ иногда въ высшей степени фантастическій. Испуганному зрителю, вмѣсто могильныхъ крестовъ, вмѣсто развѣсистыхъ деревьевъ, представятся цѣлые сонмы живыхъ существъ, странныхъ до уродливости, въ разныхъ положеніяхъ и одеждахъ, и все это снуетъ взадъ и впередъ, движется безъ цѣли, и постоянно мѣняетъ свои очертанія, свой образъ. По неволѣ суевѣру придетъ на умъ, что онъ попалъ на проклятое мѣсто, гдѣ потѣшается нечистая сила. Послѣ того онъ съ глубокою увѣренностію и искренностію разскажетъ этотъ случай на поученіе своимъ дѣтямъ и внукамъ, и пойдетъ изъ рода въ родъ преданіе объ этомъ проклятомъ мѣстѣ, преданіе, постоянно разрастающееся, подъ вліяніемъ котораго и неробкаго десятка человѣкъ струситъ на этомъ мѣстѣ и ему почудятся какіе нибудь звуки, покажутся какія нибудь черговскія чары.

Между другими особенностями нашего глаза есть одна очень замѣчательная, которая тоже можетъ служить источникомъ разнаго рода оптическихъ иллюзій, особенно при болѣзненномъ состояніи организма. Особенность эта называется фосфоричностію зрительнаго нерва. Наблюдать обнаруженіе этой особенности легко при такого рода обстоятельствахъ:

когда, напримѣръ, сильно сжать глазное яблоко, или намъ прійдется какимъ нибудь нечаяннымъ образомъ сильно ушибить голову, то при этомъ мы замѣтимъ что отъ глаза отдѣляется свѣтъ, иногда въ видѣ разноцвѣтныхъ круговъ, а иногда просто въ видѣ синеватыхъ искръ. Чтобы убѣдиться въ томъ, что подобныя явленія, явленія свѣта, имѣютъ причиною единственно нашъ глазъ, и не имѣютъ ничего соотвѣтствующаго себѣ въ дѣйствительности, для этого достаточно повторить опытъ сжатія глазнаго яблока въ совершенной темнотѣ. Тогда мы замѣтимъ, что чѣмъ темнѣе комната, тѣмъ болѣе будетъ блестящъ кругъ около нашего глаза. Если такія явленія бываютъ замѣтны хорошо въ здоровомъ состояніи, то въ болѣзненномъ они принимаютъ слишкомъ большіе размѣры. Въ горячкѣ, напримѣръ, или при болѣзняхъ желудка, кровь, устремляясь къ головѣ, давитъ между прочимъ на сѣтчатую плеву глаза, т. е. на зрительный нервъ, вслѣдствіе чего предъ глазами больнаго являются большія массы свѣта, въ видѣ разноцвѣтныхъ круговъ. Эти круги будутъ постоянно двигаться и измѣняться, а больное воображеніе составитъ изъ нихъ самыя разнообразныя, самыя странныя картины. Въ минуту успокоенія больной припомнитъ эти картины, и если онъ суевѣренъ и незнакомъ съ законами природы, то онъ убѣдительнѣйшимъ образомъ будетъ доказывать, что его комната за минуту была полна духами и привидѣніями. Такіе случаи, впрочемъ, могутъ быть и при незначительномъ разстройствѣ организма, напримѣръ

при совершенно легкомъ разстройствѣ желудка, при неслучайномъ несвареніи пищи. Здѣсь оптическія иллюзіи тѣмъ опаснѣе, что человѣкъ чувствуетъ себя совершенно здоровымъ, а между тѣмъ предъ его глазами совершаются такія диковинныя вещи.

Говоря объ обманахъ зрѣнія нельзя упустить изъ виду очень важнаго явленія, замѣчаемаго въ нашемъ глазѣ. Всякому, конечно, случалось наблюдать, что когда переходитъ изъ темной комнаты въ другую, ярко освѣщенную, то глаза наши, пораженные внезапно большимъ приливомъ свѣта, невольно закрываются, но и при этомъ предъ нашими глазами продолжаютъ мелькать тѣ вещи, которыя мы видѣли нѣсколько секундъ назадъ. Только эти вещи представляются намъ не въ томъ цвѣтѣ, въ какомъ мы ихъ видѣли, а въ другомъ. Если, напримѣръ, входя изъ темной передней въ ярко освѣщенный залъ, ваши глаза встрѣтили группу женщинъ въ красноватыхъ платьяхъ, то, закрывъ глаза, вы увидите эту группу въ зеленыхъ: голубые, напримѣръ, обои зала увидите оранжевыми. Такого рода явленія называются явленіями глазныхъ спектровъ; тѣ цвѣта, въ которыхъ намъ представляются предметы по закрытіи глазъ, называются спектрами случайными, дополнительными. Не мѣсто здѣсь говорить о причинахъ такой особенности нашихъ зрительныхъ органовъ. Цѣль наша показать, какъ эта особенность можетъ быть источникомъ оптическихъ обмановъ, и въ какія заблужденія можетъ впасть человѣкъ, не подозрѣвающій въ своемъ глазѣ этой предательской

особенности. Общій законъ этой особенности нашего глаза таковъ: чѣмъ болѣе блестящъ предметъ, внезапно поражающій нашъ глазъ, тѣмъ долѣе въ глазѣ сохраняется спектръ его. Самый близкій и самый убѣдительный примѣръ у насъ подъ руками: если посмотрѣть на солнце, или хоть на отраженіе его въ водѣ, зеркалѣ, то предъ нашими глазами долго будетъ являться образъ этого свѣтила. Время, сколько можетъ продолжаться этотъ обманъ, не для всѣхъ одинаковъ: для однихъ онъ можетъ продолжаться нѣсколько минутъ, для другихъ гораздо болѣе, а для нѣкоторыхъ онъ можетъ повторяться цѣлые годы. Такъ, напримѣръ, знаменитый естествоиспытатель Бойль, посмотрѣвши сряду нѣсколько разъ на солнце, въ теченіи многихъ лѣтъ видѣлъ предъ своими глазами солнечный кругъ. Эта разность совершенно зависитъ отъ индивидуальныхъ особенностей человѣка. Какъ бы то ни было, съ каждымъ изъ насъ можетъ повториться такого рода обстоятельство: увидавши какой нибудь яркоосвѣщенный предметъ, напримѣръ, человѣка, звѣря, или что либо другое, мы чрезъ нѣсколько времени, даже ночью, въ совершенной темнотѣ, можемъ увидѣть въ нашемъ глазѣ спектръ этого предмета. Въ этотъ разъ предметъ можетъ явиться въ другомъ совершенно свѣтѣ, въ дополнительномъ, такъ что очень трудно бываетъ узнать настоящую причину такого явленія.

Можно было бы привести множество случаевъ такихъ, гдѣ человѣкъ былъ жертвою обмана, обмана своего собственнаго глаза, но подобными примѣрами

и безъ того богаты предыдущія главы. Если бы мы имѣли возможность изслѣдовать, пообстоятельнѣе, всѣ помѣщенные тамъ разсказы о разныхъ домовыхъ, мертвецахъ и привидѣніяхъ, то мы бы скоро замѣтили, что большая часть изъ нихъ имѣютъ своею причиною иллюзіи зрѣнія съ одной стороны и совершенное незнакомство съ особенностями нашего глаза съ другой.

Мы заканчиваемъ наши замѣчанія объ оптическихъ обманахъ, какъ источникѣ суевѣрныхъ убѣжденій въ возможности явленій, привидѣній, домовыхъ и другихъ существъ изъ отряда нечистой силы правдивымъ мнѣніемъ естествоиспытателя Брюстера: «нашъ глазъ есть самое обманчивое орудіе изъ всѣхъ внѣшнихъ чувствъ». Повторяемъ, что обманы этого орудія самые опасные обманы. Разубѣждать людей, обманутыхъ подобнымъ образомъ, и притомъ если люди эти съ ограниченными свѣдѣніями о законахъ природы, дѣло не легкое.

Объяснять, однакожъ, всякаго рода явленія привидѣній одними обманами зрѣнія конечно недостаточно. Но мы и не имѣли этого въ виду. Напротивъ, мы думаемъ, что здѣсь на помощь обманывающему насъ глазу приходятъ и другія наши чувства. Лучшимъ же помощникомъ глазу въ этомъ случаѣ бываетъ наше ухо. Кто бывалъ въ хорошо устроенныхъ театрахъ, кто слышалъ искусныхъ чревовѣщателей и другихъ фокусниковъ, тотъ знаетъ, что наше ухо очень способно вдаваться въ обманы самые очевидные. Обманывается оно не относительно

звука, а относительно причины его. Искусно представленный на сценѣ громъ, вой бури, плескъ морскихъ волнъ, такъ кажутся естественными, что невидавшій такихъ диковинокъ подумаетъ, пожалуй, что предъ нимъ на самомъ дѣлѣ разгулялись эти буйныя стихіи. Подобные обманы слуха, при другой обстановкѣ и въ другихъ размѣрахъ, такъ же легко могутъ повториться и наполнить нашу душу ужасомъ, какъ въ театрѣ они вызывали у насъ удивленіе. Завылъ вѣтеръ въ трубѣ въ темный осенній вечеръ, а робкому, покинутому одному въ комнатѣ ребенку кажется, что воютъ и свистятъ на чердакѣ тысячи тѣхъ домовыхъ, о которыхъ натвердила ему разскащица бабушка. Свиститъ вѣтеръ въ дуло ружья, зашуршали вѣтви о сумку патронтажа, а заблудившемуся охотнику въ лѣсу ночью грезится, что это зеленый лѣшій потѣшается, обходя ему дорогу. Шумитъ мельничное колесо, бурлитъ вода изъ-подъ ставокъ, а суевѣрному мельнику въ ночной тишинѣ слышатся какіе-то особенные звуки, и думаетъ онъ, что это дѣдушка водяной хозяйничаетъ вокругъ его мельницы. Замѣтимъ, что одни и тѣ же звуки ночью слышатся въ нашихъ ушахъ совершенно иначе, нежели днемъ; одинъ и тотъ же стукъ часовъ, скрипъ дверей звучитъ иначе въ пустыхъ комнатахъ, нежели въ жилыхъ. Въ первомъ случаѣ это объясняется особеннымъ раздраженіемъ нервовъ въ ночное время и внутреннимъ психическимъ настроеніемъ; а во второмъ особеннымъ отраженіемъ звуковъ, зависящимъ отъ совершенной прозрачности и равномѣрной

плотности воздуха въ ночное время, по объясненію Гумбольдта. Теперь припомнимъ, когда и гдѣ являются обыкновенно привидѣнія, духи и проч. Ночное время—обычный часъ явленій домовыхъ и привидѣній; нежилые дома, гдѣ жили когда-то злые господа, мельницы, гдѣ творили свои нечестивыя дѣла колдуны-мельники—вотъ любимыя мѣста собраній мертвецовъ, вампировъ. Сообразивши все это, легко понять, что всѣ эти чудесныя явленія—плоды обмана нашихъ же собственныхъ чувствъ, которому слишкомъ хорошо благопріятствуютъ ночное время, пустынность мѣста, а особенно тѣ фантастическія, чудесныя сказки, которыя мы съ такою охотою слушали во время нашего дѣтства.

Есть мѣста, особенно благопріятствующія обманамъ слуха. На морѣ, напримѣръ, на поразительномъ разстояніи наше ухо можетъ различать звуки колокола, протяжнаго пѣнія или музыки, такъ что мы будемъ совершенно не въ состояніи опредѣлить причины этихъ звуковъ. Въ былыя времена, при незнаніи законовъ акустики (науки о звукахъ), подобныя явленія наводили смертельный страхъ и тоску на суевѣрныхъ моряковъ. Зазвонятъ на кораблѣ въ колоколъ, на другомъ кораблѣ, удаленномъ отъ перваго иногда за нѣсколько десятковъ миль, отчетливо услышатъ матросы эти звуки и начнутъ приготовлять свои запасныя бѣлыя сорочки, и тоскливо со дня на день ждутъ страшнаго урагана, повальной болѣзни или штиля и голодной смерти. Теперь разъяснены такія явленія, а все-таки матросу жуть-

ко слышать колокольный, напримѣръ, звонъ въ открытомъ морѣ, гдѣ, въ минуту затишья, какъ-то особенно заунывно разносятся эти звуки.

На очень высокихъ горахъ, гдѣ воздухъ разрѣженъ, происходитъ явленіе, совершенно противоположное сейчасъ разсказанному. Гамъ слова людей, находящихся другъ подлѣ друга, бываютъ едва различаемы, звукъ ружейнаго выстрѣла на разстояніи какихъ нибудь десяти саженей слышится не сильнѣе звука отъ разрыва бумажнаго мѣшка, надутаго воздухомъ. Отраженіе звуковъ, обыкновенно называемое эхомъ, тоже не во всѣхъ мѣстахъ происходитъ одинаково. Въ обыкновенной комнатѣ безъ сводовъ оно бываетъ совершенно не слышно; въ лѣсу же или между скалъ, гдѣ неровность поверхностей благопріятствуетъ разнообразнымъ отраженіямъ звуковъ, эхо дѣлается до того сложнымъ, что въ немъ нельзя узнать его первоначальнаго звука. Въ длинныхъ узкихъ корридорахъ самый слабый звукъ слышится на огромномъ пространствѣ. Всѣ эти явленія очень убѣдительно доказываютъ, какъ наше ухо можетъ ошибаться насчетъ первоначальной причины звука, и какъ непонятность происхожденія этихъ звуковъ можетъ служить къ образованію разнообразныхъ нелѣпыхъ представленій о говорящихъ привидѣніяхъ, поющихъ мертвецахъ и т. п.

Наше ухо не знаетъ покоя. При глубокомъ снѣ, покоѣ всѣхъ органовъ, ухо можетъ принимать возбужденія, подъ вліяніемъ которыхъ составляются иногда разнообразныя сновидѣнія. Причина этого на-

ходится въ самомъ положеніи нашего уха. Всѣ другіе наши органы мы можемъ удобно изолировать отъ внѣшнихъ возбужденій, закроемъ глаза, удалимъ предметы, дѣйствующіе на наше чувство осязанія, обонянія, вкуса, это все легко и удобно; но удалить звуки, дѣйствующіе на наши слуховые органы мы почти не въ состояніи, на это у насъ недостанетъ средствъ. Такая постоянная напряженность нашихъ слуховыхъ нервовъ бываетъ часто причиною того, что, при внезапномъ переходѣ отъ большаго шума къ совершенной тишинѣ намъ положительно безъ всякой посторонней причины слышатся разные звуки, звонъ или что либо другое.

При обманахъ слуха, поверхностное изслѣдованіе о причинахъ происхожденія извѣстныхъ звуковъ не только не можетъ принести пользы, разъяснить дѣло, но можетъ совершенно сбить съ толку и запутать изслѣдователя. Нуженъ для него большой запасъ твердости и убѣжденія въ томъ, что вокругъ его не происходитъ ничего сверхъестественнаго. Часто настоящая причина звуковъ бываетъ такъ далека, что при одномъ опытѣ и при спокойномъ состояніи мысли, ее совершенно найти нельзя. Мысль ищетъ причины и, не находя ее, все болѣе и болѣе поддается вліянію мечты и фантазіи, создающихъ свои причины, творящихъ разныя дива. При такомъ взволнованномъ состояніи самый здравомыслящій человѣкъ удобно поддается разнымъ страхамъ, разнымъ суевѣрнымъ представленіямъ. Присоединится къ этому иллюзія зрѣнія, и готовъ разсказъ о при-

видѣніи, издающемъ странные не человѣческіе звуки и этимъ еще болѣе наводящемъ ужасъ. При разслѣдованіи этихъ явленій необходимо самое невозмутимое хладнокровіе, знаніе дѣла, а главное—твердое желаніе отыскать и изслѣдовать причину явленія. Только при такомъ ходѣ изслѣдованій можно ждать хорошихъ результатовъ. Когда человѣкъ дойдетъ до такой степени развитія, тогда исчезнутъ скорѣе, чѣмъ отъ пѣнія пѣтуха, всѣ эти привидѣнія, блуждающіе мертвецы, домовые и вся эта нечистая сила, смущающая робкую душу простолюдина.

Оканчивая наши замѣчанія о разнообразныхъ обманахъ внѣшнихъ чувствъ, доставляющихъ человѣку столько напрасной тревоги и безпокойства, считаемъ нужнымъ коснуться причинъ другаго рода, еще болѣе поддерживающихъ въ человѣкѣ суевѣрное настроеніе. Говоря объ обманахъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ, зрѣнія и слуха, мы видѣли, что обманы эти имѣютъ свою полную силу при обстановкѣ извѣстнаго только рода. Такъ, напримѣръ, въ театрѣ постоянно обманываютъ нашъ слухъ и наше зрѣніе, однако мы не чувствуемъ никакого ужаса; фокусникъ какія чудеса творитъ предъ нами, однако мы смотримъ на него совершенно спокойно, съ полнымъ убѣжденіемъ, что передъ нами ничего не совершается сверхъестественнаго. Но бываютъ состоянія когда ни время, ни мѣсто не спасаютъ человѣка отъ иллюзій. Въ жилой комнатѣ, среди многолюднаго общества, видитъ человѣкъ или людей давно умершихъ, или далеко отсутствующихъ, или наконецъ видитъ какихъ нибудь су-

ществъ совершенно фантастическихъ. Подобные случаи не рѣдки и притомъ они могутъ быть съ людьми, не страдающими ни бѣлой горячкой, ни помѣшательствомъ ума. Это особая болѣзнь, извѣстная подъ именемъ наклонности къ галлюцинаціямъ. Что эта болѣзнь возможна и у людей очень сильныхъ, у натуръ богатыхъ, но истощенныхъ или слишкомъ болѣзнями лишеніями, или, наоборотъ, истощенныхъ совершенною неумѣренностію въ жизни, пьянствомъ, сладострастіемъ. У такихъ субъектовъ подобное состояніе продолжается не долго. Они обыкновенно скоро кончаютъ жизнь или самоубійствомъ или въ бѣлой горячкѣ. Гораздо продолжительнѣе, иногда цѣлые годы, выносятъ эту болѣзнь люди отъ природы слабые, нѣжные, нервные, ведущіе жизнь совершенно праздную. Положеніе такихъ людей въ высшей степени печально. Вѣчно они находятся въ обществѣ какихъ-то чудесныхъ существъ, нашептывающихъ имъ какія-то таинственныя рѣчи. Темнота ихъ пугаетъ невыразимо, малѣйшій шорохъ, звукъ заставляетъ болѣзненно вздрагивать. Они обыкновенно скучны, молчаливы, разсѣяны, потому что ихъ вниманіе постоянно двоится между міромъ вещей дѣйствительныхъ и существами, созданными ихъ больнымъ воображеніемъ, и имѣющими для нихъ всѣ качества и свойства предметовъ дѣйствительныхъ. Хорошо, если это человѣкъ образованный, который или самъ пойметъ или повѣритъ умному медику, что состояніе его болѣзненное, что причины всѣхъ его видѣній находятся въ немъ самомъ, въ раздраженіи его нервной

системы, въ ненормальномъ отправленіи его мозга. Онъ можетъ избавится отъ своихъ идеальныхъ друзей простыми вареньями медицинской кухни. Если же этотъ человѣкъ упорный суевѣръ, объясняющій всѣ эти видѣнія продѣлками надъ нимъ нечистой силы, то это такое положеніе, хуже котораго и представить себѣ невозможно. Подобная пытка бываетъ до того невыносима, особенно если она продолжается много лѣтъ, что люди эти, не смотря на совершенное отсутствіе въ нихъ всякаго характера и рѣшительности, часто оканчиваютъ жизнь свою самоубійствомъ. Впрочемъ, при такомъ состояніи трудно и ожидать болѣе благопріятнаго исхода. Здѣсь совершенно измѣняется порядокъ всей нашей жизнедѣятельности. Въ ряду съ дѣйствительными предметами, на которые мы смотримъ, являются другіе предметы и картины изъ далекаго прошлаго, сохраненныя и воспроизведенныя памятью, а съ этимъ вмѣстѣ являются и такіе образы, которыхъ мы положительно никогда не видѣли и которые созданы нашимъ больнымъ воображеніемъ. Сила внутреннихъ представленій въ этихъ случаяхъ бываетъ такъ велика, что человѣкъ бываетъ совершенно не въ состояніи различать, что предъ его глазами есть дѣйствительнаго, и что воображаемаго: то и другое имѣетъ для него положительно одинаковое значеніе.

Склонность къ галлюцинаціямъ, какъ и всякая другая болѣзнь, имѣетъ свои степени. Степень, о которой мы сейчасъ говорили, есть самая высшая степень развитія этой болѣзни. Низшія степени обнару-

женія этой болѣзни мы имѣемъ возможность наблюдать постоянно. Люди, боящіеся оставатся одни въ комнатѣ, представляютъ самую низшую и самую обыкновенную степень этой болѣзни. Кромѣ того болѣзнь эта можетъ имѣть чисто временный, случайный характеръ. Пріемъ внутрь какого нибудь сильнаго наркотическаго вещества, бѣлены, напримѣръ, опія, или наконецъ большой пріемъ обыкновенной водки, производитъ въ человѣческомъ организмѣ явленіе очень сходное съ обнаруженіями болѣзни, склонности къ галлюцинаціямъ. Послѣ такихъ пріемовъ долгое время человѣку дѣйствительныя вещи представляются не тѣми, каковы онѣ на самомъ дѣлѣ; а его собственныя представленія принимаются имъ за дѣйствительныя вещи. Люди, привыкшіе къ куренію опіума, къ употребленію водки, всегда почти живутъ въ мірѣ своихъ собственныхъ грезъ, постоянно окружены существами, созданными ихъ собственнымъ, разстроеннымъ воображеніемъ. Весь этотъ призрачный міръ для нихъ кажется такъ осязателенъ, что они совершенно не въ состояніи высвободиться изъ-подъ вліянія его, тѣмъ болѣе потому, что сила мысли у такихъ людей слабѣетъ обыкновенно до послѣдней степени.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть II.

		стран.
ГЛАВА 1.	Мнѣнія древнихъ восточныхъ народовъ о добрыхъ и злыхъ геніяхъ или духахъ. .	5
ГЛАВА 2.	Мнѣнія Грековъ и Римлянъ о геніяхъ или духахъ	18
ГЛАВА 3.	Въ какомъ видѣ представляли геніевъ древніе восточные народы, Греки и Римляне?	23
ГЛАВА 4.	Народныя повѣрія, суевѣрія и предразсудки о явленіяхъ духовъ и ихъ дѣйствіяхъ въ отношеніи къ людямъ	33
ГЛАВА 5.	Удивительное дѣйствіе воображенія въ мужчинахъ и женщинахъ, которые думали, будто имѣютъ общеніе тѣлесное съ злыми духами	54
ГЛАВА 6.	Народныя повѣрія о домовыхъ	69
ГЛАВА 7.	Явленія привидѣній и открытіе ими будущаго	86
ГЛАВА 8.	Другіе примѣры привидѣній.	90
ГЛАВА 9.	Разслѣдованіе одного призрака. . . .	97
ГЛАВА 10.	Привидѣнія, безпокоящія дома.	102
ГЛАВА 11.	Другіе примѣры привидѣній	110
ГЛАВА 12.	Мнѣніе язычниковъ о душахъ умершихъ людей.	114
ГЛАВА 13.	Повѣрія и суевѣрія о явленіи отшедшихъ душъ въ средніе вѣка	123

стран.
ГЛАВА 14. Явленія духовъ, которые отпечатлѣвали свои руки на одеждѣ и на деревѣ . . . 135
ГЛАВА 15. Замѣчанія у явленіяхъ душъ умершихъ людей, объ отношеніи ихъ къ живымъ . . 138
ГЛАВА 16. Традиціи язычниковъ и народныя повѣрія о загробной жизни. Видѣнія 161
ГЛАВА 17 О магіи и волшебствѣ 189
ГЛАВА 18. Начатки магіи на первыхъ ступеняхъ развитія человѣчества 200
ГЛАВА 19. Магія въ связи съ Астрологіей у Сабеистовъ и Персовъ 213
ГЛАВА 20. Магія у Индійцевъ и Китайцевъ. . . . 228
ГЛАВА 21. Магія у Египтянъ. 251
ГЛАВА 22. О шабашахъ. 298
ГЛАВА 23. Колдуны и колдуньи, которые разсказывали о себѣ, будто бы они не естественнымъ образомъ переносились на такъ называемые шабаши 308
ГЛАВА 24. Разсказъ о Людовикѣ Гофреди и Магдалинѣ фонъ Палюдъ, которые сами сознались въ колдовствѣ 317
ГЛАВА 25. Народныя повѣрія во времена язычества о заклинаніяхъ въ смерти. 326
ГЛАВА 26. Повѣрія народныя о заклинаніяхъ въ смерти (Todeswiehnnigen) у христіанъ . . . 329
ГЛАВА 27. О магикѣ Гокке 338
ГЛАВА 28. Замѣчанія о магіи и волшебствѣ. . . . 341
ГЛАВА 29. Общія замѣчанія 344

—

О
ЯВЛЕНІЯХЪ ДУХОВЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Августина Калмета,

АББАТА БЕНЕДИКТИНСКАГО ОРДЕНА

Переводъ со втораго нѣмецкаго изданія, дополненный и исправленный переводчикомъ.

ЧАСТЬ III.

МОСКВА
Въ типографіи П. Бахметева, на Малой Дмитровкѣ, № 14.
1866

Дозволено цензурой. Москва, Августа 20 го 1866 г.

Ѳедоръ Паламарчукъ

О ВАМПИРАХЪ.

СОБРАНІЕ.

Анекдотовъ, разсказовъ, повѣрій и суевѣрій о вампирахъ венгерскихъ, моравскихъ и богемскихъ, и о бруколакахъ.

> Совсѣмъ непонятныя или дурно понятыя явленія природы были источникомъ безчисленныхъ суевѣрій и предразсудковъ.
>
> *Бонне.*

Вампиризмъ былъ результатомъ разстроеннаго воображенія суевѣрныхъ, которые воображали, что извѣстныя лица послѣ смерти подымались изъ своихъ могилъ, безпокоили цѣлыя деревни, сосали кровь у своихъ родныхъ и умерщвляли ихъ. Этихъ мнимыхъ, безпокойныхъ, ночныхъ бродягъ прокалывали насквозь, рубили и жгли не сознавая безчеловѣчности такихъ отношеній къ лицамъ, которыя большею частію были обмершіе, только и никогда не думавшіе безпокоить живыхъ, поднявшись изъ могилъ какъ потому, что не въ состояніи были подняться изъ могилъ, такъ и потому, что въ безотрадномъ состояніи обморока они ничего не думали.

Вампиры венгерскіе, главный предметъ нашего изслѣдованія, были болѣе или менѣе давно умершіе люди, которые выходили изъ своихъ гробовъ и безпокоили живыхъ: являлись имъ, высасывали у нихъ кровь, производили въ домѣ шумъ и даже причиняли смерть. Ихъ назвали «вампирами», что по славянски означаетъ кровопійцу. Освобождались отъ сихъ страшныхъ посѣтителей тѣмъ, что выкапывали ихъ изъ земли, отсѣкали имъ головы, пробивали въ сердце колъемъ или копьемъ, а остатки трупа сожигали.

Много было попытокъ объяснить возвращеніе и явленіе вампировъ. Нѣкоторые отвергали ихъ какъ фантастическія бредни и объясняли все невѣжествомъ и суевѣріемъ народовъ тѣхъ странъ, въ которыхъ они являлись.

Другіе полагали, что люди эти были недѣйствительно умершіе, а погребенные за-живо, а потому возвращеніе и явленіе ихъ представляли вполнѣ естественнымъ. — Иные же считали ихъ просто чудомъ и успокоивались.

Съ своей стороны мы постараемся сперва представить читателямъ, что было сказано и писано объ этомъ предметѣ, далѣе выведемъ отсюда нѣкоторыя слѣдствія и укажемъ основанія для сужденія объ этомъ предметѣ.

ГЛАВА I.

Оживленіе мнимо-умершихъ. Преданіе объ Аристеѣ Проконезскомъ.

Оживленіе нѣкоторыхъ лицъ, которыхъ считали умершими, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они находились просто въ состояніи летаргическаго сна; далѣе, пробужденіе нѣкоторыхъ, которые спивались до такой степени, что ихъ считали мертвыми и которые различными медицинскими пособіями, заботливостію и искусствомъ врача выводимы были изъ этого состоянія, — всѣ подобные примѣры оживленія не суть факты истиннаго оживленія: лица эти не были дѣйствительно умершія, а только казались такими.

Мы приведемъ здѣсь нѣсколько такихъ примѣровъ, когда мертвые оживали, спустя нѣсколько мѣсяцевъ и даже лѣтъ послѣ ихъ погребенія, которые, если бы даже они похоронены были и живыми, въ продолженіе такого времени необходимо должны были задохнуться въ своихъ гробахъ, и у которыхъ, не смотря на это, находили всѣ признаки

жизни: жидкую кровь, неистлѣвшее тѣло свѣжій и пріятный цвѣтъ лица, гибкіе и удобоподвижные члены. Эти существа днемъ или ночью выходили изъ своихъ гробовъ и безпокоили живыхъ: высасывали у нихъ кровь, не рѣдко даже умерщвляли; являясь въ дома своихъ родственниковъ, садились за столъ, дѣлали тысячи подобныхъ вещей и наконецъ снова возвращались въ свои гроба но никто не видѣлъ, какъ они входили туда.

Если эти ожившіе были не дѣйствительно умершіе, необъяснимымъ въ такомъ случаѣ оставалось бы только то, какимъ образомъ и при какихъ счастливыхъ обстоятельствахъ выходили они изъ своихъ гробовъ? Пробуждались ли они отъ своего летаргическаго сна, или духъ жизни возвращался къ нимъ, какъ это бываетъ съ тѣми, которые впадаютъ вдругъ въ обморокъ, но чрезъ нѣсколько времени, какъ скоро кровь и жизненная сила опять начнутъ свое нормальное отправленіе, естественнымъ образомъ приходятъ въ себя?

Но какимъ образомъ они выходятъ и снова входятъ въ свои могилы, не разрывая земли и ни для кого невидимо? Возможно ли, чтобы состояніе летаргіи или обморока продолжалось цѣлые годы?

Не смотря однако жъ на это, разсказовъ подобнаго рода существовало и существуетъ очень много. Такъ напр. Оригенъ въ своей книгѣ противъ Цельса

(1) приводитъ слѣдующій разсказъ: Аристей, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ гражданъ Проконезскихъ, пришедши однажды въ домъ одного ремесленника, скоропостижно умеръ здѣсь. Ремесленникъ, заперши домъ, отправился тотчасъ къ родственникамъ умершаго извѣстить ихъ о его смерти. Молва объ этомъ случаѣ скоро разнеслась по всему городу. Тутъ случился человѣкъ изъ Кизика; онъ увѣрялъ всѣхъ, что на дорогѣ изъ Кизика онъ только что встрѣтился съ Аристеемъ и говорилъ съ нимъ и слѣдовательно быть не можетъ, чтобы онъ умеръ. Родственники со знаками достоинства умершаго, какъ это было въ обычаѣ, отправились въ домъ ремесленника, чтобы взять оттуда тѣло покойника. Но, пришедши, въ домѣ ни мертваго, ни живаго Аристея не нашли. Чрезъ семь лѣтъ видѣли его въ городѣ, потомъ онъ опять исчезъ. Спустя триста сорокъ лѣтъ явился Аристей въ городѣ Метапонтѣ въ Сициліи и требовалъ отъ жителей устроить въ городѣ храмъ Аполлону и при немъ статую въ честь Аристея Проконезскаго и при этомъ прибавилъ, что они единственные изъ всѣхъ народовъ Италіи, которыхъ Аполлонъ удостоиваетъ своимъ присутствіемъ и что онъ, который говоритъ теперь съ ними, самъ сопровождалъ этого бога въ видѣ ворона. Сказавши это, онъ вдругъ исчезъ. Жители Метапонта, по поводу этого явленія, обратились за совѣтомъ къ Дельфійскому

---

(1) Orig. contra. Celsum. Gib I. pag. 123 et segu.

оракулу и тотъ отвѣчалъ, что они должны слѣдовать совѣту Аристея, потому что это послужитъ имъ въ великую пользу. Дѣйствительно, они поставили на городской площади двѣ статуи Аполлону и Аристею и обсадили ихъ лавровыми деревьями. Статуи эти сохранились до временъ Геродота (1).

---

(1) Herod. lib. 4

ГЛАВА II.

Явленіе одной дѣвушки спустя семь мѣсяцевъ послѣ ея погребенія.—Разсказъ объ одной женщинѣ, которая была вырыта живою изъ могилы.

Флегонъ, вольноотпущенный Кесаря Адріана (1), въ своей книгѣ о чудесномъ разсказываетъ. Въ Tralles-ѣ, въ Азіи, одинъ извѣстный трактирщикъ Махатесъ находился въ связи съ одною дѣвушкою, по имени Филиніею, дочерью Демонстрата и Харитины. Въ продолженіе шести мѣсяцевъ, послѣ ея смерти, дѣвушка эта посѣщала своего любовника. Кормилица этой дѣвушки узнала ее однажды, когда она сидѣла въ комнатѣ Махатеса; она тотчасъ извѣстила объ этомъ мать дѣвушки, но та медлила отправиться въ гостиницу. Когда же пришла туда, было уже поздно, всѣ спали и она ничего не могла узнать. Махатесъ на слѣдующее утро разсказалъ матери, что Филиннія посѣщала его съ извѣстнаго

---

(1) Phlegon de mirabilib. t. 8. Gronov Antiq. Graec. pag. 2694.

времени каждую ночь и въ доказательство справедливости показаннаго имъ представилъ ей золотое кольцо, полученное имъ отъ Филиннія прошедшей ночью и ленту, которая при погребеніи положена была ей на грудь. Харитина, не сомнѣваясь болѣе въ справедливости разсказаннаго ей, подняла страшный вопль, но ее успокоили тѣмъ, что обѣщали извѣстить ее, какъ только въ слѣдующую ночь Филиннія опять явится. Когда, по обыкновенію, вечеромъ Филиннія явилась, Махатесъ тотчасъ же извѣстилъ объ этомъ ея родителей, потому что онъ и самъ уже начиналъ сомнѣваться, не была ли это какая-нибудь другая дѣвушка, похитившая изъ гроба одежду его возлюбленной съ цѣлію обманывать его. Демонстратъ и Харитина скоро явились и, узнавши свою дочь, бросились къ ней съ объятіями. Но она вскричала: «родители! зачѣмъ вы завидуете моему счастію и отнимаете его у меня? Три дня оставалось мнѣ приходить въ этотъ домъ, да и вреда я никому не причиняю. Ваше любопытство дорого будетъ стоить вамъ». Съ этими словами она мертвою упала на постель.

Флегонъ, имѣвшій въ городѣ нѣкоторую власть, успѣлъ успокоить сбѣжавшійся, поэтому поводу, народъ. Но на слѣдующій день жители города, собравшись въ театрѣ, рѣшили осмотрѣть склепъ, въ которомъ за полгода предъ симъ похоронена была Филиннія. Осмотрѣвши, нашли всѣхъ погребенныхъ тамъ изъ ея фамиліи, но трупа дѣвушки не оказалось; нашли же только кольцо, полученное ею отъ Махатеса, и позолоченный кубокъ, который она получила также отъ Махатеса вмѣстѣ съ кольцомъ. Народъ отсюда обратился снова къ дому Махатеса, гдѣ лежалъ трупъ. Обратились за совѣтомъ къ предсказателю; тотъ отвѣчалъ, что трупъ долженъ быть похороненъ внѣ города, въ честь усопшихъ долженъ быть устроенъ праздникъ, Марсу, Юпитеру и Меркурію должна быть принесена жертва и пр. Флегонъ въ своемъ письмѣ, обращаясь къ тому лицу, которому писалъ объ этомъ происшествіи, говоритъ: «если ты найдешь нужнымъ извѣстить объ этомъ Кесаря, увѣдоми о томъ меня, чтобы я могъ прислать къ тебѣ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ людей, которые были очевидцами происшествія».

Вотъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ фактовъ, который имѣетъ за собою все необходимое, чтобы быть признаннымъ за истину! Между тѣмъ какъ много представляетъ онъ трудностей для пониманія! Была ли эта дѣвушка дѣйствительно умершая, или ее почли мертвою, когда она находилась въ состояніи летаргіи или просто сна? Повидимому нельзя сомнѣваться, что она являлась въ собственномъ тѣлѣ: всѣ обстоятельства Флегонова разсказа подтверждаютъ это. Если признать, что она не умирала и слѣдовательно все это было со стороны ея только обманомъ, направленнымъ къ тому, чтобы удовлетворить свою страсть къ Махатесу, въ такомъ случаѣ разсказъ не представляетъ ничего невѣроятнаго. Извѣстно, на что способна сильная любовь и къ чему она можетъ побудить человѣка.

Тотъ же Флегонъ разсказываетъ, что одинъ Сирійскій солдатъ изъ войска Антіоха, убитый въ сраженіи при Ѳермопилахъ, днемъ являлся въ Римскомъ станѣ и говорилъ со многими лицами.

Августинъ (1) разсказываетъ слѣдующее: въ бытность его въ Миланѣ одинъ молодой человѣкъ постоянно былъ преслѣдуемъ своимъ заимодавцемъ. Долгъ, который тотъ требовалъ отъ него, былъ собственно долгъ его отца, въ это время уже умершаго, и уплаченъ былъ имъ еще при жизни, но сынъ не имѣлъ объ этомъ никакого письменнаго документа. Духъ отца явился сыну и указалъ мѣсто, гдѣ лежала квитанція, изъ-за которой перенесъ онъ такъ много безпокойства.

Приведенные здѣсь и многіе другіе разсказы объ умершихъ, возвращавшихся на нѣкоторое время къ жизни, могли бы послужить объясненіемъ тому, какимъ образомъ вампиры венгерскіе, спустя довольно долгое время послѣ ихъ смерти, выходили изъ своихъ гробовъ и потомъ снова возвращались въ нихъ. Но при всемъ томъ остается трудным рѣшить: 1) вѣренъ ли передаваемый разсказъ: 2) могутъ ли эти умершіе возвращаться къ жизни сами собою: 3) были ли они дѣйствительно умершіе, или же погребены были просто въ состояніи летаргіи или

(1) Aub. de cura pro mortuis.

сна, и какъ бы ни объясняли ихъ, они все-таки остаются невѣроятными и невозможными.

Въ одномъ изъ новѣйшихъ сочиненій разсказывается исторія, которая имѣетъ много сходнаго съ приведеннымъ нами разсказомъ Флегона. - Одинъ Парижскій купецъ обѣщалъ руку своей дочери одному изъ своихъ друзей, также купцу. Но въ это же время другой, очень богатый чиновникъ предложилъ свою руку этой дѣвушкѣ, и его дѣйствительно предпочли купцу. Бракъ состоялся. Но скоро молодая жена заболѣла и въ одномъ изъ припадковъ болѣзни ее сочли умершею и похоронили. Первый ея женихъ, полагая, что она похоронена была просто въ состояніи летаргіи или обморока, ночью откопалъ тѣло мнимо-умершей. Она дѣйствительно оказалась живою, онъ взялъ ее въ свой домъ и женился на ней. Потомъ они уѣхали въ Англію и жили тамъ спокойно нѣсколько лѣтъ. Спустя десять лѣтъ они возвратились въ Парижъ и здѣсь, однажды, во время прогулки, первый мужъ узналъ свою мнимо-умершую жену и началъ требовать судебнымъ путемъ, чтобы она возвратилась къ нему. Это подало поводъ къ большому судебному процессу. Женщина и второй ея мужъ говорили, что смерть уничтожила права перваго брака и обвиняли перваго мужа за то, что онъ поспѣшилъ ея погребеніемъ. Но видя, что дѣло клонится не въ ихъ пользу, они оставили родину и удалились въ чужія земли, гдѣ и жили до смерти. —Эта исторія такъ необыкновен-

на, что съ трудомъ вѣрится ей. Съ своей стороны мы передаемъ только чужой разсказъ, предоставляя читателю самому судить о его достовѣрности. Нельзя ли думать, что и Филинія, о которой разсказываетъ Флегонъ, погребена была живою?

ГЛАВА III.

Разсказы о вампирахъ моравскихъ и венгерскихъ.

Г. Фонъ-Фассимонтъ, совѣтникъ графа Фанъ-Баръ, разсказывалъ мнѣ слѣдующую исторію. Въ то время, когда онъ по дѣлу принца Карла, Епископа Ольмюцкаго и Оснабрюкскаго, посланъ былъ Герцогомъ Лотарингскимъ Леопольдомъ I въ Моравію, гамъ вездѣ носился слухъ, будто въ этой странѣ очень часто видѣли, что люди, умершіе назадъ тому нѣсколько времени, входили въ собраніе и молча садились за столъ; если же они кивали головою кому изъ присутствующихъ, тотъ чрезъ нѣсколько дней непремѣнно умиралъ. За достовѣрность этого ручались ему многія лица и между прочимъ одинъ старый священникъ, который, какъ самъ онъ говорилъ, не разъ на своемъ вѣку былъ свидѣтелемъ подобныхъ происшествій. Епископы и священники этой страны обратились за совѣтомъ по сему дѣлу въ Римъ. Но оттуда не отвѣчали, считая все это пустыми бреднями и произведеніемъ фантазіи. Наконецъ пришли къ

мысли выкапывать трупы тѣхъ людей, которые являлись, сожигать ихъ и пр. Этимъ средствомъ освободились отъ ужасныхъ привидѣній, которыя съ сего времени появлялись уже гораздо рѣже. Все это передавалъ священникъ.

По поводу подобныхъ явленій написано было одно небольшое сочиненіе подъ заглавіемъ: «Magia posthuma,» напечатанное въ Ольмюцѣ въ 1706 г. Сочиненіе это написано Карломъ Фердинандомъ Фонъ-Шерцъ и посвящено Карлу Лотарингскому, Епископу Ольмюцкому и Оснабрюкскому. Авторъ этой книги приводитъ между прочимъ такой фактъ: въ нѣкоторой деревнѣ умерла одна женщина, по совершеніи надъ ней извѣстнаго церковнаго обряда, ее, обыкновенно, похоронили. Спустя четыре дня послѣ ея погребенія, жители деревни слышали большой шумъ и многіе видѣли привидѣніе, которое являлось то въ образѣ человѣка, то въ видѣ собаки, и мучило людей, душило ихъ за горло и давило въ животъ. Мученія были ужасныя, такъ что испытавшіе ихъ видимо худѣли и обезсиливали. Привидѣніе нападало даже на животныхъ и почти умерщвляло ихъ, иногда связывало ихъ другъ съ другомъ хвостами. Страшный ревъ, который при этомъ производили животныя, ясно давалъ знать, какую боль оно причиняло имъ. Лошади худѣли, какъ бѣшеныя качались на спинѣ и наконецъ съ пѣною у рта, какъ бы послѣ долгой и скорой ѣзды, пропадали. Эти бѣдствія для деревни продолжались нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ

жители, говоритъ далѣе авторъ, пришли къ мысли, что эти бѣдствія происходятъ отъ упомянутой женщины и, выкопавши, сожгли ее, какъ это дѣлали они съ трупами всѣхъ умершихъ, которые возвращались. Авторъ названной книги приводитъ много подобныхъ примѣровъ и разсказываетъ при этомъ о бѣдствіяхъ, какія отъ сего происходили.

Такъ напр., онъ разсказываетъ исторію одного пастуха изъ деревни Бловъ въ Богеміи, лежащей близъ города Кадана. Пастухъ этотъ послѣ своей смерти являлся въ деревнѣ и при этомъ называлъ нѣкоторыхъ лицъ, которыя послѣ сего непремѣнно умирали. Жители деревни выкопали его трупъ и, проткнувъ его коломъ, опять зарыли. Чудовище при этомъ, издѣваясь надъ своими мучителями, говорило, что оно имъ очень благодарно, что дали ему палку, которая будетъ служить ему для защиты отъ собакъ. Въ слѣдующую же ночь онъ опять явился, перепугалъ многихъ и мучилъ теперь еще болѣе, чѣмъ прежде.

Послѣ сего трупъ выдали палачу и тотъ сжегъ его за деревнею. Мертвецъ ревѣлъ, какъ бѣшеный, махалъ руками и ногами и издалъ страшный крикъ, когда его въ другой разъ проткнули коломъ, при чемъ изъ него полилось множество красной крови. Наконецъ трупъ сожгли и привидѣніе болѣе не являлось.

Подобнымъ же образомъ поступали съ умершими, которые возвращались, и въ другихъ странахъ. Когда выкапывали ихъ, цвѣтъ ихъ тѣла находили всегда живымъ и свѣжимъ, члены мягкими и удобоподвижными и никакой порчи въ тѣлѣ, но изъ гробовъ ихъ выходилъ отвратительный запахъ. Авторъ упомянутой книги ссылается на нѣкоторыхъ другихъ писателей, которые подтверждаютъ сказанное имъ объ этомъ предметѣ. Привидѣнія эти, говоритъ онъ, особенно часто являлись въ горахъ Шлезвигскихъ и Моравскихъ. Видѣли ихъ днемъ и ночью, замѣчали, какъ принадлежавшія имъ вещи передвигались съ мѣста на мѣсто, хотя никто ихъ не касался. Единственное средство противъ этихъ привидѣній состояло въ томъ, что отсѣкали имъ головы.

Дѣло при этомъ ведется юридически: представляютъ доказательства, изслѣдуютъ вырытый трупъ, не найдутся ли въ немъ признаки, по которымъ можно бы было сказать, что это есть именно тотъ являющійся и мучившій людей вампиръ. Признаки эти были: подвижность членовъ, жидкая кровь, отсутствие порчи въ тѣлѣ. Если всѣ эти признаки находили, трупъ немедленно выдавали палачу для сожженія. Иногда, спустя три или четыре дня послѣ такихъ операцій надъ трупомъ, привидѣніе снова являлось. На этомъ основаніи подозрительныхъ лицъ отлагали отъ шести до семи недѣль. Если они не сгнивали и члены ихъ оставались мягкими и подвижными, какъ у живыхъ, въ такомъ случаѣ

ихъ сожигали. Увѣряютъ, что члены ихъ двигались, хотя никто не касался ихъ, а недалеко отъ Ольмюца, говоритъ авторъ, видѣли привидѣніе, которое бросало камнями и сильно безпокоило жителей.

———

ГЛАВА IV.

Мертвецы венгерскіе, высасывавшіе кровь у живыхъ.

До графа Кабрера, начальника полка Аланцетти, дошелъ однажды очень странный слухъ, который однако былъ распространенъ въ цѣломъ полку. Слухъ этотъ распущенъ былъ, какъ донесли графу, однимъ линейнымъ солдатомъ. Солдатъ этотъ, призванный къ графу, разсказывалъ ему слѣдующее: однажды сидѣлъ онъ съ хозяиномъ за столомъ, вдругъ вошелъ въ комнату незнакомый человѣкъ и сѣлъ подлѣ нихъ за столъ. Хозяинъ этимъ такъ былъ испуганъ, что на слѣдующій же день умеръ. Но послѣ объяснилось, что незнакомецъ былъ, умершій десять лѣтъ тому назадъ, отецъ хозяина и это было предвѣстіемъ и причиною его смерти. Графъ Кабрера рѣшился изслѣдовать дѣло и отправился съ офицерами, аудиторомъ и полковымъ врачемъ на мѣсто совершенія факта. Допрашивали семейство умершаго, и такъ какъ и другіе жители деревни показывали тоже самое, графъ велѣлъ вырыть гробъ и умершаго нашли въ такомъ состояніи, какъ будто онъ только что

умеръ —съ лицомъ свѣжимъ, какъ у живаго. Ему отрубили голову и потомъ сожгли. Другой, умершій уже тридцать лѣтъ тому назадъ, о которомъ носилась молва, что онъ днемъ являлся три раза въ свой домъ и умертвилъ, высасывая кровь, въ первый разъ своего брата, потомъ сына, но наконецъ слугу, — найденъ былъ въ подобномъ же состояніи. Этому забили въ виски гвозди и снова зарыли. Третьяго умершаго за шесть лѣтъ предъ симъ, который по показанію жителей умертвилъ двухъ сыновей своихъ, Кабрера велѣлъ сжечь. О своихъ распоряженіяхъ Кабрера сообщилъ главному предводителю войска, который перенесъ дѣло ко Двору. Король назначилъ коммиссію изъ офицеровъ, аудиторовъ, врачей и ученыхъ, чтобы основательнѣе изслѣдовать этотъ рѣдкій и необыкновенный случай.

Перестававшій намъ этотъ разсказъ слышалъ его отъ самого графа Кабрера въ Фрейбурѣ въ Брейсгау въ 1730 г. Слѣдующій разсказъ мы беремъ изъ Іудейскихъ писемъ: новое изд. 1738 г. письмо 137-е.

Исторія эта засвидѣтельствована двумя чиновниками изъ Бѣлградскаго суда, которымъ поручено было изслѣдованіе дѣла, и однимъ офицеромъ королевской арміи: эти лица были очевидцами. Дѣло происходило въ Венгріи. Въ началѣ Сентября, въ деревнѣ Кизиловѣ отстоящей отъ Градиша на три дня пути, умеръ шестидесятидвухъ-лѣтній старикъ. Чрезъ три дня послѣ погребенія явился онъ своему сыну, и

просилъ у него ѣсть. Сынъ исполнилъ желаніе отца и онъ исчезъ. На другой же день сынъ разсказалъ сосѣдямъ объ этомъ случаѣ. Въ эту ночь отецъ не явился, но въ слѣдующую онъ опять явился и потребовалъ ѣсть. Неизвѣстно, исполнилъ ли сынъ его желаніе, или нѣтъ,—только на другой день нашли его мертвымъ. Въ тотъ же день заболѣло пять или шесть человѣкъ изъ деревни и всѣ одинъ за другимъ чрезъ нѣсколько дней умерли.

Начальникъ деревни послалъ объ этомъ извѣстіе въ Бѣградскій судъ, откуда отправлены были въ деревню два чиновника для изслѣдованія дѣла. Королевскій офицеръ который и сообщилъ извѣстіе объ этомъ, отправился туда же, любопытствуя фактомъ, о которомъ ему такъ часто приходилось слышать. Вскрыли гроба всѣхъ, которые умерли за шесть недѣль передъ симъ и доходятъ до гроба того старика. Открыли гробъ и нашли: глаза открыты, цвѣтъ лица свѣжій, естественное дыханіе, но неподвиженъ, какъ мертвый. Изъ этого заключили, что онъ вампиръ. Судья велѣлъ пронзить его въ сердце коломъ, потомъ, разложивши костеръ, трупъ сожгли. Но такихъ признаковъ вампиризма ни въ трупѣ сына, ни въ другихъ трупахъ не нашли.

Мы, слава Богу, нисколько не легковѣрны и сознаемся, что никакое знаніе не можетъ найти объясненія для этого явленія. При всемъ томъ, мы не можемъ отвергать такой фактъ, который изслѣдованъ

и подтвержденъ людьми нарочито для сего отправленными и изслѣдованъ юридически.

Теперь мы намѣрены привести еще одинъ случай изъ 1732 г., публикованный въ 18 номерѣ журнала Glaseur.

Въ извѣстной странѣ Венгерской, которая по латыни называется: Oppida Heidonum лежащей по ту стороны Тиссы, т. е. между этою рѣкою, орошающею благословенный Токайербециркъ и Зибенбюргеномъ, живетъ народъ, извѣстный подъ именемъ Гайдуковъ. Народъ этотъ вѣритъ, что извѣстные умершіе, которыхъ называютъ тамъ вампирами, высасываютъ кровь у живыхъ людей, отъ чего эти видимо худѣютъ, между тѣмъ какъ трупы этихъ кровопійцъ по того наполняются кровію, что она просачивается изъ тѣла ихъ. Это мнѣніе въ непродолжительномъ времени подтверждено многими фактами, въ истинности которыхъ, повидимому, нельзя сомнѣваться, если принять во вниманіе характеръ лицъ, которыя передаютъ ихъ. Мы намѣрены привести изъ этихъ фактовъ только самые замѣчательные. Почти за пять лѣтъ предъ симъ, Гайдукъ Арнотъ Паоль изъ деревни Медоезуа въ Сербіи, о которомъ говорили, что при жизни его сильно мучилъ вампиръ, умеръ сломавъ себѣ шею и чрезъ 20 или 30 дней послѣ сего умертвилъ 4-хъ человѣкъ, которые были свидѣтелями его несчастной смерти. Чрезъ 40 дней послѣ погребенія трупъ его выкопали и признали за

вампира, такъ какъ нашли, что тлѣніе нисколько не коснулось его тѣла, изо рта, глазъ и носа текла совершенно свѣжая кровь, такъ, что вся одежда его была окровавлена, а на тѣлѣ и ногтяхъ образовался цѣлый слой крови. По обыкновенію его проткнули чрезъ сердце коломъ, при чемъ онъ издалъ очень явственный стонъ и кровь сильно полилась чрезъ сдѣланное отверстіе, потомъ трупъ сожгли. Признаки вампиризма нашли также въ трупахъ тѣхъ четырехъ человѣкъ, которые были умерщвлены имъ, потому всѣ тѣ, которые были мучимы и умерщвлены вампиромъ, сами дѣлались вампирами. Арнодъ Паоль нападалъ не только на людей, но и на скотъ, и такъ какъ люди ѣли мясо этихъ животныхъ, то дѣлались и сами они вампирами, такъ что въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ умерло семнадцать человѣкъ. Между ними умерла и извѣстная Станьоска, дочь Гайдука Іотуйцо. Дѣвушка эта ушла спать совершенно здоровою, но вдругъ въ полночь проснулась съ страшнымъ крикомъ и жаловалась, что умершій за четыре предъ симъ недѣли сынъ Гайдука, Милло душитъ ее за горло; послѣ этого она почувствовала сильную боль въ груди и чрезъ восемь дней умерла. Отправились на кладбище и между тринадцатью вырытыми трупами десять нашли въ вампиризмѣ и только три трупа умершихъ, кажется, отъ другой болѣзни, сгнившими. Между вампирами были Станьоска и Милло, сдѣлавшій ее вампиромъ. На шеѣ у дѣвушки подъ правымъ ухомъ, мѣсто, за которое, по ея словамъ, душилъ ее Милло, дѣйствительно

нашли кровяное синее пятно длиною въ палецъ. При вскрытіи гроба изъ носа у ней полилась кровь и Флекшигеръ, полковой хирургъ, при анатомированіи трупа, нашелъ у сердца и въ грудной полости, по его выраженію, очень бальзамическую кровь. Одежда на ней нисколько не сгнила; кожа и ногти совершенно свѣжіе. Всѣмъ, которыхъ признали вампирами, по обычаю страны, отрублены были головы и трупы сожжены. Всѣ, приведенныя нами, изслѣдованія надъ вампирами производились по всѣмъ юридическимъ формамъ и засвидѣтельствованы многими офицерами, находившимися при этихъ случаяхъ, полковымъ хирургомъ и съ лучшими людьми изъ мѣстныхъ жителей. Протоколъ, составленный объ этомъ дѣлѣ, въ концѣ Января отосланъ былъ въ королевскій военный совѣтъ, откуда наряжена была военная коммиссія для изслѣдованія всѣхъ этихъ фактовъ.

Подписали: Айдюги (судья) Барріаръ, старшіе изъ представителей Гайдуковъ, Баттуеръ, Оберъ-Лейтенантъ полка Александра Вюртембергскаго, Кликстенгеръ, хирургъ полка Фюрстенбушскаго и три другихъ хирурга.

ГЛАВА V.

Мнѣніе о вампирахъ авторъ Іудейскихъ писемъ.

Есть два средства противъ нелѣпыхъ бреней о такъ называемыхъ вампирахъ. Первое состоитъ въ томъ, чтобы физическими причинами объяснить всѣ чудеса вампиризма, второе отвергнуть дѣйствительность всѣхъ исторій подобнаго рода, и это послѣднее есть, безъ сомнѣнія, вѣрнѣйшее и разумнѣйшее. Но такъ какъ есть люди, для которыхъ свидѣтельство какого нибудь авторитетнаго лица можетъ служить достаточнымъ основаніемъ принять за истину самый нелѣпый разсказъ, посему необходимо прежде всего показать, какъ мало можно полагаться на свидѣтельство даже авторитетныхъ лицъ, когда дѣло требуетъ научнаго изслѣдованія. Мы согласны, что люди дѣйствительно умирали отъ такъ называемаго вампиризма. Въ основаніе нашего мнѣнія мы полагаемъ: очень возможно, чтобы въ тѣлахъ, погребенныхъ даже нѣсколько дней тому назадъ, была жидкая кровь. Далѣе — очень возможно, что вампиры, сосавшіе

кровь у извѣстныхъ людей, были только въ ихъ воображеніи и что страхъ, произведенный воображеніемъ, могъ произвести такое сильное напряженіе и потрясеніе во всемъ ихъ организмѣ, что они умирали. Мнимые вампиры цѣлый день овладѣвали ихъ мыслями и воображеніемъ: во время сна воображеніе естественно могло произвести образъ этихъ чудовищъ и причинить этимъ такой испугъ, что они или тотчасъ, или немного спустя умирали. Кому не случалось видѣть или, по крайней мѣрѣ, слышать о людяхъ, которые умирали въ минуты сильнаго испуга? Самая радость сильная не влечетъ ли за собою столь печальныхъ послѣдствій?

Въ Лейпцигской газетѣ (1) случилось намъ прочитать краткое содержаніе одного небольшаго сочиненія подъ заглавіемъ: Philosophicae et Christianae cogitationes de Vampiris, a Iohane Christophoro Herenberoio (Философскія и Христіанскія разсужденія о вампирахъ. Соч. І. Эренберга, гдѣ упоминается о многихъ другихъ сочиненіяхъ по этому предмету. Авторъ положительно говоритъ, что вампиры не умерщвляютъ людей, и всѣ разсказы объ этомъ должны быть приписаны только больному и разстроенному воображенію. Многими примѣрами доказываетъ онъ, что воображеніе можетъ произвести очень сильныя потрясенія въ организмѣ. Потомъ онъ говоритъ, какъ въ Ставоніи убійцамъ протыкали колъ чрезъ сердце:

(1) Supplement. ad visa Erudit. Lips. an. 1738. t. 2.

такое наказаніе прилагали и къ вампирамъ въ томъ предположеніи, что они были виновниками смерти тѣхъ, у которыхъ высасывали кровь. Онъ приводитъ нѣсколько примѣровъ этихъ казней изъ 1337 и 1347 г. Далѣе авторъ излагаетъ мнѣніе тѣхъ, которые вѣрили, что мертвые въ своихъ гробахъ ѣдятъ. Древность этого мнѣнія онъ доказываетъ изъ Тертуліана, изъ прибавленій къ его сочиненію о воскресеніи и изъ сочин. Августина: de Civitat. l. 8. c. 27. et Serm. 15. de Sanctis.

Вотъ довольно краткое содержаніе сочиненія Эренберга о вампирахъ. Приведенное имъ мѣсто изъ Тертуліана (1) очень ясно свидѣтельствуетъ, что язычники ставили своимъ умершимъ пищу и даже тѣмъ, тѣла которыхъ они сожигали. Они вѣрили, что пища служитъ имъ для подкрѣпленія: defunctis parentant et quidem impensissimo studio, pro moribus eorum, pro temporibus esculentorum, ut quos sentire quicquamnegant, escam desiderare praesumant

— —

(1) Tert. de resurrect. mortu.

ГЛАВА VI.

Мнѣніе Голландскаго журнала «Glaneur».

При изслѣдованіи разсказовъ о смерти мнимыхъ мучениковъ вампиризма, открываются всѣ симптомы эпидемическаго фанатизма, а также и то, что впечатлѣніе, произведенное на нихъ страхомъ, есть главная причина ихъ смерти. Станьоска, дочь Гайдука Іотуйцо, легла въ постель совершенно здоровая, пробудилась ночью съ отчаяннымъ воплемъ, и жаловалась, что Милло, умершій сынъ Гайдука, душилъ ее за горло; послѣ этого она почувствовала сильную боль въ груди и на восьмой день скончалась.

Здравомыслящій легко можетъ видѣть, что мнимый вампиризмъ тутъ пустыя сказки разстроенной фантазіи.

Здѣсь дѣло идетъ о дѣвушкѣ, которая пробудилась ночью и жаловалась, что ее душилъ вампиръ, но не объясняла, какъ ея крикъ могъ помѣшать вампиру продолжать операцію. Есть основаніе думать,

что вампиръ не повторялъ своихъ операцій потому, что въ слѣдующія за этимъ ночи не отходили отъ ея постели и потому, что ея крики, если бы вампиръ вздумалъ мучить ее, дали бы знать объ этомъ ухаживавшемъ за нею. На восьмой однакожъ день она умерла. Ея печаль и страхъ, ея уныніе и мученія ясно доказывали, какъ сильно было разстроено ея воображеніе.

Жители городовъ, страдавшіе отъ моровой язвы, знаютъ по опыту, что испугъ многимъ стоитъ жизни. Какъ скоро человѣкъ почувствуетъ самую ничтожную боль, онъ думаетъ, что онъ пораженъ эпидеміей: это такъ сильно дѣйствуетъ на него, что онъ серьезно можетъ заболѣть.

Если изслѣдуемъ другой разсказъ о смерти замученнаго вампиромъ, то откроются очевиднѣйшія доказательства того, что въ этомъ случаѣ главную роль играли страхъ и предразсудокъ. Умершій, чрезъ три дня послѣ погребенія явился ночью сыну своему, потребовалъ пищи, поѣлъ и исчезъ. На другой день сынъ разсказалъ подобный фактъ сосѣдямъ. Въ слѣдующую за этимъ ночь отецъ не являлся; но на слѣдующее утро сынъ найденъ въ постели мертвымъ. Въ этомъ разсказѣ суевѣріе и страхъ очевидны. Первый разъ подѣйствовавъ на воображеніе больнаго, тоска не произвела надлежащаго дѣйствія по предрасположила его духъ къ болѣе сильному впечатлѣнію, что и случилось послѣ. Замѣчательно, что

вампиръ не являлся въ ту ночь, наканунѣ которой сынъ разсказалъ свой сонъ сосѣдямъ потому, что, какъ по всему видно, сосѣди ночью находились при немъ и значитъ мѣшали ему испугаться.

Теперь я перехожу къ изслѣдованію тѣхъ труповъ, у которыхъ кровь была жидка, борода, волосы и ногти выростали. Изъ этихъ чудесъ можно выбросить три четверти, и быть очень снисходительнымъ, если оставить частицу. Всякому очень хорошо извѣстно, что народъ и даже историки, часто очень извѣстные, преувеличиваютъ факты, хоть сколько нибудь выходящіе изъ уровня обыкновенныхъ, тогда какъ очень легко чисто физически объяснять причину этихъ фактовъ.

По опыту извѣстно, что въ нѣкоторыхъ частяхъ земли тѣло можетъ сохраняться во всей своей свѣжести. Это явленіе объясняютъ весьма удовлетворительно, и потому не лишнимъ будетъ привести здѣсь одинъ изъ такихъ фактовъ. Въ Тулузѣ, подъ монастырскою церковью въ пещерѣ сохранились тѣла умершихъ до того невредимыми, что ихъ легко принять за тѣла живыхъ, тогда какъ эти умершіе оставили жизнь за двѣсти до этого лѣтъ. Эти тѣла въ костюмахъ своего ордена прислонены къ стѣнѣ стоймя. Но разительнѣе всего въ этомъ случаѣ тотъ фактъ, что тѣла, поставленныя на другой сторонѣ этой же пещеры, становятся добычею червей чрезъ два или три дня.

Часто приходится замѣчать, что у мертвыхъ вырастаютъ волосы, борода и ногти. Причина этого явленія понятна: такъ какъ въ тѣлѣ остается еще немного мокротъ, то нисколько не удивительно, что въ безжизненныхъ частяхъ можетъ нѣкоторое время продолжаться растительность.

Жидкая кровь представляетъ больше трудностей для объясненія, но и для ея присутствія въ тѣлѣ умершаго можно указать естественныя основанія. Если солнечный лучъ нагрѣваетъ селитренныя и сѣрныя части въ почвѣ, способной сохранять тѣло, то эти части, смѣшиваясь съ свѣже-погребеннымъ трупомъ, приводятъ въ броженіе сгустившуюся кровь и разжижаютъ ее. Возможность такого явленія показывается опытомъ. Если въ глиняномъ или стеклянномъ сосудѣ нагрѣвать хилъ (1) или молоко съ двумя третями дистиллированнаго виннокаменнаго масла, то бѣлая жидкость превращается въ красную потому, что соль виннаго камня, разжижая маслянистую часть молока, совершенно растворяетъ и превращаетъ ее въ родъ крови. Кровь, образовавшаяся въ сосудахъ тѣла, менѣе красна и не гуще. И такъ, очень естественно, что жаръ, возбуждая волніе въ погребенномъ тѣлѣ, производитъ точно такое же дѣйствіе, какое происходитъ и въ вышеприведенномъ экспериментѣ потому, что соки тѣла и кости весьма похожи на хилъ, а жиръ и мозгъ суть маслянистыя части этого хила. Всѣ эти части отъ волненія должны принять видъ крови на основаніи упомянутаго експеримента. Послѣ этого такъ называемые вампиры могутъ испускать изъ себя эту жидкость, состоящую изъ растворенныхъ жирныхъ частей, принимаемую за кровь.

(1) Хилъ или млечный сокъ—часть желудочной кашицы, назначенной для соединенія съ кровью.

Примѣч. переводч.

ГЛАВА VII

Разсказъ о вампирахъ изъ Меркурія за 1693 и 1694 годы. Предположенія Голландскаго журнала»: Glaneur» за 1733 г. № IX. Два письма о вампирахъ.

Въ 1693 и 1694 годахъ публично объявляли, что въ Польшѣ и особенно въ Шольской Руси являлись днемъ вампиры и сосали у людей и животныхъ кровь, которая потомъ во гробѣ текла по ихъ губамъ, носу и особенно ушамъ, такъ что они плавали въ крови во гробѣ, какъ часто находили ихъ (1). Вампиры не удовлетворялись однимъ лицемъ въ домѣ, но мало по малу истребляли всѣхъ, если только ихъ не останавливали, —не отсѣкали у нихъ голову, или не пробивали имъ коломъ сердце. Нѣкоторые, для охраненія себя отъ вампировъ, смѣшивали хлѣбную муку съ кровью вампировъ, и питавшихся хлѣбомъ, приготовленнымъ изъ этой муки, вампиры не безпокоили.

(1) V. Moreri sous le mot stryges.

Голландскій «Glaneur» малому вѣрившій, принимаетъ эти факты за несомнѣнные и истинные потому, что не имѣетъ достаточныхъ основаній оспаривать ихъ. Впрочемъ онъ утверждаетъ, что народы, у которыхъ являются вампиры, слишкомъ невѣжественны и легковѣрны, такъ что явленія, о которыхъ идетъ рѣчь, не болѣе, какъ продуктъ ихъ уродливой фантазіи; ихъ грубая пища главная причина этого: питаются они большею частію только хлѣбомъ, приготовленнымъ изъ овса, корней и древесной коры, и такая пища можетъ производить только густую и испорченную кровь и вызывать въ воображеніи мрачныя представленія.

Эту болѣзнь онъ сравниваетъ съ укушеніемъ бѣшеной собаки, которая передаетъ свой ядъ укушенному. Точно такимъ же образомъ, говоритъ онъ, и зараженные вампиризмомъ передаютъ этотъ опасный ядъ тѣмъ, которые ихъ посѣщаютъ. Этимъ именно объясняется причина безпокойныхъ ночей, тяжелыхъ сновъ и такъ называемыхъ явленій вампировъ.

Если вампиры издаютъ крикъ, когда въ ихъ сердце вонзаютъ колъ, то въ этомъ нѣтъ ничего неестественнаго. Заключенный въ сердцѣ воздухъ, быстро выдавленный, необходимо производитъ этотъ звукъ, когда проходитъ чрезъ горло. Это часто бываетъ съ трупами даже и тогда, когда до нихъ никто не дотрогивается. Онъ заключаетъ, что только помраченная уныніемъ и суевѣріемъ фантазія можетъ

представлять, что болѣзнь, о которой столько было говорено, происходитъ чрезъ вампировъ, которые будто приходили съ тѣмъ, чтобы высасывать у больныхъ послѣднія капли крови.

Предъ этимъ онъ говоритъ, что въ 1732 г. еще извѣстны были вампиры въ Венгріи, Моравіи и Турецкой Сербіи; что этотъ феноменъ очень извѣстный, такъ что сомнѣваться въ немъ нечего; что многіе Нѣмецкіе физики написали о немъ цѣлые томы на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; что Академіи и Университеты въ Германіи еще и до нынѣ разсуждаютъ объ Арнодѣ Паолѣ, Станьоскѣ, дочери Гайдука Іотуйцо, и Гайдукѣ Милло, которые всѣ были пресловутыми вампирами деревни Медусцуа, въ Сербіи.

Далѣе я приведу письмо, въ которомъ мой другъ сообщаетъ мнѣ свѣдѣнія о вампирахъ венгерскихъ. Авторъ письма совершенно расходится во взглядѣ на вампировъ съ Голландскимъ «Slapeur».

«Чтобы удовлетворить желанію высокопочтеннѣйшаго Аббата Кальмета относительно вампировъ, нижеподписавшійся имѣетъ честь увѣрить, что ничего нѣтъ вѣрнѣе, какъ всѣ тѣ разсказы судебные, которые печатаются публично въ газетахъ, и извѣстны всей Европѣ. Но изъ всѣхъ актовъ г. Кальмету лучше всего обратиться, для удостовѣренія въ дѣйствительности явленій вампировъ, къ актамъ Бѣлградской Депутаціи, учрежденной Е. В. Карломъ VI и

окончившей свое дѣло при Е. В. Герцогѣ Карлѣ Александрѣ Вюртембергскомъ. Жаль только, что въ настоящую пору я не могу указать вамъ ни года, ни мѣсяца, ни дня потому, что не имѣю подъ руками своихъ бумагъ.

Этотъ Принцъ позволилъ Бѣлградской депутаціи, состоявшей изъ офицеровъ и чиновниковъ, поселиться съ Генеральнымъ аудиторомъ Королевства въ той деревнѣ, въ которой умершій вампиръ въ теченіе многихъ лѣтъ производилъ ужасныя опустошенія между своими родственниками. Замѣтьте г. Аббатъ, что эти кровопійцы стараются истреблять людей только въ своей фамиліи. Эта депутація состояла изъ лицъ, ученость и безукоризненная нравственность которыхъ всѣмъ извѣстна. Всѣ они были приведены къ присягѣ Лейтенантомъ Регента Принца Александра Вюртембергскаго и отправились въ сопровожденіи 24-хъ гренадеровъ.

Всѣ знатнѣйшіе Бѣлградцы и самъ Герцогъ пристали къ депутаціи, желая быть очевидцами изслѣдованія.

Прибывъ на мѣсто, узнали, что вампиръ, дядя 5-ти племянниковъ и племянницъ, въ теченіе 30 дней потребовалъ въ другую жизнь трехъ изъ нихъ, и одного изъ своихъ братьевъ. Онъ въ послѣдній разъ посѣщалъ свою пятую племянницу, молодую и красивую дѣвицу и два раза уже сосалъ у нея кровь, какъ положили конецъ этимъ кровавымъ сценамъ.

Въ началѣ ночи депутаты отправились къ могилѣ вампира. Разскащикъ происшествія не могъ опредѣленно указать ни особенныхъ обстоятельствъ, ни времени, при которыхъ и въ которое высасывалась кровь у лицъ уже умершихъ. Молодое лице послѣ такого истощенія было въ самомъ жалкомъ изнеможеніи, такъ тяжело было это мученіе. Приблизившись къ могилѣ умершаго за три до этого года, увидѣли свѣтъ, какъ отъ лампады, впрочемъ не столько ясный. Когда открыли гробъ, мертвецъ оказался какъ живой, глаза были полуоткрытые и блестѣли, сердце билось. Когда подняли тѣло изъ гроба, оно оказалось совершенно неповрежденнымъ, хотя и не было мягкое, подвижное и гибкое. Когда сердце было пробито, то изъ него полилась бѣловатая, смѣшанная съ кровью матерія, болѣе, впрочемъ, крови, чѣмъ матеріи, безъ малѣйшаго запаха; подобная же жидкость полилась, когда отрубили голову. Когда его опять положили во гробъ съ большимъ количествомъ извести, молодой племянницѣ, у которой онъ два раза сосалъ кровь, съ этого часа сдѣлалось лучше. Вампиры не избираютъ одного опредѣленнаго мѣста, они являются то здѣсь, то тамъ, но гдѣ они поселяются, тамъ показывается часто синеватый огонекъ.

Это извѣстный фактъ, доказанный достовѣрными актами, случившійся болѣе чѣмъ съ 100 лицами, заслуживающими довѣрія.

Чтобы еще болѣе удовлетворить желанію ученаго

аббата Кальмета, я опишу еще обстоятельнѣе все, что видѣлъ собственными глазами и эти подлинные разсказы отправлю чрезъ курьера св. Урбана; я радъ всякому случаю, который позволяетъ мнѣ доказать г. Кальмету, что никто столько не уважаетъ его глубокой учености какъ преданнѣйшій слуга Л. Фонъ-Белецъ, прежде капитанъ во время регенства Принца Александра Вюртембергскаго, а потомъ начальникъ гренадеровъ въ регенство Барона Фонъ-Тренка.«

Чтобы ничего не опустить, что можетъ еще болѣе пролить свѣта на этотъ предметъ, я приведу здѣсь еще одно письмо достопочтеннаго и благонадежнаго мужа о вампирахъ.

«Ты просишь, дорогой мой племянникъ, сообщить тебѣ вѣрныя свѣдѣнія объ извѣстныхъ мертвецахъ венгерскихъ, которые отнимали у многихъ жизнь. Я могу сообщить тебѣ объ этомъ основательныя извѣстія потому, что я много лѣтъ провелъ въ этихъ странахъ и отъ природы любознателенъ. Въ жизни своей я слышалъ очень много разсказовъ о духахъ и привидѣніяхъ, но изъ тысячи едва ли и одному я могъ повѣрить: нужно быть очень осторожнымъ, чтобъ не поддаться обману. Между тѣмъ этотъ фактъ такъ очевиденъ, что я принужденъ ему вѣрить. О вампирахъ венгерскихъ я приведу слѣдующій фактъ.

Многіе, заболѣвшіе вслѣдствіе посѣщенія вампировъ, думали, что видятъ бѣлое привидѣніе, вездѣ

слѣдовавшее за ними. Больные теряли аппетитъ, худѣли и умирали спустя 8, 10 или 15 дней, не испытывая при этомъ ни лихорадочной дрожи, ни другихъ симптомовъ, кромѣ изхудалости и истощенія. Когда мы квартировали въ Аннантѣ Темегивара Валахійскаго, умерли два кавалериста изъ компаніи, къ которой я принадлежалъ. Болѣли многіе и были бы непремѣнно похищены смертію, если бы не воспользовались принятымъ здѣсь лекарствомъ; именно: заставили мальчика ѣхать по могиламъ кладбища на неосѣдланномъ, весьма молодомъ черномъ жеребцѣ, и открыть могилу, въ которой потомъ найденъ вампиръ жирный и какъ бы спокойно спящій. Этому мертвому перерѣзали горло, изъ котораго полилась очень красная, свѣжая кровь. Окончивъ операцію, рѣшили, что болѣзнь кончилась, что всѣ больные со временемъ выздоровѣютъ, какъ и случилось со многими изъ нашихъ кавалеристовъ, страдавшихъ болѣзнію. Въ это время я былъ комендантомъ компаніи; моего начальника и лейтенанта не было. Меня весьма разсердило, что корпоралъ воспользовался описаннымъ обычаемъ безъ моего согласія и вѣдома. Я болѣе всего хотѣлъ бы присутствовать при этой операціи, между тѣмъ долженъ былъ удовлетворяться разсказами».

Родственникъ этого офицера письмомъ, отъ 17 Октября 1746 г., увѣдомилъ меня, что его братъ, въ теченіе 20-лѣтней службы въ Венгріи, строго изслѣдовавшій всѣ разсказы о тамошнихъ, вампирахъ нашелъ, что Венгерцы суевѣрнѣе другихъ націй, и

что они приписываютъ чародѣйству всѣ болѣзни, отъ которыхъ страждутъ. Какъ только заподозрятъ умершаго, что онъ причиняетъ имъ болѣзни, то, съ позволенія властей, вырываютъ мертвеца, отсѣкаютъ у него топоромъ голову, и если при этомъ появляется хоть капля крови, заключаютъ, что эта кровь высосанная у больныхъ. Писавшій мнѣ эти строки, кажется, не сочувствуетъ этимъ вѣрованіямъ (1).

---

(1) Разсказы о явленіяхъ вампировъ и привидѣній не болѣе какъ продуктъ невѣжественной фантазіи народной, какъ доказываетъ самъ г. Кальметъ въ заключеніи изслѣдованія.
Примѣч. переводч.

ГЛАВА VIII.

Саги объ умершихъ въ сѣверныхъ странахъ: Англіи и Лапландіи.

Томасъ Бартолинъ (1) говоритъ: древніе сѣверные народы были убѣждены, будто умершіе въ молодости часто являлись, облекаясь въ свои тѣла,—и приводитъ въ такомъ родѣ много примѣровъ. Къ этому онъ еще прибавляетъ, что нѣкоторые сражались съ тѣми привидѣніями, которыя безпокоили и оскорбляли людей, и около своихъ могилъ сажали деревья. Такъ Греттеру, являвшемуся послѣ смерти, отрубили голову; въ тѣла другихъ умершихъ вонзали колъ и потомъ зарывали въ землю (2).

Часто вырывали умершихъ изъ гробовъ и сожигали ихъ. Такъ поступили напр. съ привидѣніемъ Гардусомъ, котораго сочли виновникомъ всѣхъ несчастій, случившихся во время бури

(1) Thomas Bartholin; de causis contemptus mortis a Dani lib 2. cap. 2.

(2) Namferro secui mox caput ejus Perfodique nocens Stipite corpus.

По словамъ Вильгельма Мальмесбюри (1). Англичане думали, что злые послѣ смерти возвращаются въ свои тѣла при посредствѣ демона, который сообщаетъ имъ необходимыя движенія (2).

Вильгельмъ Нейбрижскій, жившій во 2-й половинѣ 12-го вѣка, говоритъ: человѣкъ, погребенный въ Бервикѣ, каждую ночь подымался изъ могилы и причинялъ большія безпокойства цѣлому околодку. Говорятъ, будто онъ хвалился, что онъ будетъ безпокоить живыхъ до тѣхъ поръ, пока не сожгутъ его. Для этой операціи избрали 10-ть смѣлыхъ, сильныхъ, молодыхъ людей, которые вырыли его, изрубили его въ куски и сожгли на кострѣ. Какъ только мертвеца вырыли, одинъ изъ совершавшихъ операцію сказалъ: мертвеца нельзя сжечь до тѣхъ поръ, пока не будетъ исторгнуто у него сердце. Его предложеніе было принято, и мертвецъ, брошенный на костеръ, превратился въ золу и не являлся болѣе.

Впрочемъ, вообще, древніе язычники думали, что тѣла умершихъ лишены покоя и не защищены отъ заклинаній до тѣхъ поръ, пока они не будутъ пожраны пламенемъ или не изгніютъ въ землѣ (3).

(1) Guillaume Malmesburi. lib. 2. c. 4. (2) Segnum hominis cadaver post mortem Daemone agente discoure.

(3) Tali tua membra sepulcro
Talibus exuram Stygio cum carmine silvis
Cunctos cantata Mabosexandiat umbra.

говоритъ у Лукіана колдунья къ душѣ, которую она заклинала.

Лапландцы разсказываютъ о многихъ привидѣніяхъ, которыя являлись тамошнимъ народамъ и противъ ихъ воли заставляли ихъ говорить и ѣсть съ собою. Когда Лапландцы убѣждались, что это души родственниковъ умершихъ безпокоятъ ихъ, то они сожигали тѣла умершихъ, думая, что только этимъ они могутъ избавиться отъ безпокойныхъ. Лапландцы вообще держались того мнѣнія, что души усопшихъ опасны для живыхъ до тѣхъ поръ, пока они не перейдутъ въ другія тѣла. Демонамъ и блуждающимъ привидѣніямъ, какъ думали Лапландцы, около горъ, скалъ, озеръ и рѣкъ въ Лапландіи воздаваемо было такое же почтеніе, какое Римляне воздавали Фаунамъ, лѣснымъ богамъ, Нимфамъ и Тритонамъ.

Такимъ образомъ мы находимъ указанія на умершихъ, которые опять возвращались къ жизни, еще предъ двѣнадцатымъ вѣкомъ и въ другихъ странахъ, особенно сѣверныхъ (1). Впрочемъ всѣ эти саги слиш-

(1) Въ нѣкоторомъ, впрочемъ очень далекомъ, отношеніи къ вампирамъ стояли въ языческой древности Ламіи и Стрижи. Ламіи, по мнѣнію древнихъ, чудовища, похожія съ виду на женщинъ съ ослиными ногами. Онѣ пожирали дѣтей или сосали у нихъ кровь. Горацій (Ars poetica 340) говоритъ: Neu pransae Lamiae vivum puerum extrahat alvo. Стрижей Овидій называетъ страшными птицами, которыя летаютъ ночью и ищутъ дѣтей съ намѣреніемъ умертвить ихъ, или по крайней мѣрѣ высосать у нихъ кровь:

комъ далеки, по своему характеру, отъ нашего предмета; вампиры, о которыхъ у насъ идетъ, дѣло почти не имѣютъ ничего общаго со всѣмъ этимъ.

Carpere dicuntur lactentia viscera rostris.
Et plenum poto sanguine luttur habent.
Est illis strigibus nomen.

Замѣчателенъ въ позднѣйшее время законъ Карла Великаго, относящійся отчасти къ этому предмету: „Если кто, сказано въ Капитулляріяхъ Карла Великаго, обольщенный діаволомъ, по примѣру древнихъ (язычниковъ) убѣжденъ, что мужчина или женщина ѣстъ людей и сожигаетъ ихъ, употребляетъ въ пищу самъ и другимъ даетъ для этого, тотъ подлежитъ смерти“. (Capitull. Caroli Magni pro partibus Saxoniae 1, 6.).

ГЛАВА IX.

Народныя повѣрья о пораженныхъ громомъ и такъ называемыхъ бруколакахъ.—Разсказъ о бруколакѣ на островѣ Мико.

Нѣкоторые думали, что пораженные громомъ не истлѣваютъ. Это взглядъ Закхія (Zachias), Паре (Paré) и Коминъ (Comines), вѣрившіе также въ нетлѣніе пораженныхъ громомъ, думали, что причина нетлѣнія пораженныхъ громомъ заключается въ томъ, что ихъ охватывала и проникала насквозь сѣра молніи и замѣняла собою соль въ организмѣ.

Въ 1727 г., въ ямѣ, около госпиталя въ Квебекѣ, открыты были неповрежденныя тѣла умершихъ 5—20 лѣтъ до этого монахинь, у которыхъ, не смотря на то, что онѣ покрыты были известью, текла кровь изъ открытыхъ мѣстъ.

Довольно распространено было мнѣніе, что умершіе подъ клятвою отца или матери часто являлись живымъ днемъ и ночью, говорили съ ними, звали и безпокоили ихъ. Левъ Алляціусъ разсказываетъ много подобнаго рода фактовъ. По поводу этихъ явленій, онъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что жители острова Хіоса, услышавъ въ первый разъ зовущій ихъ голосъ, не отвѣчаютъ изъ страха, что это духъ или привидѣніе. Если зовъ повторится, думаютъ они, то это не бруколакъ, т. е. не привидѣніе на ихъ языкѣ; если же отвѣчали на первый и второй зовъ, то привидѣніе исчезало, но отвѣчавшій непремѣнно умиралъ.

Чтобы избавиться отъ злыхъ геніевъ, принято было за правило: выкопать трупъ являвшагося или явившагося лица и по совершеніи извѣстныхъ обрядовъ сжечь его. Послѣ этого, думали они, явленіе привидѣнія не повторится. Думали также, что умершіе преступники и злодѣи оставляли свои гроба, что явленіе ихъ смертоносно для видѣвшихъ или отвѣчавшихъ имъ, и что демонъ служитъ ихъ тѣламъ съ тѣмъ, чтобы при ихъ посредствѣ пугать живыхъ и лишать ихъ жизни.

Для избѣженія этихъ опасныхъ явленій, обыкновенно сожигаютъ или раздробляютъ трупъ преступника, или вынимаютъ изъ него только сердце, или предъ погребеніемъ его способствуютъ разложенію трупа, или же отсѣкаютъ голову, или наконецъ сквозь виски вбиваютъ въ голову большой гвоздь.

Кромѣ этого Греки думаютъ, что эти умершіе ночью гуляютъ, приготовляютъ себѣ пищу и ѣдятъ. Г. Рико, въ своей исторіи о современномъ состояніи Греческой церкви, говоритъ о многихъ трупахъ

здоровыхъ и красныхъ, въ жилахъ которыхъ спустя сорокъ дней послѣ смерти, кровь была такая же свѣжая, какъ у молодыхъ людей съ сангвиническимъ темпераментомъ. Это такъ общеизвѣстно, что каждый можетъ разсказать много подобныхъ фактовъ со всѣми подробностями. Г. Фонъ-Турнефоръ (Tournefort) приводитъ даже обрядъ выкапыванія такъ называемаго бруколака на островѣ Мико (въ Греческомъ Архипелагѣ), на которомъ былъ онъ 1-го Января 1701 г. Вотъ его слова.

«Я былъ очевидцемъ на островѣ Мико ужаснаго поступка, совершеннаго надъ однимъ изъ тѣхъ умершихъ, которые, по мнѣнію островитянъ, являются послѣ погребенія. Человѣкъ, о которомъ идетъ рѣчь, островитянинъ, отъ природы угрюмый и сварливый. Онъ найденъ на полѣ убитымъ, неизвѣстно кѣмъ и какимъ образомъ. Спустя два дня послѣ того, какъ онъ похороненъ былъ въ городской церкви, разнесся слухъ, что умершій бѣгаетъ ночью, входитъ въ дома, опрокидываетъ посуду, гаситъ огонь, хватаетъ людей за спину» и т. п.

Сначала надъ этимъ смѣялись, но потомъ дѣло получило серьезный характеръ, когда начали жаловаться и почтенные люди. Многія лица, пользовавшіяся довѣріемъ и уваженіемъ, подтверждали достовѣрность носившихся слуховъ и, безъ сомнѣнія, не безъ причины. Даже во время совершенія литургіи въ церкви, въ которой былъ похороненъ этотъ умершій, онъ

не оставлялъ своихъ продѣлокъ и вовсе не думалъ исправляться. Послѣ долгихъ споровъ представителей города, священниковъ и монаховъ, рѣшили, по древнему обычаю, который не извѣстенъ мнѣ, дожидаться окончанія первыхъ девяти дней послѣ погребенія.

На десятый день послѣ погребенія въ церкви, въ которой похоронено было тѣло, совершили литургію съ тѣмъ, чтобы изгнать демона, поселившагося, какъ всѣ думали, въ трупѣ. Послѣ обѣдни вырыли тѣло, чтобы совершить надъ нимъ обрядъ изгнанія демона. Положили вынуть у мертваго сердце, и городской мясникъ, дряхлый и неискусный, началъ съ того, что вскрылъ, вмѣсто груди, брюхо, и долго рылся въ кишкахъ, не находя искомаго. Наконецъ ему сказали, что нужно разрѣзать діафрагму (1), и сердце наконецъ вынули. Трупъ сильно вонялъ, и потому закурили фиміамъ, но дымъ, смѣшавшись съ зловоннымъ запахомъ, только увеличилъ вонь и началъ дѣйствовать на мозги окружавшихъ трупъ.

Ихъ воображенію, возбужденному зрѣлищемъ, являлись видѣнія. Думали, что тяжелый дымъ исходитъ отъ трупа; постоянно твердили, что въ церкви бру-

---

(1) Діафрагма —грудобрюшная преграда, раздѣляющая наше тѣло на двѣ части: грудь и животъ. Понятно, что мясника мѣшала діафрагма отыскать сердце.

Примѣч. переводч.

колакъ, одно имя котораго способно было поколебать своды церкви; многіе изъ присутствовавшихъ находили кровь этого несчастнаго свѣжею и красною. Мясникъ божился, что кровь очень тепла. Изъ этого заключили, что въ мертвомъ діаволъ поддерживаетъ жизнь; это заключеніе стояло въ тѣсной связи съ представленіемъ о бруколакѣ. Очень многіе каялись, что замѣтили, будто трупъ также мягокъ, какъ и прежде, когда переносили его съ поля въ церковь для погребенія, что, слѣдовательно, онъ бруколакъ, о которомъ вездѣ говорили. Я стоялъ у самаго трупа, и потому вѣрно могъ наблюдать: обоняніе мое сильно страдало отъ страшной вони отъ трупа. На вопросъ, что я думаю объ этомъ мертвецѣ, я отвѣчалъ, что считаю его обыкновеннымъ мертвецомъ.

Желая освѣтить помрачившуюся ихъ фантазію, или, по крайней мѣрѣ, ослабить волненіе, я сказалъ: нѣтъ ничего удивительнаго, что мясникъ почувствовалъ нѣкоторую теплоту, попаривъ въ истлѣвшихъ уже кишкахъ; вонь также обыкновенна, какъ и отъ навоза, когда его разроютъ. Что касается до красной крови, то ее можно видѣть на рукѣ мясника: — это ничто другое, какъ зловонная нечистота.

Вопреки этому представленію, рѣшили отправиться на морской берегъ и тамъ сжечь сердце умершаго, думая прекратить этимъ непріятныя выходки бруколака, который билъ людей, ломалъ двери, билъ окна, рвалъ платья, опустошалъ кружки и бутылки. Изъ послѣдняго видно, что мертвецъ сильно страдалъ отъ жажды. Страшно только то, что домъ консула, въ которомъ мы жили, былъ пощаженъ бруколакомъ. Этотъ фактъ доказываетъ только печальное состояніе умственнаго развитія островитянъ. Воображеніе было у всѣхъ и каждаго болѣзненно, разстроено; цѣлыя семейства оставляли свои дома и уносили постели на край города, для ночлега. Каждый жаловался на новыя мученія. Наступленіе каждой ночи встрѣчаемо было всеобщимъ плачемъ; даже люди благоразумные бѣжали изъ своихъ домовъ. О всеобщемъ предразсудкѣ я рѣшился не говорить ни слова, и этимъ избѣжалъ опасности быть признаннымъ за невѣрующаго, а также ѣдкихъ насмѣшекъ. Свое поведеніе я оправдываю тѣмъ, что невозможно же было въ самомъ дѣлѣ объяснить всему народу его заблужденіе. Думавшіе, что я сомнѣвался въ истинности разсказываемаго факта, приходили ко мнѣ и разубѣждали меня въ моемъ невѣріи. Они думали увѣрить меня, что умершій бруколакъ, свидѣтельствомъ мясника и миссіонера И. Рихарда, Іезуитъ. «Это католикъ, говорили они, слѣдовательно вы должны вѣрить ему». Меня бы постоянно безпокоили, если бы я отвергъ и это столь убѣдительное доказательство. Въ каждое наступавшее утро повторялась та же комедія: насъ угощали разсказами о новыхъ продѣлкахъ, въ которыхъ упражнялся мертвецъ, и жаловались на его беззаконія.

Болѣе заботливые думали, что для полной безопас-

ности не исполнена существеннѣйшая часть обряда. По ихъ мнѣнію слѣдовало совершить обѣдню послѣ того, какъ вынуто было сердце у несчастнаго. Только этою мѣрою предосторожности, думали они, діаволъ непремѣнно былъ бы изгнанъ, и, безъ сомнѣнія, не воротился бы опять въ трупъ. А такъ какъ литургіею началась церемонія, то діаволъ имѣлъ довольно времени удалиться и потомъ опять воротиться въ тѣло умершаго.

Не смотря на эти сужденія, дѣло, очевидно, нисколько не улучшилось. Собирались по утрамъ и вечерамъ, спорили, совершали процессіи въ теченіе трехъ дней и трехъ ночей; священники заставляли поститься; дома и двери кропили св. водою и наливали ее въ уста бѣднаго бруколака. Бывавши часто въ городскомъ приказѣ, я всегда настаивалъ на томъ, что въ благоустроенныхъ государствахъ въ подобныхъ случаяхъ приказываютъ ночной стражѣ строго наблюдать за всѣмъ, что происходитъ въ городѣ. Совѣту моему наконецъ послѣдовали, и въ первую же ночь поймали нѣсколькихъ бродягъ, которые, очевидно, принимали участіе въ ночныхъ безпорядкахъ. Чрезъ два дня бродяги, когда ихъ выпустили изъ тюрьмы, опять возобновили свои продѣлки въ награду за страданіе въ тюрьмѣ: опустошали кружки съ виномъ въ домахъ, оставленныхъ на ночь. Граждане опять прибѣгали къ молитвѣ.

Однажды послѣ совершенія молитвы вбили нѣсколько сабель въ могилу умершаго, котораго въ тотъ день, по просьбѣ родственниковъ, выкапывали около трехъ или четырехъ разъ. Бывшій въ это время на островѣ Албанецъ доказывалъ, что въ подобныхъ случаяхъ очень нелѣпо со стороны христіанъ употреблять сабли. «Вы не видите, вы слѣпы! говорилъ онъ, что сабли въ точкѣ соприкосновенія образуютъ форму креста, и тѣмъ самымъ препятствуютъ діаволу выйдти изъ трупа». Предложеніе просвѣтителя не имѣло однако успѣха. Бруколакъ нисколько не исправлялся, и потому всѣ были въ страшномъ смятеніи, не знали, какъ избавиться отъ него, какъ вдругъ, какъ будто сговорившись, рѣшили сжечь бруколака. Это, конечно, лучше, чѣмъ оставлять островъ, какъ нѣкоторые думали; въ самомъ дѣлѣ, многія семейства собрали свои пожитки съ намѣреніемъ отправиться на островъ Сиру или Тину въ Греческомъ Архипелагѣ.

По приказанію городскаго приказа тѣло умершаго перенесено было на вершину острова св. Георга, гдѣ приготовленъ былъ большой костеръ изъ сосновыхъ дровъ съ тѣмъ, чтобы трупъ сгоралъ медленно. Остатки этого несчастнаго въ короткое время были пожраны пламенемъ. Это было 1-го Января 1701 г. Послѣ этого перестали жаловаться на бруколака, говорили, что діаволъ ловко обманутъ, пѣли пѣсни и ругались надъ діаволомъ.

Весь Архипелагъ держался того мнѣнія, что толь-

ко мертвецовъ-Грековъ можетъ оживлять діаволъ. Жители острова Санторино весьма боялись такихъ привидѣній. Жители острова Мико послѣ того, какъ ихъ мечты разсѣялись, боялись преслѣдованія Турокъ и Тинскаго Епископа столько же, сколько и бруколака. Дѣло въ томъ, что на островъ св. Георга они не пригласили ни одного священника, когда сожигали трупъ, изъ опасенія, что Епископъ потребуетъ деньги за то, что они безъ его позволенія выкопали и сожгли трупъ; что касается Турокъ, то они при первомъ своемъ нападеніи страшно ограбили островъ и такимъ образомъ кровь невиннаго крестьянина была вполнѣ отмщена.—Не смотря на все это, Греки не суевѣрнѣе и не невѣжественнѣе другихъ народовъ. — Этого достаточно для нашей цѣли изъ разсказа г. Фонъ Турнефора.

ГЛАВА X.

Различныя системы для объясненій явленія вампировъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что появилось много системъ для объясненія явленій вампировъ послѣ того, какъ эти явленія произвели въ мірѣ такое глубокое впечатлѣніе.

Одни думали, что случайное возстаніе возможно или при посредствѣ души умершаго, возвращающейся въ тѣло, или при помощи діавола, сообщающаго на время данному тѣлу движеніе и жизнь, когда кровь сохраняетъ еще свою упругость и текучесть, и органы еще не совершенно разрушились.

Другіе, обращавшіе вниманіе на произшедшія отъ этихъ явленій послѣдствія, думали, что вампиры — не дѣйствительно умершіе, что въ нихъ таится пока жизненная сила, а душа по временамъ сообщаетъ имъ силу подыматься изъ гробовъ и являться людямъ, что они для подкрѣпленія себя принимали пищу, высасывая кровь у своихъ родственниковъ.

Не такъ давно въ Парижѣ издана была одна книга—сочиненіе профессора Парижскаго Медицинскаго Факультета Винслу (Winslow), дополненная Докторомъ Медицины Бругеромъ: «Неизвѣстность признаковъ смерти ввредъ отъ поспѣшныхъ похоронъ». Въ этомъ сочиненіи можно остановиться на замѣчаніи, что многія лица, признанныя умершими и погребенныя, еще долго жили, когда имъ во время подавали помощь.

Въ Апрѣлѣ 1740 г., профессоръ Винслу защищалъ тезисъ, что эксперименты хирургіи болѣе всѣхъ другихъ способствуютъ открытію малоизвѣстныхъ признаковъ сомнительной смерти. Далѣе есть много случаевъ, говоритъ Винслу, когда признаки смерти бываютъ очень сомнительны, и указываетъ при этомъ на лица, которыя признаны умершими и погребены, но, потомъ спасенные, еще долго жили.

Докторъ Бругеръ дополнилъ этотъ тезисъ учеными замѣчаніями, еще болѣе доказывающими мнѣніе Винслу. Мы воспользуемся только годнымъ для нашей цѣли и докажемъ достовѣрными фактами (1).

(1) Докторъ Гербертъ Майо (Mayo) въ сочиненіи: „Истины въ народномъ суевѣріи—въ письмахъ" объясняетъ вампиризмъ мнимою смертію и смертельнымъ обморокомъ (Trance) Для обозначенія прекращенія жизненной дѣятельности онъ употребляетъ выраженія: смертельный обморокъ, смертельное изступленіе, или экстазъ Въ указанномъ сочиненіи Майо трактуетъ (письма V. VI, VII. VIII) объ экстазѣ и его

Іоаннъ Дунсъ Скоттъ, прозванный: Doctor subtilis, имѣвъ несчастіе быть заживо погребеннымъ въ Кёльнѣ. Спустя нѣсколько времени, открывъ гробъ его, увидѣли, что онъ изгрызъ свои руки. Равнымъ

различныхъ формахъ Онъ различаетъ экстатическій сонъ и экстатическое бодрствованіе. Экстазъ, выражающій вообще не нормальное отношеніе между духомъ и нервною системою, имѣетъ, по замѣчанію Майо (стр. 100), свои фазы или степени, соотвѣтствующія нормальному бодрствованію въ естественномъ состояніи. Натуральный сонъ раздѣляется на три вида: —глубокій, тяжелый сонъ сильнаго изнуренія; обыкновенный, здоровый, глубокій сонъ, и легкій, тихій сонъ здороваго и больнаго: точно также и экстатическій сонъ троякій: смертельный экстазъ, продолжительный экстазъ, и начинающійся, или начальный экстазъ. Но когда въ экстазѣ всѣ элементы достигаютъ огромныхъ размѣровъ, то различія трехъ степеней экстатическаго сна и свойственные каждому изъ этихъ различій феномены увеличиваются и неизмѣримо усиливаются Майо различіе между мнимою и экстатическою смертію объясняетъ такъ (стр. 37): „во многихъ случаяхъ мнимой смерти дѣйствія извѣстныхъ смертоносныхъ вліяній ведутъ борьбу съ жизненнымъ принципомъ потому, что послѣдній противодѣйствуетъ напору и силѣ первыхъ,—чего не бываетъ въ смертельномъ экстазѣ или обморокѣ. Смертельный экстазъ или смертельное изступленіе есть положительное состояніе —періодъ покоя, продолженіе котораго можетъ быть иногда напередъ опредѣлено, хотя и неполнѣе. Такъ иногда паціентъ внезапно пробуждается и совершенно выздоравливаетъ: часто представляетъ собою неподвижную машину, то приходитъ въ дѣйствіе опять. Базисъ смертельнаго обморока или экстаза есть прекращеніе біенія сердца, дыхательныхъ функцій и произвольныхъ движеній;

образомъ Императоръ Зенонъ былъ изъятъ изъ гроба уже тогда, когда стражи услышали нѣсколько разъ внятно повторенный голосъ. Ланцизи, знаменитый врачъ Климента XI (папы), говоритъ, какъ очеви-

---

чувство, разсудокъ и растительныя функціи организма обыкновенно прекращаютъ свою дѣятельность. Съ этими явленіями тѣсно связано и прекращеніе тѣлесной теплоты". На стр. 102 онъ описываетъ это такъ: смертельный экстазъ есть отобразъ смерти. Сердечная дѣятельность оканчивается, дыханіе прекращается: всѣ признаки продолжающейся чувствительности и сознанія исчезаютъ, температура тѣла понижается. Эластическій индивидуумъ совершенно похожъ на безжизненный трупъ; суставы не подвижны, все тѣло гибко и искривлено: къ этому иногда присоединяется еще и судорожное оцѣпенѣніе. Единственное средство узнать, продолжается ли жизнь — это ожидать исхода. Тѣло нужно положить въ умѣренно теплой комнатѣ, и ускорить разложеніе, если настала смерть тѣла, или удержать жизненную искру, если она еще въ тѣлѣ: — при этомъ необходимо караулить тѣло постоянно. Подобные примѣры о смертельномъ обморокѣ приведены Д-ромъ Гербертомъ Майо на стр. 38 и слѣд., а также примѣры видѣній въ этомъ состояніи на стр. 103 и 104-й, и его дальнѣйшія замѣчанія о мѣрахъ къ отвращенію поспѣшныхъ похоронъ на стр. 45 и 46 й. Онъ говоритъ здѣсь слѣдующее: „очень часто смертельный обморокъ постигаетъ въ внезапныхъ и необъяснимыхъ смертныхъ случаяхъ, подаетъ поводъ къ печали родныхъ и друзей, — и въ то же время непомѣрная ревность родныхъ очень легко способствуетъ поспѣшному анатомированію (sektion).

Если тѣло не пробудится и при этомъ послѣднемъ счастливомъ способѣ, то изъ этого нисколько еще не слѣдуетъ,

децъ, что въ то время, какъ онъ писалъ, было еще въ живыхъ одно знаменитое лице, которое ожило уже въ то время, какъ отпѣвали панихиду.

что искра жизни въ немъ совершенно угасла. Эта мысль слишкомъ грустна; но изъ нея вытекаетъ необходимость дозволить нескроскопическія изслѣдованія, если есть несомнѣнныя доказательства—для того, что жизнь совершенно угасла,—т. е. для предписаній, которыя должны быть вездѣ соблюдаемы, а также для того, чтобы представить строгую оцѣнку изслѣдованій трупа. Великая практическая важность вопроса состоитъ въ томъ, какъ узнать, что въ тѣлѣ прекратилась жизнь? Полное отсутствіе обыкновенныхъ признаковъ жизни недостаточно для доказательства того, что жизнь прекратилась. Тѣло можетъ совершенно охладѣть: пульсъ — прекратить свое біеніе; дыханіе — остановиться; всѣ движенія—прекратиться; члены, вслѣдствіе судороги, могутъ окоченѣть; сжимательныя мышцы — лишиться своей эластичности; кровь при вскрытіи вены можетъ и не течь; глаза — сдѣлаться стеклообразными, можетъ настать частная (partielle) мертвенность (mortification), вслѣдствіе которой слышится запахъ мертвеца и, не смотря на все это, тѣло можетъ жить. При настоящемъ состояніи науки единственное средство —узнать, что жизнь дѣйствительно и совершенно прекратилась — это дождаться химическаго разложенія, которое обнаруживается въ перемѣнѣ краски, въ синевѣ и зеленоватости на полости брюха и переднихъ частей шеи и въ одновременномъ труповомъ запахѣ.

Чтобы перейти отъ этихъ замѣчаній къ вампиризму. Д-ръ Гербертъ Майо объясняетъ его съ одной стороны обморокомъ, который признанъ у него эпидемическимъ въ извѣстныя времена и въ извѣстныхъ мѣстностяхъ (напр. 47 и слѣд. стр.), съ другой стороны—психическимъ фактомъ, и при-

Петръ Закхій (Zacchias), другой знаменитый Римскій врачъ, говоритъ: въ Свято-Духовскомъ госпиталѣ заболѣвшій отъ холеры юноша такъ ослабѣлъ, что его сочли мертвымъ. Когда же этого мнимаго мертвеца вмѣстѣ съ другими несли къ р. Тибру, онъ началъ обнаруживать признаки жизни; его возвра-

---

томъ въ связи съ смертельнымъ экстазомъ. Онъ старается доказать, что духъ или душа одного человѣка по естественному теченію вещей и по извѣстнымъ физіологическимъ законамъ входитъ въ непосредственную связь съ духомъ другаго индивидуума живаго. Въ отношеніи къ извѣстнымъ духовнымъ признакамъ (стр 79) смерти. — вслѣдствіе которыхъ, напр., умершій увѣдомляетъ друга о своей кончинѣ. — мы можемъ принять, что кончина одного человѣка чрезъ спиритуальный (spirituelle) міръ отражается лучи свѣта на одинъ пассивно расположенный индивидуумъ, или одновременно на два индивидуума, если только они въ прямомъ отношеніи другъ другу, подобно тому, какъ двѣ башни церкви мгновенно освѣщаются молніей, которая въ то же время нисколько не освѣщаетъ темноты сводовъ, лежащихъ подъ башнями Этотъ принципъ годится и для объясненія посѣщеній вампировъ. Душа погребеннаго человѣка вступаетъ въ общеніе, какъ мы должны принять, съ духомъ своего друга, а послѣ этого на явленіе умершаго нужно смотрѣть, какъ на обманъ чувствъ. Можетъ быть посѣщеніе умершаго есть инстинктивное стремленіе его обратить вниманіе на продолжающуюся его жизнь во гробѣ. Съ этой точки зрѣнія не суевѣріемъ, но осмотрительностью было бы, если бы каждый, кому являются во снѣ умершіе его знакомые, поспѣшилъ изслѣдовать состояніе умершаго во гробѣ. Таковъ взглядъ Доктора Герберта Майо.

Примѣч. Нѣмецкаго переводч.

тили въ госпиталь, гдѣ онъ и выздоровѣлъ. Спустя нѣсколько дней онъ опять такъ ослабѣлъ, что никто уже не сомнѣвался въ его смерти. На этотъ разъ его положили вмѣстѣ съ другими, назначенными для погребенія. Онъ и въ этотъ разъ ожилъ,— и жилъ еще и во время Закхія, по словамъ послѣдняго.

Разсказываютъ, что 40-лѣтній Вилліамъ Фокслей (1), усшувшій 17 Апрѣля 1546 года, проспалъ, безъ всякой болѣзни, 14 сутокъ. Онъ думалъ, что онъ спалъ одну только ночь, и только тогда убѣдился, что дѣйствительно долго спалъ, когда ему указали на строеніе, которое начали строить предъ его сномъ, и которое было уже окончено по его пробужденіи. Говорятъ также, что во время Григорія II-го ученикъ въ Любекѣ проспалъ семь лѣтъ сряду. Лилій Гиральдъ (2) говоритъ, что одинъ крестьянинъ проспалъ всю осень и зиму (3).

---

(1) Larrei dans Henri VIII, roi d'Angleterre p. 536.

(2) Lilius Giraldus, hist. Poet. Dial. 8.

(3) При настоящемъ состояніи науки причины такого продолжительнаго сна, какъ семилѣтній, совершенно не объяснимы. Но того, что продолжительный сонъ возможенъ, нельзя отвергать.

Примѣч. переводч.

ГЛАВА VI.

Заживо погребенные и утонувшіе, признанные мертвыми,—которые опять ожили.

Плутархъ говоритъ: «съ высоты упалъ человѣкъ, котораго по тому сочли мертвымъ, не смотря на то, что въ немъ не видно было никакихъ поврежденій. По истеченіи трехъ дней его хотѣли похоронить, но онъ ожилъ». Асклепіадъ (1), встрѣтившись съ большою погребальною процессіей, просилъ позволить ему посмотрѣть умершаго, и, прикоснувшись къ нему, замѣтилъ въ немъ еще признаки жизни, возвратилъ ему жизнь при пособіи лекарствъ и передалъ его родителямъ.

Есть много разсказовъ о многихъ лицахъ, которыя были погребены, но опять возвратились къ жизни, и долго жили въ добромъ здоровьи. Мы укажемъ нѣсколько примѣровъ. Такъ: Въ Орлеанѣ (2) умерла и погребена женщина съ кольцомъ на пальцѣ, ко-

(1) Cels. lib. 2. c. 6 (2) Le P. le clerc. Ci-devant Principal du Collège de Louis le Grand.

торое напрасно старались снять. Въ слѣдующую ночь служитель, разсчитывая на барышъ, отправился на кладбище, разрылъ яму, открылъ гробъ, и, не могши снять кольца, хотѣлъ отрубить палецъ. Мнимо умершая громко закричала; служитель, страшно испуганный крикомъ, бросился бѣжать, а она поднялась изъ гроба, возвратилась въ домъ, и долго жила послѣ этого съ своимъ мужемъ.

Бенардъ, магистръ хирургіи въ Парижѣ, говоритъ, что когда онъ былъ съ своимъ отцемъ на церковномъ кладбищѣ, вынули изъ гроба монаха францисканца, за три или за четыре дня предъ этимъ погребеннаго: связка, которою перевязаны были руки, изгрызена,—и монахъ скончался въ то самое мгновеніе, какъ вдохнулъ въ себя воздухъ.

Многимъ извѣстна исторія жены одного совѣтника въ Кельнѣ, погребенной въ 1571 году съ дорогимъ кольцомъ на рукѣ (1). Въ слѣдующую ночь гробокопатель открылъ гробъ съ намѣреніемъ украсть кольцо; но умершая схватила его за руку и заставила его вытащить ее изъ могилы. Воръ постарался высвободиться изъ ея рукъ и бросился бѣжать. Ожившая постучала въ дверь своего дома. Принявъ ее за привидѣніе, ее заставили долго стоять на холодѣ у двери; наконецъ отперли дверь, ввели ожив-

(1) Mission. voyage d'italie. t. 1 lettre 5.—Goulart, des hist. admirables et memorables, imprimé a Geneve en 1678 г.

шую въ домъ и согрѣли; послѣ этого она выздоровѣла, долго жила и родила трехъ сыновей, которые посвятили себя на служеніе церкви. Этотъ фактъ изображенъ на картинѣ надгробія жены и описанъ нѣмецкими стихами.

Во время жестокой моровой язвы въ Дижонѣ, въ 1558 г., одну женщину, по прозванію Лентильс, сочли умершею отъ язвы и бросили въ большую яму, въ которой погребены были и другіе умершіе. Въ слѣдующій послѣ погребенія день, Лентильс (Lentillet) ожила и сдѣлала нѣсколько попытокъ выйдти изъ ямы, но труды были напрасны, ея слабость и тяжесть другихъ тѣлъ, взваленныхъ на нее, препятствовали ей достигнуть желаемаго. Такъ пролежала она четыре дня на этой страшной постели. Наконецъ гробокопатели вытащили ее изъ ямы и возвратили въ домъ, гдѣ она совершенно выздоровѣла.

Дѣвушка изъ Аухсбурга такъ ослабѣла, что ее сочли умершею (1) и потому похоронили въ глубокомъ подвалѣ, входъ въ который былъ заложенъ кирпичемъ, но не засыпанъ землею. По истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, когда одинъ изъ родственниковъ этой дѣвушки умеръ, открыли пещеру и у входа въ нее увидѣли лежащее тѣло дѣвушки, весьма крѣпкое и неповрежденное, только безъ пальцевъ на правой рукѣ, изгрызенныхъ въ отчаяніи.

(1) Graffe. Epitre a Guil. Fabri. Centure 2. observ. Chirurg. 516.

15 Іюля 1688 г. въ Мецѣ скончался парикмахеръ отъ удара, послѣдовавшаго въ вечеру; 18-го того же мѣсяца послышался крикъ умершаго; 19-го повторился крикъ нѣсколько разъ; вслѣдствіе этого открыли гробъ, и врачи и хирурги изслѣдовали трупъ. Врачи объяснили, что за два часа до этого умершій былъ еще живъ. Этотъ фактъ заимствованъ изъ манускрипта современника, Мецкаго гражданина (1).

Теперь мы приведемъ примѣры утопшихъ, казавшихся совершенно мертвыми, но потомъ ожившихъ.

Пеклинъ разсказываетъ фактъ, случившійся въ Тронингальмѣ (Troninghalm) въ Швеціи, съ садовникомъ, который жилъ еще во время Пеклина, и, какъ послѣдній писалъ, имѣлъ отъ роду 56 лѣтъ. Этотъ садовникъ, стоя на льду, хотѣлъ подать помощь упавшему въ воду, но ледъ проломился подъ нимъ, и онъ стремглавъ полетѣлъ подъ ледъ и увязъ въ грязи ногами на два аршина подъ водою. Въ такомъ положеніи пробылъ онъ въ водѣ 16 часовъ и лишился чувствъ, только звонъ колоколовъ въ Стокгольмѣ и вода, проникавшая въ его тѣло не только чрезъ ротъ, но и чрезъ уши, напоминали ему о жизни. По истеченіи 16 часовъ его наконецъ нашли и вытащили киркой изъ воды, завернули въ сукно, по-

(1) Guill. Derham Extrait. Peclin. c. X. de Aëre et alim.

ложили при огнѣ и натирали до тѣхъ поръ, пока онъ не ожилъ. Король и королева пріѣзжали посмотрѣть его, говорили въ нимъ и назначили ему годовое жалованье.

Въ этой же странѣ женщина, пробывъ три дня въ водѣ, точно такимъ же образомъ, какъ и садовникъ, была спасена отъ смерти. Утонувшій 17-лѣтній юноша вытащенъ изъ воды по истеченіи семи недѣль, согрѣтъ и возвращенъ къ жизни.

Г. д'Егли (d'Egly), членъ королевской академіи надписей и изящныхъ наукъ въ Парижѣ, говоритъ, что Швейцарецъ, искусный водолазъ, отправился на рыбную ловлю и утонулъ въ рѣкѣ, гдѣ и пробылъ около девяти часовъ. Наконецъ его вытащили изъ воды киркой, которою ранили его неосторожно въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Г. д'Егли, замѣтивъ, что изъ устъ утопшаго льется теплая еще вода, сказалъ, что водолазъ еще живъ. Около $^3/_4$ часа лилась изъ него вода. Когда истеченіе воды кончилось, мнимо-умершаго покрыли теплымъ холстомъ, положили въ постель, открыли кровь и такимъ образомъ спасли отъ смерти.

И много есть другихъ разсказовъ объ утопшихъ, и долгое время лежавшихъ въ водѣ, но потомъ ожившихъ и совершенно выздоровѣвшихъ. Во второй части упомянутаго уже сочиненія Д-ра Бругера, авторъ упоминаетъ о лицахъ, изъ которыхъ одни про-

были въ водѣ 48 часовъ, другія три дня, а нѣкоторыя восемь дней. Здѣсь же онъ говоритъ о водяныхъ насѣкомыхъ, которыя въ теченіи всей зимы находятся въ водѣ и въ илѣ, не обнаруживая ни малѣйшихъ признаковъ жизни; тоже говоритъ онъ о лягушкахъ и жабахъ. Муравьи подвергаются на зиму смертельному состоянію, которое кончается съ началомъ весны. Ласточки сѣверныхъ странъ на зиму часто скрываются въ озерахъ, прудахъ, рѣкахъ, моряхъ, въ пескѣ и дуплахъ деревьевъ и стѣнъ, тогда какъ другія ласточки летаютъ надъ моремъ, чтобы отыскать болѣе теплый климатъ.

Тоже случалось съ ласточками въ Богеміи, Польшѣ и Силезіи, гдѣ также часто ловили и мертвыхъ базановъ, которыхъ было очень много около Женевы и Меца въ 1467 г.

Здѣсь также можно упомянуть о перепелахъ и дятлахъ, воробьи и кукушки, во время зимы въ древесныхъ дуплахъ окоченѣлыя и безжизненныя, къ веснѣ согрѣваются и начинаютъ летать. Извѣстно, что ёжь, сурокъ, сонная бѣлка и змѣя въ теченіи зимы лежатъ бездыханно подъ землею; самое обращеніе крови у нихъ слишкомъ слабо. Говорятъ также, что медвѣдь почти всю зиму спитъ.

Опытные врачи утверждаютъ (1), что женщина въ

(1) Le Clerc, hist. de la Médecine.

родахъ можетъ пролежать бездыханною 30 дней, не смотря на то, что въ ней еще таится искра жизни. Я зналъ одну почтенную даму, которая въ продолженіи 36 часовъ не обнаруживала никакихъ признаковъ жизни. Все доказывало, что она умерла, и ее хотѣли погребать; только мужъ не согласился. По истеченіи 36 часовъ она пробудилась и долго еще жила. Послѣ она разсказывала, что она слышала все, что говорили о ней; знала даже, что ее хотѣли погребать; но такъ была слаба, что не могла ничего сказать, и безпрекословно подчинялась тому, что съ ней дѣлали.

Корнелій (Corneille) ле Брюнъ (le Bruyn) въ своихъ путевыхъ запискахъ говоритъ (1), что въ Даміеттѣ, въ Египтѣ, онъ видѣлъ турка, называемаго «мертвымъ ребенкомъ» потому, что его мать, будучи беременна имъ, такъ сильно ослабѣла, что ее сочли мертвою, и, по тамошнему обычаю, по которому мертвыхъ погребаютъ сейчасъ же послѣ ихъ смерти, весьма скоро положили ее въ пещерѣ —фамильной гробницѣ турка.

Вечеромъ, спустя нѣсколько часовъ послѣ погребенія жены, мужъ ея припомнилъ, что жена его умерла беременною, и что дитя можетъ быть еще живо, и открылъ гробъ, гдѣ онъ увидѣлъ мертвую жену и живаго ребенка, которымъ умершая разрѣшилась.

(1) Corneille le Bruyn. t. 1. p. 579.

Нѣкоторые сказывали, будто слышали даже крикъ ребенка, что побудило отца раскопать могилу. Этотъ «мертвый ребенокъ» жилъ еще въ 1677 г. Ле Брюнъ думаетъ, что мать уже мертвая родила ребенка. Но будучи мертвою она не могла разрѣшиться отъ бремени. Нужно только припомнить, что въ Египтѣ жены, по свидѣтельству древнихъ и новыхъ, весьма легко раждаютъ, а эта женщина, бывъ положена въ пещерѣ, не была засыпана землею.

Въ Страсбургѣ мнимо-умершая беременная женщина была положена въ подвалѣ. Спустя нѣсколько времени, открывъ гробъ, чтобы положить другой трупъ, увидѣли, что беременная лежала на землѣ подлѣ гроба и держала въ рукахъ рожденнаго ею молодаго ребенка, ручки котораго были во рту матери, которая, какъ видно, хотѣла изгрызть ихъ.

Въ Испаніи жена Франца Ареваля Суассе (Suasse (1), впавшая въ смертельный обморокъ въ послѣдніе дни своей беременности, была предана землѣ подъ церковью; подозрѣвая жизнь въ умершей женѣ, мужъ просилъ раскопать могилу, и едва открыли могилу, какъ раздался крикъ ребенка, который старался вырваться изъ материнскихъ нѣдръ; онъ былъ извлеченъ оттуда и долго жилъ подъ именемъ дитяти земли. Впослѣдствіи онъ былъ Статпальтеромъ провинціи Хереса, на границѣ Испаніи.

(1) Saspard Reies, campus Elysius jucund.

Можно привести было бы безчисленное множество примѣровъ заживо погребенныхъ, или ожившихъ въ то время, какъ ихъ хотѣли погребать, или ожившихъ во гробѣ и случайно высвободившихся изъ него.

Въ этомъ отношеніи можно рекомендовать сочиненіе Винслу и Бругера, а также другихъ писателей, спеціалистовъ поэтому предмету (1). Эти врачи изъ всѣхъ фактовъ вывели весьма умное заключеніе: «нужно погребать умершихъ въ такомъ только случаѣ, когда объ ихъ смерти мы имѣемъ самыя основательныя доказательства. Это особенно нужно соблюдать во время эпидеміи и такихъ болѣзней, которыя внезапно отнимаютъ у человѣка движенія и чувства».

Изъ приведенныхъ примѣровъ можно также заключить, что вампиры въ Венгріи, Моравіи, Польшѣ и другихъ мѣстахъ не дѣйствительно умершіе; они жили во гробахъ, но безъ движенія и чувствъ, ихъ свѣжая и красная кровь, мягкость членовъ, крикъ, издаваемый ими въ то время, когда пробивали имъ голову или сердце, все это доказываетъ, что они были еще живы.

Впрочемъ не въ этомъ главная трудность, занимающая насъ, а въ томъ, какимъ образомъ вампиры подымаются изъ гробовъ своихъ, и какъ возвращаются назадъ не замѣтно для другихъ, какъ разрываютъ

(1) Pag 167 des additions de Brubier.

землю и открываютъ свои гроба, какимъ образомъ являются въ своихъ платьяхъ, какъ видятъ, ходятъ и ѣдятъ? Почему они возвращаются въ свои гроба? Если возвращаются въ свои могилы, то какъ засыпаютъ ихъ землею такъ искусно, что нельзя потомъ замѣтить и признаковъ ихъ выхода изъ гробовъ? Почему вампиры не остаются съ живыми? Почему они сосутъ кровь у своихъ родственниковъ? Зачѣмъ мучатъ и безпокоятъ дорогихъ сердцу ихъ лицъ, тѣмъ болѣе, что эти лица ничѣмъ не оскорбили ихъ? Не есть ли это только фантазія тѣхъ, которые безпокоились о своихъ родственникахъ умершихъ? Почему они опять не являются и никого не безпокоятъ болѣе, когда ихъ сожгутъ? Успокоивается ли воображеніе живыхъ суевѣровъ послѣ этихъ экзекуцій? Какъ объяснить, что эти сцены такъ часто повторялись въ Венгріи, Моравіи и другихъ странахъ, что это суевѣріе не ослаблялось, а съ каждымъ днемъ увеличивалось и усиливалось, какъ доказано?

ГЛАВА XII.

Мертвыя, хрюкавшіе во гробахъ какъ свиньи и грызшіе свое тѣло.

Въ Германіи весьма распространено было мнѣніе, что нѣкоторые мертвецы хрюкаютъ во гробахъ какъ свиньи, и ѣдятъ все, что имъ попадалось въ ротъ.

Нѣмецкій писатель Михаилъ Роффъ (Rauff) написалъ (1) сочиненіе подъ заглавіемъ: «De masticatione mortuorum in tumulis». Принимая за несомнѣнно вѣрный фактъ, что нѣкоторые мертвецы во гробахъ ѣдятъ холстъ, и все прочее, и даже собственное тѣло, онъ замѣчаетъ (2), что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи мертвецамъ во гробахъ кладутъ въ ротъ мѣдную монетку и камень, или земляныя глыби подъ бороду, а также завязываютъ ротъ, чтобы воспрепятствовать хрюканью. Авторъ ссылается на многихъ Нѣмецкихъ писателей, упоминавшихъ объ этомъ смѣшномъ обычаѣ, а также указываетъ на та-

(1) Mich. Rauff, aetera Dissert. art. 57. p. 98. 99. et art. 59. p. 100. (2) Die numonis in ore defunctorum repertis art. IX. a Beyermuller, etc.

кихъ, которые говорили объ умершихъ, которые, будто, ѣли свое тѣло во гробахъ. Это сочиненіе появилось въ Лейпцигѣ въ 1728 г. Авторъ этого сочиненія упоминаетъ о Филиппѣ Реріѣ (Rebrius), который будто написалъ въ 1679 г. сочиненіе подъ тѣмъ же заглавіемъ: «Demasticatione mortuorum».

Онъ могъ бы привесть здѣсь еще разсказъ о заживо погребенномъ графѣ Генрихѣ Сальмѣ (1). Въ слѣдующую послѣ погребенія ночь, въ Монастырской церкви, въ которой графъ былъ погребенъ, послышался громкій крикъ, и когда открыли гробъ, то нашли графа лежащимъ ницъ лицемъ во гробѣ.

За нѣсколько до этого лѣтъ въ Барледукѣ (Barled uc) погребенный, оживъ во гробѣ, началъ просить о помощи, и когда на другой день открыли могилу, то просившій помощи оказался мертвымъ, но изгрызенная имъ рука доказывала, что онъ умеръ во гробѣ. Этотъ фактъ разсказанъ очевидцами. Погребенный былъ, какъ говорится, только мертвецки пьянъ, но недѣйствительно умершій. Роффъ упоминаетъ объ одной женщинѣ въ Богеміи (2), съѣвшей половину своего покрывала во гробѣ въ 1345 г. Во время Лютера заживо погребенная и заживо погребенный съѣли свои кишки.

Всѣ разсказы о томъ, что мертвые, какъ свиньи, хрюкаютъ во гробахъ и ѣдятъ, не болѣе, какъ пустыя басни, основанныя на нелѣпыхъ предразсудкахъ и суевѣріяхъ.

(1) Richer. scnon. tom. 3. spicilg Dacherii p. 392.
(2) Rauff, art. 42 p. 43.

ГЛАВА XIII.

Вампиръ въ Венгріи.

Роффъ приводитъ замѣчательнѣйшій примѣръ (1) о Петрѣ Плогойовитѣ (Plogojowit), жителѣ Венгерской деревни Кизаловы. Петръ въ теченіе 14 дней послѣ погребенія являлся во снѣ нѣкоторымъ жителямъ деревни, и такъ сильно душилъ ихъ, что они отъ этого скончались въ 24 часа. Въ продолженіе 8 дней онъ отнялъ жизнь у 9-ти человѣкъ.

Вдова Плогойовита разсказывала, будто къ ней явился умершій мужъ и требовалъ своей обуви, и этимъ такъ напугалъ ее, что она рѣшилась оставить Кизаловъ.

Эти обстоятельства побудили жителей Кизалова вырыть и сжечь трупъ Петра, чтобы избавиться отъ мученій. Прежде однакожъ они обратились съ просьбою о разрѣшеніи вырыть трупъ Петра Плогойовиты къ Королевскому Штаттгальтеру въ Градишѣ, что въ Венгріи, и къ приходскому священнику. Но какъ

(1) Rauff, art. 12. p. 13.

тотъ, такъ и другой отказали просителямъ; послѣдніе объяснили отказъ по своему: «если, разсуждали они, намъ не позволяютъ вырыть трупъ этого человѣка, то, значитъ, онъ вампиръ, и намъ приходится оставить деревню.

Видя, что жителей не могутъ остановить ни увѣщанія, ни угрозы, Штаттгальтеръ самъ явился изъ Градиша и вмѣстѣ съ священникомъ присутствовалъ при выкапываніи трупа. Когда открыли гробъ, то тѣло оказалось цѣло и неповрежденно, только оконечность носа нѣсколько высохла, отъ тѣла вовсе не было дурнаго запаха, и умершій скорѣе походилъ на спящаго, чѣмъ на мертвеца; борода и волосы выросли; вмѣсто отпавшихъ ногтей выросли новые, подъ мертвою, блѣдною кожей явилась другая, свѣжая, какъ у живаго, руки и ноги были совершенно здоровы. На устахъ замѣтна была свѣжая кровь, которую этотъ вампиръ, по суевѣрному убѣжденію народа, сосалъ у умерщвленныхъ имъ.

Штаттгальтеръ и священникъ строго изслѣдовали дѣло, и когда присутствовавшій при этомъ народъ страшно волновался и доказывалъ, что Петръ былъ виновникомъ смерти ихъ сосѣдей, не осмѣлились отказать желанію народа пробить грудь мертвеца коломъ; изъ раны полилась свѣжая, чистая кровь, а также изо рта и носа. Крестьяне бросили трупъ на костеръ и превратили въ золу.

Роффъ (1), у котораго мы заимствуемъ эти разска-

(1) Rauff, art. 11, p. 14.

зы, цитуетъ многихъ писателей, изучавшихъ этотъ предметъ, и приводитъ разсказы объ умершихъ, которые будто ѣли во гробахъ. Особенно онъ цитуетъ Гавріила Рзакзинноки (Rsacsinocki).

Всѣ писавшіе объ этомъ объясняли эти явленія различно. Одни считали ихъ чудомъ; другіе смотрѣли на нихъ, какъ на произведенія фантазіи и суевѣрія; третьи признавали ихъ за простыя и естественныя явленія на томъ основаніи, что вампиры не были мертвые и естественнымъ образомъ вліяли на другія тѣла. Четвертые считали все это дѣйствіемъ діавола. Изъ числа послѣднихъ нѣкоторые утверждали (1), что не мертвые ѣдятъ свое тѣло или платье, а змѣи, ужи, кроты, рыси и другія кровожадныя и прожорливыя животныя, а также извѣстные у язычниковъ стрижи (2), т. е. птицы, которыя ѣдятъ животныхъ и людей и сосутъ у нихъ кровь. Нѣкоторые наконецъ думали, что это бываетъ главнымъ образомъ съ женщинами особенно во время моровой язвы. Между тѣмъ вампиры—обоего пола и преимущественно мужскаго. Умершіе отъ моровой язвы яда, бѣшенства и эпидемическихъ болѣзней, удобнѣе оживаютъ, вѣроятно потому, что ихъ кровь труднѣе сгущается и потому, что часто только обмершихъ въ эпидеміи скоро погребаютъ, чтобы не заразиться отъ нихъ, если ихъ не скоро погребать.

---

(1) Rudiger. Physio. Div. 1. 1. c. 1. Theophrast. Paracels Georg. Agricola de anim subterran. p. 76. (2) Ovid 1. 6 vide Delrio disquisit mag. 1. 1. p. 6 et 1. 3 p. 355.

Говорятъ еще, что вампиры извѣстны только въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ-то: въ Венгріи, Моравіи, Силезіи, гдѣ эти болѣзни болѣе обыкновенны, и люди питаясь дурною пищею, подъ вліяніемъ климата и пищи, суевѣрнаго воображенія и страха предрасполагаютъ себя къ этому, и подвергаются еще болѣе опаснымъ болѣзнямъ; ибо страхъ и воображеніе, какъ доказываетъ ежедневный опытъ, производятъ опасныя болѣзни и могутъ усиливать ихъ.

ГЛАВА XIV.

Дѣйствительно ли вампиры мертвые?

Нѣкоторые считаютъ всѣ разсказы о вампирахъ дѣломъ фантазіи, обольщенія, или болѣзни, извѣстной у Грековъ подъ именемъ Θραύσις, или сумасшествія (Tobsucht) и при помощи ея хотятъ всѣ явленія вампиризма объяснить. Но они не объясняютъ, какимъ образомъ эта болѣзнь мозга можетъ производить тѣ реальныя дѣйствія, какія разсказываются? Какимъ образомъ люди могутъ вдругъ повѣрить, что они видѣли то, чего никогда не было, и въ короткое время умираютъ отъ болѣзни собственнаго воображенія, которое открываетъ имъ, что такой-то вампиръ невредимъ, полнокровенъ и живетъ послѣ смерти во гробѣ? Какъ объяснить, что въ цѣломъ народѣ не найдется ни одного человѣка съ здравымъ разсудкомъ, который бы возвысился надъ ослѣпленіемъ?

Если эти мыслители нисколько не хотятъ вѣрить разсказамъ о явленіяхъ и поведеніи вампировъ, то они напрасно писали цѣлыя системы для объясненія

того, что существуетъ только въ фантазіи нѣкоторыхъ, зараженныхъ, предразсудками; если же все или, по крайней мѣрѣ, часть изъ разсказываемаго признать вѣрнымъ, въ такомъ случаѣ эти системы не успокоятъ умовъ, которые требуютъ болѣе основательныхъ доказательствъ.

Мы изслѣдуемъ, основательна ли система, предполагающая, что вампиры не дѣйствительно мертвые. Смерть есть отдѣленіе души отъ тѣла; душа безсмертна, а тѣло, по отдѣленіи отъ души, нѣкоторое время остается нетлѣннымъ, потомъ мало по-малу, чрезъ нѣсколько дней или въ теченіе долгаго времени, истлѣваетъ. Иногда оно остается нетлѣннымъ въ теченіи цѣлыхъ столѣтій, или вслѣдствіе крѣпкаго тѣлосложенія, какъ напр. у Александра Великаго, остававшагося нетлѣннымъ въ теченіе многихъ лѣтъ (1), или вслѣдствіе бальзамированія, или отъ свойства почвы, гдѣ погребено тѣло, которая, вслѣдствіе своей сухости и плотности, не пропускаетъ никакой жидкости, и такимъ образомъ удаляетъ главную причину тлѣнія. Всѣхъ этихъ причинъ нетлѣнія нѣтъ нужды доказывать, онѣ достаточно извѣстны каждому.

Иногда тѣло не мертвое и не бездушное представляется мертвымъ и бездыханнымъ, или, по крайней мѣрѣ, совершаетъ такія медленныя движенія и такъ

---

(1) Плутархъ, въ жизни Александра.

слабо дышетъ, что ни движенiй, ни дыханiя нельзя замѣтить, какъ это бываетъ при истощенiи и безсилiи въ извѣстныхъ, свойственныхъ женскому полу болѣзняхъ и экстазѣ.

Такого рода примѣровъ можно привести очень много. Плинiй упоминаетъ (1) о многихъ оживших. Напр. онъ упоминаетъ о юношѣ, который спалъ непробудно въ теченiе 40 лѣтъ. Философъ Епименидъ спалъ въ пещерѣ, по мнѣнiю однихъ, 40 или 47, а по мнѣнiю другихъ —57 лѣтъ. Какъ бы то ни было, но душа этого философа свободно могла оставить тѣло и потомъ опять возвратиться въ него. Тоже говорятъ и объ Аристеѣ съ острова Марморы, что въ Мраморномъ морѣ. Мы охотно соглашаемся, что все это -басни, но не можемъ отвергать того, что нѣкоторые оживали послѣ мнимой смерти чрезъ 5, 6, 7, 4 дня. Плинiй упоминаетъ о многихъ умершихъ, которые оживали послѣ погребенiя, только онъ не хотѣлъ объ этомъ разсуждать потому, что, какъ онъ самъ замѣчаетъ, онъ повѣствуетъ о естественныхъ явленiяхъ, а не о чудесахъ.

Плутархъ говоритъ, что Теспезiй, упавъ съ кровли, лишился жизни, но на третiй день по непонятной причинѣ ожилъ.

Августинъ упоминаетъ объ одномъ Каламскомъ священникѣ Преститутѣ, который до того пораженъ

(1) Plin. hist. natur. VII. 52.

былъ рыданiемъ плачущихъ (1), что впалъ въ иступленiе; онъ ничего не чувствовалъ и не дышалъ, тѣло его жгли и кололи, но оно было безчувственно, его душа была такъ занята рыданiемъ, что ничего болѣе не воспринимала (2).

Мужчины и женщины, впадавшiе въ экстазъ, оставались иногда продолжительное время безъ пищи, дыханiя и сердцебiенiя, какъ мертвые. Знаменитый аскетъ Таулеръ утверждаетъ, что экстатическое состоянiе можетъ продолжаться непрерывно недѣлю, мѣсяцъ и даже годъ. Одна аббатисса въ экстазѣ (Verzückung) лишилась естественныхъ функцiй и въ этомъ состоянiи оставалась 30 дней сряду безъ пищи и чувствъ. Въ изнеможенiи, въ безсилiи душа не обнаруживаетъ своей дѣятельности, хотя и остается въ тѣлѣ и живитъ его (3).

(1) Plutarch. de sera numinis vindicta.—(2) August lib. 14 de civitate Dei, cap. 24. —(3) Калметъ хочетъ доказать здѣсь, что разсказы о вампирахъ не произведенiя одной фантазiи, а что они имѣютъ реальное основанiе въ томъ, что часто мнимо умершихъ считаютъ дѣйствительно умершими и потомъ вампирами.

ГЛАВА XV.

Экстатическое (Verzückung) и оцѣпенѣлое состояніе людей и животныхъ (1).

Многія женщины по нѣскольку дней находились въ истерическомъ состояніи и при этомъ лишались

(1) Калметъ въ этой главѣ говоритъ объ экстатическомъ состояніи, свѣдѣнія о которомъ, въ его время,—что очень естественно—были поверхностны въ общихъ чертахъ. Изъ этихъ экстатическихъ состояній онъ обращаетъ особенное вниманіе только на оцѣпенѣлость и нечувствительность экстатическихъ индивидуумовъ ко всему, что кругомъ ихъ совершается. Послѣ этого не удивительно, что онъ къ категоріи этихъ явленій относитъ и прекращеніе жизнедѣятельности у многихъ животныхъ въ извѣстныя времена года. Мы не станемъ распространяться здѣсь о сущности экстаза и его различныхъ формахъ; свойства его извѣстны уже читателямъ изъ примѣчанія къ главѣ, гдѣ говорили мы объ экстазѣ и смертельномъ обморокѣ. Авторъ упомянутаго нами сочиненія, Wahrheiten in Volksaberglauben nebst Untersuchungen über das Wesen der Mesmerismus—Докторъ Герберть Майо, со взглядомъ котораго мы впрочемъ не согласны, представляетъ для объясненія экстаза такое основаніе: „каждая духовная сила, говоритъ онъ на стр. 87-й, имѣетъ свое опредѣленное мѣсто и сѣдалище въ нашемъ организмѣ. Новѣйшимъ физіологамъ удалось опредѣлить, съ какими особенными ча-

чувствъ и языка, сердцебіеніе прекращалось. Галенъ упоминаетъ объ одной женщинѣ, которая шесть

стями нервной системы каждый духовный аффектъ соединенъ функціально..... Каждая духовная сила имѣетъ свой особенный органъ, или свою собственную лабораторію въ нервной системѣ. На стр. 95-й, на вопросъ, что такое экстазъ? онъ замѣчаетъ: „предварительно мы замѣтимъ, что основаніе экстаза состоитъ въ обнаруженіи ненормальнаго отношенія духа и нервной системы. Во всѣхъ почти его формахъ видно, что нѣкоторыя духовныя функціи не имѣютъ болѣе своего сѣдалища въ свойственныхъ имъ опредѣленныхъ органахъ. Отъ часто повторяющихся перемѣнъ этого рода прекращается дѣятельность органовъ ощущеній. Естественнымъ и самымъ обыкновеннымъ слѣдствіемъ этого бываетъ совершенное притупленіе слуха и зрѣнія. Если же паціентъ въ экстазѣ бодрствуетъ, то въ награду за потерю эти чувства выражаютъ свою дѣятельность въ другихъ органахъ, или обнаруживаютъ какой нибудь неясный образъ (modus) общаго воспріятія.“ Стр. 88, V: Принявъ за несомнѣнное, что духъ есть принципъ отличный и отдѣльный отъ матеріи, мы легко поймемъ, что человѣческая душа можетъ стать къ тѣлу въ новое необыкновенное ненормальное отношеніе. Изъ различныхъ формъ экстатическаго сна особенно отличаются съ одной стороны смертельный экстазъ, продолжительный экстазъ и простой или начальный экстазъ, съ другой стороны изъ различныхъ формъ экстатическаго бодрствованія особенно выдаются полубодрственный экстазъ, или сомнамбулизмъ и бодрственный экстазъ: Письма V, VII и VIII, изъ сочиненія Доктора Герберта Майо; а также книга: „Die Tyroler ekstatischen jungfrauen, Leitsterne in die dunkeln Gebiete der Mystik.“ 2 Bde, Regensburg 1843. Verlagvon Georg Joseph Mang. *Примѣч. нѣмецкаго переводч.*

дней находилась въ подобномъ состояніи (1). Нѣкоторые въ истерикѣ оставались по 10 дней безъ движенія и чувствъ, безъ дыханія и безъ всякой пищи.

Нѣкоторые словно мертвые необнаруживали признаковъ жизни, тогда какъ все слышали и понимали что говорили другіе,—и употребляли всѣ усилія заговорить и доказать что они живы, но, не смотря на это, они не могли ни говорить, ни обнаруживать какихъ бы то ни было признаковъ жизни (2).

Іеронимъ Корданъ говоритъ (3), что онъ произвольно впадалъ въ изступленіе, онъ не помнитъ, какъ самъ говоритъ, чувствовалъ ли онъ въ этомъ состояніи тяжелую тоску, или нѣтъ, но не чувствовалъ, какъ онъ увѣряетъ, ни ядовитыхъ ранъ, ни того, какъ таскали его. «Я слышу, говоритъ Корданъ, разговоръ подлѣ себя, но нисколько не понимаю его. И если я хочу впасть въ изступленіе, то я чувствую около сердца отдѣленіе души отъ тѣла, совершающееся чрезъ голову главнымъ образомъ и мозгъ, какъ чрезъ дверцу; послѣ этого я лишаюсь чувствъ и замѣчаю только, что я внѣ себя».

---

(1) Cf. Traite de l'incertitude des signes de la mort. t. 2. p. 404. 407.

(2) Incestitude des signes de la mort. t. 2. p. 504. 505. 506. 514. 515.

(3) Hieron. Cordanus, 1. 8. de variet. rerum c. 34.

Эти экстатическія состоянія могутъ стоять въ связи съ разсказами о Лапландцахъ (1), которые представлены нами въ изслѣдованіи «О явленіяхъ отшедшихъ душъ», въ главѣ тринадцатой.

Замѣтимъ здѣсь, что змѣи, мухи, соплнвая бѣлка и другія въ теченіе всей зимы словно мертвыя. Жабы, змѣи и устрицы могутъ жить заключенныя въ каменныхъ кускахъ въ теченіе многихъ лѣтъ и даже столѣтій. Кардиналъ де Рецъ въ своихъ мемуарахъ замѣчаетъ (2), что во время пребыванія его на островѣ Миноркѣ, правитель острова дозволилъ вытащить скалу изъ моря, въ которой (когда ее разбили) найдены живыя устрицы, оказавшіяся весьма вкусными.

На берегахъ Сициліи, Мальты, Сардиніи, Италіи и др. находятся улитки, называемыя каменными финиками потому, что онѣ по виду похожи на пальмовые финики. Пролѣзая въ камень чрезъ иголочныя отверстія и добывая внутри камня пищу, улитки вырастаютъ такъ, что не могутъ потомъ выдти оттуда, если не разбить скалы и не освободить ихъ. Вынувъ изъ камня, этихъ улитокъ моютъ, ихъ очищаютъ и солятъ. Имѣя видъ пальмоваго финика или пальца, эти улитки называются то финиками, то дактилями.

---

(1) Olaus mag. 1. 3. Epit. Hist. reptent. Perecer. de variis divinat. gener. 282.

(2) Memoires du Cardinal de Retz. t. 3. 1. 4. p. 297.

Нѣкоторыя лица могутъ, вовсе не дыша, оставаться долгое время въ водѣ.

Многіе умираютъ отъ сгущенія крови, которая коченѣетъ и твердѣетъ въ жилахъ у людей поѣвшихъ болиголова (schierlingskraut) и уязвленныхъ змѣей. Нѣкоторыхъ настигаетъ смерть при сильномъ волненіи крови, которое иногда случается отъ горячекъ, яда, моровыхъ болѣзней, а также у людей насильственно умершихъ или задохшихся въ водѣ.

Умершимъ отъ болѣзней перваго рода можно возвратить жизнь только чудеснымъ образомъ потому, что для возвращенія жизни умершимъ необходимо кровь сдѣлать жидкою и возстановить перистальтное (чревообразное) движеніе сердца. Умершихъ отъ болѣзней втораго рода можно иногда возвращать къ жизни и безъ чуда; стоитъ только для этого удалить препятствія, остановившія движеніе сердца подобно тому, какъ и маятникъ можно привести въ движеніе опять, если удалить чуждое тѣло, -волосъ или атомъ,—которое препятствовало движенію маятника.

ГЛАВА XVI.

Приложеніе приведенныхъ примѣровъ къ вампирамъ.

Если приведенные факты неоспоримы, то нельзя ли допустить, что вампиры, умершіе отъ горячки въ Венгріи, Силезіи и Моравіи, продолжали жизнь во гробахъ подобно животнымъ, о которыхъ мы говорили, и птицамъ, которыя прячутся въ озерахъ и болотахъ Польши и въ сѣверныхъ странахъ во время зимы, въ теченіе которой онѣ бездыханны, безчувственны и безжизненны? Жизнь, движеніе и дѣятельность возвращаются имъ при наступленіи весны, когда солнце нагрѣваетъ воду, или если приблизить ихъ къ умѣренному теплу. Онѣ оживаютъ и принимаются за прежнюю дѣятельность, пріостановленную на время холодомъ.

Точно также и вампиры возвращаются къ жизни въ своихъ гробахъ по истеченіи нѣкотораго времени, но душа покидаетъ ихъ совершенно уже послѣ разрушенія тѣла. Если органы тѣла истлѣютъ и разрушатся, то ихъ нельзя уже возвратить къ жизни; поэтому-то, чтобы отнять у души всякую возмож-

ность снова оживить тѣло и при посредствѣ его безпокоить живыхъ, народы упомянутыхъ странъ прокалываютъ вампирамъ сердце, отрѣзаютъ имъ голову и сожигаютъ ихъ тѣло.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что у казненныхъ и умершихъ отъ горячки растутъ волосы на головѣ и бородѣ и ногти, что тѣла ихъ мягки и гибки, и что ихъ кровь отдѣляетъ экскременты: все это возможно въ человѣческомъ тѣлѣ до тѣхъ поръ, пока продолжится въ немъ растительная жизнь. Если вѣрно то, что мертвые ѣдятъ во гробахъ все, что только попадетъ имъ подъ руку, то необходимо допустить, что они только мнимо умершіе, что оно живы, что они заживо погребенные, напр. въ бѣшенствѣ,—и опомнившись стараются высвободиться изъ несчастнаго состоянія, въ которое они поставлены во гробѣ. Но весьма трудно да и невозможно объяснить, какимъ образомъ вампиры, или заживо погребенные, выходятъ изъ гробовъ своихъ для того, чтобы безпокоить живыхъ, какимъ образомъ они снова возвращаются въ свои гроба?— вотъ вопросы, которые настоятельно требуютъ положительнаго отвѣта; между тѣмъ всѣ разсказы, какіе намъ извѣстны, представляютъ этотъ фактъ, какъ извѣстный, но не объясняютъ ни способа, какимъ онъ совершенъ, ни ближайшихъ обстоятельствъ его, тогда какъ на самомъ дѣлѣ все это самая необходимая и интереснѣйшая часть въ разсказѣ,—необходимая потому, что тогда видно было бы, что истинно и

что вымышленно въ разсказѣ, интересная потому, что только въ такомъ случаѣ видна была бы логическая нить, послѣдовательность и связь въ разсказываемомъ событіи.

Какимъ, въ самомъ дѣлѣ, образомъ зарытое на четыре или на пять футовъ тѣло въ землѣ, не имѣя возможности и мѣста даже свободно двигаться, будучи завернуто тщательно въ холстъ и заключено въ гробѣ, можетъ выходить изъ гроба, не разрывая земли, и какъ, въ самомъ дѣлѣ, и съ какою цѣлію можетъ производить всѣ тѣ дѣйствія, которыя приписываютъ обыкновенно вампирамъ? Какимъ образомъ можетъ возвратиться во гробъ, въ которомъ находятъ его здоровымъ, полнымъ крови и свѣжимъ, часто съ блестящими глазами,—словно живое? Нѣкоторые думаютъ, что эти тѣла проникаютъ чрезъ землю, не раскапывая ее, какъ вода и пары, которые проходятъ въ землю и изъ земли безъ видимаго измѣненія ея частицъ. Желательно, чтобы эти разсказы о возвращеніи вампировъ были объяснены лучше.

Недавно очень образованный священникъ разсказывалъ, что онъ на пути изъ Жанина (Jeanin) пригласилъ къ себѣ каноника Ольмюцской церкви и проводилъ его въ деревню Либаву, въ которую онъ былъ назначенъ коммиссаромъ отъ Епископской Консисторіи для произведенія слѣдствія о вампирѣ, который за нѣсколько до этого лѣтъ безпокоилъ Либавянъ.

Начали производить слѣдствіе, потребовали показаній и повели дѣло обыкновеннымъ порядкомъ. На слѣдствіи показали, что вампиръ безпокоилъ жителей Либавы по ночамъ, что онъ выходилъ изъ гроба, и являлся во многихъ домахъ. Три или четыре года тому назадъ кончились его шалости, когда приглашенъ былъ одинъ знаменитый Венгерецъ съ цѣлію положить конецъ похожденіямъ вампира. Венгерецъ влѣзъ на церковную башню и выжидалъ, когда вампиръ выйдетъ изъ гроба, оставивъ на немъ свое покрывало, и отправится въ деревню безпокоить жителей. Какъ только Венгерецъ замѣтилъ, что вампиръ вышелъ изъ гроба, онъ спустился съ башни, схватилъ покрывало вампира и опять влѣзъ на башню. Возвратившись съ своихъ похожденій и не нашедши одежды, вампиръ закричалъ на Венгерца, но тотъ отвѣчалъ съ башни, что если онъ желаетъ получить свое платье, то долженъ идти за нимъ на башню. Вампиръ поднялся на башню, но Венгерецъ сбросилъ его, ударивъ топоромъ по головѣ, и тѣмъ покончилъ дѣло.

Ни разсказчикъ этой исторіи, ни посланный капоникъ ничего не видѣли; свѣдѣнія объ этомъ фактѣ переданы имъ жителями деревни, невѣждами преданными суевѣрію и предразсудкамъ.

Если же все сказанное о вампирахъ нелѣпыя выдумки, то чѣмъ больше противорѣчія въ этихъ разсказахъ тѣмъ болѣе доказательствъ въ подтвержденіе нашего сужденія объ этомъ предметѣ.

ГЛАВА XVII.

Заключеніе трактата.

Мы показали, что утопшіе, впавшіе въ обморокъ, изступленіе, или мнимо умершіе могутъ быть спасены отъ смерти или возвращены къ жизни помощію медицинскихъ средствъ или выжидающимъ терпѣніемъ, пока природа опять возвратится въ прежнее состояніе,—сердце станетъ биться, кровь начнетъ свою циркуляцію въ артеріяхъ и венахъ, и жизнь возвратится въ нервы.

Замѣтимъ также, что вампиры Венгерскіе, Моравскіе, Польскіе, Силезскіе и другіе, о которыхъ наговорено столько чудесъ, — только обманъ и произведеніе разстроеннаго воображенія и предразсудковъ. Къ произведеніямъ фантазіи относятся также всѣ разсказы о возвращеніи вампировъ въ міръ, о явленіи ихъ, о безпорядкахъ, производимыхъ ими въ деревняхъ, о замученныхъ ими лицахъ, у которыхъ они сосали кровь и т. д. Нельзя указать ни на одного свидѣтеля умнаго, серьезнаго и не предубѣжденнаго, который бы могъ сказать, что онъ дѣйствительно видѣлъ вампира, ощущывалъ и изслѣ-

довалъ его, или который бы могъ подтвердить дѣйствительность этихъ возвращеній и приписываемыхъ имъ дѣйствій.

Мы не отвергаемъ, что многіе умирали изъ страха, обманутые своимъ воображеніемъ, что видятъ своихъ умершихъ родственниковъ, которые приглашали ихъ къ себѣ во гробъ. Нѣкоторые утверждали, что вампиры стучались къ нимъ въ дверь, мучили и безпокоили ихъ, или вносили въ домъ смертоносныя болѣзни; но когда ихъ разспрашивали, они отвѣчали только, что видѣли и слышали только то, что можетъ создать разстроенное, больное воображеніе. Между тѣмъ намъ нужны свидѣтели не предубѣжденные, не запуганные, безпристрастные,—словомъ такіе, которые бы по зрѣломъ обсужденіи увѣрили, что видѣли, слышали и спрашивали вампировъ. Далѣе, если бы намъ представили даже доказательство дѣйствій вампировъ, то и тогда мы останемся при прежнемъ убѣжденіи, что этихъ дѣйствій, совершенныхъ вампирами, вовсе не было.

Теперь предъ нами лежитъ письмо отъ 3 Февраля 1745 г. изъ Варшавы, писанное П. Сливицкимъ, визитаторомъ провинціи Перки. Въ этомъ письмѣ онъ сообщаетъ, что намѣренъ писать богословское и физическое изслѣдованіе о вампирахъ, предварительно изслѣдовавъ строго предметъ, и собралъ для этой цѣли много мемуаровъ. Но должность визитатора и начальника конгрегаціи въ Варшавѣ не позволяетъ

ему привести въ исполненіе свое намѣреніе. Спустя нѣсколько времени напрасно онъ искалъ эти мемуары; они остались вѣроятно въ рукахъ друзей, которые брали ихъ для чтенія. Въ числѣ этихъ мемуаровъ были два опредѣленія Сорбонны, которыми запрещалось отсѣкать головы вампирамъ и издѣваться надъ ихъ трупами. Эти опредѣленія можно видѣть, по словамъ Сливицкаго, въ указахъ Сорбонны 1700—1710 г.

По замѣчанію Сливицкаго, въ Польшѣ такъ убѣждены были въ существованіи вампировъ, что всѣ отвергавшіе ихъ считались чуть не еретиками. Въ опроверженіе вампировъ онъ приводитъ много фактовъ неоспоримыхъ и много доказательствъ неопровержимыхъ. «Я, говоритъ онъ, рѣшился во что бы то ни стало дойти до самыхъ источниковъ, изъ которыхъ выходили эти разсказы; я обращался къ тѣмъ, на которыхъ ссылались, какъ на очевидцевъ, и теперь дѣло дошло до того, что никто не рѣшился утверждать, будто видѣлъ вампировъ, и всѣ начинаютъ убѣждаться въ томъ, что всѣ разсказы о такъ называемыхъ вампирахъ не болѣе какъ бредни и фантазіи, основанныя на страхѣ и неосновательныхъ рѣчахъ». Такъ писалъ къ намъ (Кальмету) этотъ серьезный и умный священникъ.

Мы имѣемъ еще одно письмо отъ барона Тюссена (Toussaint) изъ Вѣны, отъ 3 Августа 1746 г. Баронъ пишетъ, что Е. И. Величество, будучи еще коро-

лемъ Тосканскимъ, производилъ много процессовъ о фактахъ, совершившихся въ Моравіи; я не разъ читалъ ихъ и на дѣлѣ, не видѣлъ въ нихъ и тѣни истины, ни вѣроятности утверждаемаго. Между тѣмъ въ этой землѣ смотрятъ на эти акты, какъ на несомнѣнную истину.

Мы уже представили выше возраженія противъ того, будто вампиры выходятъ изъ гробовъ и возвращаются назадъ, не разрывая земли. Красная и жидкая кровь и гибкость членовъ вампировъ не удивительнѣе ращенія ногтей и волосъ и нетлѣнія тѣла; мы почти ежедневно видимъ трупы, не обнаруживающіе никакихъ признаковъ тлѣнія и сохраняющіе красный цвѣтъ кожи. Это весьма естественное явленіе у скоропостижныхъ полумертвыхъ, или у людей, умершихъ отъ извѣстныхъ болѣзней, не лишающихъ крови жидкости и членовъ гибкости. Ращеніе волосъ и ногтей въ неистлѣвшемъ еще трупѣ весьма естественно: въ трупѣ продолжается еще медленная, незамѣтная для наблюденія циркуляція соковъ, поддерживающая это ращеніе, подобно тому, какъ циркуляція соковъ поддерживаетъ растительность въ растеніяхъ.

Убѣжденіе Грековъ о возвращеніи бруколаковъ также нелѣпо, какъ и убѣжденіе Моравовъ о существованіи вампировъ. Только невѣжество, суевѣріе и страхъ вызвали въ Грекахъ эту вѣру, ничтожную и слѣпую, до сихъ поръ поддерживаемую ея поклонниками. Разсказы о бруколакахъ, по словамъ очевидца и умнаго философа Турнефора, поддерживаются обольщеніемъ и обманомъ защитниковъ ихъ. Всѣ разсказы объ умершихъ, хрюкавшихъ въ гробахъ, на столько нелѣпы, что не заслуживаютъ серьезнаго вниманія и опроверженія. Всѣ и каждый согласятся, что очень часто погребаютъ недѣйствительно умершихъ, это доказываетъ древняя и новая исторія многими примѣрами. Тезисы Винслу и примѣчанія къ нимъ Бругера ясно доказываютъ, что другихъ признаковъ истинной смерти, кромѣ начинающагося гніенія и дурнаго запаха трупа, очень немного. Безконечно многіе опыты показываютъ, что часто мнимо умершіе оживали уже послѣ погребенія ихъ. Сколько такихъ болѣзней, въ которыхъ больной лежитъ безъ языка, движенія и дыханія! А развѣ мало утопшихъ, признанныхъ умершими, которые потомъ оживали, когда открывали имъ кровь?

Все это извѣстно и объясняетъ, почему нѣкоторые вампиры, вырытые изъ могилы, говорили, кричали, рыдали и т. п.,— потому что были еще живы. Съ ними поступали въ высшей степени несправедливо, ихъ умерщвляли и сожигали, отсѣкали имъ головы и пробивали сердце. И все это плодъ невѣжества и заблужденія: суевѣры, принимая этихъ несчастныхъ за олицетвореніе ихъ фантазіи,—за вампировъ, боялись, что они станутъ безпокоить ихъ и вредить имъ. Не безчеловѣчно ли поступать такъ съ этими вампирами, утверждаясь только на такомъ состояніи, которое возможно съ каждымъ?

Нѣтъ ничего не основательнѣе, какъ разсказы о явленіяхъ и злодѣйствахъ вампировъ.

Въ заключеніе не можемъ не высказать сожалѣнія, что умныя и гуманныя опредѣленія Сорбонны, запрещавшія кровавыя и жестокія экзекуціи подъ вампирами, не смотря на ея міровую власть и могущество ея авторитета, были не поняты современниками и не имѣли, такимъ образомъ, благодѣтельнаго вліянія.

Еписк. Паисій.
1871, Ноября 25.
Кострома

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть III.

стран.

О вампирахъ. Собраніе анекдотовъ, разсказовъ, повѣрій и суевѣрій о вампирахъ венгерскихъ, моравскихъ и богемскихъ, и о брукoлакахъ 3

ГЛАВА 1. Оживленіе мнимо-умершихъ. Преданіе объ Аристоѣ Проконезскомъ 5

ГЛАВА 2. Явленіе одной дѣвушки спустя семь мѣсяцевъ послѣ ея погребенія. — Разсказъ объ одной женщинѣ, которая была вырыта живою изъ могилы 6

ГЛАВА 3 Разсказы о вампирахъ моравскихъ Венгерскихъ 15

ГЛАВА 4. Мертвецы венгерскіе, высасывавшіе кровь у живыхъ 20

ГЛАВА 5. Мнѣніе о вампирахъ автора Іудейскихъ писемъ 26

ГЛАВА 6 Мнѣніе Голландскаго журнала „Glaneur". 29

ГЛАВА 7. Разсказъ о вампирахъ изъ Меркурія за 1693 и 1694 годы. Предположенія Голландскаго журнала „Glaneur" за 1733 г. № IX. Два письма о вампирахъ 34

ГЛАВА 8. Саги объ умершихъ въ сѣверныхъ странахъ: Англіи и Лапландіи 42

стран.

ГЛАВА 9. Народныя повѣрія о пораженныхъ громомъ и такъ называемыхъ бруколакахъ.— Разсказъ о бруколакѣ на островѣ Мико. 46

ГЛАВА 10. Различныя системы для объясненій явленія вампировъ. 55

ГЛАВА 11. Заживо погребенные и утонувшіе, принятые мертвыми, которые опять ожили . . 62

ГЛАВА 12. Мертвые, хрюкавшіе въ гробахъ какъ свиньи и грызшіе свое тѣло. 72

ГЛАВА 13. Вампиръ въ Венгріи. 74

ГЛАВА 14. Дѣйствительно ли вампиры мертвые? . . 78

ГЛАВА 15. Экстатическое (Verzückung) и оцѣпенѣлое состояніе людей и животныхъ 82

ГЛАВА 16. Приложеніе приведенныхъ примѣровъ къ вампирамъ 87

ГЛАВА 17. Заключеніе трактата 91

45189